

Нина Павлова

ПАСХА КРАСНАЯ

О трех Оптинских новомучениках, убиенных на Пасху 1993 года

Нина Павлова

ПАСХА КРАСНАЯ

О трех Оптинских новомучениках убиенных на Пасху 1993 года

«Молитесь за монахов — они корень нашей жизни. И как бы ни рубили древо нашей жизни, оно даст еще зеленую поросль, пока жив его животворящий корень».

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

ДВЕ ТЫСЯЧИ ДЕСЯТЫЙ ГОД ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Наместнику Оптиной Пустыни
Архимандриту Венедикту

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Разделяю с Вами и с братией обители пасхальную радость!
Вместе с вами разделяю и скорбь по поводу трагической гибели трех насельников Оптиной пустыни.
Молюсь о упокоении их душ.
Верю, что Господь, призвавший их в первый день Святого Христова Воскресения через мученическую кончину, соделает их участниками вечной Пасхи в невечернем дни Царствия Своего.
Душой с вами и с братией.

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ II
Телеграмма от 18 апреля 1993 года.

ОТ АВТОРА

Господи, благослови!

Начну с признания, стыдного для автора: я долго противилась благословению старцев, отказываясь писать книгу об Оптинских новомучениках по причине единственной — это выше моей меры, выше меня. Непослушание — грех, и старец предсказал: «Полежишь полгода пластом, а тогда уж захочешь писать». Вот и дал мне Господь епитимью за непослушание — я надолго слегла и не могла исцелиться, пока не взмолилась о помощи Оптинским новомученикам, решившись, наконец, писать.

«Пиши, как писала прежде», — так благословил меня на труд архимандрит Кирилл (Павлов), подсказав тем самым жанр этой книги: не житие — я никогда не писала их, но летопись событий. А складывалась летопись так — в 1988 году Господь привел меня паломницей в Оптину пустынь, и с тех пор я живу здесь, став очевидцем тех событий, о которых и попыталась рассказать на основе дневников этих лет. Такую Оптинскую летопись вел век назад православный писатель Сергей Нилус, и жанр этот достаточно традиционен.

Еще одно пояснение. В православной литературе принято по смирению скрывать свое имя, но в мартирологии особый чин свидетеля. В первые века христианства мучеников, пострадавших за Христа, причисляли к лику святых без канонизации — по свидетельским показаниям очевидцев, тоже нередко становившихся мучениками. В мартирологии отсутствует свидетель аноним или свидетель боязливый. Вот почему в книге присутствуют имена очевидцев жизни и подвига трех Оптинских новомучеников.

По благословению духовного отца я тоже поставила под рукописью свое имя, хотя все это не мое, и я лишь собиратель воспоминаний о новомучениках и рукописей, оставшихся от них. Помню, какую радость пережила я вместе с оптинской братией, когда удалось найти и вернуть в монастырь дневник убиенного иеромонаха Василия. К сожалению, рукописи новомучеников разошлись после убийства по рукам, и до сих пор не найден дневник инока Ферапонта.

Благодарю Господа нашего Иисуса Христа, пославшего мне в помощь высокочтимых отцов — игуменов, иеромонахов, протоиереев, соучаствовавших в доработке рукописи и исправлении допущенных мною неточностей. Простите меня, о. Василий, о. Трофим, о. Ферапонт, если по немощи духовной написала о вас что-то не так, и молите Господа о нас, грешных, да ими же веси судьбами спасет души наша!

Н. Павлова,
член Союза писателей России

Часть первая

«ВОССТА ИЗ МЕРТВЫХ ЗЕМЛЕ ОПТИНСКАЯ, ЯКО ИНОГДА ЛАЗАРЬ ЧЕТВЕРОДНЕВНЫЙ...»

НАЧАЛО

«Крапива выше меня ростом растет у стен монастыря», — писал в дневнике летом 1988 года новый оптинский паломник Игорь Росляков. Росту же в новом паломнике было под два метра, и крапива в то лето действительно впечатляла. Оптина пустынь лежала еще в руинах и выглядела как после бомбежки — развалины храмов, груды битого кирпича и горы свалок вокруг. А над руинами щетинились непроходимые заросли — двухметровая крапива и полынь.

Разруха была столь удручающей, что местные жители признавались потом, что в возрождение Оптиной никто из них не верил. И если до революции в монастыре действовало девять храмов, то теперь картина была такая. От храма в честь иконы Казанской Божией Матери остались только полуобвалившиеся стены — ни окон, ни дверей, а вместо купола — небо. Когда храм был поцелее, в нем держали сельхозтехнику. Въезжали прямо через алтарь.

От церкви в честь Владимирской иконы Божией Матери не осталось и следа. Разрушению храма предшествовал один случай. Местные жители превратили храм в хлев, подметив закономерность: в дни великих церковных праздников животные начинали метаться по храму, как бесноватые. Однажды в Чистый Четверг корова местных жителей С. забесновалась с такой силой, что вызванный по «скорой» ветеринар поставил необычный для животного диагноз: «корова сошла с ума». В Страстную Пятницу корову пристрелили, а храм разобрали на кирпичи. Кстати, та же участь постигла церковь Всех Святых с прилегающим к ней братским кладбищем, и на месте кладбища построили дачи, прямо поверх гробов.

Старинный кирпич был в цене — прочный, красивый. И поражавшие всех поначалу следы «бомбежки» монастыря — это работа добытчиков кирпича. Они приезжали сюда бригадами, прихватив автокраны для погрузки мраморных надгробий и крестов с могил. Местные умельцы смекнули, что если делать из мрамора «стулья», то есть опоры для пола, то ведь такому материалу сноса нет. Для удобства перевозки надгробья обтесывали, случалось, на месте. И в год открытия Оптиной у обочины дороги валялся обломок надгробья с надписью: «Возлюбленному брату о...» Как твое имя, наш возлюбленный брате? Тайну этого имени знают теперь лишь хозяева дома, где опорой для пола и семейного счастья служит, страшно подумать, могильный крест.

Разоряли могилы братии уже в наши дни — на глазах послевоенного поколения. А в год открытия Оптиной местная газета «Вперед» часто публиковала возмущенные сообщения жителей о случаях вандализма на городском кладбище. Вот одно

из таких сообщений — подростки, разорив могилы, бросали черепа в окна близлежащих домов.

— Ну, откуда такие берутся?! — негодовали люди, забывая при этом, что у нынешних молодых святотатцев есть свои предтечи — осквернители могил.

Относительно целее других в 1988 году был Свято-Введенский собор, где прежде размещались мастерские профтехучилища, а в одном из приделов храма стоял трактор, от которого работал движок, дававший свет поселку. Что сталось с настенной росписью храма от тракторных выхлопов и копоти — легко себе представить. Уцелели лишь фрагменты фресок, да и то чудом, ибо уничтожение настенной росписи храмов началось сразу после закрытия монастыря.

Рассказывает бабушка Дорофея из деревни Ново-Казачье: *«После революции в Оптиной пустыни открыли дом отдыха. И вот собрали нас, местных ребятишек, дали деньги, подарки и дали скребки, велев соскребать со стен храмов лики святых. Директор дома отдыха был с нами ласковый и все гладил нас по головке, приговаривая: «Вы уж старайтесь, детки, старайтесь». А мы, несмышленые, и рады стараться! Я еще маленькая была — до ликов мне было не дотянуться. Но отскребла я тогда ножки у святого и сама, почитай, лишилась ног: с той поры ногами болею и всю жизнь хромоногой живу. Но я болезни моей, верьте, радуюсь и лишь Бога благодарю. Болят мои ножки, а растет надежда: может, помилует меня Господь?»*

А еще местные жители рассказывали: когда после революции в Оптиной жгли костры из икон и в огонь бросили Распятие, то из Креста — все видели — брызнула кровь.

«Когда в монастырь приехали первые монахи,— рассказывал местный житель Николай Изотов,—

то мы в изумлении смотрели на них: какие-то бородатые мужики в рясах. Ну, прямо дореволюционное кино!» Первых монахов было мало. И в лето 1988 года братия монастыря состояла из отца наместника, двух иеромонахов, двух иеродиаконов и четырех послушников, к которым вскоре присоединился москвич Игорь Росляков, ставший одним из первых оптинских летописцев.

К сожалению, написанная им летопись с годами была утеряна. Но позже был найден его монашеский дневник, где о главных событиях тех лет рассказывалось уже на языке стихир:

«Восста из мертвых земле Оптинская, яко иногда Лазарь четверодневный; прииде Господь по мольбам отцев преподобных на место погребения ея и рече: Гряди вон. Восста пустынь и на служение исшед, пеленами обвита...»

Вот воистину исторический день, когда «восста пустынь». 3 июня 1988 года, на праздник Владимирской иконы Божией Матери, в Надвратном храме в Ее честь в Оптиной пустыни свершилась первая Божественная литургия.

В крохотный Надвратный храм вместились тогда немногие. Большинство богомольцев стояло во дворе, а среди них местная жительница, покойная ныне бабушка Устина Дементьевна Гайдукова.

Рассказ Устины Дементьевны Гайдуковой: *«Помню, вернулся из лагеря наш оптинский батюшка иеромонах Рафаил (Шейченко). Худющий, как тень, — одни глаза на лице. «Батюшка, — говорю ему, — тоска мне без церкви, тошно без Оптиной! И хочу я отсюда бежать». — «Нет, — говорит, — Устя, оставайся здесь. Оптину нашу, запомни, откроют, и ты до этого дня доживешь».*

После этого разговора прошло почти сорок лет, и молодая женщина превратилась в согбен-

ную бабу Устю. И когда с одышкой от старости она пришла на первую Божественную литургию, то закручинилась сперва при виде руин, не веря ни в какое возрождение: в Свято-Введенском соборе вместо пола — разъезженная тракторная колея, а в Надвратном храме выщербленные стены и вместо иконостаса — фанера. «Разве это наша красавица Оптина?» — горевала бабушка, вспоминая белоснежные храмы над рекой с золоченым виноградьем иконостасов.

Но вот свершилась первая Божественная литургия — и такая волна благодати ударила вдруг в сердце, что незнакомые люди, как родные, бросились обнимать друг друга. А бабушка Устя заплакала, восклицая в голос: «Дожила! Дожила! А я-то не верила. Господи, слава Тебе, дожила!»

В этот же день в далеком Гомеле прозорливая старица схимонахиня Серафима (Бобкова) также восславила Бога, сказав: «Дожила!» Она была еще послушницей из Шамордино, когда в 1931 году умиравший в ссылке преподобный Оптинский старец-исповедник Никон предрек ей перед смертью, что она доживет до открытия Оптиной и вернется в родное Шамордино. С тех пор прошло 57 лет, и в год открытия Оптиной пустыни старице Серафиме было уже 103 года, а в 105 лет она вернулась в родное Шамордино.

Не потому ли Господь даровал дивное долголетие этим двум вестницам, чтобы явить нам силу пророчеств исповедников и новомучеников Российских? Оптина начиналась с чуда исполнения пророчества и со многих других чудес. Сохранился записанный на магнитофон рассказ Игоря Рослякова об Оптиной той поры: «Благодать такая, что ноги земли не касаются. У колодца преподобного Амвросия исцелилась женщина, но скрывала спер-

ва. Боялась говорить». Словом, шел такой поток чудотворений, что вкратце не расскажешь. Но вот хотя бы некоторые истории тех лет.

Рассказывает паломник Николай Ребров: *«Гостиницы у Оптиной тогда не было, и паломники ночевали в храме. Один паломник постелил матрас как раз под иконой Божией Матери, но одеяла ему не досталось, и он от холода не мог уснуть. И вот подошла к нему среди ночи Монахиня и укрыла теплым платком. Проснулся он утром, ищет, кому бы отдать платок, и вдруг как побежит. Подбежал ко мне, на одной ножке скачет и три раза вокруг меня обежал. Я опешил: «Брат, что с тобой?» А он говорит вне себя от радости: «Я же хромой был! Понимаешь? А теперь и бегать, и прыгать могу». Отослали этого паломника к старцу, а старец сказал, что Монахиня эта была сама Божия Матерь».*

А вот другая история. Однажды в Оптину приехали космонавты, разыскивавшие даже не монастырь, но ту точку пересечения координат, где над землей вздымался в небо столп света. Они засняли из космоса это свечение, а позже подарили обители многократно увеличенную фотографию, где уже различимы монастырь и скит. Это Оптина, она еще в руинах, но источает земля благодатный свет.

Эту святую землю навсегда полюбил послушник Игорь, славя ее в своем дневнике:

«Радуйся, Кана Галилейская,
начало чудесам положившая,
Радуйся, пустынь Оптинская,
наследие чудотворства приявшая...»

Разрозненные стихиры из дневника Игоря собрали потом воедино, и получился своего рода акафист Оптиной пустыни или поэтическая летопись

ее. Это редкий жанр духовной поэзии, где слово несет в себе точность документа. И первые насельники Оптиной могут подтвердить — здесь ничего не вымышлено, все так и было, а в поэтических образах узнаваема духовная реальность тех лет. Вот, в частности, рассказ о событиях, стоящих за строкой: «Радуйся, Кана Галилейская...»

* * *

Кана Галилейская — это, говоря на языке земных понятий, брачный пир неимущих людей, ибо у них для свадьбы вина недостает. Но сидят с ними на пиру Господь и Божия Матерь, и молит Господа Матерь Его: «Вина не имут».

Как созвучен этот пир Оптиной первых лет — бедность и нехватка во всем! Повара в трапезной, например, ежедневно ломали голову, что сготовить на обед и ужин, если отец келарь выдает на день пол-литра постного масла на всех и лишь перловку в неограниченном количестве. Постное масло в 1988 году было очень дешевое — 80 копеек поллитра. Но монастырь строился и экономили на всем. Вспоминаются простодушные слова паломника-трудника тех лет: «Эх, скорей бы праздник. Картошечки поедим!» Своей картошки и овощей у монастыря тогда не было. Картофель берегли на суп, выдавая порой по горстке на чан или, как говорили повара, «для аромата». Зато на Господни праздники отец келарь победоносно распахивал подвал, устраивая для оптинцев «велие утешение» — картофельный пир.

Помню, в трудный момент щедрую помощь монастырю предложила богатая антиправославная организация. Когда отцу наместнику сообщили об этом, он даже отшатнулся, сказав: «Нет, нам не всякие деньги нужны. Есть такие деньги, что рухнет

стена храма, построенная на них, — это проверено». Монастыри строят иначе. А чтобы стало понятно как, приведем одну шамординскую историю, пояснив предварительно: в 1990 году государство передало Шамордино Оптиной пустыни. Это позже здесь возник самостоятельный монастырь — Казанская Свято-Амвросиевская пустынь. А тогда все было иначе, и восстанавливать руины Шамордино начинали оптинские монахи да малая горстка шамординских сестер.

Так вот, однажды автору этих строк нанесла странный визит благочинная Шамординского монастыря монахиня А. Заехала на машине и тут же ушла в сад, пряча залитое слезами лицо. Выяснить причину слез не удалось, ибо благочинная уже села в машину, сказав напоследок: «На почту, что ли, съездить?» А вскоре уже с почты шамординская машина на большой скорости мчалась в монастырь. Это удивило — монастырские обычно ездят потише. Но вот события этого дня, о которых стало известно чуть позже.

Монастырю для реставрации храма нужен был старинный кирпич. Возни с нестандартным кирпичом много, и никто не брался изготовить его. Но один завод принял заказ, ибо рабочие уже несколько месяцев не получали зарплату, а Шамордино обещало заплатить за кирпич, как только его доставят в монастырь. И вот с завода известили, что кирпич уже везут в монастырь, а стало быть, приготовьте деньги для расчета. И Шамордино обмерло, не имея в тот день ни рубля. Всю неделю перед этим благочинная с утра и до поздней ночи ездила по благотворителям, выручавшим обитель в трудный момент. Но тут ни в Оптиной, ни в других местах денег не было.

Машины с кирпичом уже подъезжали к Шамордино, когда благочинная, не выдержав, уехала из монастыря. Как взглянуть в глаза этим людям, чьи семьи ждут денег от кормильцев? Вот тогда и укрылась монахиня в саду, пряча залитое слезами лицо.

Все Шамордино молилось уже слезной молитвой. Архитекторы и насельницы, распродавшие для строительства храма все свое личное имущество, вплоть до московских квартир, не стесняясь, взывали в голос: «Царица Небесная, Ты же видишь, как нам нужен кирпич! Божия Матерь, не оставь, помоги!» Машины уже въехали в монастырь, и приезжие начали разгружать кирпич — при общем гробовом молчании. Никто не решался сказать: «Простите, остановитесь — нам нечем вам заплатить». И тут на большой скорости влетела в монастырь машина с благочинной, достающей из сумки пачки денег. Именно в этот день и час на почту пришел перевод от неизвестного благодетеля с суммой, необходимой для уплаты за кирпич.

Такова Кана Галилейская — это брачный пир неимущих людей, но молит за них Господа сама Божия Матерь. Это Ее предстательством и Божией силою восстают из руин монастыри. И в дневнике послушника Игоря написано об этом так:

«Видя Господь Матерь Свою, яко вдовицу плачущу об обители умершей, милосердова о ней и рече: не плачи. И приступль коснуся врат монастырских; восста пустынь и начат глаголати и даде ея Матери Своей. Страх же объят вся и славяху Бога глаголюще: яко посети Бог людей своих ради печали Матерней».

Приведем еще одну запись из дневника Игоря Рослякова: «17 ноября 1988 года. Икона Казанской Божией Матери и икона преподобного Амвросия

источали миро. Матерь Божия, укрепи нас! Старец Святый, заступись за обитель!»

Вот как это было. В ночь с 16 на 17 ноября взволнованный дежурный по храму сообщил отцу наместнику: «Батюшка, Казанская мироточит!» Братия и паломники побежали в храм, и по дивному благоуханию обнаружилось, что мироточит еще и икона преподобного старца Амвросия. Мироточение было обильным и длилось весь день.

17 ноября 1989 года икона Казанской Божией Матери мироточила снова. 17 ноября 1990 года мироточение повторилось. И каждый раз именно 17 ноября. В монастыре пересмотрели все святцы и древние Минеи, доискиваясь: а может, на этот день приходится какой-то забытый ныне праздник? Отгадка нашлась в архиве монастыря. Случайно достали папку с бумагами, и высветилась дата — именно 17 ноября 1987 года был подписан указ о возвращении Русской Православной Церкви Оптиной пустыни. Не люди или обстоятельства возродили монастырь, но сама Царица Небесная предстательствовала об обители умершей, известив нас о том датами мироточения.

* * *

Так начиналось возрождение Оптиной пустыни, и Игорь Росляков был одним из первых насельников ее. За три месяца до прихода в монастырь он писал в дневнике:

«12 марта 1988 года.

Утро. Мать нашла мой крещальный крестик. Мне 27 лет. Я надел этот крестик впервые после крещения, бывшего 27 лет назад. Явный знак Божий.

Во-первых, указующий (может быть, приблизительно) день моего крещения (мать не помнит) — это радостно.

Во-вторых, напоминающий слова Христовы: «...возьми свой крест и следуй за мной» — это пока тягостно.

На Всенощном бдении — вынос креста (Крестопоклонная неделя Великого поста). Воистину крестный день!»

* * *

О знаках Божиих. Когда в 1984 году Игорь, уверовав, начал ходить в храм, один богомолец сказал о нем: «Монах молится». Ни о каком монашестве он тогда еще не помышлял. Но первым храмом в его жизни был Елоховский Богоявленский собор в Москве, а сельцо Елохово, напомним, — это родина Василия Блаженного. Войдя в храм, Игорь сразу нашел для себя постоянное укромное место близ иконы Василия Блаженного. И если встать на то место, где он молился всегда, то прямо перед глазами в иконостасе будет большая икона Архистратига Михаила с праздничной иконой над ней — Введение во храм пресвятой Богородицы. Пройдут годы, и при монашеском постриге он будет наречен в честь Василия Блаженного, а потом на собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных его рукоположат во иеромонаха в Свято-Введенском соборе Оптиной пустыни. Но будущее еще было сокрыто от всех в ту пору, когда 21 июня 1988 года на оптинский престольный праздник великомученика Феодора Стратилата в монастыре появился новый насельник — москвич Игорь Росляков.

БРАТ ИГОРЬ — ЧЕЛОВЕК МОЛЧАЛИВЫЙ

В монастыре о прошлом не спрашивают и не рассказывают. И об Игоре было известно лишь то, что человек он старательный, молчаливый и скромный до неприметности. А вот об этой неприметности стоит

сказать особо, ибо время было яркое, бурное — новоначальное. Монахов в монастыре тогда было мало, зато много горячей молодежи, знавшей о монашестве только из книг. А книги рассказывали о дивных подвижниках древности, исихастах, затворниках, и молодежь влюбленно подражала им.

Игумен Михаил (Семенов), ныне настоятель пустыни Спаса Нерукотворного в деревне Клыково, а тогда еще оптинский паломник Сергей, не без улыбки вспоминал о тех временах: «В миру молодежь играет в свои игры, подражая кумирам эстрады. А мы, придя в монастырь, подражали преподобному Сергию Радонежскому и играли в этаких суровых, крутых исихастов».

Игра начиналась с того, что паломницы спешно переодевались в черное с головы до пят и, повязав по-монашески низко платки «в нахмурку», именовали друг друга «матушками». С «батюшками» же дело обстояло так — как раз в ту пору монастырю пожертвовали большую партию черных флотских шинелей, которые шли нарасхват. Потому что если к черной шинели добавить черную шапочку типа скуфьи да взять четки поувесистей, то вид был почти монашеский, если, конечно, не приглядываться. Словом, новоначальные «исихасты» сурово перебирали четки, очень мастерски метали земные поклоны, а один паломник сразу ушел в затвор, выкопав землянку в оптинском лесу. Кончился этот затвор столь великим конфузом, что уместней о том умолчать. А потому лишь приведем слова игумена П. о «подвижниках» такого рода, сказанные им однажды в сердцах: «Полный монастырь народа, а работать некому — все «исихасты»!

Все это быстро прошло, как проходит детство. И мечтатели, воображавшие себя «исихастами», ушли потом в мир, убедившись — подвиг монаше-

ства под силу лишь немногим. И одним из таких немногих был молчаливый москвич Игорь Росляков.

Он действительно умел жить как-то неприметно. В молодежных компаниях с чаепитиями не участвовал. А когда в келье начинались бурные дебаты о монашестве, он незаметно исчезал, уединяясь где-нибудь с книгой. Что же касается его отношения к подвигам, то вспоминают такой случай. Как-то ночью из Оптиной шел в Москву монастырский «рафик», и один пылкий паломник предложил провести ночь в подвиге общей молитвы. «Ну куда нам, немощным, до подвигов? — сказал Игорь. — Нам надо хоть четыре часа, но спать». И тут же спокойно уснул.

Вспоминает игумен Владимир: *«Он мощно шел вперед, как крейсерский корабль, но всегда средним, царским путем».*

Словом, в послушниках он был послушлив, в порученном деле — исполнителен, а на работу столь безотказен, что вспоминают, например, такое. Идет брат Игорь с послушания, отдежурив ночь на вахте, а навстречу отец эконом: «Игорь, кирпич привезли — разгружать некому. Пойдешь?» — «Благословите». Наконец, кирпич разгружен и можно идти отдыхать. Но тут бригадир паломников объявляет: «Отец наместник благословил всем, свободным от послушания, идти перебирать картошку». И Игорь спокойно идет на картошку, не находя нужным объяснить, что после ночного дежурства он, по оптинским правилам, вправе отдыхать.

Игумен Владимир: *«На переборке картошки усядемся в кружок — разговоры, шутки. Молодые ведь были! А Игорь сядет в сторонке, поставит перед собой три ведра и молча работает».*

«Один Бог да душа — вот монах», — записывает он в эти дни в дневнике слова святителя Феофана

Затворника. Но эта мощная работа духа была сокрыта от всех. Внешнего же в жизни Игоря было так мало, что, перебирая теперь в памяти яркую устную летопись о первых насельниках Оптиной, с удивлением обнаруживаешь — имя Игоря Ройлякова в ней отсутствует и не поминается даже в известной истории о мастерах спорта.

История же была такая. В монастыре тогда еще размещалось профтехучилище. И если оптинцы радовались каждой отреставрированной стене, то подростки тут же писали на ней известно какие слова. Увещевания в духе кротости не помогали. И тогда дюжий монах взял за шиворот двух таких «писателей», подержал их на весу, как зайчат, и зашвырнул далеко в густую траву — к великому восторгу мальцов. Подростки тут же сложили легенду, что монахи — это бывшие мастера спорта. «Мастеров» зауважали, и в обители водворился мир.

Так вот, ни в ту пору, ни позже в монастыре даже не подозревали, что выпускник факультета журналистики МГУ Игорь Росляков — мастер спорта, что он чемпион Европы и был в свое время капитаном сборной МГУ по ватерполо. Лишь годы спустя в монастырь привезли фотографию из газеты «Известия», где Игорь Росляков держит в руках кубок чемпиона, пояснив при этом, что в миру он был знаменит. Но кто тогда мог бы догадаться о том?

Впрочем, о причастности послушника к спорту отчасти догадывался благочинный монастыря о. Мелхиседек, зная, что в трудовой книжке Игоря есть запись — инструктор по спорту. А поскольку инструкторами по спорту в те годы числились освобожденные комсорги и профорги, то, понимая эту механику, о. Мелхиседек однажды дипломатично спросил: «Игорь, говорят, ты был инструктором по спорту. А спасать утопающих вас учили?» — «Учили», — улыбнулся

Игорь, поняв подтекст разговора. «А сможешь спасти человека, если он будет тонуть?» — «Смогу». — «Тогда пошли со мною крестить».

В монастыре тогда еще не крестили — не было условий. Но тут из Москвы приехала паломница Ирина с такими скорбями, что отказать ей в просьбе о крещении благочинный не смог. Крестили в глубоком месте — на источнике преподобного Пафнутия Боровского. «Я крестил, — вспоминает игумен Мелхиседек, — а Игорь Ирину за руку для страховки держал. И вот после третьего погружения Игорь увидел, что из глаз рабы Божией Ирины исходят лучи света». Благодать при крещении дается всегда, но тут благодать была зримой.

Почему именно Игорю дано было увидеть свет благодати — это неведомо. Но была в нем действительно особая чуткость к благодати, и на Пасху это было заметно. Воскресение Христово он переживал с такой силой, что в сияющих глазах вдруг проступали слезы, и он жил уже будто вне времени. Мог отстоять две литургии подряд, не в силах насытиться пасхальной благодатью, и даже не замечая, что все уже давно разговелись и спят. Пасха была для него тем таинством, где слышит душа зов будущего века, а он, похоже, слышал его. Вот некоторые записи из его дневника:

«10 апреля 1988 года. Пасха. Моя третья Пасха.

Время — мистическая сущность. Спрашиваю себя: был ли пост или не был? Служба была или нет? Так придется когда-нибудь спросить и о своей жизни. Что же реально существует? Душа. Очищенная от греха или замаранная им.

«Ликуй ныне и веселися Сионе...» — именно ликуй(!). Это состояние духа, потому оно внутреннее, а не временное».

«30 апреля 1989 года. Пасха.

Милость Божия дается даром, но мы должны принести Господу все, что имеем».

Он был уже иеромонахом Василием, когда прихожане Оптинского подворья в Москве задали ему вопрос: «Батюшка, а у вас есть какое-нибудь самое заветное желание?» — «Да,— ответил он.— Я хотел бы умереть на Пасху под звон колоколов». Это сбылось.

* * *

«Есть в нашем времени нечто общее со временами первых христиан»,— сказал на проповеди оптинский схиигумен Илий. И это общее не только в том, что XX век, как и первый, восстал на Христа, обагрив землю кровью мучеников. Общее есть и в ином — сегодня мало тех, кто впитал в себя веру с молоком матери. Многие поздно пришли к Богу и обрели Его порой на краю погибели, испытав уже измученной душою весь ужас жизни без Бога и безумие богоборчества. Нет века более нищего и растленного духом, чем наш. И нет века более благодарного Господу за обращение Савлов в Павлы. И тут у каждого была своя дорога в Дамаск, где ослепил вдруг сияющий свет с неба и спросила душа в потрясении: «Господи! что повелишь мне делать?» Обращение иных было при этом столь пламенным, что от первой встречи с Богом и до монашества был уже краткий путь. Именно так пришли в монастырь те тричисленные новомученики наших дней, которых весь православный мир знает уже по именам — иеромонах Василий, инок Трофим, инок Ферапонт.

«НЕДОСТОИН ВОЙТИ»

Молодой сибиряк Владимир Пушкарев, которому дано было стать потом иноком Ферапонтом, пришел в монастырь в июне 1990 года, причем пришел из Калуги пешком. Был в старину бла-

гочестивый обычай ходить на богомолье пешком, чтобы уже в тяготах и лишениях странствия понести покаянный труд. От Калуги до Оптиной 75 километров. И сибиряк пришел в монастырь уже к ночи, когда ворота обители были заперты. Странника приметили, увидев, как он положил перед Святыми вратами земной поклон и замер, распростершись молитвенно ниц. Когда утром отворили ворота, то увидели, что странник все так же стоит на коленях, припав к земле и склонившись ниц.

В Оптиной бытует легенда, что о. Ферапонта в монастырь в ту ночь «не пустили». Но как все было — проверить трудно, а легенда возникла так. При обители тогда жили подростки — из тех, кого в наше время называют «хиппи», а в старину называли «бродяжки». Сироты, полусироты, они с 8—12 лет бродяжничали от притона к притону, где ребенку вместо молока давали наркотик и шприц. И прилепились они к обители еще не по избытку веры, но скорее по тому инстинкту, по какому замерзающие воробьи жмутся в морозы к теплому жилью. В Оптиной их так и называли — наши «воробушки».

С детьми улицы было сначала трудно, ибо к работе они были непривычны. И бригадир паломников сержант-афганец, приехавший поработать в монастырь по обету, говорил о «хиппарях» с возмущением: «Горы свернут — лишь бы не работать!» В общем, под чутким руководством сержанта «воробушки» приучались к труду, рассказывая в отместку о своем благодетеле: «Он даже отца Ферапонта в монастырь не пустил!» И если верить этим довольно пристрастным рассказчикам, то дело обстояло так — в ту ночь на воротах дежурил сержант и, увидев, что в обитель явился очередной «хиппарь», в монастырь его не пустил. Думается,

что это всего лишь легенда, но на всякий случай опишем облик странника.

Люди, знавшие Володю по Ростову, где он работал в храме, описывают его внешность так: большие голубые глаза и темно-рыжие кудри по плечам. Сам тоненький, высокий и какой-то нездешний, будто паж со старинных картин. Вот идет он по улице, а люди молча смотрят ему вслед.

В рассказах сибиряков Владимир выглядит иначе — там он могучий человек необычайной силы, но с неизменной скорбью в глазах. «Его у нас все боялись,— рассказывали односельчане, — хотя он тихонею был: никогда не курил, не пил и не дрался, если, конечно, не нападут». О нападениях надо сказать особо — в свое время Владимир сверхсрочником пять лет отслужил в армии и, говорят, владел теми боевыми искусствами, какие изучает спецназ. Запомнился случай. Володя обедал в столовой, а трое парней сели за его стол, отыскивая повод для драки. Для начала выпили его компот, но он будто ничего не заметил и спокойно доел обед. Потом встал, выпил компот главаря компании и спокойно вышел на улицу. Повод для драки был найден, и парни бросились на него. Что произошло дальше, никто не понял, но трое нападавших уже лежали на земле. В общем, тихоню в тех местах стали обходить стороной.

Рассказывает паломник-трудник Александр: *«У меня страсть — задавать каверзные вопросы по богословию. Засверлит в голове вопрос — не могу отделаться и ищу, кому задать. Иду я однажды в таком состоянии, а навстречу о. Ферапонт. Ага, думаю, сейчас подкину ему вопросец. А увидел глаза его и аж мороз по коже — глаза-то у него совсем неземные! У меня все вопросы из головы мигом выдуло, и я быстро мимо прошел».*

Сколько людей — столько впечатлений. И оптинские «воробушки», полюбившие сибиряка, рассказывают о нем уже в своем духе — дескать, пришел в обитель хороший человек-хиппарь: длинные волосы, перетянутые по лбу кожаной лентой-хипповкой, а джинсы и одежда не ширпотреб, а фирма. Собственно, остроглазые подростки потому и подметили хорошо одетого человека, что была тогда среди паломников мода — одеваться нарочито «смиренно» во вретища. Щеголяли в обносках в основном москвичи из обеспеченных семей, и моду на «смирение» диктовала гордость.

Так вот, никакого отношения к хиппи Владимир никогда не имел. По рассказам ростовчан, он жил аскетом — вещей не покупал, а свой заработок отдавал неимущим. Но тут он шел в монастырь на главный праздник своей жизни, и надел все лучшее, что было у него.

Однако вернемся снова к загадке той ночи, когда, как утверждают иные, Владимира в монастырь не пустили. Есть в этом утверждении вот какая недостоверность — Оптина гостеприимна, и странника обязательно устроят на ночлег, стоит лишь постучать в ворота. Но дерзнул ли сибиряк стучать в Святые врата? По житейским меркам все просто: стучи, просись на ночлег — откроют. Но не укладывается в эти мерки характер сибиряка. Оптина была для него такой святыней, что перед уходом в монастырь он сказал на прощанье родным: «Если в Оптиной меня не примут, то уйду в горы. И больше на этой земле вы меня не увидите, пока я не буду прощен Богом».

Рассказывают, что когда отец Ферапонт был уже иноком, ему предложили читать записки в алтаре. Записки на проскомидии читают даже послушники,

но инок ответил: «Недостоин войти в алтарь». Словом, в обитель пришел человек, считавший себя недостойным ее святости. Он никогда не дерзал входить без вызова в алтарь, а в свою первую монастырскую ночь, похоже, не дерзнул стучать в Святые врата.

Во всяком случае, когда бригадир паломников сержант-афганец на рассвете вышел из ворот, он крайне удивился, увидев, что странник, примеченный еще с вечера, все так же молится пред Святыми вратами, покаянно распростершись ниц. «Ну и ну, Мария Египетская!» — изумился бригадир. А потом определил новичка в гостиницу и дал ему первое послушание — в трапезной для паломников.

Повара в трапезной вскоре обнаружили, что новичок — человек бессловесный и краснеющий по малейшему поводу, как маков цвет.

Монахиня Варвара вспоминает: *«Помню, Володя у нас варенье варил. Скажешь ему: «Володя, помешай, а то подгорит». Он молчком помешает и все. В работе был старательный и любил услужить. Приметил, что у нас тесто чернеет из-за того, что раскатываем на оцинкованных столах, и сделал нам отличные доски для теста. Но все молчком да молчком. Совсем бессловесный!»*

— Володя, ты бы нам хоть словечко сказал? — не выдержала однажды повар Татьяна Лосева, а ныне инокиня Антония и келарь Малоярославецкого Никольского монастыря.

— У нас в Сибири многословить не принято,— сказал Володя, краснея. И добавил тихо.— Ведь за каждое слово спросит Господь.

К безмолвию Володи вскоре привыкли, объяснив его по-своему: лесник, мол, в прошлом — таежный человек. Правда, оптинские «воробушки» ут-

верждали, что с ними о. Ферапонт был разговорчивым. Но со стороны эти разговоры выглядели так — обступят малолетки о. Ферапонта и щебечут что-то, как птицы. А он лишь улыбается одними глазами и молча слушает их. Они любили инока, хотя баловать он их не баловал и конфетами не угощал. Конфет у него не было. Но вот плетет о. Ферапонт четки или вырезает по дереву, и они тут же пристраиваются плести и вырезать. Жил тогда в Оптиной десятилетний мальчик Виталий Белкин, подвизающийся теперь при Ольховском монастыре. Виталий плетет для монастыря четки и режет постригальные кресты, охотно поясняя при случае: «Это меня отец Ферапонт Оптинский научил».

И все же инок Ферапонт быстро исчез из общего поля зрения. Как надвинул после пострига скуфейку почти на глаза, так будто скрылся куда. Как при такой яркой внешности можно быть неприметным — это необъяснимо, но это так. С годами неприметность лишь возрастала, ибо сидел тихий инок, затворясь в своей келье или столярной мастерской, резал постригальные кресты, делал доски для икон, аналои, мебель. Мастер был — золотые руки. И под стать этим внешним занятиям складывалась его репутация этакого молчуна-мастерового из породы простецов. «Простой человек. Легко простецам!» — сказал о нем один человек не из «простых». А вот художник-резчик Сергей Лосев, работавший тогда в Оптиной на послушании и друживший с иноком Ферапонтом, сказал иначе: «В нем чувствовался огромный внутренний драматизм и напряженная жизнь духа, какая свойственна крупным и сложным личностям. Что за этим стояло, не знаю. Но это был человек Достоевского».

БРАТ ТРОФИМ — ЧЕЛОВЕК ГОРЯЧИЙ

Если тихого инока Ферапонта мало кто знал даже в Оптиной, то другой сибиряк, инок Трофим, приехавший в монастырь в августе 1990 года, был знаменит, пожалуй, на всю округу. В Оптиной не в ходу та форма дерзости, когда к монашествующим обращаются по имени, но обязательно скажут: «Отец Ферапонт». Исключение — инок Трофим, к которому все обращались по имени, но этому есть свое объяснение. Паломник-трудник Виктор вспоминает: «Трофим был духовный Илья Муромец и так по-богатырски щедро изливал на всех свою любовь, что каждый считал его своим лучшим другом. Я — тоже». «Он был каждому брат, помощник, родня»,— сказал об иноке Трофиме игумен Владимир.

Мирское имя инока было Алексей Татарников. Но сквозь годы кажется, что он родился Трофимом и родился именно в Оптиной, став настолько же неотъемлемым от нее, как это небо над куполами, вековые сосны, храмы, река. Тем не менее именно Трофима из Оптиной сперва «выгнали», то есть выписали из гостиницы, когда истек установленный для паломников срок. Но в том-то и дело, что он приехал в монастырь поступать в братию, а потому говорил «выгнали», не объясняя за что.

Почему так произошло — никто не знает. Но есть одно предположение: человек он был горячий. Зазора между словом и делом у него не было. Например, встречает Трофима некий брат и начинает рассуждать на тему, что вот надо бы сделать в келье полку для икон, но как и из чего эти полки делают не знает. «Сейчас подумаю»,— отвечает Трофим. И тут же приходит в келью брата с молотком и фанерой, сделав полку безотлагательно. Откла-

дывать он не мог. И если уж из далекой Сибири Трофим ехал в Оптину с мыслью о монашестве, то эта монашеская жизнь должна была начинаться не в отдаленном будущем, а непременно сегодня, с утра. Из более поздних времен известен случай, когда инок Трофим ходил просить, чтобы его поскорее постригли в монахи. «А может, тебя сразу в схиму постричь?» — спросили его. — «Батюшка, я согласен!» В общем, «схимнику» тут же указали на дверь.

И все-таки сибиряк был терпелив и от Оптиной не ушел, поселившись в землянке в оптинском лесу. На рассвете он первым являлся на полунощницу и работал в монастыре во славу Христа, поражая всех мастерством и трудолюбием. Как-то к нему в землянку заглянул местный житель Николай Жигаев и спросил удивленно:

— А ты чего здесь партизанишь?

— Из монастыря выгнали. Неподходящий.

— Пойдем со мной в партизанский налет, а то жена бутылку спрятала и не дает. А ведь праздник сегодня — положено.

Правда, Николай, поселивший тогда Трофима у себя, утверждает, что никакой «партизанщины» в помине не было. Жена сама накрыла им праздничный стол, и был у них с Трофимом хороший, мужской разговор по душам.

* * *

Ненадолго прервем здесь повествование, чтобы рассказать подробнее, каким был инок Трофим в застольях.

Специальностей у Трофима в миру было много, а после армии он пять лет рыбачил на траулерах Сахалинского морского пароходства. За рыбкой ходили по полгода, а сойдя на берег, по матросскому обычаю шли в ресторан.

Рассказывает Нина Андреевна Татарникова, мама о. Трофима: *«Вшестером пойдут в ресторан, а всего 20 рублей прогуляют. Трофим был заводила и так красиво плясал, что всех заведет. Столы в ресторане сдвинут — и пойдут матросы в перепляс! Его со всех кораблей гулять приглашали — и деньги целы, и довольны все. А домой вернулся — нету отбоя, все его на свадьбу зовут: «С тобой хорошо — никто не напьется, и люди хвалят свадьбу потом».*

Рассказывает местная жительница, бабушка Ольга Терентьевна Юрина: *«Трофим был пахарь и косарь, а в деревне закон — в сенокос делать стол. И вот косил у нас Трофим. Сварила я курицу, колбаски купила и винца, само собой. Сели за стол, мужики разливают, а Трофим загляделся в окно:*

— Ох, и репка у вас уродилась. Репу люблю. Можно репку сорвать?

— Эвон добра! Да хоть всю выдирай.

Намялся он репы на огороде — вот и весь обед. Переживаю, что парень голодный, а смекнула уже, что он мяса не ест. В следующий раз нажарила Трофиму картошки и сливочного масла натолкла туда побольше — все ж посытней. Смотрю, он картошку мимо и лишь квашеной капустки поел.

— Детка моя,— говорю я Трофиму,— чем тебя мне кормить?

— Баба Оля, свари мне картошки в мундире. Мне жирного нельзя, а то молодость заест.

А ведь работал-то как сердечный! Таких горячих в работе среди нынешних нет. За столом, да, все горячие — одной водки в сенокос, ой, сколько уйдет! А у Трофима застолье — квас да картошка. Даже яичек в карман ему не сунешь: «Баба Оля, я тружусь во славу Христа». Что тут сказать? Одно слово: Трофим — человек Божий».

* * *

Вернемся здесь снова к тому первому оптинскому застолью Трофима, когда Николай пригласил его к себе. Сидели они долго, а Николай рассказывал, что окончил уже два курса института, когда обнаружили, что он носит крест: «Вызывают и ставят условие: снимешь крест — оставим, а с крестом вылетишь вон из института. Я им ставлю свое условие: снимите сначала с меня голову, а потом уж снимайте крест. Шею подставил — по шее и дали. Давно бы был уже инженером, а теперь вот вилы да навоз. Но не жалею, совсем не жалею! Может, и было это лучшее в жизни, когда я все же за крест постоял».

За разговором Николай сперва не заметил, что рюмка перед Трофимом стоит нетронутой.

— Ты чего не пьешь? — удивился он.

— Про тебя думаю. Побратались мы вроде нынче.

— Побратались, точно, — сказал Николай. — Давай закурим?

— Бросил, — ответил Трофим. — Я к Богу пришел. Вся жизнь моя в Боге. И я от Оптиной не уйду. Жизнь положу, а останусь здесь.

Николай объявил потом местным задирам, что Трофим — его лучший друг. И если кто пальцем тронет Трофима, то у него наготове лом.

Защищать Трофима, кстати, не требовалось. Он был из тех, о ком говорят — богатырь. Кочергу шутя завязывал бантиком. А однажды, запомнилось, он был чем-то расстроен и, продев между пальцами гвоздь-сороковку, сотворил молитву: «Господи, помилуй!» От гвоздя после этого осталась спираль.

Все в нем было по-богатырски крупно: не руки, а ручищи, не шаг, а шажище. И ходил он таким стремительным шагом, что его светлые прямые волосы взвевало ветром от быстрой ходьбы. Порт-

рет Трофима лучше всего нарисовал бы, наверно, ребенок, рисуя, как это делают дети, голубые глаза на пол-лица и при этом пронзительной голубизны.

Один художник, писавший в Оптиной этюды, сказал при виде инока Трофима: «Смотрите — викинг. Какой типаж!» Возможно, он знал о мореходном прошлом инока, а может, просто подметил типаж. Но глядя на богатыря Трофима, легко было понять, как задолго до Колумба викинги открыли Америку, — вышли в плавание к ближнему берегу, но в неукротимом порыве к движению прошли океан, найдя материк.

В Трофиме была эта неукротимость стремления к цели — только Оптина и только монашество. И Господь воздвиг на пути препятствие, укрупняя, возможно, цель: не просто войти, как входят многие в Оптину, но быть достойным питомцем ее.

* * *

Разбитые войска на войне, говорят, быстро учатся. Именно в такой ситуации оказался Трофим — денег нет, жить негде и не на что, а в монастырь его не берут. На войне как на войне, и хотя брань тут духовная, но сразу хватайся за «щит и меч».

Из более поздних времен стало известным, как настойчиво искал тогда инок Трофим, что помогает в духовной брани, отыскав для себя этот «щит и меч». Шоферу-паломнику Сергею, попавшему по лихости езды в аварию и висевшему тогда в Оптиной на волоске, он дал совет: «Держись за полунощницу. Великая сила! Будешь неопустительно ходить на полунощницу — ни один бес тебя из монастыря не вышибет. На себе проверил, поверь». А духовный меч монашества — молитва Иисусова.

В личных книгах инока Трофима (а их много) есть страницы чистые, а есть «перепаханные» по-

метками — это там, где про молитву Иисусову. И здесь начинается тот пласт воспоминаний, где рассказчики говорят, смущаясь, что об этом нельзя, наверно, писать. Возьмет, например, Трофим книгу про умное делание да и скажет при всех: «Молитва-то умная да голова дурная. В дурную голову молитва нейдет!» Инокиня Нектария из Одринского Никольского монастыря вспоминает, что очень обрадовалась, увидев Трофима в подряснике и с четками. А он сказал о своих четках: «Это пока так — для красоты. Вот если бы и молиться при том». А иеромонаху Марку из Пафнутиево-Боровского монастыря запомнилось, как инок Трофим крутанул на руке четки, сказав: «Игрушка, а?» И в стон: «Игрушка!» Таким он и запомнился многим — обхватит голову своими ручищами и стенает, как дитя: «Не идет молитва. Как ни бейся — не идет!»

А потом был день, когда инок Трофим вернулся с поля на тракторе весь черный от пыли. Заглушил мотор и тихо сказал: «Ты смотри-ка — пошла молитва. На трех тысячах только пошла». Это значит, что он творил тогда три тысячи Иисусовых молитв в день.

* * *

Уже через два месяца после «изгнания» и по монастырским понятиям необычайно быстро инок Трофим был облачен в подрясник — на оптинский престольный праздник, на Казанскую в осень 1990 года. Но прежде чем рассказать о его первых послушаниях, расскажем о «непослушании». В монастыре наперед знали — стоит послать Трофима в город вспахать огород одинокой старушке, как все одинокие бабушки сбегутся к его трактору, и он будет пахать им до упора. «Трофим,— предупреждали его,— на трактор очередь. Сперва распашем огороды монастырским рабочим, а потом по-

стараемся помочь остальным». И он честно ехал на послушание. Но тут на звук Трофимова трактора собиралась такая немощная старушечья рать, что сердце сжималось от боли при виде слезящихся от старости глаз. А старость взывала: «Трофим, сыночек, мой идол опять стащил всю мою пенсию. Дров нету! Силов нету! Жить, сыночек, моченьки нету!» Как же любили своего сынка эти бабушки, и как по-сыновьи любил он их! Бывало, пришлют ему из дома перевод, а он накупит своим бабулям в подарок платочки: беленькие, простые, с цветами по кайме. И цены этим платкам не было — вот есть в сундуке шерстяной платок от дочки, есть синтетический от зятя, а простые Трофимовы платочки берегли на смерть и надевали лишь в храм. Эти платки он освящал на мощах, и платочки называли «святыми».

В общем, не хуже других знал инок Трофим, что послушание — бесов ослушание. А только не выдерживало его сердце той картины горя, когда в покосившейся избушке доживает свой век старуха-мать. А сын навещает ее лишь спьяну, чтобы отнять у старухи пенсию. А дочь с зятем пишут из города лишь письмо из двух строк: «Мама, отбей телеграмму, когда зарежешь телка. Мы машину за мясом пришлем». На послушание отводится определенное время, и чтобы успеть сделать побольше, он порой уже бегал бегом. Со стороны посмотришь и подумаешь, что где-то пожар — с ведрами воды бежит от колодца послушник. А потом бежит уже с топором, чтобы наколоть для старушки дров. Он любил людей, и спешил делать им добро.

Как-то раз он возил дрова куда-то за Руднево и сделал при этом внеплановую ездку, узнав, что в холодном, нетопленном доме лежит без дров больная старушка. Он привез ей дрова, растопил печь

и уже возвращался в монастырь, когда первый удар колокола возвестил, что до всенощной осталось 15 минут. На службу он явно опаздывал, ибо по дороге до монастыря ехать минут тридцать. И тогда он бросил свой трактор, как танк, напрямик, заныривая на скорости в овраги. Рядом с ним в кабине сидела тогда иконописец Ольга С., и ей стало страшно, но не от этих оврагов, а от того, как внезапно переменился Трофим. Он всегда был улыбчив. А тут рядом с ней сидел незнакомец с таким отрешенно-серьезным лицом, что ей показалось: его нет на земле — он весь в молитве и весь перед Богом. Ко всенощной они тогда успели.

* * *

Никого в монастыре не любили так, как инока, Трофима и никому, вероятно, не попадало больше, чем ему. Сам инок рассказывал об этом так: «Сперва по гордости хотел все сделать по-своему, а за непослушание бесы больно бьют. Зато когда приучишь себя к послушанию, так хорошо на душе».

Имя Трофим в переводе с греческого означает «питомец». Он действительно питомец Оптиной и любимое дитя ее, наделенное редким в наш гордый век даром — даром Ученика. А чтобы показать, что такое труд ученичества, где воистину на ошибках учатся, расскажем, как нес епитимью инок Трофим. Бывало, оптинцы сокрушаются — ох, Трофима опять поставили на поклоны, и это по нашей вине! Помню, в монастыре испекли свой первый хлеб, а пекарем был Трофим. И в общем ликовании — свой первый хлеб! — пол-Оптиной набилось в пекарню снимать пробу. А хлеб был горячий и такой вкусный, что, не благословясь, ополовинили выпечку, а епитимью за это нес Трофим. Так вот, он воспринимал епитимью как милость Божию, предваряющую Страшный Суд, а земные поклоны любил. Один раз

2 – 7033

в Оптиной гостил Владыка и, наблюдая, как жизнерадостно несет епитимью инок Трофим, охотно полагая земные поклоны, сказал уважительно: «Хороший инок».

Возможно, кто-то скажет, что об этом не надо писать. Но в монастырь приходят люди не с ангельскими крыльями за плечами, а истинный подвижник — до смерти ученик. И вычеркнуть труд ученичества из жизни инока Трофима — это вычеркнуть его подвиг.

Инок Трофим был чужд теплохладности в любви к Богу и людям. И завершая разговор о его горячности, приведем еще одну историю. Жил тогда в Оптиной мальчик, о котором блаженная Любушка сказала, что он будет монахом-молитвенником. Мальчику было тогда лет восемь, и он любил бегать стремглав. Мать одергивала его, пытаясь приучить будущего монаха к степенной поступи, а старец сказал: «Не трогай его. Мальчишество с годами пройдет, но пусть останется этот огонь, который он отдаст потом Богу». Как сложится жизнь мальчика — покажет будущее. А об иноке Трофиме уже известно — весь огонь своей души он отдал Господу Богу.

«ИЩИТЕ ЖЕ ПРЕЖДЕ ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ...»

Недавно один паломник сказал, что с годами Оптина сильно переменилась и прежней романтики здесь уже нет. Это правда — перемены огромные. И чтобы обозначить суть этих перемен, приведу случай из прошлого. Шла я берегом реки в Оптину, обогнав по пути группу подростков. Старший нес на руках девочку с каким-то синюшно-бледным лицом.

— Что, ей плохо? — спросила я.

— Ничего, сейчас отойдет. С иглы сошла — завязала круто.

— Может, все же отправить ее в больницу?

— Нет, нам в Оптину надо. Богу дали слово — обет. Где тут Оптина?

— Да вот, перед вами, — показала я на противоположный берег реки. — Идите за мною, и вместе дойдем.

Монастырский понтонный мост к зиме уже сняли, и ходить приходилось в обход. Лед на реке еще не встал, а вода лишь подернулась тонюсенькой пленочкой, припорошенной сверху снежком. Подростки при виде Оптиной опустились на колени, а я пошла вперед, полагая, — нагонят. Обернулась и обомлела — дети уже неслись по реке, а тоненький ледок исчезал под их ногами. На реке уже во всю ширь бурлила вода, и ветер донес властный крик старшего: «Николай-Чудотворец, помогай!» Но пока на ватных от страха ногах я спускалась к воде, они были уже на том берегу. Радости об их спасении в тот миг не было, но скорее недоумение: ведь не святые же отроки, чтобы аки посуху ходить по воде? Тем не менее дети прошли.

И годы спустя понимается: в жизни каждого человека есть, наверное, свое православное детство, когда так щедро, авансом дается благодать. Тут достаточно крикнуть в небо: «Николай-Чудотворец, помогай!», и вода обратится в твердь. Тут как в детстве — младенец просит есть, а мать спешит накормить. И милостивы к младенцам духа святые угодники. Такой была Оптина первых лет — паломники называли ее страной чудес, рассказывая друг другу с восторгом новоначальных: «Представляешь, только успел помолиться, а Господь уже все дает!» И шли бесконечные рассказы о чудесах, как Господь послал денег на дорогу, дал кров, напитал. Однажды эти рассказы оборвались, и вдруг обозначилось — как же младенчествует еще

душа, пока ищет у Господа земных милостей, забывая о главном: *«Ищите же прежде Царствия Божия и правды его...»* (Мф. 6, 33).

Вот рубеж в истории Оптиной пустыни — Пасха 18 апреля 1993 года. И Оптина прошла через то огненное испытание, из которого она вышла уже иной. В этот день в нашу жизнь зримо вошла вечность. В храме перед открытыми Царскими Вратами стояли три гроба, и люди с ослепшими от слез глазами шли к братьям с последним целованием: «Христос воскресе, отец Василий!», «Христос воскресе, Трофимушка!», «Христос воскресе, отец Ферапонт!» Душа почему-то не вмещала этой смерти — с братьями шли христосоваться, как с живыми, и выбрав самое красивое пасхальное яичко, клали на край гроба, наивно подталкивая поближе к руке. «Христос воскресе, родные!»

Так и стоят до сих пор перед глазами три гроба, окруженные, будто венцами, яркой радугой пасхальных яиц. А над онемевшим от горя храмом звучал с амвона тихий голос игумена Павла: «Вот жили мы, жили и не знали, что среди нас живут святые».

Но чтобы осознать все это, надо было смириться с утратой и унять крик боли в душе: как так — убиты молодые и такие прекрасные люди? Как же мало им было отпущено и как стремительно краток был их монашеский путь! Врач Ольга Анатольевна Киселькова, знавшая о. Василия еще по Москве, сказала о его пути: «Это было восхождение по вертикальной стене».

В храмах России уже пишут их иконы, а люди приезжают в Оптину, чтобы рассказать о случаях дивной помощи по их молитвам. Надо радоваться этому. Но только жива еще в Оптиной боль утраты — нет с нами наших братьев. «Прости нас, Господи, — сказал в годовщину памяти новомучеников схиигумен Илий, — у Тебя много святых,

у Тебя всего много, но как же нам не хватает наших братьев. Сколько доброго они бы еще сделали на земле. Прости нас, Господи, что скорбим».

Вот и пятится память в прошлое и, отвергая утрату и смерть, воскрешает иное время — они живые и еще ходят среди нас. Вот улыбается, щурясь от солнца, послушник Игорь, помогая иеромонаху освящать братское кладбище. Самого кладбища еще нет, но есть заросший бурьяном пустырь, огороженный слегами от коз. Послушник Игорь подпевает иеромонаху, подкладывая ладан в кадильницу, а какой-то приезжий насмешливо смотрит на них. Его, похоже, смешит торжественность молебна среди зарослей крапивы и репья, и он острит:

— А что — должно быть, неплохо лежать здесь?

— Неплохо? — обернулся к нему послушник Игорь.— Да это великая честь быть погребенным здесь!

Вот и выпала о. Василию эта честь — быть погребенным на святой земле Оптинской.

Первым на братском кладбище был погребен иеросхимонах Иоанн. Он пришел в обитель уже приговоренным врачами к смерти, но об этом мало кто знал. Трудные послушания он нес наравне со всеми. И Господь продлил его дни — он был рукоположен во диакона, потом в иеромонаха, и всех удивил лишь ранний постриг в схиму. Говорят, он был молитвенник. И когда ночью душа его вознеслась к Богу, многие в обители разом проснулись от чувства неизъяснимой радости. Отец Василий нес его гроб и сказал: «Иоаннчик, молитвенник ты наш, помолись, родной, чтобы мне быть рядом с тобой». Теперь они рядом — их могилы соседствуют.

А еще вспоминается самое начало: послушник Игорь в перепачканной известкой куртке грузит на носилки обломки стен от церкви Казанской

Божией Матери. Самой церкви еще нет — вокруг руины да свалки, и не верится пока, что восстанет обитель с белоснежными храмами и благоуханием роз возле них. Но это будущее уже живет в душе молодого послушника, и он записывает в дневнике: «Радуйся, Кана Галилейская, начало чудесам положившая, радуйся, земле Оптинская, наследие чудотворства приявшая. Яко Иисус избирает вас и ублажает купно, и Мати Его и ученики Его, темже приимите радость совершенную, утешение познайте, истиной подаваемое, и источник ликования вечнаго».

Вот и дала наша Кана Галилейская, земля Оптинская свой первый духовный плод — красное вино святости, добела убелившее ризы новомучеников, званых Господом на Небесный пир.

В жизни иеромонаха Василия это была его восьмая Пасха. Но шел такой стремительный духовный рост, обещавший многое в будущем, что в день его смерти один старец сказал: «Архимандрита убили». Незадолго до убийства о. Василия представили к награждению золотым наперсным крестом, но получить его он не успел. Вместо этого был крест на кладбище.

Три креста, как три родные брата,
Тишиной овеяны стоят.
Во гробах, за Господа распяты,
Три монаха Оптинских лежат.

Жизнь трех Оптинских новомучеников была краткой и по-монашески тайной. «Подвиг их сокрыт от людей, — писал нам один из прозорливых отцов, — но они предстательствуют за нас пред Престолом Господа». И чтобы хотя бы отчасти понять этот подвиг, надо снова, как ни больно, вернуться в ту залитую кровью Оптину, где на Пасху умолкли колокола. Но начать лучше с событий перед Пасхой.

Часть вторая

ПЕРЕД ПАСХОЙ

КРОВЬ В АЛТАРЕ

Перед Пасхой в алтаре всегда кипит уборка. Иеромонах Филипп, еще инок в ту пору, вспоминает, как он чистил в алтаре ножом подсвечник, а нож сорвался, поранив руку. Зажав рану, он выбежал из храма. Ведь если в алтаре прольется кровь, надо заново освящать его. Послушник-алтарник Александр Петров вышел следом за о. Филиппом и, забинтовав ему руку, сказал: «Не понимаю, что происходит? За Страстную седмицу уже четвертый раз кровь в алтаре. То копие сорвется на проскомидии, то еще кто как-то поранится. Что такое — кровь в алтаре?»

В Страстную Пятницу произошло нечто необъяснимое. В час распятия Христа и выноса Плащаницы скорбь Великого поста перерастает уже в ту боль, когда вместе с людьми скорбит и природа. В три часа пополудни, как подмечено многими, пусть ненадолго, но меркнет солнце, скрываясь за тучей, а по земле проносится гулкий вздох ветра, вздымающий в воздух кричащих птиц. Болезнует душа в этот час. И надо знать чистую душу о. Трофима, любившего Господа столь великой любовью, что в

Страстную седмицу он не вкушал даже маковой росинки, чтобы понять — случилось невероятное: старший звонарь, он первым вскинул руки к колоколам, задав тон о. Ферапонту, и на выносе Плащаницы они вызвонили пасхальный звон. Инока Трофима вызвали для объяснений к отцу наместнику, но он лишь растерянно каялся, не в силах ничего объяснить. Объяснилось все позже, когда братия подняли на плечи три гроба, и шло погребение под пасхальный звон.

Вот еще случай. На Пасху 1993 года в Оптину из Москвы должны были приехать дети из православной гимназии. Но перед самой поездкой автобус сломался. Когда же после Пасхи вызвали автомеханика, то оказалось, что автобус абсолютно исправен и заводится с первого поворота ключа.

А еще вспоминается, что под вечер Страстной Субботы над Оптиной стояло странное марево — воздух будто дрожал, контуры предметов двоились, а сердечники хватались за сердце. Странного было много. И позже иные припомнили не менее странную Пасху перед Чернобыльской катастрофой, когда по храмам гудел ветер, опрокидывая порою потиры в алтарях. «С нами Бог говорит не разговорным языком, но показательно», — писал подвижник нашего века схимонах Симон (Кожухов, ☦1928). Сколько же грозных знамений являет наше время, но не внемлет им до поры человек.

Конечно, странного перед Пасхой 1993 года было много, но все это воспринималось как искушения Великого поста. И в нашей православной общине мирян, еще существовавшей тогда при Оптиной, перед праздником, как обычно, пекли. Гостей на Пасху съезжалось так много, что выручал дежурный рецепт: начистить ведро картошки и поста-

вить ведро теста на пироги. За общей работой решили читать. А как раз в Страстную Пятницу в монастырь привезли еще пахнущую типографской краской книгу «Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия». Вот радости было! До этого в монастыре имелось лишь две фотокопии этой книги. Их выдавали только для чтения в трапезной, читая вслух ежедневно. И теперь все гадали, откуда начать читать?

Решили просто: «Господи, благослови!» — начав читать там, где открылось. И выпало нам слушать про смерть, как к шамординской парализованной монахине Параскеве днем, воочию, приходила смерть в образе скелета. Ударила по спине, и онемела спина. Замахнулась еще дважды для смертельного удара, но каждый раз некий голос пресекал замах: «Оставь ее! Ей нужно жить; она еще не готова. Иди к монахине Глафире, та совершенно готова для перехода в вечность». В тот час и скончалась монахиня Глафира, а монахине Параскеве была дарована долгая жизнь для подготовки.

Чтение и стряпня оборвались разом от этих мыслей о ПОДГОТОВКЕ.

— Пойдемте лучше пораньше в монастырь, — сказала вдруг студентка-выпускница химфака Есфирь.

— А разговляться чем будешь — редькой?

— Чем Бог пошлет.

И годы спустя вспоминается, как в Страстную Субботу уходит в монастырь через луг беспечная молодежь, еще не ведая, что завтра нам предстоит пережить такую боль, после которой уже не будет смешливой студентки Есфири, а будет инокиня Фотинья. И общины больше не будет — почти все уйдут в монастырь.

* * *

Словно уготовляя нас к пониманию грядущего, Господь дал перед Пасхой каждому свое чтение. Оптинский иконописец Мария Левистам, в ту пору доярка по послушанию, вспоминает, что перед Пасхой читала о том, что мученичеству за Христа всегда предшествует бескровное духовное мученичество. Это важная мысль для понимания христианского подвига мученичества. Убивают сегодня, к несчастью, многих, и в каких же муках уходит порой из жизни человек. У каждого свой крест, но не на каждом знак святости. Есть крест и разбойника, хулившего Христа.

* * *

Вспоминают, что перед Пасхой инок Трофим читал книгу Сергея Нилуса «Близ грядущий антихрист или царство диавола на земле». Книга потрясла Трофима, и он зачитывал из нее отрывки друзьям. Кто-то при этом спросил его: «А ты не боишься, что тебя убьют?» А иеродиакон Серафим запомнил ответ: «Знаешь, я к смерти готов».

В последнем письме к родным, еще далеким от церкви в ту пору, он умоляет их спешить в храм: «Дорог каждый день. Мир идет в погибель». Возможно, эти строки — отзвук прочитанного. Но возможно и иное — царство диавола было рядом и заявляло о себе. Вспоминают, что Великим постом в переплетную мастерскую, где работал тогда по послушанию инок Трофим, пришел некто, объявивший, что монахов надо убивать и скоро их начнут резать.

— Да ты что, брат, говоришь? — сказал ему инок Трофим. — Лучше садись и супу поешь. Я супчик сварил.

— Не хочу. У вас суп постный. Идем лучше к нам — мы рыбой угостим.

— Кто ж Великим постом рыбу-то ест?!

— Ты наш, наш! — сказал гость, схватив на прощанье инока за руку.

Гость ушел, а инок Трофим продолжил работу. Он осваивал тогда тиснение и для пробы оттиснул на титульном листе помянника трех Ангелов — один повыше, а двое по бокам пониже. Три Ангела трубят в трубы, созывая человечество на Страшный Суд.

О ПСИХИЧЕСКИХ АТАКАХ – ПРОШЛЫХ И НЫНЕШНИХ

Убийство обычно готовят втайне, но культпросветработник Николай Аверин, убивший трех оптинских братьев, спешил перед убийством разрекламировать себя. Колхозные механизаторы вспоминают, как он пришел перед Пасхой в мастерскую заточить меч на станке, выставив при этом выпивку.

— Николай, на кого зуб точишь — на будущую тещу? — пошутил кто-то.

— Нет, монахов подрезать хочу, — ответил он.

А летчики аэродрома сельхозавиации, где перед убийством работал Аверин, вспоминают, как он демонстрировал им этот странный меч, заявляя: «Я еще прославлюсь на весь мир!» Был он при этом трезв. И водку, замечали, не пил, но приторговывал ею, имея всегда запас в своей личной машине.

Незадолго до убийства у Аверина появились, похоже, немалые деньги, ибо поил он тогда многих и о своих планах вещал открыто. Это запомнилось. Вот и недавно через центр Козельска шел местный житель, нетрезвый уже настолько, что прохожие сторонились его. А он кричал, как на митинге, требуя у всех водки: «Вот Колька Аверин был чело-эк! Обещал подрезать монахов и подрезал! И на водку людям давал! А вы, козлы...»

Разговоры о готовящейся резне слышали многие. За две недели до Пасхи в Оптину приехал человек, рассказавший, что вызвал его к себе председатель колхоза и велел сбрить бороду и снять крест. Он отказался: «Я православный». — «Тогда хоть бороду сбрей, — сказал председатель, — тут намечено ваших резать, а я хочу тебя сохранить. В общем, скройся из деревни на время». Вот и скрывался человек две недели на лесном кордоне.

Одновременно в монастырь шли анонимные письма с угрозами. Игумен М. получил, например, две анонимки с фотографией гроба и обещанием убить его «золотым шомполом в темя». А незадолго до Пасхи некий человек прокричал в храме: «Я тоже могу быть монахом, если трех монахов убить!»

Действовал явно не один человек, но некое сообщество вело на монастырь шумовую атаку, причем с позиций демонстрации силы. Зачем? С какой целью — запугать православных? Необъяснимо.

Впрочем, одно объяснение приходит на ум. Историк Карэм Раш, работавший тогда в архивах над материалами о Великой Отечественной войне, рассказал об одной военной операции тех лет. Немцы стояли уже под Москвой, когда наша разведка обнаружила, что знаменитые психические атаки СС, наводившие ужас, — это по сути сеансы черной магии. А против колдунов одно средство — святой крест. И тогда на фронт срочно вызвали сибирские дивизии из православных. Сатанистам противостали воины с нательными крестами и с зашитыми в ладанках молитвами: «Да воскреснет Бог...» и «Живый в помощи». Перед боем доставали иконы и шли в атаку на «психов» под команду: «С Богом!» Вот тогда и потеряло силу оккультное оружие Третьего рейха, а «психи» были низложены и осмеяны русским воинством.

Возможно, в одной из этих дивизий воевал отец инока Ферапонта сибиряк Леонид Пушкарев, ненадолго переживший сына. Перед смертью он прислал в монастырь письмо, где каждая строчка кричит от боли: да как же поднялась рука на его невинного, единственного сына, если он защищал в войну нашу землю от этих «дьяволов»?

* * *

В книге Сергея Нилуса «Близ грядущий антихрист или царство диалова на земле», прочитанной иноком Трофимом перед смертью, приведено пророчество преподобного Ефрема Сирина: в годы пришествия антихриста, когда будет «страх внутри, извне трепет», «СВЯТЫЕ УКРЕПЯТСЯ, ПОТОМУ ЧТО ОТРИНУЛИ ВСЯКОЕ ПОПЕЧЕНИЕ О ЖИЗНИ СЕЙ». Именно так живут перед Пасхой трое будущих новомучеников — воистину отринув попечение о жизни сей и напрягая все силы в духовном подвиге. И хотя в печати появлялись намеки, будто трое оптинских братьев как бы предвидели свою смерть или были предизвещены о ней, сведений об этом в Оптиной нет. Да и возможно ли наспех приготовить душу к вечности, узнав о смерти, допустим, накануне? И все же трое оптинских братьев оказались готовыми к смерти, ибо задолго до этого начали заниматься тем высоким духовным деланием, что именуется в монашестве памятью смертной.

«УНЫВАТЬ УЖЕ НЕКОГДА!»

Преподобный Исаак Сирин различает два рода памяти смертной: одно состояние — это телесный помысел с удручающей мыслью о кончине. А «второе состояние — духовное видение и духовная благодать. Это видение облечено в светлые мысли».

Об иноке Трофиме вспоминают, что говорил он о смерти часто, но всегда светло.

Иконописец Тамара Мушкетова записала в дневнике такой случай: за год до Пасхи 1993 года они с сестрами пошли к озеру, чтобы набрать сосновых почек для чая, и повстречали инока Трофима. Инок быстро набрал им полный пакет почек и сказал, заглядевшись на озеро: «Красота какая — не наглядишься. А жить осталось год. Ну, от силы два». Тамара удивилась: «Простите, о. Трофим, но я смотрю на жизнь более оптимистично». Инок промолчал.

Что же касается оптимизма, то все утверждают: радость бурлила в добром иноке через край. Москвич Александр, купивший дом возле Оптиной, рассказывал: «Мы с женой не знали лично о. Трофима, но от него исходило такое излучение радости, что, попадая в Оптину, мы искали глазами в храме «нашего» монаха. Издали кланялись ему, а он вспыхивал такой ответной радостью, что таяло сердце».

Радость радостью, но разговоры о смерти не прекращались. Летом 1992 года о. Трофим сказал приунывшей паломнице: «Лена, чего киснешь? Жить осталось так мало, может быть, год. Унывать уже некогда. Радуйся! Вот»,— и он подарил ей букет полевых цветов.

Летом того же года он помогал на сенокосе местному жителю Николаю Жигаеву, сказав в минуту короткого отдыха:

— Знаешь, чую, умру я скоро.

— Ну, выдумал... — удивился Николай. — Ты мужик сто пудов — проживешь сто годов! И с чего ты взял, что умрешь?

— Сам не знаю. Сердцем чую. Но полгода еще проживу.

Перед Рождественским постом того же года инок Трофим сказал знакомым: «До Рождества доживу,

а до Пасхи не уверен». А за неделю до смерти он отдал знакомому хранившиеся у него документы паломника Николая Р., сказав: «Отдашь Николаю, когда вернется в монастырь». Николай вернулся в Оптину после убийства.

И все же инок Трофим готовился жить и говорил радостно: «Надо всем-всем подарить подарки на Пасху». Чтобы успеть купить подарки, он занял деньги у иеромонаха В., поскольку перевод из дома задерживался. И после смерти в келье инока нашли стопку нарядных платков, предназначенных для подарков. Он готовился праздновать Пасху.

Что означает эта постоянная готовность к смерти при одновременной готовности жить? Москвич Геннадий Богатырев вспоминает, как он рассказал иеромонаху Василию о пророчествах, указывающих на близкий конец света. А о. Василий сказал: «Пророк пророчит, а Господь как хочет». Все в руках Божиих, и лишь Господь волен прервать нашу жизнь или продлить ее.

И все же трем оптинским братьям была присуща убежденность, что рано или поздно, а придется пострадать за Христа. Возможно, это связано с тем, что им дано было обрести веру еще в те годы гонений, когда неизбежен был вопрос: а пойдешь ли за Христом, если за это убьют? Вот почему обратим особое внимание на те обстоятельства, при которых трое будущих новомучеников впервые вошли в храм. Тут истоки их духовной родословной, и об этом следующий рассказ.

«СВЯТЫЕ ЗОРКО СЛЕДЯТ ЗА СВОИМ ПОТОМСТВОМ»

Один знакомый писатель, обратившийся к Богу уже на склоне лет, сказал как-то в Оптиной: «Если бы я начал сейчас писать рассказ о глубоко несчастном человеке, я бы начал его со слов: «За него

с детства никто не молился». За трех Оптинских новомучеников, выросших в неверующих семьях, тоже с детства никто не молился. И все же духовная родословная нынешнего поколения намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд, и приведем здесь одну историю.

Недавно за помощью в архивных розысках к нам обратилась преподавательница английского языка москвичка Лидия, рассказав о себе следующее. В раннем детстве она лишилась родителей и воспитывалась у тетки. Все детство ей снился один и тот же сон — стоило ей смежить глаза, как над ней склонялся священник и благословлял ее на ночь иерейским крестом. «Тетя,— сказала она раз с возмущением, — почему меня, пионерку, крестит ночью какой-то поп?» Тетя посулила высечь ее крапивой, если будет болтать о глупых снах. Она прожила всю жизнь атеисткой, обнаружив ближе к пенсии, что «поп» снится ей все реже и реже, но это сны хорошие. Когда в семье случалась беда, «поп» являлся ей во сне, утешая, а от беды после этого не оставалось и следа. А потом «поп» перестал ей сниться, но она уже так привязалась к нему, что стала тосковать и молить: «Приснись!» И тогда он приснился ей стоящим в храме в великой скорби и с такой силой зовущим ее в храм, что, едва дождавшись рассвета, она побежала в ближайшую церковь.

Вошла и удивилась — все было таким родным и знакомым, что она стала тихонько подпевать церковным распевам. Возвращаясь из храма, она достала из почтового ящика письмо, в котором извещалось, что ее отец священник Гавриил, расстрелянный по статье 58, посмертно реабилитирован.

Таких историй сегодня много, но не сразу открывается, как и по чьим молитвам вошла в храм нынешняя Россия, а с нею трое оптинских братьев, принявших мученичество за Христа.

* * *

Отец Василий начал ходить в церковь со второй половины 1984 года. А об иноке Ферапонте известно, что в 1987 году он уехал из Красноярского края в Ростов, ибо в его родных местах на многие сотни километров вокруг не было ни единого храма: «Мама, — говорил он дома, — где нет храма, там нет жизни». Но семья была тогда еще неверующей, и мысль о переезде куда-то ради храма казалась несерьезной. В том же 1987 году будущий инок Трофим уехал из дома в Алтайский край, и вскоре его уже видели в храме г. Бийска в стихаре чтеца.

К сожалению, нам неизвестно, как все трое пришли к вере. Но общеизвестно, что в 80-е годы Церковь была еще гонима, причем главный удар был обращен на молодежь. Расчет был простой — в храм тогда ходили одни старушки, и предполагалось, что православие вымрет естественной смертью, если отсечь от Церкви молодежь. И чтобы убедиться в прицельном характере гонений, достаточно было попытаться попасть в храм на Пасху, а уж тем более в московский Богоявленский собор, куда еще студентом ходил о. Василий. Оцепление в несколько рядов — милиция, дружинники и люди в штатском из органов. Но если бабушек на службу все же пускали, то стоило появиться студенту, как начиналось некое коллективное беснование. Пожилые дружинники с незавершенным начальным образованием дружно срамили студента за «темноту». Комсомольцы с криком: «Бога нет!» — фотографировали, а люди в штатском составляли досье. Студента из института потом, как правило, исключали, и автор этих строк свидетельствует — как раз в те годы был исключен из МФТИ однокурсник моего сына, и исключен лишь за то, что ходил в храм.

Однажды спортивное начальство Игоря вызвали в органы и показали досье на капитана сборной МГУ Рослякова. Игоря после этого с капитанов сняли. И все же до поры ему везло — страной тогда руководили безбожники, поклонявшиеся идолу по имени «спорт». И знаменитым спортсменам прощалось то, чего не прощали простым смертным. А Игорь был знаменит.

Газеты печатали его фотографии, называя игроком номер один. Вспоминается, что стало неловко при виде фотографии в «Известиях» — обнаженный торс спортсмена без нательного креста на груди. «Да нет, Игорь с крестом, — возразили члены команды. — Просто на соревнованиях он его прятал под шапочку». Приходилось прятаться, скрывая веру. И в Покаянном каноне послушника Игоря, написанном сразу после ухода из мира, есть горькие строки об этом вынужденном внешнем отречении: «Оставив свет истины, незаметно стою во тьме, яко Петр, страха ради, творю огнь мудрования своего...» И дальше: «Греюся огнем страстей своих, во дворех чуждих обретаюся, окаянный». Отречение апостола Петра, скрывающего свою веру у костра во дворе претории — это почти сквозной образ многих стихир, а иначе — образ жизни тех лет.

Вот факты того времени. Московский поэт Александр Зорин собирает среди православных, а в том числе и среди друзей о. Василия по храму, деньги на адвоката: в тюрьме Володя. Его посадили лишь за то, что он со своими крестными детьми совершил паломничество по святым местам, а это уже «религиозная пропаганда среди детей». Знакомых Володи по очереди вызывают в КГБ, и среди них идет спор на тему Петрова отречения: скрыть свою веру, если вызовут? Или ответить как Танечка Зорина, жена поэта: «Делайте со мной,

что хотите, но своих детей я воспитывала и буду воспитывать в православной вере». Ответ достойный, но дорогостоящий — у Саши тут же рассыпали набор уже готовой к печати книги. И он потом долго работал на стройке разнорабочим — рыл канавы и писал только в стол:

Готовлюсь к худшим временам.
Боюсь, что истину предам,
Как Петр, что поневоле струшу.
Готовлюсь. Укрепляю душу.

За веру в Бога могли лишить и куска хлеба и свободы. Но православие уже стало для Игоря смыслом жизни, и он не давал себе послабления Великим постом даже со скидкой на чемпионат Европы. Вспоминают, что на чемпионатах спортсменов кормили в основном изобильной мясной пищей, а Игорь довольствовался в пост хлебом с чаем, радуясь, если в меню есть гречневая каша. Вот запись из его дневника: «14—19 апреля 1988 г. Тбилиси. Пять игр. Пост. Познал опытно слова Давида: колени мои изнемогли от поста, а тело мое лишилось тука. Господи, спаси и сохрани!»

Рассказывает мастер спорта Андрей Янков: *«На зарубежных играх команду осаждали поклонницы, и после игр мы шли в бар потанцевать с девушками или смотрели телевизор. А Игорь сидел один в своем номере, читал или слушал по кассетнику православную музыку.*

Кажется, в Венгрии мы жили в одном номере. «Игорь, — говорю, — а как бы почитать этих «врагов народа»?» Он тут же достал из-под подушки и дал мне уж не помню какую книгу. «А как бы, — говорю, — провезти это домой и дать почитать нашим?» — «А вот так», — отвечает. Снял с книги обложку, сжег ее в ванной, а текст вложил

в корочки книги типа «Учебник тренера». В общем, по-всякому прятали и провозили. Игорь себе тогда Библию за границей купил и тайно провез — это ведь запрещалось».

А мать о. Василия вспоминает, как сын привез ей из Чехословакии четыре фужера в подарок. «Да ведь шесть положено»,— сказала она сыну.— «Денег не хватило»,— ответил он, доставая из дорожной сумки писанную на ткани икону Пресвятой Троицы. Ткань при досмотре на таможне сквозь сумку не прощупывалась, а от киота, как ни жаль, пришлось отказаться.

В зарубежных поездках команду сопровождали люди из органов, и досье на православного спортсмена росло. Когда в 1986 году должен был состояться чемпионат по ватерполо в Канаде, то к общему изумлению игрока номер один не включили в сборную страны по причине: «невыездной». Мать вспоминает, что сын тогда две недели пролежал в своей комнате, отвернувшись лицом к стене. Это был момент выбора — православие или карьера и громкое имя не только в спорте, но и в журналистике. А журналист он был одаренный, и как раз в ту пору его пригласили на работу в «Литературную газету» и в «Комсомольскую правду». От этих лестных, как считалось тогда, предложений он отказался наотрез, сказав другу: «Я знаю, как там пишут, и не хочу лгать». Отныне он писал только в стол, довольствуясь весьма скромным заработком за участие в периферийных турнирах. Словом, в выборе — крест или хлеб, он выбрал крест.

* * *

Годы гонений породили не только исповедников, но и околоцерковных диссидентов, столь увлеченных борьбой с КГБ, что поиск «гэбэшников» теперь уже в Церкви стал для них, похоже, смыс-

лом всей жизни. Скучно им с Богом — без митингов скучно. Покойный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) еще в годы гонений предупреждал о великой опасности, когда борьба со злом вовлекает человека в поток зла.

Господь хранил о. Василия от этой опасности, и само его обращение к Богу произошло в семье с той высокой православной культурой, что складывается не только из личного духовного опыта, но из потомственного опыта поколений, послуживших нашей Церкви в монашеском и священническом чине. Вспоминают, что еще в миру Игорь говорил: «Я люблю, чтобы мною руководили». И Господь дал ему такого руководителя — старшего преподавателя факультета журналистики МГУ Тамару Владимировну Черменскую. Они подружились, и вскоре далекий еще от Бога студент-второкурсник стал своим человеком в этой православной семье.

Рассказывает Тамара Владимировна: *«Игорь был из простой рабочей семьи и, помню, любил советоваться: «Что интересного почитать?» Студенты в те годы увлекались дзенбуддизмом, и с Запада шел поток философской литературы, замешанной на оккультизме. Я постаралась, чтобы этот яд не коснулся души Игоря, благо, что при его потребности советоваться сделать это было легко. В нем была чуткость ко всему — до озноба.*

Как-то Игорь обратился ко мне за советом, какой семинар ему избрать. После долгих размышлений мы остановились на семинаре по Достоевскому. Помню, я очень переживала, когда он выбрал для реферата и сообщения на семинаре довольно сложную тему по Розанову. Семинар был элитарным по уровню преподавания и по составу, и выступать ему предстояло пе-

ред людьми того круга, где языки, например, знакомы с детства. Так вот, реферат был блестящий! Игорь был необычайно одарен и усваивал за год то, на что у других уходило десять лет.

А еще почему-то запомнилось, как в пору нашего увлечения Достоевским нам подарили билеты на премьеру «Кроткой», и мы отправились в Малый театр. Обычно Игорь ходил в спортивном, а тут я увидела элегантного молодого человека с цветами в светлом английском костюме-тройке. Кстати, цветы он любил так по-детски, что не мог пройти мимо, не купив. И вот сидим мы в ложе перед началом спектакля и я замечаю, что большинство зрителей повернулось и смотрит в нашу сторону. Я верчу головой, недоумевая, да что же они тут разглядывают? Взглянула на Игоря и поняла — взоры были прикованы к нему. Все в его облике дышало таким благородством, что с той поры и поныне мне все кажется, будто спустилась с неба звезда, чтобы так недолго побыть на земле...»

По словам Тамары Владимировны, Игоря в свою веру она не обращала — в их семье это не принято. Здесь просто любили его, как родного. И Игорь навсегда полюбил этот дом, где мерцала лампадка пред образами, а стены были сплошь в картинах — дедушка-священник был художником, и в поездках по Руси всю жизнь рисовал эти дивные храмы, обращенные позже в руины. Но на картинах священника храмы еще жили, источая нездешний покой, и студента Игоря тянуло к ним. Вера пришла потом, а сперва он полюбил этот дом с иконами и спешил сюда после занятий.

Студента сначала кормили обедом. А когда он уединялся в своей комнате с книгами, перед ним ставили тарелку с горой бутербродов. «Куда

столько?» — удивлялась Катя, дочка Тамары Владимировны. «Он спортсмен. Ему надо», — объясняли ей.

Кате было тогда четырнадцать лет. Новый мамин студент писал стихи, а она критиковала их: «Плохо!» — «Разве?» — удивлялся Игорь. А подумав, соглашался: «Слушай, а ведь правда плохо». Зато в музыке вкусы у них были общие. Вспоминают, как однажды они с Катей четырнадцать раз подряд прослушали новую запись и долго сидели в сумерках, слушая, как на далеком Афоне монашеский хор поет: «Кирие, елейсон!»

Первой перемены в сыне заметила мать. У него вдруг резко изменился вкус. Он давно уже ревностно собирал домашнюю библиотеку и выстаивал долгие очереди за подпиской на классиков, радуясь, что купил полное собрание сочинений Льва Толстого. А тут, к возмущению матери, он вдруг вынес все его книги из дома, сказав: «Мама, да он же еретик!» А на опустевшее место в книжном шкафу вскоре встало собрание сочинений святителя Игнатия Брянчанинова, правда, в ксерокопиях.

И все-таки в семье Тамары Владимировны никто не смог ответить на вопрос, как и когда Игорь стал верующим. А чтобы понять, почему так непрост вопрос о вере, приведем один разговор с о. Василием уже в Оптиной пустыни. Одна прихожанка пожаловалась ему, что не успевает вычитать утреннее правило, потому что надо накормить и отправить сына в школу, а там уже и самой бежать на работу. Он молча выслушал ее и вдруг сказал волнуясь: «А достойны ли мы произнести само имя Господа?» Ответ был ясен — недостойны. И сколько же мы грешим в разговорах, поминая имя Божие всуе! Так вот, в семье Тамары Владимировны не говорили о православии, но дышали

им. Духовником семьи был в свое время ссыльный святитель Лука (Войно-Ясенецкий), и жизнь дала им такие примеры мученичества за Христа, рядом с которыми обмирает душа, спрашивая себя: а в вере ли мы? Вот дивный Промысл Божий — с самого начала Господь ввел будущего новомученика Василия Оптинского в ту среду, где знали о мученичестве из опыта, а не из книг.

* * *

Время, когда о. Василий начал ходить в храм, совпало с массовым выходом «лагерной» литературы, повествующей об ужасах той преисподней, где людей убивали физически и духовно. В доме Тамары Владимировны Игорь познакомился с иными лагерниками — узниками за Христа, подружившись, в частности, с протоиереем Василием Евдокимовым (✝1993). Когда протоиерея Василия спросили: «Батюшка, а страшно было в лагерях?». Он ответил: «Конечно, страх был, когда пробирались тайком на ночную литургию в лагере: вдруг поймают и набавят срок? А начнется литургия — и Небо отверсто! Господи, думаешь, пусть срок набавят, но лишь бы подольше не наступал рассвет. Иногда мне даже казалось, что мы, узники Христовы, были свободнее тех, кто на воле. Как объяснить? Дух был свободным, и дух пылал. Вот был у нас монах-простец и все, бывало, говаривал: «Посмотрите, кто на Голгофе? Христос, Божия Матерь. И римские воины — они делают свое дело, а мы свое».

Известно, что старый священник подолгу беседовал со студентом Игорем. О чем? Теперь уже не спросишь. Но сохранились записанные на магнитофон рассказы о. Василия Евдокимова о преподобном Оптинском старце Нектарии, к ко-

торому он ездил в ссылку, о влыдыке-исповеднике Афанасии (Сахарове), о священномученике Сергие Мечеве и иных светильниках нашей Церкви. И чтобы хоть отчасти передать дух бесед старого священника, приведем один из его рассказов.

Рассказ о. Василия Евдокимова: *«В Москве до революции близ Казанского вокзала был храм трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. После революции храм стали разрушать. А работал тогда в ресторане Казанского вокзала православный официант. Голод был страшный, а официанту в ресторане полагался обед. И вот он отдавал свой обед голодающим, а сам уходил в поруганный храм. Поднимет с пола крестик или икону, по которой ходят ногами, благоговейно оботрет и вздохнет: «Православные созидают, а они разрушают». И забрали официанта известно куда.*

О судьбе этого официанта я узнал таким образом. В Москве тогда гремел своими лекциями профессор Браудо. Молодежь им восторгалась — зал всегда битком. Ну и я пошел послушать. А профессор Браудо, оказалось, читал лекцию о том, что вера в Бога — это особый вид шизофрении и религиозного помешательства. Говорил он так зажигательно, что молодежь аплодировала. Успех был полный. И тут величественным жестом профессор повелел служителям привести для демонстрации больного, и в зал вошел наш официант.

Был он бледен от заточения, но столько покоя и одухотворенности было в его лице, что аудитория сразу притихла. «Вам, наверное, скучно в психиатрической лечебнице?» — стал ему задавать вопросы профессор. «Нет,— ответил официант,— у меня есть Библия, а жизни не

хватит, чтобы познать эту дивную Книгу». Профессор стал задавать ему вопросы по Библии, надеясь показать аудитории «темного фанатика», не замечающего противоречий в Библии. Но официант давал такие блестящие и мудрые ответы, цитируя Библию наизусть, что молодежь была уже полностью на его стороне. А профессор в раздражении воскликнул: «Да как вы могли запомнить наизусть эту толстую книгу — в ней же, наверное, страниц шестьсот?»

Словом, профессор «провалился», и молодежь восторгалась уже официантом. Профессор приказал спешно увести его, спросив напоследок: «Неужели вам все это не надоело и вы по-прежнему ни на что не жалуетесь?» — «Нет,— ответил официант,— с Богом везде хорошо». И с такой благородной учтивостью поклонился аудитории напоследок, что когда его выводили, многие пошли за ним. Профессор возмущенно что-то кричал, пробуя продолжить лекцию, но молодежь уже дружно покидала зал».

Сразу после воцерковления Игорь стал ездить в Псково-Печерский монастырь на совет к архимандриту Иоанну (Крестьянкину), ответившему на вопрос о своих лагерных годах почти теми же словами, что и протоиерей Василий Евдокимов. «Почему-то не помню ничего плохого. Только помню — Небо отверсто, и Ангелы поют в небесах». Где Голгофа — там Христос. И Игорю дано было впитать в себя ту огненную веру исповедников и новомучеников Российских, от которой до монашества был уже краткий путь.

Перед уходом в монастырь он в последний раз приехал в дом Тамары Владимировны, чтобы попрощаться уже навсегда. И если побывать в этом доме и сесть на излюбленное место Игоря в углу

дивана, то откроется, что отсюда во всю ширь окна видны купола Богоявленского собора, а сами хозяева дома — из рода Богоявленских, давших миру священномученика Владимира (Богоявленского), митрополита Киевского и Галицкого, убиенного за Христа в 1918 году. Предстательство святых за нас обычно свершается втайне, но в Страстную Субботу 1993 года вдруг стала явной эта незримая связь. И здесь опять вернемся к событиям перед Пасхой.

* * *

В дневнике преподобного Оптинского старца-исповедника Никона есть поразительная запись об участии святых в нашей жизни. Он был еще послушником, когда преподобный Оптинский старец Варсонофий прикровенно открыл ему, что он поступил в монастырь по молитвам святого мученика Трифона, сказав: «Почему за вас ходатайствовал мученик Трифон, нам не дано знать. Быть может, вы его отдаленный потомок, а святые зорко следят за своим потомством».

Тайна единения Церкви земной и Небесной сокрыта от нас в нынешнем веке и все же ощутима порой. В Страстную Субботу 1993 года киевляне привезли в Оптину пустынь частицы облачения священномученика Владимира Киевского и за несколько часов до убийства раздали их оптинской братии.

Иноку Ферапонту вручили эту святыню на литургии в скиту, а иеромонаху Василию на литургии в Свято-Введенском соборе, и как раз в тот момент, когда пели тропарь: «Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое тело Твое...» Этот тропарь пел перед расстрелом священномученик Владимир Киевский, и его келейник Филипп рассказывал: «Митрополит был спокоен — словно шел

на служение литургии. По дороге, в ограде Лавры, митрополит шел, осеняя себя крестным знамением, и в предвидении смерти благоговейно напевал: «Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое тело Твое...» Так уже в распеве Страстной Субботы явила себя связь новомученичества наших дней с новомучениками прежних лет.

Двенадцатилетняя киевлянка Наташа Попова вручила иноку Трофиму частицу облачения священномученика Владимира Киевского уже перед Крестным ходом на Пасху. Девочка была очень привязана к иноку Трофиму, и потому расскажем немного о ней. В шесть лет Наташа попала под чернобыльское облучение и тяжело заболела. Потом ее крестили, но хорошо она себя чувствовала только в Оптиной пустыни.

Из воспоминаний Наташи Поповой: *«С 10 до 12 лет я жила в Оптиной пустыни, и без родителей было сначала одиноко. Ведь когда болеешь, хочется ласки. И тут Господь мне послал моего большого друга инока Трофима. Мой духовный отец не благословил меня пересказывать наши с ним разговоры. Но один разговор могу передать. «Отец Трофим, — говорю, — опять я провинилась и давно не писала домой». А он вздыхает: «Да и я давно домой не писал». А потом говорит, потупясь: «Вот мы оставили родных и приехали сюда работать Божией Матери. Неужели Царица Небесная оставит их?»*

Инок Трофим был очень веселый и часто подкармливал меня фруктами. Теперь я понимаю, что он не ел фрукты на братской трапезе, а приносил их мне. Но тогда это было для меня, как фокус, — бывало, смотрит на меня, улыбаясь, а из рукава рясы вдруг возникает апельсин. Это было так весело!

Когда уже перед самым Крестным ходом я отдала иноку Трофиму частицу мантии священномученика Владимира Киевского, он благоговейно приложился к ней и произнес: «Как жаль, что я не знаю ничего о его жизни». — «Отец Трофим, — сказала я, — у нас в Киеве сейчас выходит книга о священномученике Владимире. Я обязательно привезу ее вам, и вы все прочтете». — «Если доживу», — ответил он так серьезно, что у меня оборвалось сердце. Я даже рассердилась: «Ну, как вы можете так говорить? Вы обязательно доживете! Слышите, обязательно!» И тогда он сказал уже как бы в шутку: «Ну, если доживу-у». Приложился еще раз к частице мантии священномученика и ушел с ней благовестить свою последнюю Пасху».

Вот тайна инока Трофима — он часто говорил о своей скорой смерти, и никто не понимал — почему, пока из Бийска не пришло письмо от раба Божия Иоанна. В письме рассказывалось о жизни инока до монастыря и о том, как он добивался открытия храма в деревне Шубенка Алтайского края. Он собрал тогда множество подписей верующих, бился во всех инстанциях, но везде был получен отказ. Это не случайность. В те годы (1988—1989) весь мир обошли фотографии голодающих ивановских ткачих, лежащих уже в смертном изможлении на ступеньках храма. Власти не отдавали храм верующим — и это в многотысячном городе без церквей. И тогда несколько ивановских подвижниц дали обет принять крестную смерть за Христа, не вкушая пищи, чтобы уже своими телами вымостить народу дорогу в храм.

Из письма раба Божия Иоанна: *«Вечером родительской субботы Святой Троицы мы шли с Алексеем (о. Трофимом) на всенощную в храм.*

Вдруг он припал на колени и воскликнул: «Смотри, брат!» И мы увидели на траве икону Святой Троицы необыкновенной красоты: три юноши в белых одеждах, пришедшие к Аврааму. Алексей сказал тогда о своей мученической смерти: «Неужели, брат ты мой, это смерть моя?» Я ответил: «Ты молод, Алексей, и должен много полезного совершить. Не надо думать о смерти». А он сказал: «Ты много читал о святых явлениях людям, которым суждено было пострадать во имя Господа нашего. Видно, и мне придется». Здесь нас увидел о. Петр и позвал: «Что это вы там?» Мы подошли к отцу Петру под благословение. В это время светило солнце и при солнце пошел редкий и теплый дождь. На нашу просьбу освятить икону о. Петр сказал, что икону освятил Сам Господь.

Только после мученической кончины инока Трофима мы поняли, что это было предзнаменованием Божиим».

Рассказывает брат о. Трофима Геннадий: *«Когда мы с другим нашим братом Саней приехали в Оптину навестить Трофима, то сразу спросили, а с чего это он в монахи пошел? Трофим рассказал, что перед уходом в монастырь ему было знамение — от одной иконы исходил ослепительный свет, и он услышал голос, дважды или трижды сказавший ему что-то. К сожалению, мы с Саней не верили тогда в чудеса, а потому не постарались запомнить рассказ. Да и что мы понимали в ту пору, если лишь уговаривали брата ехать домой? «Как же я уеду отсюда, — сказал Трофим, — если войду в храм, а каждая икона со мной разговаривает».*

Знамение от иконы пришлось на Троицу 1990 года, и Трофим сразу же купил билет до Оптиной пустыни, решив уйти в монастырь. Что у

него украли тогда: паспорт, деньги, билеты — эти подробности уже забылись. Но рассказывают, что Трофим отчаянно бился полтора месяца, силясь уехать в монастырь, а враг воздвигал препятствие за препятствием. И тогда со свойственной ему решимостью он сказал: «Хоть по шпалам, а уйду в монастырь». При его характере он дошел бы до Оптиной по шпалам. Но Господь, испытав его решимость, подал помощь — один батюшка замыслил паломничество в Оптину и взял Трофима с собой. Так появился в обители будущий новомученик Трофим Оптинский.

* * *

По словам святителя Иоанна Златоуста, «мучеником делает не только смерть, но душевное расположение; не за конец дела, но и за намерение часто сплетаются венцы мученические». И вот еще два свидетельства о готовности оптинских братьев пострадать за Христа. Ростовчанка Елена Тарасовна Теракова, у которой перед монастырем жил будущий инок Ферапонт, написала о нем в воспоминаниях: «Мне запомнились его слова: «Хорошо, — сказал он, — тем людям, которые приняли мученическую смерть за Христа. Хорошо бы и мне того удостоиться».

Из воспоминаний Петра Аксенова, студента Свято-Тихоновского Богословского института: *«Я был еще мальчиком, а отец Василий иеродиаконом, когда вместе с одним батюшкой они заехали на машине в наш деревенский дом возле Оптиной, чтобы завезти довольно тяжелую икону, которую мама писала тогда для монастыря.*

Наш дом стоит на горе, и отсюда открывается очень красивый вид на Оптину пустынь, расположенную вдали за рекой. Отец Василий залюбовался видом и сказал: «Ну, вот, Петька,

когда начнутся гонения, мы придем жить к тебе». И тут же пошел с батюшкой по саду, намечая, где можно поставить часовню и молиться здесь, если монастырь из-за гонений закроют. Меня поразило тогда, что они говорят о гонениях как о чем-то реальном и даже ГОТОВЯТСЯ к ним».

Таково устроение монашеской души, чутко улавливающей дыхание опасности, еще неведомой миру. Расскажем же о последних днях земной жизни трех Оптинских новомучеников.

ИНОК ТРОФИМ. «ДУША НОСИТ ТЕЛО СВОЕ»

Игумен Тихон вспоминает, как в понедельник второй седмицы Великого поста он задержался после службы в алтаре и увидел, как инок Трофим, прибрав в пономарке (он нес тогда послушание пономаря), взял просфору и, благоговейно вкушая ее со святой водой, сказал: «Слава Богу, неделя прошла. Теперь и разговеться можно». — «А ты что, всю неделю не ел, что ли?» — спросил Трофима о. Тихон. — «Ничего, я привычный», — ответил инок.

«Признаться, я не поверил ему тогда, — рассказывал игумен Тихон. — А позже узнал, что о. Трофим имел привычку поститься, не принимая пищи, и куда более долгие сроки».

Поверить в сугубое постничество о. Трофима было, действительно, трудно — он был всегда неутомимо-бодрый, радостный, а вид имел цветущий. И если бы в ту пору в Оптиной кто-то стал рассказывать, что о. Трофим тайный аскет, его бы переспросили с недоумением: «Это кто — Трофим, что ли?» Трофима все любили и, казалось, знали. А после убийства выяснилось — человек он был закрытый и сотаинников не имел.

«Вспоминаю Трофима и сразу вижу такую картину,— говорит, улыбаясь, паломник Виктор Прокуронов, — вот приезжает Трофим с поля на тракторе, а к нему со всех сторон спешат дети и бегут, ласкаясь, собаки. А монастырские кони уже тянут шеи, норовя положить ему голову на плечо». Дети любили инока восхищенной любовью — он знал повадки животных, голоса птиц и «понимал» лошадей, а до монастыря работал на племзаводе, объезжая породистых скакунов. «Бывало, летит на коне через луг,— вспоминает оптинский штукатур Пелагея Кравцова,— а мы работу бросим и смотрим ему вслед. Красиво, как в кино! На коне сидел, как влитой. «Трофим,— говорю,— ты не из казаков ли родом?» А он улыбается: «Конечно, казак».

Это был веселый инок. Очень «серьезные» юноши-паломники тех лет, случалось, корили его за «ребячливость», чтобы годы спустя понять — он был очень взрослый человек, чутко подмечавший, когда ближнему плохо. И тут у него были свои приемы педагогики.

Рассказывает москвичка Евгения Протокина: *«Перед Пасхой 1993 года мы не спали несколько ночей подряд и на ночной пасхальной литургии буквально рухнули. Дети, задремав, повалились на пол. А мы с подругой привалились друг к другу на лавочке и одно желание — спать. Так обидно было — ведь ради Пасхи ехали в Оптину, а тут!.. И вот где-то в три часа ночи из алтаря вышел Трофим. Улыбнулся при виде нашего «сонного царства» и как-то смешно пошевелил верхней губой, будто зайчик морковку жует. Дети при виде «зайчика» ну просто ожили от счастья. А мы с подругой вскочили на ноги, и сон как рукой сняло. Обнимаем друг друга: «Христос воскресе!» И такая радость в душе.*

3 – 7033

Много доброго я видела в жизни от моего большого друга Трофима, а это был его последний дар — бодрость и радость на Пасху».

Рассказывает паломник-трудник Александр Герасименко из Ташкента: *«В 17 лет я мечтал стать отшельником-исихастом — возносился до неба и падал оттуда, а потому порой унывал. Иду, бывало, в унынии к Трофиму и думаю: сейчас мы разберем мое искушение на серьезном богословском уровне. А Трофим такую байку расскажет, что я от смеха держусь за живот. Ворчу про себя: «До чего же несерьезный!» А уныния уже и в помине нет.*

Трофим умел управляться с нашим «серьезным» братом. Помню, приехал в Оптину молодой паломник, но до того замороченный, что ходил с показательной постной миной и говорил вместо «очень» — «зело». Приходит он на склад, а Трофим тогда нес послушание кладовщика, и говорит этак на «О»: «БлОгОслОвите, отче, гвОздей». А Трофим ему весело: «Давай оглоблю — благословлю». А паломник витийствует в том же духе, дескать, он «зело» молится за весь мир и просит у Трофима его святых молитв. Трофим даже опешил: «Брат, ну какие из нас с тобой молитвенники — с таким-то багажом?» О чем-то они еще говорили, но, смотрю, паломник улыбается и разговаривает уже нормально.

Трофим был истинный монах — тайный, внутренний, а внешней набожности и фарисейства в нем и тени не было. Меня всегда потрясало, как же Трофим любил Бога и всех людей! Подчеркну — ВСЕХ. Плохих людей для него на земле не было, и любой человек в любое время дня и ночи мог обратиться к нему за помощью и получить ее».

Для характеристики инока Трофима приведем такой эпизод. Осень 1992 года выдалась столь дождливой, что уборка картошки превратилась в пытку: сверху то и дело моросит дождичек, а в отсыревших сапогах хлюпает вода. Возвращались с поля затемно и до того усталыми, что ходить на службу уже не было сил. И однажды на общей исповеди иеромонах Сергий (Рыбко) решил нас пристыдить: «До чего мы дожили — в храме пусто, а у всех оправдание: «Батюшка, но мы же так поздно возвращаемся с поля». Привожу в пример — вчера последним в 12 часов ночи с поля вернулся инок Трофим, и он же первым пришел на полунощницу».

Если бы о. Сергий назвал иное имя, то, наверняка, дрогнули бы сердца слушателей: в монастыре появился подвижник. А Трофим? Он был для всех как дитя неугомонное, которому нравится бодрствовать по ночам. И вернувшись с поля к полуночи, инок как всегда неопустительно исполнил свое келейное правило, а потом затопил печь, чтобы просушить к утру мокрые сапоги и телогрейки братии. У кого-то сапоги просили «каши», и он тут же их починил. А еще к нему ночью пришел расстроенный послушник: «Представляешь, потерял четки. Ох, и попадет мне, если увидят без четок!» И Трофим сплел ему новые четки к утру.

Иеромонах Ф. вспоминает: *«Я пожаловался Трофиму, что засижусь ночью над книгой, а потом просыпаю на полунощницу. «А я,— говорит Трофим — если засижусь ночью, то уже не ложусь. Встану перед кроватью на колени и положу голову на руки. Руки в таком положении быстро затекают. Тут уж не проспишь — вскакиваешь с первым ударом колокола».*

«Какое счастье — встретить человека!» — сказал как-то инок Трофим послушнице Зое Афанасьевой.

И если именно к Трофиму шли с просьбами починить будильник, фотоаппарат или обувь, то не только потому, что больше обратиться не к кому. Люди сегодня так перегружены, что бывает совестно просить. Попросишь человека, а он: «Давай завтра? Почти не спал сегодня». А назавтра: «Давай после Пасхи? Болею что-то». И лишь инок Трофим никогда не болел, не уставал и радовался каждому, как Ангелу небесному.

Так он и жил до последнего дня своей жизни. И картина была такая — идет инок Трофим перед Пасхой через двор монастыря, а его то и дело окликают: «Трофим, помоги!» Вот паломники с братией мучаются, не в силах занести громоздкий старинный буфет в узкие двери трапезной. Подошел Трофим, взвалил буфет на себя и аккуратно пронес сквозь двери. А ему уже машет рукой автомеханик: «Трофим, подсоби!» На крыле КамАЗа вмятина, и водители силятся выпрямить ее кувалдой и хоть как-то отрихтовать. А Трофим одними руками о колено выпрямил на крыле вмятину.

Рассказывает штукатур Пелагея Кравцова: *«К Пасхе 1993 года мы спешили закончить ремонт Свято-Введенского собора. И один угол в Никольском приделе уже трижды переделывали, а все равно сочится откуда-то вода и пучит штукатурку. Ну, руки опускаются: сколько можно переделывать? «Трофим, — говорю, — посмотри, в чем тут дело?» Нашел он причину и заделал течь так качественно, что тот угол в соборе и поныне цел.*

Помню, пожаловалась я тогда Трофиму: «Работаю в монастыре, а помолиться некогда. Домой приду — стирка, готовка, и уже падаю в кровать». А Трофим говорит: «Ты за работой молись. Вот так». Зачерпнул раствор, штука-

турит и говорит с каждым нажимом: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». В меня это как въелось. С тех пор, как возьму инструмент в руки, так сама побежала молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Без молитвы уже работать не могу».

Вспоминает послушница Лидия, а в ту пору оптинский бухгалтер: *«К Пасхе так спешили с ремонтом собора, что во время ремонта пережгли переходник и один из двух храмовых электрочайников. А причастников на Пасху всегда так много, что с одним чайником не управиться. Электрочайников в продаже нигде не было. Один человек обещал починить, но... А Трофим без всяких наших просьб взял электрочайник и переходник на ночь к себе в келью и к утру все починил».*

Из записей паломницы Галины Кожевниковой, г. Брянск: *«В 1993 году в монастыре еще жили семьи мирян, и соседкой инока Трофима была бабушка Елена. Я записала ее рассказ: «Отец Трофим был заботливый и любил людей. Увидел, что я унываю, и спрашивает: «Что ты, матушка, такая грустная?» — «Ограда моя завалилась». — «О, это мы сейчас поправим». Поставил мне новую ограду к Пасхе, все вымыл, вычистил в саду и в келье и ушел к Богу в чистоте».*

* * *

Незадолго до смерти инок Трофим сказал своему другу механику Николаю Изотову: «Ничего не хочу — ни иеродиаконом быть, ни священником. А вот монахом быть хочу — настоящим монахом до самой смерти». Как раз перед Пасхой инока Трофима готовили к постригу в мантию, и в Оптиной на это есть свои приметы — перед постригом или рукоположением в сан на человека вдруг

обрушиваются особо строгие требования и епитимьи. Но в монастыре этих строгостей ждут, присматриваясь с тайной радостью: кого нынче «чистят» для пострига? Так вот, перед Пасхой инока Трофима «чистили», и он жизнерадостно полагал земные поклоны, отлично понимая, что к чему. «Не готов я пока для пострига,— сказал он.— Еще бы дожать!» «Вот ведь промысл Божий, — сказал после Пасхи иеромонах Ф.,— «чистили» о. Трофима для пострига, а почистили для Царствия Небесного».

Из записей Галины Кожевниковой: *«К концу Великого поста иные из братии уже изнемогали, а о. Трофим переносил пост и бдения с видимой легкостью. Он был человеком сильной воли. Один иеродиакон вспоминает, что к концу Великого поста он изнемог уже до уныния, а о. Трофим его спросил: «Отец, ты что такой?» «Сил нет. Чайку выпить, что ли?» — «Чаек тоже чревоугодие».— «Я же от уныния хочу!» — «А ты возьми и просто не пей. И если чего хочется, лучше не ешь. Если мы здесь все хорошее получим, то что нам достанется там?»*

Сегодня уже известно, что у иноков Трофима и Ферапонта было в обычае не принимать никакой пищи в первую и последнюю неделю Великого поста. Но эту уже привычную для себя норму поста инок Трофим переносил с легкостью и был от природы необычайно вынослив. Между тем, последним Великим постом в нем проглядывали те признаки изможденния, что заставляют предполагать — инок Трофим пошел в этот раз на сугубый подвиг. Он шел уже на пределе сил, и это было заметно утром.

В пятом часу утра, когда братия идут на полунощницу, лица во тьме еще неразличимы. Но инока Трофима узнавали еще издали по его стремитель-

ному летящему шагу. «На молитву надо спешить, как на пожар», — писал преподобный Оптинский старец Антоний. Именно так спешил и летел в храм инок Трофим, опережая по пути многих. Теперь его перестали узнавать. Просфорник Саша Герасименко вспоминает, как он неспешно шел на полунощницу, обогнав во тьме некоего человека. Оглянулся и не поверил — неужели Трофим? Он шел, превозмогая себя и с таким усилием, будто нес неподъемную ношу.

Пелагея Кравцова рассказывала, что приехав в монастырь на рассвете, она тоже оглянулась в недоумении: «Что с отцом Трофимом? Еле-еле ходит». И когда он упал в храме, многие подумали — иноку Трофиму плохо. Но он тут же встал и продолжил земные поклоны, не давая себе послабления.

Инокиня Одринского Никольского монастыря Нектария (Садомакина) вспоминает, как Великим постом приехала в Оптину и, увидев на звоннице инока Трофима, пошла к нему. Было пустынно, он звонил один. Тихо падал снег, и удары большого колокола по-великопостному скорбно гудели над землей. С последним ударом инок Трофим припал лицом к колоколу, будто вбирая в себя эту гудящую скорбь. А инокиня с острой жалостью увидела его изможденное лицо и покрасневшие от бессонных ночей глаза. «Как же устал и измучен инок Трофим!» — подумалось ей. Но подумалось об этом мельком, ибо потом была литургия, а благодать церковной службы настолько преображала инока, что он опять сиял и летал.

Вспоминает старенькая паломница-трудница Капитолина, ухаживавшая тогда за цветами на могилках Оптинских старцев: — *Работаю на цветниках, а о. Трофим рядом работает на звоннице, обновляя к Пасхе колокольную снасть. Ле-*

тает, как на крыльях, даже подрясник парусит! Все он делал красиво. На трактор садится, будто взлетает. Я однажды не выдержала и призналась: «Простите, о. Трофим, но я любуюсь, когда вы пашете землю». А он в ответ: «А я землю люблю». Все он любил — Бога, людей, все живое».

Это был удивительно солнечный инок, излучавший такую радость, что один послушник той поры с горечью признавался потом, что согрешил тогда в мыслях против о. Трофима. Вот, подумал он, все постятся и еле ноги таскают, а тут такая мощь и торжество плоти, что вряд ли усердствует в посте человек. Именно этому послушнику дано было одним из первых узнать ту посмертную тайну новомученика Трофима, когда никакой торжествующей плоти не было и в гроб положили изможденное тело постника. Он был тайный аскет, но аскет радостный и являющий своею жизнью то торжество духа над плотью, когда по слову святого праведного Иоанна Кронштадтского «душа носит тело свое».

ИНОК ФЕРАПОНТ. «СРЕДИ ВАС АНГЕЛЫ ХОДЯТ»

Подвиг сугубого постничества инок Ферапонт принял на себя еще до монастыря. Монахиня Неонилла, певшая в те годы на клиросе Ростовского кафедрального собора, пишет о нем так:

«Постник он был необыкновенный. На Великий пост набирал в сумочку просфор, сухариков и бутыль святой воды. После службы удалялся в храме за колонны, вкушал здесь святую пищу. А я переживала, что он такой худенький, и все приглашала его в трапезную покушать постного борща».

В первую и последнюю седмицу Великого поста, как уже говорилось, он не вкушал ничего. А в

последнюю неделю своей жизни не принимал, говорят, даже воды. Но проверить достоверность этого утверждения трудно, ибо на братской трапезе не принято смотреть, как кто ест и пьет. И если инок Ферапонт иногда обращал на себя внимание, то лишь потому, что мог зачерпнуть ложкой супу да и забыть про него, держа ложку на весу. Он настолько погружался в молитву, перебирая четки, что не замечал уже ничего.

В пост инок Ферапонт всегда белел лицом, а последним Великим постом был уже «прозрачный» и светился какой-то радостью. Иеромонах Киприан, а в ту пору монастырский зубной врач Володя, вспоминает, что в Страстную Пятницу он дежурил у Плащаницы и обратил внимание, что инок Ферапонт оживленно и радостно разговаривает с кем-то в комнатке-кармане храма. Так прошло минут сорок. Время от времени он поглядывал в ту сторону, удивляясь необычному: «Ну, надо же, о. Ферапонт разговорился!»

Перед Пасхой он будто выходит из затвора — улыбается и почему-то просит многих: «Помолитесь обо мне!»

Тихий инок жил все эти годы в монастыре в таком безмолвии, что теперь удивляло простое — он разговаривает. И если сначала кого-то задевало, что он не замечает людей, то потом и его перестали замечать. Он жил в монастыре, а будто исчез. Запомнился такой случай. Через двор монастыря шел приезжий иконописец, спрашивая встречных: «Не подскажете, где найти о. Ферапонта?» Встречные в свою очередь окликали знакомых: «Не знаешь, кто у нас о. Ферапонт?» Гадали долго, пока иконописец не догадался спросить: «А где у вас делают доски для икон? Меня за досками послали». — «А-а, доски! Тогда идите в столярку».

Инок Ферапонт жил настолько не касаясь земли, что даже из братии его мало кто знал. Когда, собирая воспоминания, расспрашивали всех, а какой он был, большинство лишь сожалело, что не привел Господь узнать. А вот один паломник ответил: «Я знаю его. Ферапонт был сачок». — «Да ты что, брат, говоришь?» — опешили все, зная исключительное трудолюбие инока. «То, — уверенно ответил паломник. — Он же вечно опаздывал. Тут на послушание надо идти, а он как заляжет у мощей на молитву, вспомните!» И тут, действительно, вспомнили, а ведь было такое. Когда на хоздворе строили дом, инок Ферапонт, случалось, опаздывал на стройку на несколько минут. Этих копеечных опозданий никто бы не заметил, если бы не сам инок. Он пунцово краснел и говорил сокрушенно: «Простите! Простите! Опять опоздал». Мастер он был золотые руки, и в отличие от пунктуального паломника работал споро. И все же водилось за ним такое: когда он становился на молитву у мощей возлюбленных им Оптинских старцев, то настолько забывал о земном, что жил уже вне времени и пространства.

Молился он обычно уединенно — в комнатке-кармане храма, где до канонизации стояли мощи преподобного Оптинского старца Нектария. Бывало, служба уже кончилась и храм давно опустел, а в уединенной комнатке перед мощами все еще молится, распростершись ниц, инок Ферапонт.

Был такой случай. К дежурному по храму подошел приезжий человек, рассказав о себе, что в монастырь он попал случайно и сомневаясь в душе, а есть ли Бог? «Бог есть! — сказал он взволнованно. — Я увидел здесь, как молился один монах. Я видел лицо Ангела, разговаривающего с Богом. Вы знаете, что среди вас Ангелы ходят!» — «Какие

Ангелы?» — опешил дежурный. А приезжий указал ему на инока Ферапонта, выходившего в тот момент из храма.

Нечто похожее видел один из братии. Инок Ферапонт молился у мощей в пустом храме, полагая, что его никто не видит. Брат в это время тихо вышел из алтаря и увидел такое сияющее, ангельское лицо инока, что в ошеломлении быстро ушел.

* * *

«Молитва должна быть главным подвигом инока», — писал святитель Игнатий Брянчанинов. У инока Ферапонта была такая жажда молитвы, что ее не насыщали даже долгие монастырские службы. Его сокелейники рассказывали, что сотворив монашеское правило с пятисотницей, кстати, не обязательной для иноков, он потом еще долго молился ночью, полагая многие земные поклоны. Один из сокелейников признался, что как-то он решил сосчитать, а сколько же поклонов полагает инок за ночь? Келью разделяла пополам занавеска, и инок Ферапонт молился в своем углу, бросив на пол пред аналоем овчинный тулуп. Поклоны звучали мягко. Сокелейник считал их, считал и уснул, все еще слыша во сне звуки поклонов.

Словом, как нам, грешным, бывает трудно встать на молитву, так иноку Ферапонту было трудно прервать ее. Приведем здесь рассказ рабы Божией Ольги, предварительно рассказав о ней самой.

Ольга была еще студенткой, далекой от Бога, когда на нее напала тоска от вопроса: а какой смысл в трудах человека, если впереди могила и тлен? Тетка сказала ей, что с такими вопросами надо обращаться к психиатру. А Ольга металась. Это был год перенесения мощей преподобного Серафима Саровского, и, прочитав в газете статью

о Старце, она так полюбила его, что уверилась в мысли — у мощей Преподобного она получит ответ. Вырезала Ольга из газеты статью о Старце и приехала почему-то в Оптину, оставшись работать здесь на послушании и поступив затем в женский монастырь. Так дивный старец Серафим вывел из мира будущую монахиню.

Но тогда, приехав в Оптину, Ольга еще ничего не знала о монашестве, расспрашивая с интересом, а что за веревочки с узелками монахи носят в руке? Это был неведомый для нее, но родной мир. Она с жадным интересом всматривалась в него и увидела однажды вот что.

Ольга работала на втором этаже в рухольной, когда внизу под окном остановился трактор с прицепом, в котором сидели инок Ферапонт и еще кто-то из паломников и братии. Очевидно, намечалась поездка куда-то, но тут заморосил мелкий дождик со снежной крупой, и все ушли в укрытие. В кузове остался один инок Ферапонт. Выглянув в окно, Ольга подумала: «Почему он «спит» в странной позе — на коленях и пав лицом вниз?» Через полчаса она снова выглянула в окно и увидела, что инок находится в той же позе, а рука его мерно перебирает четки. Когда через два часа она опять подошла к окну, то очень удивилась, не понимая, что происходит — рясу инока уже припорошило сверху снежком, а он все так же перебирал четки, пав молитвенно ниц. Потом она сама ушла в монастырь, понимая уже: Господь даровал ей увидеть ту неразвлекаемую монашескую молитву, которую не в силах прервать ни дождь, ни снег.

Иеродиакон Р., живший в ту пору в одной келье с иноком Ферапонтом, рассказывал, что перед смертью инок уже не ложился спать, молясь ночами и

позволяя себе для отдыха лишь опереться о стул. Он осуждал его за это, ибо по правилам святых Отцов так подвизаться рискованно.

Все не по правилам! Но у инока Ферапонта умирала в больнице его мать. За ним стояла его далекая от Бога родня с некрещеными сестрами и тот глухой таежный поселок, где, сгорая от водки, рано ложились в землю его сверстники. Когда позже на могилки оптинских братьев приехал молодой сибирский священник о. Олег (Матвеев), он рассказал, что в иных местах Сибири до ближайшего храма надо лететь самолетом, а вокруг секты такого черного толка, что, уезжая из дома, он увозит жену с детьми к родственникам из-за угроз убить их. «Дайте нам, какие можно, материалы о наших сибиряках-новомучениках,— сказал священник.— Они наши первопроходцы и молитвенники, а за ними стоит Сибирь».

Тайну своей необычайно напряженной молитвенной жизни перед смертью инок Ферапонт унес с собой. Но иноку Макарию (Павлову) запомнилось, как инок Ферапонт однажды сказал при всех: «Да, наши грехи можно только кровью смыть». Слова эти показались тогда непонятными, и все переглянулись — странно!

Странности в жизни инока Ферапонта случались. Монастырский зубной врач иеромонах Киприан рассказывал, как года за полтора до убийства к нему обратился с острой зубной болью инок Ферапонт. Запломбировав ему зуб, он заметил, что хорошо бы со временем поставить на зуб коронку, иначе в старости нечем будет жевать. «Мне это не понадобится»,— ответил инок. А художник Сергей Лосев вспоминает, как в конце января 1993 года инок Ферапонт отдал ему свои теплые зимние ве-

щи: меховую шапку, шерстяные носки и варежки, сказав при этом: «Мне это больше уже не понадобится».

Перед самой Пасхой 1993 года инок Ферапонт стал раздавать свои личные рабочие инструменты. Поступок по тем временам необычный — в обители был такой дефицит инструментов, что их привозили с собой из дома или доставали через друзей. Словом, если последнюю рубашку в монастыре отдали бы с легкостью, то с инструментами дело обстояло иначе, так как послушание без них не выполнишь.

Рассказывает столяр-краснодеревщик Николай Яхонтов, работавший тогда по послушанию в скиту: *«Как раз перед самой Пасхой позвал меня к себе о. Ферапонт и предложил взять у него любые инструменты на выбор. Облюбовал я себе тогда отличный фуганок. Несу его в скит в мастерскую и думаю — наверное, о. Ферапонта переводят на другое послушание. Он ведь по послушанию был столяр, а тут без инструмента делать нечего. А после убийства взглянул на фуганок и похолодел — выходит, он знал о своей смерти, если раздавал инструменты заранее?»*

Что ответить на этот вопрос? Евангельский сотник дал некогда такой ответ Господу нашему Иисусу Христу: «...имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет... и слуге моему: сделай то, и делает» (Мф. 8,9). Так и душа человека, предавшего себя целиком в волю Божию, уподобляется, по словам схиигумена Илия, «как бы прекрасно настроенному инструменту, который постоянно звучит, потому что постоянно касаются его невидимые руки». Тут тайна Божиего водительства, или та тайна благодати, когда все

устрояется по воле Божией и душа уже не вопрошает о цели, но слыша «иди» — с радостью идет.

Перед Пасхой инок Ферапонт пребывал в состоянии благодатной радости, получив, похоже, дар прозорливости. Во всяком случае вот две истории о том.

Рассказывает просфорник Александр Герасименко: *«К концу Великого поста я так устал от недосыпания, что хотел сбежать из монастыря. И вот недели за полторы до Пасхи работали мы с о. Ферапонтом на просфорне, а именно он приучил меня когда-то ходить на полунощницу. Сижу напротив него и злюсь, думая про себя: «Полунощница-полунощница! Надоело!» И вдруг вижу смеющиеся глаза о. Ферапонта, и он весело говорит мне: «Полунощница-полунощница! Надоело!» Я даже не понял сперва, что он высказывает мне мои же мысли. Просто обрадовался, что злость прошла. А о. Ферапонт говорит: «Хочешь научу, как избежать искушений? Отсекай даже не помыслы, а прилоги к ним. Отсечешь прилоги, и хорошо на душе, поверь». Эге, думаю, вон ты куда забрался. Ничего себе уровень!».*

Вторую историю рассказал молодой послушник Р. Он был тогда паломником и давно уже подал прошение о приеме в братию. Великим постом многих зачислили в братию, одев в подрясники, и он думал, что на его прошение дан отказ. Своих мыслей он никому не открывал, но перед Пасхой был в угнетенном состоянии. «Не переживай, — сказал ему вдруг с улыбкой инок Ферапонт. — Тебя скоро оденут». Его, действительно, вскоре одели в подрясник, зачислив в братию на Вознесение — на сороковой день кончины новомученика Ферапонта Оптинского.

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ. «СЕ ВОСХОДИМ ВО ИЕРУСАЛИМ...»

Иеромонах, участвовавший в переоблачении братьев перед погребением, свидетельствовал потом, что погребены были мощи трех сугубых постников. Но если иноки Трофим и Ферапонт имели наклонность к подвигам постничества, то иеромонах Василий, будто оправдывая свое имя «Царский», шел всегда средним царским путем. Спал он мало, но спал. В еде был воздержан. И хотя по занятости на требах нередко пропускал трапезу, но все же появлялся в трапезной порою ближе к полуночи. Повар тех лет монахиня Варвара вспоминает: «Придет, бывало, поздно и спросит деликатно: «А супчику не осталось?» — «Нет, о. Василий, уж и кастрюли вымыли». — «А кипяточку не найдется?» Хлебушек да кипяточек — вот он и рад. Кроткий был батюшка, тихий».

По своему глубочайшему смирению о. Василий считал себя неспособным подражать подвигам древних святых Отцов, говоря: «Ну, куда нам, немощным, до подвигов?» И если он пошел на подвиг сугубого поста, значит, такова была необходимость. Ведь пост не самоцель, а средство брани против духов злобы поднебесной. Но какой была эта брань, нам не дано знать. А потому приведем лишь хронику событий перед Пасхой.

За месяц до Пасхи о. Василий съездил на день в Москву и первым делом отслужил панихиду на могиле отца. Вернувшись с кладбища, он спросил дома: «Мама, а где моя сберкнижка?» История же с этой сберкнижкой была такая. Когда-то отец с матерью положили вклад на имя сына и за годы скопили пять тысяч рублей. Тогда на эти деньги можно было купить машину. А будущее виделось

им именно так — сын женится, купит машину. Но будущее оказалось иным — сын ушел в монастырь, деньги съела инфляция, и на трудовые сбережения долгой жизни можно было купить лишь бутылку ситро. И все-таки старенькая мать не сдавалась и снова стала строить планы на будущее, надеясь, что монастырь — это временно, а сын все равно вернется домой. В свои семьдесят лет она пошла работать гардеробщицей, чтобы, урезая себя в питании, собрать хоть что-то сыну на жизнь. Вера в Бога пришла потом, а пока она не умела жить по-иному, как верша этот жертвенный подвиг материнской любви.

Отец Василий жалел мать и все откладывал разговор о сберкнижке, но, видно, откладывать было больше нельзя. Он съездил в сберкассу, закрыл вклад и, отдав все деньги матери, сказал ей: «Мама, не клади для меня больше деньги на сберкнижку, как я с этими знаками предстану пред Господом?»

Это было последнее земное свидание матери с сыном. А перед самой Пасхой Анна Михайловна увидела сон, будто крыша над домом разверзлась и с неба к ней спускаются птицы неземной красоты. «Ну, все — Страшный Суд!» — подумала она во сне, любуясь одновременно райскими птицами. Снам Анна Михайловна сроду не верила. Пасху встретила радостно, и перед самым страшным часом в ее жизни Господь даровал покой многоскорбному сердцу матери.

Рассказывает паломница-трудница Капитолина, ухаживавшая тогда за цветами на могилках Оптинских старцев: *«Перед Пасхой я, признаться, сердилась на о. Василия и о. Ферапонта. Весна, апрель — мне надо землю готовить и цветы сажать, а они как придут на могилки старцев, так и стоят здесь подолгу, молясь. Отец Ферапонт*

минут по сорок стоял. А о. Василий увидит, что мешает мне работать, и отойдет в сторонку, присев на лавочку. Но чуть я отойду, он опять у могил. А я, грешная, не понимала, как нужны им были тогда молитвы Оптинских старцев!»

Мать о. Василия вспоминала потом: «Уж до чего он батюшку Амвросия любил, а об Оптинских старцах не мог говорить без слез». И перед Пасхой произошло вот что: днем в центральный алтарь пришел от алтаря Амвросиевского придела взволнованный о. Василий, сказав находившемуся здесь игумену Ф.: «Батюшка, ко мне сейчас преподобный Амвросий приходил». Игумен, человек духовно опытный, испытующе посмотрел на него, взвесил все и, приняв решение, по-святоотечески смирил: «Да ну тебя. Скажешь еще!» Отцу Василию был дан урок смирения, и он смирился, не рассказывая об этом больше никому.

В книге преподобного Исаака Сирина «Слова подвижнические» есть глава «О третьем способе вражеской брани с сильными и мужественными», где речь идет о подвижниках, уже стяжавших силу от Господа. Именно этих людей враг старается уловить тонкой лестью, давая им откровения о будущем через явления Ангелов и святых. Вот характерная черта трех оптинских братьев — монашеское трезвение с сознанием своего недостоинства каких-либо откровений свыше. О случаях чудесной Божией помощи в Оптиной рассказывают многие, но трое новомучеников умалчивали о том. Выходит, всем помогает Господь, а им нет? Но ведь так не бывает, и причина умолчания тут иная.

Рассказывает А.Т.: *«Как-то в келье о. Василия я завел разговор о стяжании благодати и даров Духа Святого. А о. Василий сказал:*

— Мы монахи последних времен и духовных дарований нам не дано. Нам их не понести. Наше дело — терпеть скорби.

— А как их, батюшка, терпеть?

— А как боль терпят? Стиснул зубы, намотал кишки на кулак и терпи. Представляешь, что будет, если нам явится Божия Матерь? Впадем в прелесть, и все».

* * *

Однако продолжим хронику событий перед Пасхой. На Страстной неделе из Оптиной уезжала паломница, ездившая на исповедь к о. Василию откуда-то издалека и поступившая затем, по слухам, в монастырь. Уезжая, она заплакала и спросила: «Что, о. Василий тяжело заболел? Почему он сказал мне: «Больше мы с тобой не увидимся, но, запомни, я всегда буду с тобой?»

Незадолго до Пасхи о. Василию рассказали о неприглядных действиях некоторых местных жителей и угрозах расправиться с монахами, а он ответил: «Это мой народ». Еще до монастыря он написал в стихотворении: «Так и тянет за русские дебри умереть в предназначенный срок». Слова оказались пророческими.

Это был русский человек с тем характерным чувством вины за все происходящее, какое свойственно людям, наделенным силою жертвенной высокой любви. Монашество и священство усугубили это чувство, и, поступив в монастырь, он написал в дневнике: «Когда осуждаешь, молиться так: ведь это *я,* Господи, согрешаю, *меня* прости, *меня* помилуй». А вот одна из последних записей в дневнике: «Возлюбить ближнего, как самого себя, молиться за него, как за самого себя, тем самым увидеть, что грехи ближнего — это *твои* грехи, сойти в ад с этими грехами ради спасения ближнего.

Господи, Ты дал мне любовь и изменил меня всего, и теперь я *не могу* поступать по-другому, как только идти на муку во спасение ближнего моего. Я стенаю, плачу, устрашаюсь, но не могу по-другому, ибо любовь Твоя ведет меня, и я не хочу разлучаться с нею, и в ней обретаю надежду на спасение и не отчаиваюсь до конца, видя ее в себе».

Рассказывает иеромонах Ф., инок в ту пору: *«Перед Пасхой я дважды исповедовался у о. Василия и ходил потом в потрясении. Уже на исповеди у меня мелькнула догадка, что о. Василий имеет дерзновение брать на себя чужие грехи. Утром Страстной Субботы о. Василий говорил проповедь на общей исповеди. Я был тогда на послушании, входил и выходил из храма, не имея возможности прослушать проповедь целиком. Но то, что я услышал, подтвердило догадку — да, о. Василий берет на себя наши грехи, считая их своими. Как раз в ночь перед этим я читал об одном старце, умиравшем воистину мученически, поскольку он набрал на себя много чужих грехов. И я почему-то думал об о. Василии: да как же ты, батюшка, умирать будешь, если берешь на себя наши грехи?»*

Лишь великие Оптинские старцы и подвижники древности имели дерзновение брать на себя чужие грехи, отмаливая их. Отец Василий себя подвижником не считал. И речь идет о вынужденных действиях или о подвиге русского монашества в тех беспримерных условиях, когда лежали еще в руинах монастыри, не хватало священников, а у молодых иеромонахов от перегрузок рано пробивалась седина в волосах. «У вас, как у нас в сорок первом, — сказал отец одного инока, воевавший солдатом в Великую Отечественную войну. — Молодые да необстрелянные, а с эшелона и прямо

в бой. Ползешь против танка с бутылкой зажигательной смеси — душа заходится, но ведь кто-то должен ползти». Словом, шел тот монашеский «сорок первый год», когда кто-то должен был ползти под танки и сходить ради спасения ближнего в ад.

Рассказывает рясофорная послушница Н. из Малоярославецкого Свято-Никольского монастыря: *«В 10 лет умерла моя крестница Кира, с детства скитавшаяся по тем «тусовкам», где были наркотики и прочее. А потом Кира с подружкой ее возраста крестилась в Оптиной и окормлялась у иеромонаха Василия. Для Киры началась новая жизнь, но организм уже был подорван, и больное сердце однажды остановилось. Ее подружка была в ужасе: «Кира в аду! Ведь она прошла такое!..» А после смерти о. Василия этой девочке приснился сон, будто Кира живая, они снова в Оптиной, а на исповедь идет живой о. Василий. «Кира, — сказала она, — смотри, о. Василий живой. Ты знаешь его?» — «Да как же мне его не знать, — ответила Кира, — если он меня из ада спас».*

Рассказывает оптинский рабочий Николай И.: *«Случилось в моей жизни такое страшное искушение, что я решил повеситься. Шел на работу в Оптину лесом и всю дорогу плакал. Иеродиакон Владимир, узнав, что со мной, сказал: «Тебе надо немедленно к о. Василию». И привел меня в келью к нему.*

Отец Василий стирал тогда в келье свой подрясник и был одет по-домашнему — старенькие джинсы с заплатами на коленях и мохеровый свитер, до того уже выношенный, что светился весь. Говорили 15 минут. Помню, о. Василий сказал: «Если можешь — прости, а не можешь — уйди». Помолился еще. Вышел я от него в такой

радости, что стою и смеюсь! Скажи мне кто-нибудь 15 минут назад, что я буду смеяться и радоваться жизни, я бы не поверил. А тут радуюсь батюшке — родной человек! И за сорок лет своей жизни я такого красивого человека на земле еще не встречал.

Стал я после этого ходить на исповедь к о. Василию, решив попроситься к нему в духовные чада. Но пока я собирался, о. Василия уже не стало. Я полтора месяца не мог потом ходить в монастырь, плакал».

Рассказывает настоятель Козельского Никольского храма протоиерей Валерий: *«У прихожанки нашего храма Н.В. умирал муж, и она попросила меня причастить его на дому. К сожалению, болезнь осложнилась беснованием — больной гавкал, отвергая причастие. Причастить таких больных практически невозможно, и я не решился взять это на себя, посоветовав обратиться в Оптину пустынь. А оттуда прислали иеромонаха Василия. По словам Н.В., больной сперва с лаем набросился на батюшку, а потом, гавкая, стал уползать от него. И все-таки о. Василий сумел исповедать и причастить его. После причастия муж Н.В. пришел в себя».*

* * *

Раб страстей — раб людей, а о. Василий был настолько чужд человекоугодия и желания нравиться, что многие оптинцы открыли для себя этого молчаливого батюшку, увы, лишь перед его кончиной.

Отец Василий был иеромонахом всего два с половиной года. И к начинающему батюшке ходили сперва на исповедь в основном приезжие, да и то по принципу: ко всем батюшкам длинная очередь,

а к о. Василию почти никого. «Да что вы к о. Василию не ходите?» — удивлялись отцы Оптиной. «Я боюсь его», — отвечали люди постарше. А подростки говорили между собой: «Нет, к «монументу» не пойду». Был грех, о. Василия за глаза называли «монументом», ибо он был монументален от природы. Рост под два метра, могучие плечи. И когда он часами недвижимо стоял у аналоя, то издали казалось, что стоит монумент. На исповеди никогда не садился, не замечая предложенного стула, и выстаивал Великим постом на ногах по 18 часов в сутки. Говорил исповедникам мало — чаще молча выслушивал исповедь. Иных это смущало: «Да слышит ли он, что ему говоришь?». А посмертно узнали из его дневника — он не только слышал каждое слово исповедника, но вопиял о каждом великим воплем любви: «Это *я*, Господи, согрешаю, *меня* прости!..» Говорят, о. Василий записывал имена тех, кого исповедовал или крестил, и полагал за них потом в келье земные поклоны.

Рассказывает монахиня Варвара: *«Бывало, о. Василий не скажет ни слова на исповеди, а отходишь от него с такой легкостью, будто мешки поснимали с плеч. У меня тогда не было духовного отца, и я хотела попроситься к о. Василию, но смущало одно, что молодой больно. Молодой-молодой, думаю, а душу человека как понимает! Так и стояла до Пасхи, все приглядываясь к нему».*

Перед Пасхой на исповедь к о. Василию стояла уже толпа людей. Они стояли в потрясении — вот он, тот долгожданный духовный отец, которого искала душа. Многие собирались проситься к нему в духовные чада. Не успели.

«Я считал о. Василия снобом, но только до первой исповеди», — рассказывает москвич В., бывший студент. А история его такая. В институте он

попал в компанию тех «раскованных» интеллектуалов, где никто не считал себя наркоманом, но все они «раскованно» летели в бездну. Однажды В. понял — еще шаг и конец. Он продал тогда квартиру в Москве, взял землю близ Оптиной и начал строить дом и сажать сад. Словом, было два года той удивительной жизни, о которой он рассказал потом в интервью по телевидению: как он девять лет был в аду и, наконец, увидел свет. А после интервью последовал срыв. «Я возгордился тогда, — вспоминает В., — Я бросил, Я смог, Я-Я-Я!» Теперь, к его ужасу, начался новый круг ада...

Из рассказа В.: *«На исповедь к о. Василию я пошел от безвыходности. Ко многим ходил, но устал уже слушать: «Как — опять? Но ведь ты обещал!» Я был мерзок себе. Подошел к аналою и молчу. А что говорить, когда в душе одна тьма? Батюшка молчит, и я молчу. Сколько так продолжалось, не помню, но вдруг меня накрыла такая волна любви, что будто прорвало изнутри, и я говорил, говорил без утайки. Впервые в жизни я мог раскрыться до конца, вытаскивая из себя то грязное и подленькое, в чем стыдился признаться даже себе. Тут мне не было стыдно — я чувствовал такое сострадание о. Василия, будто у нас с ним одна боль на двоих.*

После этого я стал ходить на исповедь к о. Василию порой по 2-3 раза на дню. Я буквально «пасся» у его аналоя, и как только накатывало искушение, я просился на исповедь: «Батюшка, у меня опять!..» Отец Василий тут же брал меня на исповедь, и после исповеди было легко. «Батюшка, — говорю однажды, — я уже, наверно, надоел вам. Так часто хожу!» — «Сколько надо, столько и ходи, — ответил о. Василий. — Десять раз надо — десять раз приходи».

А когда о. Василия убили… Простите, но боль и поныне такая, что не могу я о том говорить».

История В. завершилась тем, что он ушел потом в Н-ский монастырь.

* * *

Иеродиакону Серафиму запомнилось, как инок Трофим сказал однажды: «Чем больше освобождаешься от страстей, тем меньше интерес к материальному». А один местный житель вспоминает, как перед Пасхой он рассказывал Трофиму, что готовится к новоселью и перевозит вещи в новый дом. «А у меня теперь настроение такое, — сказал инок, — что все бы вынес из кельи».

Перед Пасхой, как уже говорилось, инок Ферапонт раздает свои вещи. Точно так же поступает и о. Василий, правда, с оговоркой — раздавать ему было особо нечего. Когда после смерти сына Анна Михайловна впервые увидела его келью, она опешила при виде этой монашеской нищеты — вместо кровати доски с подстилкой из войлока, вместо стула чурбак у печки, а на щелястом полу пред аналоем старая телогрейка, на которой по ночам о. Василий клал земные поклоны, стараясь не беспокоить соседей. Дом был ветхий, с хорошей слышимостью, и сосед отца Василия через стенку монах Амвросий уже привык слышать ночью эти постоянные звуки земных поклонов, засыпая и просыпаясь под них. «Как? — растерялась мать. — Он же сам мне писал: «Как я люблю мою келью!» А чего, не пойму, тут любить?»

Это была келья аскета, где не было ничего лишнего. И все-таки кое-что было — у о. Василия был подсвечник. Этот подсвечник и сорок свечей он передал со знакомыми в Москву в подарок рабе Божией Ирине. А еще он переслал с попутчиками в Петербург сорок свечей и крест десятилетнему мальчику Мише.

По поводу сорока свечей позже возникли толкования, дескать, сорок свечей — это сорокоуст, а, стало быть, о. Василий «предвидел» и дал «намек». Истолковать, конечно, можно что угодно, а только в характере о. Василия не было того двоемыслия, когда лишь уклончиво «намекают», не решаясь на «да» или «нет». Но была у него вот какая особенность: если гость в его келье брал себе к чаю, положим, две конфеты, он тут же давал ему третью со словами: «Во всем должна быть полнота». Иначе говоря, у него была потребность в непрестанном памятовании о Боге даже в образах земных вещей. А число три возводит мысль к Пресвятой Троице. А сорок — это та полнота, что вмещает в себя сорок лет исхода из египетского плена и сорок дней поста Спасителя в пустыне. Словом, это было осмысленное житие аскета, где все одухотворяла мысль о Творце.

Наконец, у о. Василия был подаренный ему деревянный напрестольный крест с изображением Спасителя, которым он особо дорожил. С этим крестом русские паломники прошли через весь шумный торговый Иерусалим путем крестных страданий Господа и взошли с ним на Голгофу, освятив его на Гробе Господнем.

Возможно, по поводу этого креста из Иерусалима о. Василий попытался написать стихотворение, так и оставшееся незавершенным, но примечательное вот чем — он мысленно восходит на Голгофу, пытаясь донести свой крест. Начинается стихотворение с личной Гефсимании:

Когда душа скорбит смертельно,
А вас нет рядом никого,
Так тяжелеет крест нательный,
Что чуть живой ношу его.

А далее некий муж восходит на Голгофу за Господом, пытаясь донести туда Его крест. В Евангелии этот крест несет Симон Киринеянин. Но у о. Василия сюжет иной — личный.

И он понес. Но на подъеме
Упал и встать уже не мог...
Очнулся он при страшном громе,
Когда распятый умер Бог.

И все что вспомнил он о жизни,
Что стало самым дорогим —
Тот путь плевков и укоризны,
Когда Господь был рядом с ним.

Стихотворение так и осталось в виде незавершенного наброска. Но завершим очень важную для о. Василия мысль: главное, говорил он не единожды, донести свой крест до конца и не упасть на подъеме, так и не соединившись с Господом. Вот почему этот крест из Иерусалима, который донесли до Голгофы и освятили на Гробе Господнем, имел для него особый смысл, и он почитал его главной святыней своей кельи.

Во вторник Страстной седмицы о. Василий пришел с этим крестом в иконописную мастерскую, где были тогда двое иконописцев — о. Ипатий и о. Иларион. У игумена Ипатия был во вторник День Ангела, и о. Василий тепло поздравил его. Оба иконописца обратили внимание, что о. Василий был в особом состоянии: «Тихий-тихий такой, совсем тихий». В этом состоянии особой тихости и кротости он рассказал им историю креста, с которым русские люди взошли на Голгофу. А затем сказал о. Ипатию: «Вот я подумал... Мне хочется, чтоб он побыл у тебя. Пойдем найдем ему место». Крест повесили на стену близ Святого угла.

Позже обнаружилось — о. Василий принес этот Голгофский крест на место своей личной Голгофы: он был убит возле мастерской иконописцев, упав напротив креста.

9 августа 1993 года, на день великомученика и целителя Пантелеимона, на этом кресте, на теле Спасителя с левой стороны под ребрами обильно выступило миро. Капли были крупные, как после дождя, и не высыхали две недели. Крест, оказалось, был чудотворным.

* * *

Завершая хронику событий перед Пасхой, отметим один момент, почему-то запомнившийся многим. На Страстной седмице о. Василий произнес проповедь на тему: «Се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет» (Мк. 10, 33). И одно место из проповеди вдруг поразило многих неизъяснимым образом, и в храме воцарилась такая мертвенная тишина, будто сказано было прикровенное слово о будущем.

Вот это прикровенное слово, которым прозорливые Оптинские старцы извещали друг друга о грядущем. Накануне своего отъезда-изгнания из Оптиной и в предвидении близкой смерти преподобный Оптинский старец Варсонофий сказал своему ученику, будущему старцу преподобному Никону: «Се восходим во Иерусалим, и предан будет Сын Человеческий... и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его». Вот степени восхождений в Горний Иерусалим: их надо пройти. На какой степени находимся мы?» А двадцать семь лет спустя преподобный Оптинский старец Никон сказал на проповеди в предвидении своего ареста, лагеря и уже приближающейся смерти: «Се восходим во Иерусалим, и предается Сын Человече-

ский, якоже есть писано о Нем... Спасающемуся о Господе необходимо предлежат степени восхождения в Горний Иерусалим».

Книг об Оптинских старцах тогда не было, и рукописи еще лишь предстояло издать. В отличие от о. Василия, читавшего рукописи, о тайной перекличке Оптинских старцев знали в те годы лишь немногие. И все же дрогнули сердца, и ярко запомнился тот миг, когда о. Василий по-молодому звучно сказал с амвона: «Се восходим во Иерусалим. И спросим себя ныне, готовы ли мы пойти за Господом на страдание?» Он замолк, глядя внутрь себя, а в храме воцарилась мертвенная тишина. И молчание длилось долго.

Отец Василий был лучшим проповедником Оптиной. Владыка Евлогий, архиепископ Владимирский и Суздальский, сказал о проповедях о. Василия: «Когда я его слушал, то думал, что хорошо бы и не заканчивалась его проповедь». Была у о. Василия одна особенность — он был чужд стремления учительствовать и в проповедях скорее прикровенно исповедовался, говоря о том, что стало уже его личным духовным опытом.

Иеромонах Марк (Бойчук) из Пафнутиево-Боровского монастыря, работавший тогда на послушании в Оптиной, вспоминает: *«В Оптиной мы были набалованы хорошими проповедями, и во время проповеди, бывало, рассаживались отдыхать по дальним углам или шли за просфорами. Но когда на проповедь выходил схиигумен Илий или иеромонах Василий, мы, как воробушки, слетались к амвону. Слушаем, замерев, и лишь озноб по спине».*

Отец Василий был мастером слова. И все же сила его проповеди была не в словах, но в личности самого о. Василия. Он никогда не говорил о

том, чего не брался сам совершить. Заемных чувств в его проповеди не было, но было слово-опыт, слово-поступок. И если он говорил: «Се восходим во Иерусалим», значит, уже свершалось тайное восхождение на Голгофу, о чем в ту пору не ведал никто.

* * *

У Голгофы свой воздух, и подвижники разных веков свидетельствуют: чем ближе ко Христу и к спасению, тем сильнее духовная брань.

Иконописец Павел Бусалаев вспоминает свой последний разговор с о. Василием: *«Перед Пасхой 1993 года я был в потрясении от свалившихся на меня невероятных искушений. Рассказал о них о. Василию и спрашиваю его: «Скажи, откуда столько ненависти и неизъяснимой злобы?» Отец Василий был спокоен и ответил по-монашески — из святых Отцов: «Ты же знаешь, что сказано, — каждый, любящий Бога, должен лично встретиться с духами зла. И сказано это не про святых, а про обыкновенных людей, вроде нас с тобой». Тут я успокоился и не запомнил, что о. Василий в точности сказал дальше, но запомнил поразившую меня мысль. Потому что о. Василий сделал жест рукой, означающий движение по восходящей, и сказал кратко то, что я могу передать так: каждый, любящий Бога, должен лично встретиться с духами зла. И чем сильнее любовь, тем яростней брань, пока на высшей точке этой нарастающей брани на бой с человеком, любящим Бога, не выйдет главный дух ада — сатана».*

Иеромонаху Василию дано было встретиться с этим духом ада 18 апреля 1993 года. И была тогда в Оптиной Пасха красная.

Часть третья

ПАСХА КРАСНАЯ

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Местные жители вспоминают, как еще в недавние времена на Пасху по домам ходили отряды активистов и, шныряя по чужому жилью, как у себя дома, искали пасхальные яйца и куличи. Пойманных «с поличным» клеймили потом на собраниях, изгоняя с работы. Возможно, из-за этих утренних обысков в здешних краях вошло тогда в обычай справлять Пасху как Новый год. То есть поздно вечером в Страстную Субботу садились за праздничный стол, а после возлияний шли на Крестный ход.

Словом, работы для милиции на Пасху хватало. Но такой тяжелой Пасхи, как в 1993 году, в Оптиной еще не было — гудящий от разговоров переполненный храм и множество нетрезвых людей во дворе. А в 11 часов вечера, как установило потом следствие, в монастырь пришел убийца.

Рассказывает оптинский иконописец Мария Левистам: *«В пасхальную ночь многие чувствовали непонятную тревогу. А мне все мерещилось, будто в храме стоит человек с ножом и готовится кинуться на батюшек. Я даже встала поближе*

к батюшкам, чтобы броситься ему наперерез. Подозрительность — это грех, и я покаялась в этом на исповеди. А батюшка говорит: «Мария, ты не на нож бросайся, а молись лучше».

Запомнился случай. На амвоне у входа в алтарь стоял мальчик Сережа и невольно мешал служащим. В миру этот мальчик прислуживал в алтаре и теперь, стесненный толпой, жался поближе к алтарной двери. Инок Трофим, носивший записки в алтарь, постоянно наталкивался на него и, наконец, не выдержав спросил: «А ты чего здесь вертишься?» — «Думаю,— ответил мальчик,— можно ли мне войти в алтарь?» — «Нет,— сказал инок Трофим.— И чтобы я больше тебя здесь не видел».

Мальчик очень удивился, когда инок Трофим разыскал его потом в переполненном храме и сказал виновато: «Прости меня, брат. Может, в последний раз на земле с тобой видимся, а я обидел тебя». Виделись они тогда на земле действительно в последний раз.

* * *

Инокиня Ирина и другие вспоминают, что в ту пасхальную ночь инок Ферапонт стоял не на своем обычном месте, но как встал у панихидного столика, так и застыл, потупясь, в молитвенной скорби. Инока теснили и толкали, но он не замечал ничего. Вспоминают, как некий подвыпивший человек попросил поставить свечу за упокой, пояснив, что у него сегодня умер родственник, а сам он, поскольку выпивши, касаться святыни не вправе. Свечу передали иноку Ферапонту. Он зажег ее и забылся, стоя с горящей свечой в руке. На инока оглядывались с недоумением, а он все стоял, опустив голову, с заупокойной свечой в руке. Наконец, пере-

крестившись, он поставил свечу на канун и пошел на свою последнюю в жизни исповедь.

Рассказывает иеромонах Д.: *«За несколько часов до убийства во время пасхального богослужения у меня исповедовался инок Ферапонт. Я был тогда в страшном унынии — и уже готов был оставить монастырь, а после его исповеди вдруг стало как-то светло и радостно, будто это не он, а я сам поисповедовался: «Куда уходить, когда тут такие братья!..» Так и вышло: он ушел, а я остался».*

* * *

В свою последнюю пасхальную ночь о. Василий исповедовал до начала Крестного хода, а потом вышел на исповедь под утро — в конце литургии. Смиренный человек всегда неприметен, и об о. Василии лишь посмертно узнали, что он стяжал уже особую силу молитвы и, похоже, дар прозорливости. Исповеди у о. Василия оставили у многих необыкновенно сильное впечатление, и чтобы передать его, нарушим хронологию, рассказав не только об исповедях в ту последнюю ночь.

Рассказывает москвичка Е.Т.: *«Отец Василий был прозорлив, и за несколько часов до убийства открыл мне исход одной тяготившей меня истории. История же была такая. Есть у меня друг юности, за которого в свое время я отказалась выйти замуж. «Назло» мне он тут же женился на первой встречной женщине, но жить с ней не смог. Лишь много позже у него, наконец, появилась настоящая семья. И вот на Пасху 1993 года мой друг приехал в Оптину с пожертвованиями от своей организации. И при встрече рассказал, что он недавно пришел к вере, а жена у него неверующая, и он год назад ушел из семьи.*

4 – 7033

У него дома был конфликт, и от обиды на жену он предложил мне выйти за него замуж. Но я-то видела — мой друг тоскует о жене и своей маленькой дочке. Просто из гонора не хочет в том признаться и опять рвется что-то «доказать».

Все это так удручало, что на исповедь к о. Василию я пришла почти в слезах. «Да, это серьезное искушение, — сказал батюшка. — Но если достойно его понести, все будет хорошо». — «Помолитесь, батюшка», — попросила я. Отец Василий молча отрешенно молился, а потом сказал просияв и с необыкновенной твердостью: «Все будет хорошо!» Так оно и вышло.

Убийство на Пасху было таким потрясением, когда выжгло все наносное из чувств. И мой друг вернулся в семью, написав мне позже, что они с женой обвенчались, вместе ходят в церковь, а больше всех радуется их маленькая дочка, без конца повторяя: «Папа вернулся!»

Рассказывает регент Ольга: *«Перед Пасхой случилось такое искушение, что я была буквально выбита из колеи. На Пасху надо было петь на клиросе, и я хотела поисповедаться и причаститься в Страстную Субботу.*

Встала на литургии на исповедь к о. Василию, но очередь из причастников была такая огромная, что к концу литургии стало ясно — на исповедь мне не попасть. В огорчении я даже вышла из очереди. Стою за спиной о. Василия и думаю: «Ну, как в таком состоянии идти на клирос?» И вдруг о. Василий говорит мне, обернувшись: «Ну что у тебя?» И тут же взял меня на исповедь. После исповеди от моего искушения не осталось и следа, но выпало мне петь на Пасху панихиду по батюшке».

Рассказывает монахиня Зинаида, а в ту пору пенсионерка Татьяна Ермачкова, безвозмездно работавшая в трапезной монастыря с первого дня возрождения Оптиной: *«Уж до чего хорошо исповедовал о. Василий! Добрый был батюшка, любящий, и идешь после исповеди с такой легкой душою, будто заново на свет родилась.*

Перед Пасхой мы в трапезной и ночами работали. Разогнуться некогда. Где уж тут правило к Причащению читать? И вот утром в Страстную Субботу говорю о. Василию: «Батюшка, уж так хочется причаститься на Пасху, а готовиться некогда». — «Причащайтесь». — «Это как — не готовясь?» — «Ничего, — говорит, — вы еще много потом помолитесь». И верно — уж сколько мы молились на погребении братьев! И поныне о них, родимых, молюсь».

Рассказывает иеродиакон Л.: *«Перед Пасхой я так закрутился в делах, что к причастию был по сути не готов. Сказал об этом на исповеди о. Василию, а он в ответ: «А ты будь готов, как Гагарин и Титов». Сказано это было вроде бы в шутку, а только вспомнилась внезапная смерть Гагарина и тоже среди трудов».*

Рассказывает иконописица Тамара Мушкетова: *«Перед Пасхой 1993 года я пережила два больших потрясения — умерла моя бабушка. Она была монахиня. А потом меня оклеветали близкие мне люди. Я замкнулась тогда. И вдруг расплакалась на исповеди у о. Василия, а батюшка молча слушал и сочувственно кивал.*

Раньше я стеснялась исповедоваться у о. Василия — ведь мы почти ровесники. А тут забылось, что он молод, и исчезло все, кроме Господа нашего Иисуса Христа, перед которым доверчиво раскрывалась душа. Я готовилась тогда к

причастию и сказала о. Василию, что при всем моем желании не могу до конца простить людей, оклеветавших меня.

— Да как же вы собираетесь причащаться? — удивился о. Василий. — Не могу допустить до причастия, если не сможете простить.

— Я стараюсь, батюшка, а не получается.

— Если сможете простить, причащайтесь, — сказал о. Василий. И добавил тихо: — Надо простить. Как перед смертью.

Я попросила о. Василия помолиться обо мне и отошла от аналоя, стараясь вызвать в себе чувство покаяния. Но чувство было надуманным и пустым от обиды на ближних. Так продолжалось минут десять. И вдруг я снова заплакала, увидев все и всех, как перед смертью — мне уже не надо было никого прощать: все были такими родными и любимыми, что я лишь удивлялась никчемности прежних обид. Это была настолько ошеломляющая любовь к людям, что я поняла — это выше моей меры и идет от батюшки, по его молитвам. И я уже не колеблясь пошла к Чаше».

Рассказывает художник Ирина Л. из Петербурга: *«В Оптину пустынь я впервые приехала в 1992 году на престольный праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы и пошла на исповедь к ближайшему аналою. К о. Василию, как выяснилось потом.*

Перед этим я недавно крестилась, исповедоваться не умела. Но, помню, вдруг заплакала, когда о. Василий накрыл меня епитрахилью, читая разрешительную молитву. Я стыдилась слез, но они лились сами собой от чувства великого милосердия Божия. Моего имени о. Василий не спросил, сама я его не называла, а потому очень удивилась, услышав, как читая разрешительную молитву, он

произнес мое имя: «Ирина». «Откуда он знает мое имя? — недоумевала я. — Может, ему кто-то сказал?» Но сказать было некому — никто меня в монастыре не знал.

Казалось бы, что особенного связывало меня с о. Василием? Одна исповедь, одно причастие и одно благословение в дорогу. Но после смерти он неоднократно являлся мне во сне. Однажды вижу — о. Василий стоит у аналоя, как на исповеди, и говорит мне: «Ирина, тридцать две занозы ты из себя вынула, но осталась еще одна». Снам обычно не доверяешь и даже не помнишь их. Но от этого сна исходило такое ощущение реальности, что за два года я двадцать пять раз ездила в Оптину, отыскивая в себе тридцать третью занозу. И не было мне покоя, пока я не оставила мир и не уехала в монастырь по благословению батюшки, ставшего здесь моим духовным отцом. Но даже имени моего духовного отца я в ту пору не знала: его открыл мне во сне о. Василий на сороковой день своей кончины — на Вознесение».

* * *

Преподобный Оптинский старец Нектарий писал: «Господь наш Иисус Христос, молящийся в саду Гефсиманском, есть до некоторой степени образ всякому духовнику в отношении духовных чад его, ибо и он берет на себя их грехи. Какое это великое дело и что только ему приходится переживать!»

Нам не дано знать о тех внутренних переживаниях о. Василия, когда, зажатый толпою, он стоял у аналоя в свою последнюю пасхальную ночь, начав исповедовать с раннего утра и не присев до полуночи. А ночью был миг, запомнившийся многим: «Смотрите, батюшке плохо», — звонко сказал чей-

то ребенок. И все посмотрели на о. Василия — он стоял у аналоя уже в предобморочном состоянии с бледным до синевы лицом. Иеромонах Филарет в это время кончил святить куличи и шел по храму, весело кропя всех взывающих к нему: «Батюшка, и меня покропи!» Мимоходом он окропил и о. Василия и уже уходил дальше, когда тот окликнул его: «Покропи меня покрепче. Тяжело что-то». Он окропил его снова; а увидев кивок о. Василия, окропил его уже так от души, что все его лицо было залито водой. «Ничего, ничего, — вздохнул о. Василий с облегчением. — Теперь уже ничего». И снова стал исповедовать.

Так и стоит перед глазами это гефсиманское одиночество пастыря в толпе, налегающей на аналой со своими скорбями, а чаще — скорбишками: «Батюшка, она мне такое сказала! Ну как после этого жить?» Ничего, живем. А батюшки нет…

Благочинный монастыря игумен Пафнутий вспоминает, как в Страстную Пятницу он вдруг подумал при виде исхудавшего до прозрачности о. Василия: «Не жилец уже». Нагрузка на иеромонахов была тогда неимоверной: о. Василий служил и исповедовал всю Страстную седмицу, а после бессонной пасхальной ночи должен был по расписанию исповедовать на ранней литургии в скиту, а потом на поздней литургии в храме преподобного Илариона Великого. «А кого было ставить? — сетовал игумен Пафнутий. — Многие батюшки болели уже от переутомления, а о. Василий охотно брался подменить заболевших. Он любил служить». Господь дал ему вдоволь послужить напоследок, но сквозь лицо проступал уже лик.

Многим запомнилось, что во время Крестного хода на Пасху о. Василий нес икону «Воскресение Христово» и был единственный из всех иереев в

красном облачении. Господь избрал его на эту Пасху своим первосвященником, заколающим на проскомидии Пасхального Агнца. Вспоминают, что проскомидию о. Василий совершал всегда четко, разрезая Агничную просфору быстрым и точным движением. Но на эту Пасху он медлил, мучаясь и не решаясь приступить к проскомидии, и даже отступил на миг от жертвенника. «Ты что, о. Василий?» — спросили его. «Так тяжело, будто себя заколаю»,— ответил он. Потом он свершил это Великое Жертвоприношение и в изнеможении присел на стул. «Что, о. Василий, устал?» — спросили его находившиеся в алтаре. «Никогда так не уставал,— признался он.— Будто вагон разгрузил». В конце литургии о. Василий снова вышел на исповедь.

Рассказывает Петр Аксенов, ныне студент Свято-Тихоновского Богословского института, а в ту пору отрок, работавший на послушании в Оптиной: *«Была у меня тогда в Козельске учительница музыки Валентина Васильевна. Человек она замечательный, но, как многим, ей трудно и приходится зарабатывать на жизнь концертами. Как раз в Страстную Субботу был концерт в Доме офицеров, а после концерта банкет. Сейчас Валентина Васильевна поет на клиросе, а тогда еще только пришла к вере, но строго держала пост, готовясь причащаться на Пасху. И когда на банкете подняли тост за нее, она, по общему настоянию, чуть-чуть пригубила шампанского.*

По дороге в Оптину она рассказала знакомой москвичке об искушении с шампанским, а та наговорила ей таких обличающих слов, запретив причащаться, что Валентина Васильевна проплакала всю Пасхальную ночь. А на рассвете на исповедь вы-

шел о. Василий, и она попала к нему. И вот плачет Валентина Васильевна, рассказывая, как пригубила шампанского, лишившись причастия, а о. Василий протягивает ей красное пасхальное яичко и говорит радостно: «Христос воскресе! Причащайтесь!» Как же рада была Валентина Васильевна, что причастилась на Пасху! Когда наутро она услышала об убийстве в Оптиной, то тут же побежала в монастырь. А пасхальное яичко новомученника Василия Оптинского бережет с тех пор, как святыню».

* * *

Необычно многолюдной и шумной была Пасха 1993 года. Но усталость ночи брала свое — уходили из храма разговорчивые люди. И на литургии верных храм уже замер, молясь в тишине.

Есть в Пасхальной ночи тот миг, когда происходит необъяснимое: вот, казалось бы, все устали и изнемогают от сонливости. Но вдруг ударяет в сердце такая благодать, что нет ни сна, ни усталости, и ликует дух о Воскресении Христовом. Как описать эту дивную благодать Пасхи, когда небо отверсто и «Ангели поют на небесех»?

Сохранился черновик описания Пасхи, сделанный в 1989 году будущим иеромонахом Василием. Но прежде чем привести его, расскажем о том моменте последней Пасхи, когда в конце литургии о. Василий вышел канонаршить на клирос. «Батюшка, но вы же устали, — сказал ему регент иеродиакон Серафим. — Вы отдыхайте. Мы сами справимся». — «А я по послушанию, — сказал весело о. Василий, — меня отец наместник благословил». Это был лучший канонарх Оптиной. И многим запомнилось, как объятый радостью, он канонаршил на свою последнюю

Пасху, выводя чистым молодым голосом: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». И поют братия, и поет весь храм: «Пасха священная нам днесь показася; Пасха нова святая: Пасха таинственная...»

«И словно срывается с уст возглас: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, — писал он в первую свою оптинскую Пасху. — Что за великие и таинственные слова! Как трепещет и ликует душа, слыша их! Какой огненной благодати они преисполнены в Пасхальную ночь! Они необъятны, как небо, и близки, как дыхание. В них долгое ожидание, преображенное в мгновение встречи, житейские невзгоды, поглощенные вечностью, вековые томления немощной человеческой души, исчезнувшие в радости обладания истиной. Ночь расступается перед светом этих слов, время бежит от лица их...

Храм становится подобен переполненной заздравной чаше. «Приидите, пиво пием новое». Брачный пир уготован самим Христом, приглашение звучит из уст самого Бога. Уже не пасхальная служба идет в церкви, а пасхальный пир. «Христос воскресе!» — «Воистину воскресе!», звенят возгласы, и вино радости и веселия брызжет через край, обновляя души для вечной жизни.

Сердце как никогда понимает, что все, получаемое нами от Бога, получено даром. Наши несовершенные приношения затмеваются щедростью Божией и становятся невидимыми, как невидим огонь при ослепительном сиянии солнца.

Как описать Пасхальную ночь? Как выразить словами ее величие, славу и красоту? Только переписав от начала до конца чин пасхальной службы, возможно это сделать. Никакие другие слова для этого не годны. Как передать на бумаге пасхальное мгновение? Что сказать, чтобы оно стало

понятным и ощутимым? Можно только в недоумении развести руками и указать на празднично украшенную церковь: «Приидите и насладитеся...»

Кто прожил этот день, тому не требуется доказательств существования вечной жизни, не требуется толкования слов Священного Писания: *«И времени уже не будет»* (Откр. 10, 6).

Служба закончилась в 5.10 утра. И хотя позади бессонная ночь, но бодрость и радость такая, что хочется одного — праздновать. Почти все сегодня причастники, а это особое состояние духа: «Пасха! Радостию друг друга обымем...» И по выходе из храма все христосуются, обнимаясь и зазывая друг друга на куличи.

Все веселые, как дети. И как в детстве, глаза подмечают веселое. Вот маленького роста иеродиакон Рафаил христосуется с огромным о. Василием:

— Ну, что, батька? — смеется иеродиакон.— Христо-ос воскресе!

— Воистину воскресе! — сияет о. Василий.

А воздух звенит от благовеста, и славят Христа звонари — инок Трофим, инок Ферапонт и иеродиакон Лаврентий. Инок Трофим ликует и сияет в нестерпимой, кажется, радости, а у инока Ферапонта улыбка застенчивая. Перед Пасхой у него, кажется, болел глаз, и на веке остался след зеленки. Клобук на этот раз не надвинут на глаза, а потому видно, какое у него по-детски открытое хорошее лицо и огромные глаза.

А потом праздник выплескивается в город. Был у оптинских прихожан в те годы обычай — уезжать из Оптиной с пением. Народ по деревням тут голосистый, и шли из Оптиной в город автобусы, где пели и пели, не уставая: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»

«Пасха едет», — говорили по этому поводу в городе, радуясь новому обычаю — петь всенародно на Пасху. И если вечер Страстной Субботы омрачался, случалось, пьяными драками, то сама Пасха в Козельске и деревнях протекала всегда удивительно мирно — все нарядные, чинные, мужчины в белых рубашках. Все ходят друг к другу христосоваться, и даже речь в этот день обретает особое благочиние — в Пасху нельзя сказать грубого слова или обидеть кого. Пасха — святой день.

«БРАТИКОВ УБИЛИ!»

Вспоминается, как вернувшись домой на рассвете, сели разговляться за праздничный стол, и понеслась душа в рай: позади пост — редькин хвост, а ныне пир на весь мир. «Пасха красная! Пасха!» — пели мы от души. И даже не обратили внимания, когда старушка-паломница Александра Яковлевна постучала в окно, спросив: «Не знаете, что в Оптиной случилось? Говорят, священника убили». Отмахнулись, не поверив,— да разве в Пасху убивают? Это выдумки все! И снова ели и пели.

Пение оборвалось разом от какой-то звенящей тишины в ушах. Почему молчит Оптина и не слышно колоколов? Воздух в эту пору гудит от благовеста.

Бросились на улицу, всматриваясь в монастырь за рекой — в рассветном тумане белела немая Оптина. И эта мертвая тишина была знаком такой беды, что бросились к телефону звонить в монастырь и обомлели, услышав: «В связи с убийством и работой следствия,— сказал сухой милицейский голос,— информации не даем».

Как мы бежали в монастырь! И огненными знаками вставало в памяти читанное накануне — смерть никогда не похитит мужа, стремящегося к

совершенству, но забирает праведника, когда он ГОТОВ. Кто убит нынче в Оптиной? Кто ГОТОВ? Смерть забрала лучших — это ясно. Кого? Вот и бежали, ослепнув от слез и взывая в ужасе: «Господи, не забирай от нас нашего старца! Матерь Божия, спаси моего духовного отца!» Как ни странно, но в этих молитвах среди имен подвижников не были помянуты ни о. Василий, ни о. Ферапонт, ни о. Трофим. Они были хорошие и любимые, но, как казалось тогда, обыкновенные.

Рассказывает иеромонах Михаил: *«В шесть часов утра в скиту началась литургия, и я обратил внимание, что почему-то задерживается о. Василий — он должен был исповедовать. Вдруг в алтарь даже не вошел, а как-то вполз по стенке послушник Евгений и говорит: «Батюшка, помяните новопреставленных убиенных иноков Трофима и Ферапонта. И помолитесь о здравии иеромонаха Василия. Он тяжело ранен».*

Имена были знакомые, но у меня и в мыслях не было, что это могло случиться в Оптиной. Наверное, думаю, это где-то на Синае. И спрашиваю Евгения: «А какого они монастыря?» — «Нашего», — ответил он.

Вдруг вижу, что иеродиакон Иларион, закачавшись, падает, кажется, на жертвенник. Я успел подхватить его и трясу за плечи: «Возьми себя в руки. Выходи на ектинью». А он захлебнулся от слез и слова вымолвить не может».

Вместо о. Илариона на амвон вышел иеродиакон Рафаил и каким-то не своим голосом, без распева по-диаконски возгласил ектинью: «А еще помолимся о упокоении новопреставленных убиенных братий наших иноках Трофиме и Ферапонте».

КА-АК?!

Умирающего о. Василия везли в это время на «скорой» в больницу. Но рана была смертельной, и вскоре в скит прибежал вестник: «Отец Василий тоже убит!» Храм плакал, переживая смерть двух иноков, а иеродиакон Иларион с залитым слезами лицом возглашал уже новую ектинью: «А еще помолимся о новопреставленном убиенном иеромонахе Василии».

КА-АК?!

Даже годы спустя пережить это трудно — залитая кровью Оптина и срывающийся от слез крик молодого послушника Алексея: «Братиков убили! Братиков!..»

* * *

Убийство было расчетливым и тщательно подготовленным. Местные жители вспоминают, как перед Пасхой убийца приходил в монастырь, сидел на корточках у звонницы, изучая позы звонарей, и по-хозяйски осматривал входы и выходы.

У восточной стены монастыря в тот год была сложена огромная поленница дров, достигавшая верха стены. Перед убийством и явно не в один день поленница была выложена столь удобной лесенкой, что взбежать по ней на верх стены мог бы без труда и ребенок. Именно этим путем ушел потом из монастыря убийца, перемахнув через стену и бросив близ нее самодельный окровавленный меч с меткой «сатана 666», финку с тремя шестерками на ней и черную флотскую шинель.

О шинели. В те годы, напомним, монастырю пожертвовали большую партию черных флотских шинелей, и они были униформой оптинских паломников-трудников или своего рода опознавательным знаком — это свой, монастырский человек. Специально для убийства культпросветработник Ни-

колай Аверин, 1961 года рождения, отпустил бородку, чтобы иметь вид православного паломника, и достал где-то черные шинели: их нашли у него потом дома при обыске вместе с книгами по черной магии и изрубленной Библией. Но для убийства он взял в скитской гостинице шинель одного паломника и положил в ее карман выкраденный паспорт и трудовую книжку другого паломника. Чужую шинель с документами он бросил подле окровавленного меча. По этим «уликам» тут же нашли «преступников» и, скрутив им руки, затолкали в камеру. А одного из них, беззащитного инвалида, не способного убить даже муху, «Московский комсомолец» тут же объявил убийцей.

Сколько же горя выпало Оптиной, когда убийство трех братьев усугубили аресты невинных, а следом хлынуло море клеветы!

* * *

У святителя Иоанна Златоуста есть тонкое наблюдение, что в ту ночь, когда Христос с учениками вкушал пасху, члены синедриона, собравшись вкупе ради убийства, отказались от вкушения пасхи в установленный законом срок: «Христос не пропустил бы времени пасхи, — пишет он, — но Его убийцы осмеливались на все, и нарушали многие законы».

Для убийства был избран святой день Пасхи, а сам час убийства тщательно расчислен. В Оптиной ведь всегда многолюдно, и есть лишь малый промежуток времени, когда пустеет двор. «Скоро ли начнется литургия в скиту?» — спросил убийца у паломниц. — «В шесть утра», — ответили ему. Он ждал этого часа.

Пасхальное утро протекало так: в 5.10 закончилась литургия, и монастырские автобусы увез-

ли из Оптиной местных жителей и паломников, возвращающихся домой. С ними уехала и милиция. А братия и паломники, живущие в Оптиной, ушли в трапезную. Вспоминают, что о. Василий лишь немного посидел со всеми за столом, не прикасаясь ни к чему. Впереди у него были еще две службы, а служил он всегда натощак. Посидев немного с братией и тепло поздравив всех с Пасхой, о. Василий пошел к себе в келью. Видимо, его мучила жажда, и проходя мимо кухни, он спросил поваров:

— А кипяточку не найдется?

— Нет, отец Василий, но можно согреть.

— Не успею уже, — ответил он.

В житиях святых мучеников рассказывается, что они постились накануне казни, «дабы в посте встретить меч». И все вышло, как в житии, — меч о. Василий встретил в посте.

Инок Трофим перед тем, как идти на звонницу, успел сходить в свою келью и разговеться пасхальным яичком. А история у этого яичка была особая.

Из воспоминаний послушницы Зои Афанасьевой, петербургской журналистки в ту пору: *«В Оптину пустынь я приехала, еще только воцерковившись и сомневаясь во многом в душе. Однажды я призналась иноку Трофиму, что мне все время стыдно — вокруг меня люди такой сильной веры, а я почему-то не верю в чудеса. Наш разговор происходил 17 апреля 1993 года — накануне Пасхи. И инок Трофим принес из своей кельи пасхальное яичко, сказав: «Завтра этому яичку исполнится ровно год. Завтра я съем его у тебя на глазах, и ты убедишься, что оно абсолютно свежее. Тогда поверишь?»*

Вера у инока Трофима была евангельская, и каждый раз на Пасху, вспоминают, он разговлялся

прошлогодним пасхальным яйцом — всегда наисвежайшим и будто являющим собой таинство будущего века, где *«времени уже не будет»* (Откр. 10, 6). До убийства оставались уже считанные минуты. И словно забыв об уговоре с Зоей, инок спешил разговеться прошлогодним пасхальным яичком, желая прикоснуться к тому чуду Пасхи, где все вне времени и не подвержено тлению.

И все-таки Зоя была извещена о чуде. Данные о свежем яичке, съеденном иноком Трофимом перед смертью, занес в протокол паталогоанатом, даже не заподозрив, что оно годичной давности. А потом это яичко попало в фильм «Оптинские новомученики» — кинооператор зафиксировал в кадре скорлупу пасхального яичка, полагая, что снимает последнюю земную трапезу инока и не подозревая, что снимает пасхальное чудо.

К шести часам утра двор монастыря опустел. Все разошлись по кельям, а иные ушли на раннюю литургию в скит. Последним уходил в скит игумен Александр, обернувшись на стук каблуков,— из своей кельи по деревянной лестнице стремительно сбегал инок Трофим. «Это порода у нас такая бегучая,— объясняла потом мама о. Трофима.— Бабушка Трофима все бегом делала, я всю жизнь бегом. Вот и мой сыночек бегал до самой смерти».

Игумен Александр вспоминает: *«Очень радостный был инок Трофим. «Батюшка,— говорит,— благословите, иду звонить». Я благословил и спросил, глядя на пустую звонницу:*

— Да как же ты один будешь звонить?

— Ничего, сейчас кто-нибудь подойдет.

Как же меня тянуло пойти с ним на звонницу! Но звонить я не умел — что с меня толку? И надо было идти служить в скит».

В поисках звонарей о. Трофим заглянул в храм, но там их не было. В храме убиралась паломница Елена, устав до уныния после бессонной ночи. А вот уныния ближних инок видеть не мог. «Лена, айда!..» — он не сказал «звонить», но изобразил это. И так ликующе-радостно вскинул руки к колоколам, что Лена, просияв, пошла за ним. Но кто-то окликнул ее из глубины храма, и она задержалась.

С крыльца храма Трофим увидел инока Ферапонта. Оказывается, он первым пришел на звонницу и, не застав никого, решил сходить к себе в келью. «Ферапонт!» — окликнул его инок Трофим. И двое лучших звонарей Оптиной встали к колоколам, славя Воскресение Христово.

Первым был убит инок Ферапонт. Он упал, пронзенный мечом насквозь, но как это было, никто не видел. В рабочей тетрадке инока, говорят, осталась последняя запись: «Молчание есть тайна будущего века». И как он жил на земле в безмолвии, так и ушел тихим Ангелом в будущий век.

Следом за ним отлетела ко Господу душа инока Трофима, убитого также ударом в спину. Инок упал. Но уже убитый — раненый насмерть — он воистину «восста из мертвых»: подтянулся на веревках к колоколам и ударил в набат, раскачивая колокола уже мертвым телом и тут же упав бездыханным. Он любил людей и уже в смерти восстал на защиту обители, поднимая по тревоге монастырь.

У колоколов свой язык. Иеромонах Василий шел в это время исповедовать в скит, но, услышав зов набата, повернул к колоколам — навстречу убийце.

В убийстве в расчет было принято все, кроме этой великой любви Трофима, давшей ему силы ударить в набат уже вопреки смерти. И с этой минуты появляются свидетели. Три женщины шли на хоздвор за молоком, а среди них паломница

Людмила Степанова, ныне инокиня Домна. Но тогда она впервые попала в монастырь, а потому спросила: «Почему колокола звонят?» — «Христа славят», — ответили ей. Вдруг колокола замолкли. Они увидели издали, что инок Трофим упал, потом с молитвой подтянулся на веревках, ударил несколько раз набатно и снова упал.

Господь дал перед Пасхой каждому свое чтение. И Людмила читала накануне, как благодатна кончина, когда умирают с молитвой на устах. Она расслышала последнюю молитву инока Трофима: «Боже наш, помилуй нас!», подумав по-книжному: «Какая хорошая смерть — с молитвой». Но эта мысль промелькнула бессознательно, ибо о смерти в тот миг не думал никто. И при виде упавшего инока все трое подумали одинаково — Трофиму плохо, увидев одновременно, как невысокого роста «паломник» в черной шинели перемахнул через штакетник звонницы и бежит, показалось, в медпункт. «Вот добрая душа, — подумали женщины, — за врачом побежал».

Было мирное пасхальное утро. И мысль об убийстве была настолько чужда всем, что оказавшийся поблизости военврач бросился делать искусственное дыхание иноку Ферапонту, полагая, что плохо с сердцем. А из-под ряс распростертых звонарей уже показалась кровь, заливая звонницу. И тут страшно закричали женщины. Собственно, все это произошло мгновенно, и в смятении этих минут последние слова инока Трофима услышали по-разному: «Господи, помилуй нас!», — «Господи, помилуй! Помогите».

Убегавшего от звонницы убийцу видели еще две паломницы, как раз появившиеся у алтарной части храма и вскрикнувшие при виде крови. Рядом с ними стояли двое мужчин, и один из них сказал: «Только пикните, и с вами будет то же».

Внимание всех в этот миг было приковано к залитой кровью звоннице. И кто-то лишь краем глаза заметил, как некий человек убегает от звонницы в сторону хоздвора, а навстречу о. Василию бежит «паломник» в черной шинели. Как был убит о. Василий, никто не видел, но убит он был тоже ударом в спину.

Вот одна из загадок убийства, не дающая иным покоя и ныне: как мог невысокий щуплый человек зарезать трех богатырей? Инок Трофим кочергу завязывал бантиком. Инок Ферапонт, прослуживший пять лет близ границы Японии и владевший ее боевыми искусствами, мог держать оборону против толпы. А у о. Василия, мастера спорта в прошлом, были такие бицепсы, что от них топорщило рясу, вздымая ее на плечах, как надкрылья. Значит, все дело в том, что били со спины?

Вспоминают, у инока Трофима был идеальный слух, и стоило о. Ферапонту чуть-чуть ошибиться, как он поправлял: «Ферапонт, не так!» Он не мог не услышать, как упал о. Ферапонт и умолкли его колокола. Вся звонница, наконец, размером в комнатку, и постороннему человеку здесь невозможно появиться незамеченным. Но в том-то и дело, что в обитель пришел оборотень, имеющий вид своего монастырского человека. «Друг пришел, — отвечает за сына мать о. Трофима. — Он любил людей и подумал: друг».

Однажды в юности о. Василия спросили: что для него самое страшное? «Нож в спину», — ответил он. Нож в спину — это знак предательства, ибо только свой человек может подойти днем так по-дружески близко, чтобы предательски убить со спины.

«СынЧеловеческий предан будет», — сказано в Евангелии (Мк. 10, 33). И предавший Христа Иуда тоже был оборотнем, действуя под личиной любви:

«И пришедше, тотчас подошел к Нему и говорит: «Равви, Равви!» И поцеловал его» (Мк. 14, 15).

Следствие установило, что о. Василий встретился лицом к лицу с убийцей, и был между ними краткий разговор, после которого о. Василий доверчиво повернулся спиной к убийце. Удар был нанесен снизу вверх — через почки к сердцу. Все внутренности были перерезаны. Но о. Василий еще стоял на ногах и, сделав несколько шагов, упал, заливая кровью молодую траву. Он жил после этого еще около часа, но жизнь уходила от него с потоками крови.

Потом у этой залитой кровью земли стояла кружком спортивная команда о. Василия, приехавшая на погребение. Огромные двухметровые мастера спорта рыдали, как дети, комкая охапки роз. Они любили о. Василия. Когда-то он был их капитаном и вел команду к победе, а потом он привел их к Богу, став для многих духовным отцом. Горе этих сильных людей было безмерным, и не давал покоя вопрос: «Как мог этот «плюгаш» одолеть их капитана?» И теперь на месте убийства они вели разбор последнего боя капитана: да, били в спину. Но о. Василий еще стоял на ногах. Они знали своего капитана — это был человек-молния с таким ошеломляющим мощным броском, что даже в последнюю минуту он мог обрушить на убийцу сокрушительный удар, покарав его. Почему же не покарал?

Даже годы спустя дело об убийстве в Оптиной полно загадок. Но однажды в день Собора исповедников и новомучеников Российских молодой приезжий иеромонах говорил проповедь. И помянув о. Василия, вдруг будто сбился, рассказав о том, как на преподобного Серафима Саровского напали в лесу трое разбойников. Преподобный был с топо-

ром и такой силы, что мог бы постоять за себя. «В житии преподобного Серафима Саровского говорится, — рассказывал проповедник, — что, когда он поднял топор, то вспомнил слова Господа: «Взявшие меч, мечом и погибнут». И он отбросил топор от себя». Вот и ответ на вопрос, а мог ли о. Василий обрушить на убийцу ответный смертоносный удар?

Дерзость злодеяния была на том и построена, что здесь святая земля, где даже воздух напитан любовью. И верша казнь православных монахов, палач был уверен — уж его-то здесь не убьют.

* * *

Первой к упавшему о. Василию подбежала двенадцатилетняя Наташа Попова. Зрение у девочки было хорошее, но она увидела невероятное — о. Василий упал, а в сторону от него метнулся черный страшный зверь и, взбежав по расположенной рядом лесенке-поленнице из дров, перемахнул через стену, скрывшись из монастыря. Убегая, убийца сбросил с себя шинель паломника, а чуть позже сбрил бороду — маскарад был уже не нужен.

— Батюшка,— спрашивала потом девочка у старца,— а почему вместо человека я увидела зверя?

— Да ведь сила-то какая звериная, сатанинская,— ответил старец,— вот душа и увидела это.

Рассказ Наташи Поповой: *«Отец Василий лежал на дорожке возле ворот,ведущих в скит. Четки при падении отлетели в сторону, и батюшка как-то подгребал рукой. Почему он упал, я не поняла. Вдруг увидела, что батюшка весь в крови, а лицо искажено страданием. Я наклонилась к нему: «Батюшка, что с вами?» Он смотрел мимо меня — в небо. Вдруг выражение боли исчезло, а лицо стало таким просветленным, будто он увидел Ангелов, сходящих с небес. Я, конечно, не знаю, что он*

увидел. Но Господь показал мне это необычайное преображение в лице батюшки, потому что я очень слабая. И я не знаю, как бы я пережила весь ужас убийства и смерть моего лучшего друга о. Трофима, если бы не стояло перед глазами это просветленное лицо о.Василия, будто вобравшее в себя неземной уже свет».

Умирающего о. Василия перенесли в храм, положив возле раки мощей преподобного Амвросия*. Батюшка был белее бумаги и говорить уже не мог. Но судя по движению губ и сосредоточенности взгляда, он молился. Господь даровал иеромонаху Василию воистину мученическую кончину. Врачи говорят, что при таких перерезанных внутренностях люди исходят криком от боли. И был миг, когда о. Василий молитвенно протянул руку к мощам старца, испрашивая укрепления. Он молился до последнего вздоха, и молилась в слезах вся Оптина.

Шла уже агония, когда приехала «скорая». Как же все жалели потом, что не дали о. Василию умереть в родном монастыре! Но так было угодно Господу, чтобы он принял свою смерть «вне града» Оптиной, как вне Иерусалима был распят Христос.

---

* Еще при жизни старца Амвросия двое блаженных предсказали, что на его месте будет старец Иосиф. Так и вышло — в раке находились тогда мощи преп. старца Иосифа, о чем в ту пору никто не знал. Но все было промыслительно, и благодаря этой «ошибке» в 1998 году были обретены мощи семи Оптинских старцев, хотя это и не планировалось. Так пожелали сами Старцы, восстав Собором на свое прославление. Это на земле все раздельно, а в Царстве Небесном — единение святых. Вот знаки этого единения — по приезде в монастырь о. Василий жил в хибарке преп. Амвросия, но непосредственно в келье старца Иосифа. А позже, на Собор Оптинских старцев, на могиле новомученика Василия произошло исцеление, как бы знаменующее его участие в празднике Оптинских святых.

Монашеский дневник о. Василия оборвался на записи: «Духом Святым мы познаем Бога. Это новый, неведомый нам орган, данный нам Господом для познания Его любви и Его благости. Это какое-то новое око, новое ухо для видения невиданного и для услышания неслыханного.

Это как если бы тебе дали крылья и сказали: а теперь ты можешь летать по всей вселенной.

Дух Святый — это крылья души».

ЕВХАРИСТИЯ

У о. Василия было обыкновение тщательно помечать в дневнике, у какого автора взята та или иная цитата. Но одна выписка дана без ссылок на автора и воспринимается как личный текст:

«Молю вас да не безвременною любовию меня удержите, оставите мя снедь быти зверем, имиже Богу достигнути возмогу. Пшеница Божия есмь, зубами зверей да сомлен буду, яко да чист хлеб Богу обрящуся».

У этой выдержки из письма священномученика Игнатия Богоносца была потом своя посмертная история, раскрывающая смысл событий на Пасху 1993 года. Но чтобы рассказать эту историю, надо снова вернуться в те времена, когда о. Василий был еще иноком и охотно нес послушание ночного дежурного на вахте. Проще сказать, сидел ночами в сторожевой будке и читал, а читатель он был ненасытный. Рядом с ним в той же будке сидел другой ненасытный читатель — петербуржец Евгений С. Дивны тайны Божиего Домостроительства, и во свидетельство о том расскажем историю появления Жени в Оптиной пустыни.

* * *

Молодые люди из «хиппи», прилепившиеся тогда к Оптиной, наградили Женю двумя прозвищами — «Ленин» и «прокурор». «Ленин», потому что, к их изумлению, он прочел всего Ленина. Истина, считал он в ту пору, сокрыта в некоем подлинном, неискаженном марксизме-ленинизме, а истину надо искать. Кстати, искатель истины он был дотошный, и если для такого поиска требовалось изучить греческий язык, то Жене это было не в труд: он предпочитал читать подлинники.

Ну, а когда он изучил Ленина, то и стал тем «прокурором», что из брезгливости к марксизму-ленинизму бросил институт и собрался бежать в Америку. Он не мог уже жить в той стране, где со всех стен и заборов ему приветливо улыбался Ильич. Вызов из Америки задерживался. И один приятель посоветовал ему отсидеться до получения визы в Оптиной: кормят, поят — что еще надо? Но в Оптиной была библиотека, и искатель истины застрял подле нее.

В Бога Женя тогда еще не верил, но с отцом Василием у них был удивительный мир. Они сидели бок о бок в сторожевой будке, читая каждый свое. «Нет, ты послушай, что пишет!» — восклицал иногда о. Василий и, оторвавшись от книги, пересказывал мысли святых Отцов. Православие было чуждым Жене в ту пору, но слушал он с интересом, по-своему восхищаясь дисциплиной отточенной мысли.

Словом, двое ненасытных читателей жили по-братски, и никаких попыток обращения Жени в православие о. Василий не предпринимал. Мы же предпринимали, но впустую, ибо Женя лишь огрызался: «Что, Миклухо-Маклаи, папуаса нашли?»

Позиция о. Василия казалась непонятной. А позиция, между тем, была такая: «Кто ищет истину, тот найдет Бога». А Женя искал истину, но своеобразным путем. Знакомство с Ильичом породило в нем такую брезгливость ко всему отечественному, что он читал только западное. Изучил католичество, протестантизм, а потом перешел к ересям, осужденным Семью Вселенскими Соборами. При его уникальной памяти и привычке читать сутками, он вскоре стал среди оптинцев признанным специалистом по ересям. И когда в Оптину приезжал кто-то слишком замороченный, ему говорили: «Иди к «прокурору», он тебе все про твою «филиоквочку» изложит — от Ноя до наших дней».

Где и когда душа Жени потрясенно воскликнула: «Господь мой и Бог мой!» — это его тайна. Но обращение Жени было столь пламенным, что приняло сначала характер стихийного бедствия — он готов был умереть за православие и с такой ревностью попалял ереси, что обличал уже за неточное употребление слов. «Слушай,— сказали ему однажды в сердцах,— тебя только о. Василий может выдержать!» Это правда. Православие о. Василия было столь органичным, что измученная ересями душа Жени благодарно отдыхала рядом с ним.

Вспоминают, что о. Василий набирал для себя в библиотеке огромную стопку книг, а потом, вздыхая, откладывал в сторону то, что не главное. «У о. Василия была такая черта, как экономность,— рассказывал один иконописец,— и он отсекал все, что замедляло продвижение к цели». И все же в сторожевую будку он приносил из библиотеки увесистую стопку книг, опять откладывая что-то в сторону, или просил Женю: «Взгляни, а? Мудреное что-то. Перескажешь потом». И Женя, прочитав, пересказывал.

Житейских разговоров между ними не было. Отец Василий чтил братство, но отвергал панибратство, заметив однажды, что панибратство изничтожает любовь.

Мы же тонули порой в панибратстве и, «спасая» нашего друга Женю, пожаловались на него старцу: «Батюшка, Женя три года в Оптиной пустыни, а не причащается». — «Ничего, — ответил старец, — вот поступит в семинарию, а там уж будет часто причащаться». Когда Жене передали этот разговор, он поперхнулся от изумления: он — в семинарию? Смешно.

Причастился Женя лишь в день приезда в Оптину. Увидел в храме, что все идут к Чаше, и тоже по-детски, без исповеди подошел. А потом он три года готовился к причастию, исповедовался и не смел подойти к Чаше, не понимая чего-то главного, что так жаждал понять. «Женя, это тебе гордость мешает», — обличали мы друга. А о. Василий никого не обличал.

Иеродиакон Рафаил вспоминает: *«Отец Василий одно время водил экскурсии по Оптиной. И когда моя еще неверующая тогда родня приехала навестить меня, я побежал к нему: «Батюшка, выручай. Уж такие неверующие люди приехали! Может, ты их своим словом обратишь». Но о. Василий отказался обращать, сказав со смирением, что, мол, в силах человеческих? Это Господь все может, а нам пока неведомо, как и через кого Он свершит обращение»*.

Словом, мы обращали, а о. Василий записывал в те дни в дневнике: «Бог управляет участью мира и участью каждого человека. Опыты жизни не замедлят подтвердить это учение Евангелия. Необходимо благоговеть перед непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях, как

частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных. Отчего же наш дух возмущается против судеб и попущений Божиих? Оттого, что мы не почтили Бога, как Бога».

И через годы явили себя воочию те тайны Божиего Домостроительства, когда ехал человек в Америку, попал в Оптину и, уже будучи студентом третьего класса Санкт-Петербургской семинарии, избрал для своей первой проповеди в храме тему Оптинских новомучеников, посвятив ее преимущественно о. Василию.

Свою первую проповедь семинарист Евгений писал мучительно долго, но проповедь не получалась. Он перечислял качества о. Василия — образованный, трудолюбивый, смиренный, но это был портрет хорошего человека, в котором отсутствовало главное — дух о. Василия. Тогда он приехал на каникулы в Оптину пустынь и каждый день молился на могилке о. Василия, взывая о помощи. И почему-то вспоминалось ему у могилы новомученика, как он три года готовился к причастию и не смел приступить к Чаше, пока не рухнул однажды в слезах на колени в потрясении от Жертвенной Божией Любви.

Женя долго стоял у могильного креста о. Василия, умоляя его, как живого, сказать о главном в его жизни. И вдруг застучало в висках: «Пшеница Божия есмь, зубами зверей да сомлен буду, яко да чист хлеб Богу обрящуся». Женя никогда не читал дневник о. Василия, но вернувшись с могилки сказал: «Пшеница Божия есмь» — это о. Василий. Так он жил и так умер».

А потом он говорил свою первую проповедь в притихшем храме, рассказывая о той последней пасхальной Евхаристии, когда о. Василий мучаясь стоял у жертвенника пред Агничной просфорой

и все медлил свершить проскомидию, сказав: «Так тяжело, будто себя заколаю». Он рассказывал о светлой и цельной жизни иеромонаха Василия, где все слилось воедино: «чист хлеб», Агничная просфора на Пасху, смерть за Христа и само начало монашеской жизни, преисполненное жертвенной любви к Богу: «Пшеница Божия есмь...»

Он еще долго жил этой проповедью, собирая материалы о новомучениках и рассказывая потом в Оптиной: «Мученичество — это Евхаристия. Вот смотрите, преподобномученицу Елизавету Федоровну бросили в шахту, раздроблены кости. Какая мученическая смерть! И вдруг из шахты слышится ее пение: «Иже Херувимы, тайно образующе...» А могла бы спеть: «Богородице, Дево, радуйся». Много прекрасного можно спеть. Но Елизавета Федоровна наизусть знала службу и пела, умирая: «Иже Херувимы...», потому что это вынос Святых Даров. В Царстве Божием нет ни мужского пола, ни женского, и мученицы, как священники, держат в руке Крест. Умирая, Елизавета Федоровна была уже вне тела и, подобно священнику, участвовала в Евхаристии, принося в жертву уже себя».

* * *

Евхаристия в переводе с греческого — благодарение. «Милость Божия дается даром, но мы должны принести Господу все, что имеем»,— писал о. Василий в первый год монашеской жизни. Но чем дальше, тем больше он осознавал, что принести нечего, и скудна любовь земная перед любовью распятого за нас Христа. Позже он писал в дневнике: «Кому из земных глаголеши, Господи, яко прискорбна есть душа Твоя до смерти? Кий да поднебесный обымет сие? Кое естество человече сие вместит? Но расшири сердца наша, Господи, яко гря-

дем во след печали Твоей ко Кресту Твоему и Воскресению». Нечем человеку воздать Господу за все Его великие благодеяния, ибо все дано Им. И все-таки есть эта высшая форма благодарения — мученическая жертвенная любовь.

На Пасху 1993 года в благодарственную жертву Господу принесли себя трое оптинских новомучеников. Все трое соборовались в Чистый Четверг, причастились перед самой кончиной и приняли смерть за Христа, работая Господу на послушании. И Господь дал знак, что принял жертву своих послушников, явив в час их смерти в небе знамение.

Свидетелями знамения были трое — москвичка Евгения Протокина, паломник из Казани Юрий и москвич Юлий, ныне послушник монастыря во Владимирской епархии. Они ничего не знали об убийстве, уехав из Оптиной сразу после ночной пасхальной службы и теперь стояли на остановке в Козельске, дожидаясь шестичасового автобуса на Москву. Рейс, как выяснилось позже, отменили. И они слушали пасхальный звон, глядя в сторону монастыря. Вдруг звон оборвался, а в небо над Оптиной будто брызнула кровь. Про кровь никто из них не подумал, глядя в изумлении на кроваво-красное свечение в небе. Они посмотрели на часы — это было время убийства. Пролилась на земле кровь новомучеников и, брызнув, достигла Неба.

Как ни странно, но об этом знамении в Оптиной узнали лишь три года спустя, ибо память очевидцев затмило тогда другое потрясение. Пока в ожидании следующего рейса они ходили разговляться на дачу, были подняты по тревоге милиция и войска. Ничего не подозревая, паломники опять стояли на остановке, когда к ним подъехал «воронок», и двое автоматчиков профессионально-жестко заломили руки Юлию, втолкнув его в машину. «За что? Что

случилось?» — кричала в слезах Евгения. Но хмурые люди с автоматами сами не знали толком, что случилось, получив по рации приказ ловить убийцу по приметам: рост такой-то, бородка. А главная примета — православный паломник из Оптиной.

О ВАРАВВЕ

Весь день на Пасху шли аресты. Взяли человек сорок, подозревая в основном монастырских, а пресса уже силилась доказать, что преступник — православный человек.

Действовали, похоже, по заранее заготовленному сценарию. В самом Козельске еще ничего не знали про убийцу и милиция лишь начала расследовать дело, а пресса уже сообщала свои версии о нем. Одна радиостанция весело давала понять, что православные, де, так перепились на Пасху, что перерезали друг друга. А в «Известиях» уточнялось: «однако существует и дежурная для мужских монастырей версия, что убийство совершено на почве гомосексуализма».

О, как же был прав о. Василий, когда взывал в Покаянном каноне: «Предстани мне, Мати, в позорище и смерти!» Тут было все сразу — позорище и смерть. Да простит нас боголюбивый читатель за то, что поневоле касаемся скверны. Но ученик не выше Учителя, а Господа нашего Иисуса Христа тоже обвиняли: «Он развращает народ наш» (Лк. 23, 2). «Нечестивые люди состязались в низости и клевете, — писал по этому поводу святитель Иоанн Златоуст, — как бы боясь упустить какую наглость». И теперь шло такое же состязание в низости.

Из газеты «Московский комсомолец»: *«Милиции удалось поймать убийцу. Им оказался бомж. Раньше он работал кочегаром в монастырской*

котельной. В январе этого года его выгнали из монастыря за беспробудное пьянство. Недавно он вновь попытался получить работу, но получил отказ. Его местью за это стало убийство».

Все в этой заметке ложь и клевета на невинного человека, вообще не употреблявшего вина. Но кто-то, видно, хорошо изучал характер Алеши (имя условное — Ред.), избрав его на роль жертвы. Забитый с детства и пролежавший девять лет в психиатрической больнице, он был настолько беззащитен, что даже собственную пенсию не получал годами — ее отнимала у него, пропивая, дальняя родня. Однажды он появился в монастыре избитый и такой истощенный, что все бросились подкармливать его. А Алеша радовался, что живет в Оптиной и может ходить в храм и в лес по грибы. Он очень старался на своем послушании в кочегарке, хотя и был слабосильный. А в монастыре все думали, как помочь Алеше и как устроить его жизнь, если в миру никому не нужны эти беззащитные больные люди?

Как раз перед Пасхой Алеша стал учиться вырезать киоты и выпрашивал у всех резец или ножик для резьбы. Кто-то дал ему большой кухонный нож, и Алеша показывал его всем, радуясь: «Нож достал». Именно шинель Алеши убийца выкрал из гостиницы и, вложив в карман финку, бросил на месте преступления. Алешу сразу же арестовали, и улики ложились один к одному: психиатрический диагноз, его шинель и нож.

Рассказывает Пелагея Кравцова: *«Я была в ужасе, когда его арестовали. Ну, кто поверит, что он убийца! Да он мухи не обидит и каждого котенка жалел? «Батюшка, — говорю, — его же посадят, если рассказывать про нож. Что говорить, когда вызовут?» — «Только правду».*

Но в козельской милиции осмотрели Алешу и, увидев его мышцы дистрофика, отпустили, махнув рукой: «Ну, кого он убьет? Самого бы ветром не сдуло». Опровержения в прессе, естественно, не было.

* * *

Когда через шесть дней после Пасхи был арестован Николай Аверин, сценарий о «сумасшедшем убийце» вступил в новую стадию разработки. Пресса дружно сделала из Аверина героя-афганца и объявила его «жертвой тоталитаризма». Судмедэкспертизы еще не было, но пресса уже ставила свой диагноз: «психика молодого человека не выдержала испытаний войной, в которую он был брошен политиками» (газета «Знамя»). «Искореженная нелепой войной душа молодого крепкого парня, оставленного без моральной поддержки, металась» («Комсомольская правда»). Можно привести еще цитаты. А можно вспомнить иное — как в евангельские времена подученные люди кричали: *«отпусти нам Варавву. Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство».* (Лк. 23, 18-19).

«Какая мудрая книга Библия, — сказал иеромонах П. — В ней есть все про нас». Вот и нам, двадцать веков спустя, дано было услышать дружный клич в защиту преступника: «Варавва же бе разбойник».

Атеистический дух века, разумеется, не новость. А поскольку легенда о герое-афганце вошла с тех пор в обиход, то дадим три справки:

1. В армию у нас призывают в 18 лет. Справка дана специально для «Московского комсомольца», зачислившего Аверина в спецназ, где он никогда не служил, и сообщившего: «Подозреваемый в 1989 году вернулся из Афганистана, где служил в войсках

специального назначения». А стало быть, Аверин, 1961 года рождения, вернулся из армии в 28 лет и со свежей психической травмой.

2. Николай Аверин был в Афганистане на втором году службы с 1 августа 1980 года, демобилизовавшись в 1981 году без единой царапины. В боевых действиях не участвовал. Между тем, эксперты единодушно утверждают, что в Оптиной действовал убийца-профессионал. Старший следователь по особо важным делам, майор милиции А. Васильев дал такой комментарий корреспонденту «Правды»: «Ножевые тычки исполнены с необычайным профессионализмом... удары нанесены в места, которые в Афганистане были защищены бронежилетом, а если учесть, что нашим штурмовым батальонам практически не приходилось пользоваться штык-ножом, то получается, что научиться подобному «искусству» — а это, поверьте, нелегкая наука — душевнобольному было практически негде». Кто же готовил профессионального убийцу?

3. После демобилизации в 1981 году было то мирное десятилетие, когда он, окончив Калужское культпросветучилище, работал в Доме культуры г. Волконска. В эти же годы он окончил курсы киномехаников и курсы шоферов. Каждый, кто получал права, знает, что для этого требуется справка психиатра об отсутствии психических заболеваний. Такую справку Аверину дали, и до дня убийства он ездил на личной машине.

В 1991 году против тридцатилетнего Николая Аверина было возбуждено уголовное дело по статьям 15 и 117 ч.3 за изнасилование на Пасху 56-летней женщины. Срок по 117-й дают большой, и тут возникла афганская психическая травма. Дело закрыли по статье о невменяемости. И после шести месяцев принудительного лечения в психиатрической боль-

нице Николая Аверина выписали с редким диагнозом — инвалидность третьей групы. При серьезных расстройствах психики, утверждают психиатры, эту группу не дают.

* * *

Дело об убийстве оптинских братьев было закрыто, как известно, по той же статье о невменяемости. Судебного разбирательства, как водится в таких случаях, не было — не были допрошены многие важные свидетели, и не был проведен следственный эксперимент. Между тем, общественно-церковная комиссия, проводившая самостоятельно расследование, опубликованное затем в газете «Русский вестник», установила: «У комиссии есть данные, что в убийстве участвовало не менее трех человек, которых видели и могут опознать свидетели». Но требования православной общественности о расследовании дела и проведении независимой психиатрической экспертизы не были услышаны.

Но сколь неправеден суд человеческий, столь взыскателен Суд Божий. И когда в Оптиной стали собирать воспоминания местных жителей, то оказалось, что среди тех, кто разрушал монастырь в годы гонений, нет ни одного человека, который бы не кончил потом воистину страшно. Когда-нибудь эти рассказы, возможно, будут опубликованы, а пока приведем один из них.

Рассказ бабушки Дорофеи из деревни Ново-Казачье, подтвержденный ее дочерью Татьяной: *«Однажды пошли мы с медсестрой и дочкой Таней в больницу. А жара, пить хочется. И медсестра говорит: «Зайдем в этот дом, у меня тут знакомые живут». Зашли мы. А я как села со страху на лавку, так и встать боюсь: на печи три девочки безумные возятся — лысенькие, страшные и щип-*

лют себя. Не стерпела и спрашиваю хозяйку: «Да что ж за напасть у тебя с дочками?» — «Ох, — говорит, — глухие, немые и глупенькие. Всех врачей обошла, а толку? Медицина, объясняют, бессильна. Один прозорливый оптинский старец вернулся тогда из лагерей и исцелял многих. А я прослышала и бежать к нему. Взошла на порог и еще слова не вымолвила, а он мне сразу про мужа сказал — это ведь он разрушал колокольню в Оптиной пустыни и сбрасывал вниз колокола. «Твой муж, — говорит, — весь мир глухим и немым сделал, а ты хочешь, чтоб твои дети говорили и слышали».

ГАДАРИНСКИЙ БИЗНЕС, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: ПОЧЕМУ УБИВАЮТ ЗА ХРИСТА?

Если в 1993 году следственные органы считали, что только «темные» православные могут верить в существование сатанинских сект, то теперь картина иная. Уже изданы справочники с перечнем этих сект, а сами секты активно внедряются в бизнес и действуют даже в школах. «Какой ужас! — рассказывала московская журналистка И.Т. — У моей подруги сын-школьник вступил в секту сатанистов и теперь терроризирует бабушку и мать: «Когда же вы сдохнете? Зажились!» Оказывается, их в секте учат, что после 45 лет родители не имеют права на жизнь и должны быть «устранены».

Чтобы убедиться в существовании сект, достаточно подойти к газетному киоску — богато иллюстрированные издания, где можно увидеть, например, фоторепортаж с черной мессы с возлежащей на престоле обнаженной блудницей. Зло сегодня уже не скрывается — дескать, смотрите: тайн нет. И все же скажем о главной тайне «чер-

ного бизнеса»: древнее зло старается быть загадочно-новым. А иначе как поймать на крючок? Вот почему благоразумно спросим, а в чем тут загадка и новое что?

* * *

У Карла Маркса, вступившего в молодости в секту сатанистов, есть стихотворение: «Адские испарения поднимаются и наполняют мой мозг, пока не сойду с ума и сердце мое не изменится в корне. Видишь этот меч? Князь тьмы продал мне его». И по утверждению психиатров, сегодня половину пациентов психиатрических больниц составляют выходцы из сект и любители оккультной литературы. Более того, угрожающе растет число самоубийств и наблюдается неведомое прежде явление — беснование младенцев. Благочинный Псково-Печерского монастыря рассказывал такой случай — в монастырь привезли причащаться больную двухлетнюю девочку. Младенец был настолько слаб, что исхудалые ручки висели плетьми. Но когда девочку на руках поднесли к Чаше, она вцепилась в горло священнику и душила его с такой силой, что четверо монахов едва разжали ее руки.

Зло множится сегодня с такой скоростью, что сектоведы едва успевают отслеживать все новые и новые секты. А в итоге обнаруживается: меняются лишь названия, а за маскарадом словечек стоит все то же древнее зло. И все же присмотримся к маскам современного зла, вызывающего порою шок. Это древний прием зла — вызвать шок, сломив человека, чтобы он жил «трясыйся и стеня».

Вспоминается, какой шок был у некоторых, когда в Оптиной после убийства нашли окровавленный меч с надписью: «сатана 666». «Да не вникайте вы в эти шестерки,— сказал старец,— безбожники

убили». И все же в потрясении тех дней иные бросились изучать литературу по ритуальным убийствам, чтобы, заглянув в эту смрадную бездну, задать в итоге простой вопрос. А какая разница в том, что о. Василия убили за Христа мечом с тремя шестерками, а священномученика Исаакия Оптинского в 1938 году расстреляли? Убийство есть убийство, и суть тут не в надписях на мече.

Древнее зло сегодня прячется в загадочность знаков, ритуалов, словечек, чтобы, запутавшись, сказал человек: «Да ведь такого на земле еще не было, чтобы сын-школьник изучал в секте, как убить свою бабушку и мать!» Почему не было? Было, и велика ли разница между этим школьником, метящим в палачи, и комсомольцем 20-х годов, казнившим (а это реальный случай) своего отца-священника? Палач во все времена есть палач.

Словом, чем дальше продвигалось наше расследование о причинах убийства в Оптиной, тем чаще через «загадочность» современного зла проступали явления, давно знакомые.

Из разговора с игуменьей Орловского Свято-Введенского монастыря монахиней Олимпиадой:

— Матушка, а ваш монастырь сатанисты посещают?

— Кошкодавы-то? А как же! Все, как у людей.

На Орловщине и в других местах народ называет сатанистов «кошкодавами» за их излюбленный прием — накинуть петлю на шею котенку и, размозжив его о стену монастыря, перепачкать потом стены, рисуя свои излюбленные шестерки. В нашей отечественной истории «кошкодавы» — народ знакомый. И в романе Булгакова «Собачье сердце» революционер Шариков не случайно «кошкодав». Это взято из жизни, и старики по деревням еще помнят, как

во время раскулачивания шли по дворам вооруженные люди, стреляя зачем-то сперва в собаку и мозжа сапогами кота.

Из отечественной истории, наконец, известно, что «кошкодавы» — мелкая сошка, расчищающая путь к власти своим хозяевам. Этих кошки не интересуют, и цель здесь иная — золото, сила, власть. Характерно, что о. Василий называл эти фетиши зла древним словом — идолы. И новомученики разных времен оставили нам свое духовное наследие — ясное видение природы зла.

Из проповеди протоиерея-исповедника Валентина Свенцицкого, произнесенной 8 июля 1925 года на день памяти священномученика Панкратия: *«Достаточно выйти за ограду церкви, как ненависть и злоба окружают нас. Оскорбления, брань, плевки — вот чем встречает нас мир. Почему же? За что же это? Или мы хуже всех? Или мы такие преступники?*

Ответ на этот вопрос дает одно событие из жизни священномученика Панкратия. При его приближении содрогнулись идолы и пали в море. Вот ответ на вопрос.

Идолопоклонство давно уничтожено, но наша мирская жизнь—это прежнее поклонение идолам. Бесы, действовавшие в прежних истуканах, нашли иные формы для порабощения мира».

У богоборчества разных времен один корень. К такому выводу приходили люди и, размышляя о причинах убийства на Пасху, рассказывали свои незабываемые истории, порой не связанные напрямую с событиями в Оптиной пустыни. И все же приведем эти истории — тут духовный опыт поколений и свои ответы на вопрос: почему убивают за Христа?

Станция метро Полежаевская

Рассказала эту историю Мария Никитична Депутатова. В Оптиной она появилась сразу после открытия монастыря с тяжелыми торбами через плечо: десять литров лампадного масла, холст, мука и сбережения в узелке. В свои восемьдесят лет Мария Никитична откладывала деньги на погребение, но, услышав об открытии Оптиной, рассудила: «Поверх земли никто не лежит, и меня поди погребут». Так начиналась Оптина пустынь — пришла вдовица Мария Никитична и положила свои две лепты: все, что имела, — все отдала.

Как же любил о. Василий Марию Никитичну! А она вспоминает о нем: «У меня о. Василий, как живой, перед глазами стоит. Глаза сияют, а улыбка! Помню, прыгает по бревнам в скиту и зовет меня издали: «Ма-арь Никитична! А я везде вас ищу. Идемте чай пить». Чай пили в хибарке преподобного Амвросия. А Мария Никитична, живая свидетельница гонений, рассказывала о новомучениках — оптинских, астаповских, троекуровских. Чай остывал, а о. Василий слушал.

За давностью лет уже забылось, что конкретно рассказывала она о. Василию. Но из множества рассказов Марии Никитичны мы выбрали историю о московской станции метро Полежаевская, и вот почему. Отец Василий потому и стал урожденным москвичом, что на строительство метрополитена в Москву приехал его дядя, а к дяде из деревни, расположенной неподалеку от Оптиной, переехала потом его мать.

Руководящую должность на строительстве метро занимал в те годы большевик Василий Полежаев. Это его именем была названа станция Полежаевская,

где в вестибюле стоит его бюст. Мария Никитична избегает ездить через эту станцию, объясняя: «Не могу я видеть бюст Полежаева. Он же наше село разорил! А село наше Астапово было богатое — триста дворов, два храма было, и собирались открыть монастырь. Боголюбивой была моя родина! И вот о чем плачу и чему дивлюсь — в революцию, конечно, все пострадали, но деревни поодаль все же уцелели. А от Астапово осталось лишь тридцать дворов».

К великому несчастью для Астапово именно здесь умер Лев Толстой. В память своего учителя-ересиарха толстовцы устроили здесь коммуну, чтобы «развивать» народ, отвращая его от Церкви и внушая презрение к «попам». Правда, за толстовцами пошли лишь местные «гультяи» — народ пьющий, пропащий, но обретший в революцию большую власть. Вспомним, как после обращения в православие о. Василий вынес из дома все книги Льва Толстого, сказав: «Мама, да он же еретик!» А где ересь, там следом большая кровь.

Мария Никитична рассказывала: *«Полежаев еще до революции перестал ходить в церковь и начал пить. А пришла революция — настал его час. Достал оружие и начал грабить с дружками. Подъедут пьяные к избе на телеге, все выгребут, самогона потребуют и начинают тут же гулять. У Васьки дружок был больной венерической болезнью, многих он заразил, а потом повесился. У нас все боялись их, как разбойников, а власти назвали их «комсомол». «Мы власть на местах», — объявил Васька, и с тех пор уже страха не знал. Своего родного дядю ограбил и выгнал без одежды с семьей на мороз. У них ребеночек был пятимесячный, и он от стужи насмерть замерз.*

Я два класса всего окончила. Дальше Васька учиться не дал. Пришел в школу и потребовал исключить всех, кто не поет «интернационал».

Слово «интернационал» нашей рассказчице не выговорить, а уж эту страшную песню она, как многие дети, боялась петь. Ну, каково православному ребенку запеть: «Вставай, проклятьем заклейменный»? Ясно ведь, кто заклеймен проклятьем. И ее, как и других детей, страшившихся петь про «проклятого», исключили из школы.

Мария Никитична продолжает рассказ: *«Уж как меня учительница защищала: «Оставьте ее. Она способная». А Васька ни в какую: «Она просфорки с теткой печет». Это правда. Я помогала тете печь просфоры для храма, но и храму пришел конец. Был у нас очень хороший батюшка,* о. *Александр Спешнев. Всю жизнь с нами прожил — крестил, венчал, отпевал. Полсела — его духовные дети, и мы, как родного, любили его. Васька сразу сказал батюшке: «Я убью тебя». Сперва скирды и амбар сжег у батюшки, а потом ночами стал дом поджигать. Такую нам жизнь Полежаев устроил, что батюшка скрылся в Москву к детям и работал бухгалтером в Расторгуево. И мы побежали из села, кто куда. Много наших в Москву убежало. Глянь, и Васька прибыл сюда: «От меня не уйдешь! А попа разыщу и убью».*

Сперва он смурной был и жил в подвале. И вдруг стал начальником в Метрострое и даже министром потом. Наши астаповские передавали, что перед Москвой он многих ограбил и два пуда золота добыл грабежом. В Москве отдал золото кому надо и на золоте к власти взлетел. Квартиру трехкомнатную получил на Солянке и персональный автомобиль. Все имеет, а все лютует. И до

того долютовался, что свои же рабочие убили его. Но сперва он убил нашего батюшку.

Искал он о. Александра долго, и через органы все же нашел. Приехал с комсомольцами к нему в Расторгуево и говорит: «Ты меня, поп, водою крестил. Теперь я тебя окрещу». Морозы тогда стояли страшные, и придумал он для батюшки лютую казнь — поставили во дворе большую бочку с водою и стали батюшку туда окунать. А как наш старенький батюшка льдом покрылся, отнесли его в дом к горячей печке. А когда он очнулся и застонал от боли, снова в бочку его понесли. Три дня так пытали — то в бочку, то к печке, пока не замучили насмерть его. Упокой, Господи, нашего батюшку-мученика Александра!

А вы не знаете, бюст Полежаева в метро все еще стоит?»

Станция Козельск

После Пасхи 1990 года Мария Никитична возвращалась из Оптиной домой и, ожидая поезда на станции Козельск, обратила внимание на мужчину, пившего водку прямо из бутылки.

— Коли пьешь, хоть закусывай, — сказала сердобольная Мария Никитична, протягивая ему пакет с едой. — Вот, возьми, мне в Оптиной дали.

— Не положено, — ответил тот. — Я в такое место еду!.. А поехали, мать, со мной? Познакомлю с целительницей — чудеса творит. Мертвого на ноги поставит и в вере, как надо, наставит.

— А какой она веры?

— Нашей, — ответил незнакомец и заторопился на поезд, написав для Марии Никитичны два адреса — свой и целительницы, сказав, что здесь всегда помогут.

Мария Никитична тогда сильно переживала — у сына началась гангрена, и врачи велели срочно ампутировать ногу. Но прозорливая шамординская схимонахиня Серафима, к которой она ездила на Пасху, не благословила на ампутацию, предсказав, что ногу удастся излечить. Так и вышло — молитвами старицы Серафимы сын Марии Никитичны и поныне с ногой. Но тогда гангрена бушевала, сын готовился к ампутации. И мать решилась вдруг съездить к «чудотворице», попросив ее святых молитв.

Когда она сошла с поезда в Сухиничах и на автобусной остановке стала расспрашивать женщин, как доехать до известной «подвижницы», то они разом подняли крик: «Что ж ты, старая, к колдунье едешь? Она тебя до костей обдерет! Мошенница — вся в золоте, всех обдирает! Ни больных, ни убогих — никого не щадит. И куда милиция смотрит?!».

Мария Никитична обомлела — выходит, незнакомец ее обманул? Ведь знал, что она из Оптиной едет, а сказал «нашей веры», чтоб ее заманить. Она потом долго переживала, что так опростоволосилась, но больнее всего при ее совестливости был этот ловкий нарочитый обман.

После убийства на Пасху 1993 года Мария Никитична перебирала вещи, и вдруг откуда-то выпала записка с домашним адресом незнакомца с вокзала. На адресе была фамилия убийцы — Аверин. Нехорошо тогда было Марии Никитичне. И она долго не спала ночью от тяжелых мыслей — неужели все возвращается, и снова золото, водка, обман?!

Улица Победы

Аверина арестовали в г. Козельске в доме его тетки на улице Победы. В ту пору в доме по соседству жила приехавшая из Петербурга православная семья Щ-вых. И месяца за три до убийства

Аверин разыграл спектакль, постучавшись к ним в дом под видом заблудившегося прохожего, чтобы произнести монолог:

— М-да, бедно живете. Какие вы бедные, просто нищие. Хотите, куплю ваш дом и козу? Не продаете? Плачу наличными,— тут он швырнул на стол веером пачку денег и горсть дорогих шоколадных конфет.— Ладно, дарю. Берите на бедность!

Его старались выпроводить, вернув конфеты и деньги. А странный гость продолжал:

— Вы нищие, а мы богатые! Мы можем скупить весь ваш Козельск, все ваши фабрики и заводы. У нас деньги и сила, а вы кто?!

Наконец-то его выпроводили, недоумевая: а чего он пришел — похвастать богатством?

Из дневника о. Василия, 1988 год:

«Об Антихристе».

Число 666 дважды встречается в Библии. 1) В Откровении Иоанна Богослова как указание на Антихриста (13, 18). 2) 2 Паралипоменон (9, 13): «Весу в золоте, которое приходило к Соломону в один год, было 666 талантов».

Сегодня золото творит чудеса и знамения. Самые фантастические проекты могут быть осуществлены, если есть деньги. От их количества зависит и фантастичность.

Начертание на правой руке или челе — рука, считающая деньги и производящая коммерческие операции. Чело — бизнесмен. Все занято помыслами о золоте. Что бы он ни делал, он должен извлечь из этого деньги, иначе нет удовольствия от жизни. То есть все помыслы (чело) и все дела (рука) заняты добычей денег.

(Многие писатели говорили о деньгах, как о страшилище — Э. Золя, Гете.)

Антихрист — финансовый гений (золото) и религиозный мудрец (Соломон), знающий и умеющий все, чтобы поразить всех. Еще Н.В. Гоголь писал: «Все, что нужно для этого мира — это приятность в оборотах и поступках и бойкость в деловых делах». Поэтому Св. Отцы так всегда восставали против сребролюбия, как идолослужения, и беспочвенного умствования, как духовной болезни.

Всякое знание имеет сладость и этим привлекает, потому что дает право власти над чем-то, а значит, и гордости.

Христианское познание преподает скорбь: «Во многой мудрости много печали». Но печаль есть двух родов, говорит Апостол Павел. Печаль о мире производит смерть, а печаль о Боге — дар покаяния.

Откровение (13, 17): «Не смогут покупать и продавать, кроме того, кто имеет это начертание (то есть талант бизнесмена) или имя зверя (то есть принадлежность к государственной власти) или число имени его (666 — золото, наследство, капитал)».

Единая денежная единица во всем мире и единая (внешне) религия — дела Антихриста».

О гадаринском бизнесе

В одной из своих проповедей иеромонах Василий изъяснял притчу о гадаринском бесноватом, из которого Господь изгнал легион бесов: *«Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло»* (Лк. 8, 32-33).

Стадо было огромное — по некоторым источникам, две тысячи. И из-за свиней гадаринские жители гонят Господа от себя: *«И вот весь город вышел навстречу Иисусу и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их»* (Мф. 8, 34).

Эта проповедь о. Василия запомнилась многим. Свинья, объяснял он, считалась у иудеев столь нечистым животным, что свинину не ели, брезгуя не только прикасаться к свиньям, но и произносить само слово «свинья». Говорили иносказательно: «этот зверь», «это животное». По закону Моисея в древней Иудее не разводили свиней. И если гадаринские жители преступили закон, разводя столь отвратительных для них животных, то потому, что таков был их бизнес — они разводили свиней на продажу.

«Они гнали Господа от себя не потому, что лишились пищи, но потому, что лишились наживы, — говорил о. Василий. — Как много людей пришло сегодня к Богу! Но и в наш век будут гнать Господа, встав перед выбором: Господь или нажива. И тем, кто отринет Господа ради наживы, вернуться потом к Богу будет невозможно».

О засухе, картошке и свинках

Лето в год перед убийством выдалось такое засушливое, что картошка не росла, а пеклась в горячей, как зола, земле, и во многих местах поля были выжженными от зноя. Странное было лето — грозовое: небо часто сверкало молниями, синоптики постоянно сулили грозы с осадками, но с весны не было ни одного дождя.

Господь дал наказание, чтобы явить свою милость. И везде, где на полях служили молебны о ниспослании дождя, Господь давал даже не дождь,

а ливень. В поселке Стекольный Завод вскоре после начала молебна хлынул такой дождь, что все вымокли до нитки, пока бежали в укрытие. А в Шамордино и на оптинских полях в Руднево вода после молебна долго стояла в борозде, и картошка там уродилась особо крупная. Все было наглядно, как в букваре: вот зеленая сочная ботва на полях, где шли молебны, а вот бок о бок, как ножом по меже отрезано, выжженные от засухи поля.

Кстати, одно оптинское поле-огород дождь обогнул стороной, и инок Трофим обошел его по меже с молитвой, сказав: «Вот наши грехи». Многие местные жители ходили в тот год по меже, удивляясь или негодуя: как так — одна земля и одно небо, но на монастырских полях все зеленеет после дождя, а рядом жухнет, погибая, сухая картофельная ботва. «Это золотые купола от нас тучи отталкивают!» — кричала, негодуя, учительница-пенсионерка. — «Жили мы до монахов и были с картошкой,— вторил крепкий хозяин, ее муж. — А теперь свиней чем кормить?»

В то засушливое лето даже из дальних селений присылали в Оптину машины за батюшками, чтобы отслужить на полях молебен, убедившись, как дивно помогает Господь. А вот козельчан собрать на молебен не получалось. Вроде, люди были не против, но отговаривались — некогда. И православные козельчане, страдающие со всеми от засухи, сговорились в итоге так — обошли соседей и знакомых, предупредив о часе молебна в храме и попросив людей помолиться в час общей молитвы хотя бы дома. И вот настал час молебна. Древние бабули, не способные по немощи добраться до храма, пали по избам ниц пред иконами, слезно вымаливая дождь у Ильи-пророка. А мужики с любопыт-

ством высыпали на улицу, поглядывая на небо и обсуждая, а будет ли от «богомолов» толк?

«Господь помогает быстрее скорости света», — любил говорить инок Трофим. И сразу после начала молебна на Козельск, как самолеты на посадку, пошли, снижаясь, черные грозовые тучи. Несколько женщин выскочили на огороды с иконами, уже в голос молясь о дожде. И зашлепал небывало крупный дождь. «Дождь, дождь!» — закричали женщины и дети. А мужики, радостно поблескивая глазами, все же противились чуду, рассуждая: а вдруг случайность? «Конечно, случайность, — громко сказал крепкий хозяин, муж учительницы, кричавшей про золотые купола. — Синоптики же обещали грозу с осадками. Вот попы и устроили фокус, разузнав про прогноз».

На этих словах дождь перестал, а тучи, будто гонимые бурей, стали стремительно уходить от Козельска. Это было так неожиданно, что мужики закричали. А крепкий хозяин запустил в небо такое адское богохульство, что засверкали молнии, громыхнул гром, и с неба дохнуло таким зноем, что высохла вмиг сырая земля.

Картошка в тот год не уродилась, и со свинками было неважно. Но крепкого хозяина это уже не интересовало — он истаял на глазах от скоротечного рака. Перед смертью он попросил позвать батюшку, чтобы исповедаться и причаститься, но смерть опередила священника. Потом его отпели, а вдова еще долго ходила в церковь ставить свечи за упокой.

В здешних краях редко встретишь избу или квартиру без иконы. К Богу трогательно прибегают в скорби по умершим, веруя, что есть загробный мир. Но на земле человек чувствует себя кузне-

цом своего счастья и хозяином земной жизни, горделиво полагаясь на свою силу и смекалку. И это явление повсеместное.

Из рассказа белорусской паломницы Галины С.: *«У меня дядя-пасечник был верующий. А когда наводнением его ульи или улики, как он говорил, смыло в реку, он схватил топор и стал иконы рубить. «Дядя, — кричат ему, — не смей! Ты же сам нас учил, что Бог есть». А он отвечает: «Бог есть, да моих уликов нет».*

Из дневника о. Василия: *«Мир, похищая у Бога чин подателя земных благ, присваивает его горделиво себе и, наделяя нас ими как бы милостиво, присовокупляет и возлагает на нас заботу об их хранении и страх потери их.*

Когда же дает Бог, то Он заботится о даре своем и потеря его не волнует сердец наших».

* * *

Когда мать о. Василия приехала в Оптину к гробу сына, она не плакала, но тихо спрашивала всех, заглядывая в глаза: «За что убили моего сыночка? Разве он обидел кого-то? Разве он мог обидеть кого?»

«Не за личные грехи ненавидят пастырей, — писал в 1925 году протоиерей Валентин (Свенцицкий), — а за тот дух Христов, который живет в Церкви». Время дало свои ответы на вопросы о причинах гонений. Но нет на земле ответа, способного унять боль матери, спрашивающей у гроба сына: «За что?»

Вернемся здесь снова в ту залитую кровью Оптину, где на Пасху умолкли колокола. Вот дневник тех дней, что вместили в себя убийство, отпевание и погребение. Это 18—20 апреля 1993 года.

Пасху 1993 года мать о. Василия Анна Михайловна Рослякова встретила радостно — была в церкви, а потом разговлялась дома с ближними. Праздничный стол еще был накрыт, когда в дверь позвонили. Увидев стоящих в молчании у порога оптинских иеромонахов, мать все поняла и ничему не поверила. Это был ей первый посмертный дар от сына — явственное чувство, что сын живой.

Мать не отходила от гроба, а потом от могилки. «Анна Михайловна, пойдем чай пить», — уговаривали ее. Но, отойдя от могилки, она начинала тосковать и говорила: «Пойду к сыночку. С ним веселей». Так и провела она долгие дни и месяцы сперва у гроба, а потом у могилы сына, обретая лишь здесь покой.

— Анна Михайловна, веруешь ли, что о. Василий живой? — спросил ее отец наместник.

— А то как же? Живой.

— А в загробную жизнь веруешь?

— Нет.

— Как же так? Выходит, о. Василий живой, а загробной жизни нет?

— Да откуда мне, батюшка, знать про загробную жизнь? А что о. Василий живой, знаю.

Так начался ее путь к истинной вере, и мать все сидела у могилы сына, разговаривая с ним, как с живым.

Иконописец Павел Бусалаев вспоминает: *«На Пасху 1993 года я был в Москве, а вечером позвонили: «Отец Василий убит». — «Слава Богу!» — воскликнул я в потрясении и думая вот о чем: больше всего в жизни* о. *Василий хотел быть с Богом, и он дошел до Него, соединившись с Ним.*

Мы познакомились с ним еще в Москве и обрадовались, встретившись в Оптиной. Отец Ва-

силий по послушанию расселял тогда паломников и заведовал раскладушечной. Я пожаловался ему, что из-за многолюдства в гостинице не могу работать. И он отвел мне укромный уголок в раскладушечной, сказав: «Вне уединения нет покаяния». А по утрам он будил меня на полунощницу: «Вставайте, сэр. Вас ждут великие дела».

Я не могу назвать себя другом о. Василия, хотя он всегда приглашал заходить к нему в келью. Но я старался ему не мешать, понимая разницу между нами. Я весь на поверхности, а он уходил вглубь — что я мог бы ему сказать? Он был на несколько порядков выше меня. А его жизнь была столь стремительным восхождением к Богу, что рядом жил в душе холодок: а вдруг сорвется на крутизне? К сожалению, многие на моих глазах хорошо начинали, а потом, сорвавшись, падали вниз. И тут было пережито столько личных трагедий, что я боялся за о. Василия. Когда я узнал об убийстве о. Василия, то в потрясении ходил по комнате, мысленно разговаривая с ним: «Отец, ты дошел. Ты победил, отец!»

Помню,о. Василий обратился ко мне с просьбой: «Напиши мне икону моих святых. У меня их трое — благоверный князь Игорь Черниговский, святитель Василий Великий и Василий Блаженный. Я чувствую, как все трое мне помогают, и чувствую связь с ними».

Не мне судить о качестве этой работы, но тут был тот редкий случай, когда я знал откуда-то, что пишу икону святому. «Да, отец, — говорил я ему мысленно, — в тебе есть благородство и мужество князя. Тебе, как Василию Великому, дан дар слова. И тебе дана мудрость блаженного, чтоб скрыть все эти дары».

За десять дней до Пасхи у меня родилась дочь. Мы с женой перебрали все святцы, но ни одно имя не ложилось на сердце. «Подождем,— сказал я жене.— У меня такое чувство, что на Пасху Господь даст ей имя». И когда позвонили, что убит о. Василий, я сказал жене: «Вот и дал Господь имя дочке. Мы назовем ее в честь о. Василия». В греческих святцах есть женское имя Василия, а у нас его нет. Мы окрестили дочку Василиссой, свято веруя, что Небесный Покровитель нашей дочери новомученик Василий Оптинский поможет ей в жизни и не оставит своим заступлением».

Канонизации святых всегда предшествует вера в их помощь и заступление. Рядом с девочкой Василиссой в оптинском храме нередко стоят двое белоголовых близнецов Лев и Макарий Шиповские, названные так при рождении в честь еще не канонизированных тогда преподобных Оптинских старцев Льва и Макария. В год канонизации старцев им было уже по шесть лет.

* * *

Были люди, сразу ощутившие, что от новомучеников исходит благодать. Но таких сперва было немного. Оптина в те дни застыла от горя, и молчали на Пасху немые колокола.

Сразу после убийства, узнав, что преступник уходит от Оптиной лесами, паломники, не сговариваясь, бросились в лес. Впереди всех бежал окормлявшийся у о. Василия двухметровый гигант Виктор. Исхлестанный ветвями и черный от горя, он был страшен. И когда наперерез ему из леса выскочил паломник в черной шинели, каждый в ослеплении горя подумал, что настиг убийцу. Они бросились друг к другу, чтобы схватиться в смертельной схватке, и лишь в последний момент опустили руки, заплакав.

На Пасху был по-весеннему солнечный день, а после убийства будто вернулась зима. Дохнул холодный ветер, пошел дождь, а потом снег. Бил озноб, а люди стояли, не расходясь, у залитой кровью звонницы и там, где алела от крови о. Василия первая молодая трава. Кто молился, кто крепился, а кто не мог унять слез. И резал по сердцу лязг экскаватора, копающего могилы для братьев.

Инок Макарий (Павлов), скульптор по образованию, вспомнил, как Великим постом приходил к нему инок Ферапонт. В ожидании монашеского пострига он начал вырезать для себя постригальный крест, но почему-то не получалось. «Странно,— сказал он,— всему монастырю постригальные кресты резал, а себе не получается. Вырежи мне крест». И теперь инок Макарий резал ему крест на могилу. Позже он разыскал в келье инока Ферапонта этот незавершенный постригальный крест, обнаружив, почему не получалось: дерево переспело изнутри. Настал срок даже дереву.

Но как же изнемогала тогда от боли душа! И люди мокли под дождем, застыв от горя и пронзительного чувства одиночества. Почему молчит страна? Телеграмму соболезнования прислал только Святейший Патриарх Алексий. Ни слова сострадания в прессе — напротив!.. Богоборческий дух массовой прессы, разумеется, не был новостью. И все же казалось — мы люди, мы соотечественники, а в России не пляшут на гробах. Теперь кощунствовали, кто как умеет, не стесняясь разверстых гробов.

«О Россия, Россия! — сказал после революции духовник Царской семьи архиепископ Феофан Полтавский.— Как страшно она погрешила перед благостью Господней. Господь Бог благоволил дать России то, чего ни одному народу на земле не давал. И этот народ оказался таким неблагодарным.

Оставил Его, отрекся от Него, и потому Господь предал его бесам на мучение. Бесы вселились в души людей, и народ России стал одержимым, буквально бесноватым. И все то, что мы слышим ужасного о том, что творилось и творится в России: о всех кощунствах, о воинственном безбожии и богоборстве, — все это происходит от одержимости бесами. Но одержимость эта пройдет по неизреченной милости Божией, народ исцелится. Народ обратится к покаянию, к вере. Произойдет то, чего никто не ожидает. Россия воскреснет из мертвых, и весь мир удивится. Православие в ней возродится и восторжествует. Но того Православия, что было прежде, уже не будет».

* * *

Тяжко было в те дни. И лишь позже открылось, что в этих тяжких родовых муках рождалась новая, иная Оптина.

Вот два характерных эпизода тех дней. На второй день после убийства из Оптиной спешно уезжал паломник, собиравшийся прежде поступать в монастырь. «Боюсь, что меня тоже убьют», — сказал он провожавшему его брату. «Не бойся, — ответил тот. — Богу нужна жертва чистая, а мы с тобой больше фингала пока не заработали». Он уехал, а в Оптину приехал баптист, попросивший окрестить его: «Я долго искал истинную веру, — сказал он. — А когда услышал по радио про убийство, то понял: здесь Голгофа, а значит, здесь Христос». Его крестили.

На Пасху трое новомучеников были причастниками, и их кровь соединилась с кровью Христовой. Игумен Н. с братией осторожно стесывали с пола звонницы эту намокшую от крови щепу, настилая новый пол. И как когда-то в римском Колизее хрис-

тиане бережно собирали песок с кровью мучеников, так и ныне люди благоговейно разбирали по щепотке землю, напитанную кровью о. Василия, и окровавленную щепу со звонницы. И дано было этим святыням разойтись потом по всей России в ладанках и мощевиках.

Из дневниковых записей иконописца Тамары Мушкетовой: *«Это случилось на Пасху в 6.15 утра. Мы разговлялись за чаем в иконописной мастерской, когда благовест колоколов вдруг оборвался и раздался тревожный звон. «Какой странный звук, — сказал Андрей, разливая чай. — Скорее набат». А я еще подумала с досадой: «Вечно Андрей со своими шуточками — ну, какой же набат? Пасха ведь!»*

Господи, помилуй! То, что нам сказали, дошло не сразу. Яркая, вечная, радостная Пасха — и вдруг смерть... Раны у всех троих были страшные — в почки, а у о. Василия снизу вверх через почки под сердце, так, что перерезало все вены. Он был еще жив, но умер по дороге в больницу.

Многие плакали, а я нет. Ольга Колотаева, окормлявшаяся два года у о. Василия, все ходила кругами вокруг могилки старца Варсонофия и каким-то не своим голосом сипло охала и стонала. В тишине это было слышно.

Произошло что-то огромное, что не вмещалось в меня. Умереть на Пасху, через полтора часа после причастия, и умереть на послушании в родном монастыре мучениками за Христа — о такой смерти можно только мечтать. Это было настолько выше обычной смерти, что из меня сами собой полились слезы. Было чувство, что Господь очень близко, а Его любовь излилась на нас так щедро, что это трудно вместить. И как душа

грешника слепнет от Божиего света, так и моя грешная душа слепла и изнемогала от преизбытка Божией любви. Все давно уже перестали плакать, а из меня все лились слезы. Надя пела панихиды в храме и то уходила из кельи, то возвращалась, спросив меня, наконец: «Что ты все плачешь?» А я могла лишь сказать: «Господь так любит нас!» И Надя заплакала, повторяя: «Да, да, да».

Времена первых христиан стали вдруг явью. Я всегда боялась смерти, а тут впервые поняла то, чего не понимала прежде в житиях святых, — какая же у них была вера, если они не страшились мучений, но с радостью шли на смерть за Христа! Слава Тебе, Господи, творяй чудеса! Не я одна, но многие в Оптиной, знаю, пережили это чувство. Все земное потеряло значимость. Приблизилось Царство Небесное и стало столь желанным, что хотелось смиряться перед всеми, жить только для Господа и даже пострадать за Христа.

Совсем как во времена первомучеников, многие брали песок с кровью о. Василия и частицы дерева, напитанные кровью о. Трофима и о. Ферапонта. Но у меня почему-то никогда не было веры в земельку со святых могил, а крови я просто боюсь. И вдруг мне тоже захотелось иметь такую святыню — кровь мученическую. Но было уже поздно, и мне ничего не досталось.

Когда гробы с телами убиенных установили в храме, на меня напала тоска. Я не могла смириться, что нет больше в живых нашего любимого батюшки Василия, и не представляла себе Оптиной без инока Трофима, рядом с которым у каждого возникало чувство радости. А инока Ферапонта я совсем не знала. Он был настолько молчалив и не от мира сего, что, когда он приходил к нам в ико-

нописную мастерскую за книгами по древнерусскому искусству и молча просматривал их у полок, то даже мысли не возникало заговорить с ним.

Я разгоревалась уже до тоски, когда мне передали в конверте кусочек дерева с кровью о. Ферапонта. И такая радость вдруг хлынула в сердце, что я прижимала этот конверт к себе и не могла разжать рук.

Когда после погребения мы ходили молиться на могилки новомучеников и прикладывались к их крестам, то один о. Ферапонт отвечал мне на молитву радостным стуком в сердце. Сперва я подумала — это случайность, но все повторялось каждый раз. Почему так бывает, не знаю, но сердце знает и согревается».

Из воспоминаний паломника-трудника Александра Герасименко: *«В день убийства москвич Николай Емельянов смочил полоски бумаги в крови звонарей Трофима и Ферапонта, а потом в пузырьке поставил их у себя дома в святом углу. Когда мы встретились через несколько лет, Николай рассказал мне о чуде — кровь мучеников источает дивное благоухание. О том же самом мне рассказывал брат Евгений, причем я даже не спрашивал его об этом, но он сам подошел и заговорил о том чуде, когда благоухает мученическая кровь».*

В понедельник, ближе к вечеру, на звоннице были настланы новые полы. Но убили звонарей, и молчали колокола.

Колокола в Оптиной старинные и с особой мученической судьбой — они достались обители в наследие от монастырей и храмов, разрушенных революцией 1917 года. Вот старинный колокол из Страстного монастыря, находившегося прежде в центре Москвы. Камня на камне от монастыря не

осталось — теперь здесь Пушкинская площадь и редакция газеты «Известия», написавшая о трагедии в Оптиной столь глумливо, будто все еще витает на этом месте дух губителей Страстного монастыря. А вот колокола из разрушенных храмов Костромы, Ярославля, еще откуда-то, являющие собою немую повесть о гонении на христиан. Сколько крови пролилось уже под этими колоколами! И опять кровь...

Моросил стылый дождик вперемешку со снегом, а люди молча стояли у немых колоколов. И все длилась эта немая Пасха с криком боли в душе: почему безучастно молчит Россия, когда льется невинно православная кровь? Неужели мы опять забыли, что молчанием предается Бог?!

Так и стояли два дня, не замечая в скорби, как монастырь заполняется людьми. А люди все прибывали и прибывали, окружив звонницу плотным безмолвным кольцом.

Сейчас уже забылось, кто первым ударил в колокол, но многим запомнился юный инок в выношенной порыжевшей рясе. Он был откуда-то издалека, и никто его в Оптиной не знал. Но он был светловолос и голубоглаз, как Трофим, и шел от ворот монастыря таким знакомым летящим Трофимовым шагом, что толпа, вздрогнув, расступилась перед ним. «Звонари требуются?» — спросил инок, вступив на звонницу. Все молчали. А инок уже вскинул руки к колоколам. И тут на звонницу хлынули толпой лучшие звонари России, оказывается, съехавшиеся сюда! Звонили в очередь — неостановимо. И звонили в эти дни все — дети, женщины и даже немощные Трофимовы бабушки, приковылявшие сюда с клюшками, чтобы ударить в колокол: «Раз убивают — будем звонить!»

Сорок дней и ночей, не смолкая, гудели колокола Оптиной, будто силясь разбудить весь народ. Но глас беды не был услышан, а уже через полгода шли танки на Белый дом. И было много крови в тот год.

ИВЕРСКАЯ

«Всякий христианин, хорошо знакомый с учением Церкви, — сказал в слове на погребении игумен Феофилакт, — знает, что на Пасху просто так не умирают, что в нашей жизни нет случайностей, и отойти ко Господу в день Святой Пасхи составляет особую честь и милость... И мы сегодня не столько печалимся, сколько радуемся, потому что эти три брата благополучно начали и успешно завершили свой жизненный, монашеский путь, и обращаемся к ним с радостным пасхальным приветствием: «Христос воскресе!»

Случайностей действительно нет. И если отшествие новомучеников ко Господу совпало с Пасхой, то сороковой день их кончины пришелся на Вознесение Господне, а погребение — на праздник Иверской иконы Божией Матери. В IX веке во время гонений эта икона была усечена мечом иконоборца в лик, «и тогда из ланиты Богоматери, — повествует летопись, — как бы из живого тела потекла кровь». И теперь над усеченными мечом новомучениками воссияла благая Вратарница, «двери райские верным отверзающая».

На погребении храм был переполнен, и люди с ослепшими от слез глазами шли прощаться с братьями последним целованием. По монашескому обычаю их лица были закрыты черной тканью наличников. Земная скорбь переполняла сердце, но душа уже чувствовала дыхание святости. В пасхаль-

ные дни чин отпевания праздничный — пели Пасху. И как на Пасху — опять воссияло солнце и было чувство пасхальной радости. Что-то свершалось в тот день в душах, и многие, припадая ко гробам новомучеников, уже молились им, как новым святым.

Рассказывает монах Пантелеимон, в ту пору послушник: *«Инока Ферапонта я, к сожалению, почти не знал, а с Трофимом мы дружили. И в день погребения я решил попросить его молитв. Припал к гробу и молюсь, чтобы он помог мне в моем монашеском пути. Лица братии были закрыты черным. Где кто лежит, я не знал. И, когда братия подняли гробы на плечи, вынося их из храма, ветер колыхнул черную ткань. Я увидел рыжую бороду о. Ферапонта и понял, что молился совсем не у гроба Трофима, но просил помощи и молитв у о. Ферапонта.*

На Вознесение, на 40-й день кончины братьев, о. Ферапонт явился мне во сне. Вижу напротив оптинского храма Казанской Божией Матери высокую гору, по ней поднимается о. Ферапонт, а я иду следом и знаю откуда-то, что я его ученик. Стыдно сказать, но идем мы голые, а у о. Ферапонта мантия, перекинутая через руку. Оборачивается он ко мне и говорит: «Ты почему в отпуск домой не просишься?» А я, действительно, как ушел в монастырь, так два года дома не был. «Я, — говорю, — отрекся от мира и даже писем домой не пишу», а о. Ферапонт говорит: «А меня отец наместник в отпуск посылает. Мы скоро вместе на родину поедем». Я родом из Иркутска, а о. Ферапонт на Байкале лесником работал. Земляки мы с ним.

Сон есть сон. Я не придал ему значения и выкинул из головы. После праздника пошел на хоздвор работать по послушанию, а тут подъезжает ко

мне на машине отец наместник и говорит: «Ты почему в отпуск домой не просишься?» Хотел я ответить отцу наместнику, как ответил во сне, но вдруг осекся и вспомнил, как точно так же, слово в слово, спросил меня о. Ферапонт. А отец наместник говорит: «Ты ведь из Иркутска. Сейчас о. Филипп туда едет за лазуритом для иконописцев. Собирайся, поезжай с ним. Поможешь камни привезти».

Поехал я в отпуск, как предрекалось во сне. Переоделись мы с о. Филиппом в дорогу в мирское. Идем по Москве без подрясников, а о. Филипп идет впереди меня. Оборачивается и говорит: «Слушай, я себя просто голым чувствую. Так стыдно все время». — «И мне, — говорю, — стыдно, будто я голый». И тут же встал в памяти сон — мы ведь с о. Ферапонтом голыми шли, и мне запомнился стыд.

По дороге нам надо было заехать по послушанию в Троице-Сергиеву Лавру. Господь сподобил нас с о. Филиппом причаститься здесь — как раз на день памяти преподобного Ферапонта Белоезерского, ученика преподобного Сергия Радонежского. А это ведь день Ангела нашего о. Ферапонта! Тут, не выдержав, я рассказал о. Филиппу свой сон. «А ведь действительно, — говорит он, — о. Ферапонт с нами едет». И его помощь и предстательство были ощутимы в пути.

Приехал я домой и не узнал дома. Когда я уходил в монастырь, родители мои еще лишь только воцерковлялись. А тут, смотрю, все стены в иконах, а родители, оказывается, обвенчались уже. И такая мне была радость!»

Добавим к сказанному, что о. Пантелеимону отдали четки инока Ферапонта, назначили на по-

слушание в просфорню, где трудился о. Ферапонт, а в братской трапезной его посадили на опустевшее место о. Ферапонта.

Из воспоминаний шамординской инокини Сусанны *«У меня в монастыре три основных послушания — иконописец, экскурсовод и звонарь. И впервые я звонила на Пасху 1993 года, мучаясь от непонятной тревоги: «Да что же это такое? — думаю. — Не звон у меня, а набат». А наутро узнала об убийстве.*

Инок Трофим много помогал Шамордино, и у нас его особенно любили. Перед Пасхой он приезжал к нам, благословился позвонить у нас на звоннице и сказал потом: «Эх, сестренки, как же вы мучаетесь! Ничего у вас для звона не налажено». Это правда — мучились мы тогда. В Оптиной о. Трофим сделал на звоннице педали, клавиши, связки. Там один звонарь мог легко звонить на нескольких колоколах. А у нас и колоколов была нехватка, и трое звонарей едва управлялись. Меня потому и поставили звонарем, что молодая и сильная, а для колоколов сила нужна».

Рассказывает отец эконом игумен Досифей: *«У о. Трофима колокольное хозяйство было в идеальном порядке. Мы при нем и забот не знали. Придет, бывало, и скажет: «Нужна лебедка для ремонта». А что он там ремонтирует, мы и не вникали, зная, что о. Трофим человек ответственный и мастер золотые руки. Все он делал на совесть. Вон сколько лет прошло после убийства, а как наладил о. Трофим звонницу, так и поныне ремонта не требуется».*

Вот и тогда в Шамордино отец Трофим начал, было, объяснять инокиням, как приварить педали к колоколам, но оборвал сам себя, понимая: в сварке инокини явно не сведущи. «Ладно,— сказал

он, — как будет свободное время, выберусь к вам и сам все сделаю». Загоревшись, он стал тут же планировать, как получше устроить звонницу: «С колоколами у вас бедно. Достать бы маленький колокол-подголосок! От него звон веселый — он как детский голосок. Ладно, подумаю. Обещаю достать».

Инокиня Сусанна продолжает: *«Мы ждали о. Трофима в Шамордино на Светлой седмице, а выпало ехать на погребение. Припала я к гробу о. Трофима и плачу о своем: не приедешь, говорю, о. Трофим, ты к нам больше в Шамордино, не наладишь уже звонницу и не достанешь, как обещал, колокол-подголосок. Помолилась я о. Трофиму о помощи в устройстве звонницы. А сама думаю: нет больше о. Трофима, и надо браться за дело самим.*

Как раз в следующее воскресенье после Пасхи я проводила экскурсию по Шамордино и все думала про себя: вот обещал нам о. Трофим достать колокол, а теперь-то где его взять? Даже обратилась к паломникам с просьбой — может, кто поможет достать колокол? Только это сказала, как в монастырь входит военный и говорит мне: «Я вам колокол привез. Кому отдать?». И привез он как раз такой колокол-подголосок с веселым звоном, какой обещал нам достать о. Трофим.

А история у этого колокола такая. Лет двадцать назад офицер строил дачу близ Шамордино, и солдаты выкопали из земли колокол — явно шамординский, других ведь храмов поблизости нет. На Пасху офицер повез этот колокол в Оптину — в дар монастырю, но из-за убийства дороги были перекрыты, и он не попал в монастырь. На Светлой седмице он дважды пытался отвезти колокол в Оптину, но каждый раз машина ломалась. «Тогда

я понял, — рассказывал офицер, — что шамординский колокол должен вернуться в Шамордино, и к вам моя машина сразу пошла».

Дивен Бог во святых своих! По молитвам новомученика Трофима Оптинского, мы уже через три месяца имели полный набор колоколов и хорошо налаженную звонницу. И все свершалось силою Божией — при немощи в нас. Помню, летом перед Казанской нам вдруг привезли из Калуги пожертвованные театром колокола. На Казанскую у нас престол. И я так загорелась желанием, чтобы на праздник был полнозвучный звон, что, не благословясь, тут же бросилась переделывать звонницу. Спустила вниз колокола на веревках — на это силы хватило. А вот поднять многопудовые колокола вверх, установив их на новый звукоряд, — на это сил уже нет. Стою в растерянности на разоренной звоннице, а тут матушка игуменья идет: «Ох, Сусанна, что ты натворила? Смотри, не будет звона к Казанской, по тысяче поклонов будешь бить».

Я реву и уже не молюсь, но вопию: «Новомучениче Трофиме, на помощь!» И тут на полной скорости подлетает к звоннице машина из Оптиной, а из нее выскакивают инок Макарий, регент Миша Резенков, резчик Сергей Лосев и паломник Виталий. «Чего, — говорят, — ревешь?» — «Звонницу, — говорю, — разорила, а колокола повесить сил нет». — «Подумаешь, проблема». Очень быстро и умело они повесили колокола и сразу уехали, будто специально приезжали «по вызову» о. Трофима. Но это еще не все. Тут же подходят ко мне двое шамординских рабочих и САМИ предлагают приварить педали к колоколам: «У нас и сварочный аппарат, и материал наготове. Мы быстренько!» И был у нас на Казанскую полнозвучный праздничный звон».

Инокиня Сусанна теперь нередко звонит одна, а раньше с трудом управлялись трое звонарей. Однажды ее спросили: «Сусанна, тебе не трудно звонить одной?» — «А у нас не звонят в одиночку, — ответила инокиня. — Мы перед звоном молитву творим: «Новомученцы Трофиме и Ферапонте, помогите нам!» Они ведь действительно помогают — у нас все звонари это чувствуют».

* * *

Много молитв было вознесено у гробов новомучеников в день погребения, а игумен Мелхиседек сказал: «Мы потеряли трех монахов, а получили трех Ангелов». И в день погребения на Иверскую произошло первое чудо исцеления.

Случилось это так. После погребения раздавали иконы и вещи из келий новомучеников. И одна паломница, давно болевшая неизлечимой кожной болезнью, возымела веру, что получит исцеление от вещей новомученика Василия. Но когда она пришла к его келье, все уже раздали. «Дайте и мне хоть что-нибудь», — просила паломница, заглядывая через порог в пустую келью. «Матушка, но вы же сами видите, что нечего дать». А паломница не уходила, оглядывая келью с надеждой, а вдруг завалялся где лоскуток? И тут она увидела, что на иконной полке в лампаде осталось масло. «Дайте мне маслица», — попросила она. С молитвой новомученику Василию Оптинскому она помазала этим маслицем свои струпья, а уезжая из Оптиной пустыни показывала всем чистую кожу на месте прежних язв.

Записать фамилию исцеленной женщины никому даже в голову не приходило, и не укладывалось пока в сознании, что в сонме исповедников и новомучеников Российских появилось трое новых святых. В ту пору еще казалось — они хорошие и лю-

6 – 7033

бимые, но такие, как многие из православных людей. Даже биографии братьев по их привычке к умолчанию были тогда неизвестны. А потом было то, что обыкновенно в монашестве, когда после смерти начинается жизнь, и впервые приоткрывается, как жил подвижник.

Расскажем же о жизни трех оптинских братьев, придерживаясь последовательности, избранной не нами, — первым ушел ко Господу инок Ферапонт, за ним отлетела душа инока Трофима, а потом в тяжких страданиях уходил от нас в Небесное отечество молодой иеромонах Василий.

Часть четвертая

ИНОК ФЕРАПОНТ

«БОГОМ МОИМ ПРЕЙДУ СТЕНУ»

Иеродиакон Серафим вспоминает: *«Знаешь, что означает в переводе с греческогослово слово «монах»? — спросил меня о. Ферапонт. — «Монос» — один. Бог да душа — вот монах». Я бы воспринял все как обычный разговор, если бы это мне сказал кто-то другой. Но у о. Ферапонта слово было с силой. Он не просто говорил — он жил так: лишь для Бога и в такой отрешенности от всего земного, что его даже из братии мало кто знал».*

Инока Ферапонта мало знали даже те, кто жил с ним в одной келье. Вот был одно время сокелейником о. Ферапонта звонарь Андрей Суслов, и все просили его: «Расскажи что-нибудь об о. Ферапонте». «А что рассказывать? — недоумевал Андрей. — Он же молился все время в своем углу за занавеской. Молился и молился — вот и весь рассказ». Запомнилась Андрею лишь одна подробность: «Ферапонт мне говорил: «Когда я отучу тебя чай пить?» Сам он чаю не пил, но заваривал травки душистые и, наверное, целебные, но я к магазинному чаю привык». Иеромонаху Виталию тоже запомнилось про

травы: «Шли мы с о. Ферапонтом лесом в скит, и он рассказывал мне о лесных травах — какие из них целебные, от чего помогают, а какие сырыми можно есть». Собственно, это и запечатлелось в памяти — келья инока-лесника, где стоит особенный запах душистых трав.

Когда для газетного некролога понадобились сведения о новомученике, то обнаружилось, что в личном деле инока Ферапонта есть лишь две бумажки: автобиография, написанная при поступлении в монастырь, и справка о смерти.

Автобиография

«Я, Пушкарев Владимир Леонидович, родился в 1955 году, 17 сентября, в селе Кандаурово Колыванского района Новосибирской области. Проживал и учился в Красноярском крае. Воинскую службу в Советской Армии проходил с 1975 по 1977 год, а с 1977 по 1980 год — сверхсрочную службу. До 1982 года работал плотником в СУ-97. Затем учеба в лесотехникуме — по 1984 год. После учебы работал по специальности техник-лесовод в лесхозе Бурятской АССР на озере Байкал. С 1987 по 1990 год проживал в г. Ростове-на-Дону. Работал дворником в Ростовском кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы. В настоящее время освобожден от всех мирских дел.

Мать с детьми проживает в Красноярском крае, Мотыгинский район, поселок Орджоникидзе. Старшая сестра замужем, имеет двоих детей, младшая сестра учится в школе. 13.09. 1990 г.»

Родился будущий инок на праздник иконы Божией Матери «Неопалимая купина», а прожил он на земле 37 лет и 7 месяцев.

В Оптину пустынь Владимир приехал, а точнее пришел пешком из Калуги в конце июня 1990 года. А 22 марта 1991 года в день памяти Сорока мучеников Севастийских был облачен в подрясник и зачислен в братию. Вот некий знак этого дня — о. Василий произнес проповедь о мученичестве, и в дневнике автора этих строк записано: «Сегодня о. Василий сказал в проповеди: «Кровь мучеников и поныне льется за наши грехи. Бесы не могут видеть крови мучеников, ибо она сияет ярче солнца и звезд, попаляя их. Сейчас мученики нам помогают, а на Страшном Суде будут нас обличать, ибо до скончания века действует закон крови: даждь кровь и приими Дух». А еще он сказал: «Каждый свершенный нами грех должен быть омыт кровью».

И внимал этой проповеди будущий новомученик Ферапонт, сказав позже: «Да, наши грехи можно только кровью смыть». Когда это свершилось, покойная ныне блаженная Любушка сказала: «Иначе участь Оптиной и многих была бы иной».

Возможно, был у этого дня и другой сокровенный смысл, если вспомнить о Сорока мучеников Севастийских, когда один бежал от мучений, а на его место встал другой. Во всяком случае бывший послушник монастыря, ушедший в мир перед самым постригом, рассказывал в скорби после убийства: «А ведь о. Ферапонта постригли вместо меня. Помню, я спросил его накануне: «А тебя когда постригать будут?» — «Не знаю, — ответил он. — Должно быть, нескоро. Со мной никто еще об этом не говорил». А на следующий день его постригли».

Постриг послушника Владимира Пушкарева свершился 14 октября 1991 года на Покров Пресвятой Богородицы с наречением имени в честь преподобного Ферапонта Белоезерского, Можайского. Для

самого инока постриг был неожиданным, но сколько же тайной гармонии в том, что его, начинавшего работать Господу в соборе Рождества Пресвятой Богородицы взял под свой молитвенный покров преподобный Ферапонт — основатель двух монастырей в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

* * *

К сожалению, сведения о жизни инока до монастыря чрезвычайно скудны. В Оптиной пустыни есть люди, побывавшие на родине новомученика, и впечатление было удручающим: глухой вымирающий таежный поселок, где на лесозаготовках платят копейки, и многие бедствуют или пьют. Родная сестра инока Наталья рассказывала в письме, что жизнь здесь погибель и все они некрещеные, потому что до ближайшей церкви надо лететь самолетом, а денег на это нет. «Здесь есть только молельни сектантского толка, в которые брат запретил нам ходить,— писала она.—И как же мы горюем теперь, что не послушались брата, не согласившись на переезд. А он ведь правду сказал: «Где нет храма — там нет жизни». Крещеными в их семье были только мать и бабушка, жившая в другом поселке. В этом поселке была средняя школа, и в школьные годы Володя жил с бабушкой.

Сестра Наталья написала о брате: *«Я немного помню, как мы росли, и немного, как были взрослыми. Володя любил рисовать и рисовал очень хорошо. Помню, в школе им задали рисунок на свободную тему, и Володя рисовал нашу усталую спящую маму. Жаль, что я не сохранила мамин портрет. Володя очень любил читать и рассказывал нам страшные истории из книг. Друзей у него было много. И хотя мы росли, еще не зная о Боге, Володя*

верил, что есть какой-то неведомый потусторонний мир.

Еще помню, как отслужив пять лет в армии во Владивостоке, Володя работал потом в нашем поселке в бригаде строителей, а еще возил рабочих на автобусе. Он никогда не пил, не курил, и все уважали его. У нас в поселке говорили и говорят до сих пор: «А зачем он пошел в монастырь? Он и так был святой».

Друг Володи Сергей рассказал мне случай. Володя жил в Ростове и работал в церкви, и вдруг явился Сергею как бы воочию, предупредив об опасности, угрожавшей его ребенку. Как же жалел потом Сергей, что не послушал его, потому что ребенок попал под машину и погиб».

Известно, что обращение Владимира к Богу произошло в ту пору, когда он работал в Бурятии лесником на Байкале. И здесь мы столкнулись с одной загадочной историей. Вскоре после погребения на могиле инока Ферапонта побывали проездом паломники из Бурятии, рассказав случившимся там людям следующее. Однажды леснику Владимиру в тайге явился старичок и дал книги по магии, велев изучать их и явиться на это место через год. Колдунов Владимир не любил и на повторную встречу не явился. А по несерьезному отношению к магии устроил из нее развлечение для деревенских девчат — отсылал их в соседнюю избу, велев писать записки, а сам на расстоянии их читал. Он был мистически одарен от природы и, ничего еще не зная о Боге, не понимал, с какими силами вступает в игру.

Игра едва не закончилась трагически — Володя, по словам его друга, пережил собственную смерть. Душа его отделилась от тела и попала в царство ужаса.

Он погибал. И тогда явился ему Ангел Господень и сказал, что вернет его на землю, если он после этого пойдет в храм. И Володя сразу уехал из лесхоза.

Другие паломники рассказывали, что он потом странствовал по Сибири в поисках духовноопытного наставника в вере и повстречал на своем пути католического миссионера. Говорят, католик долго уговаривал нашего сибиряка принять католичество. А тот молча выслушал его и пошел в православный храм, а католик после этого долго негодовал.

К сожалению, все эти сведения были переданы нам по той цепочке, когда кто-то слышал лично, рассказав другим, а те — следующим. В рассказах такого рода легко допустить неточность, сотворив поневоле легенду. А легенды про молодого лесника в ту пору уже складывали. Он жил тихо, уединенно, как монах, и люди истолковывали эту непонятную жизнь по-своему. Однажды в Оптиной о. Ферапонт сказал, что жизнь его в миру была тяжелой из-за того, что иные считали его «колдуном». Вот почему при сборе воспоминаний о новомученике начался прежде всего поиск свидетелей, способных подтвердить или опровергнуть рассказы о прошлом сибиряка. Поиск был многолетний, но бесплодный. Уж куда только не посылали запросы, но на письма никто не отвечал. И поневоле рождался вопрос, а может, все это лишь легенда и ничего похожего не было?

И все-таки кое-что было. В армии Владимир пять лет изучал боевые искусства Востока, обнаружив позже, что они замешаны на оккультизме. Один иеромонах вспоминает, как вскоре после поступления в монастырь послушник Владимир сказал ему

с горечью: «Опять в помыслах меч крутил». А инок Макарий (Павлов) запомнил, как однажды резчики работали вместе, рассказывая за работой, кто как пришел к вере.

Инок Ферапонт молча слушал и вдруг стал рассказывать, как после обращения в православие на него обрушился ад — бесы являлись воочию, нападали, душили и... «Ферапонт, кончай этот бред! — оборвал его инок Макарий, подумав позже. — А почему бред? Все это есть в житиях древних Отцов». И все-таки не укладывается порою в сознании, что в наши дни оживают, обретая реальность, древние жития времен святых мучеников Киприана и Иустинии. И мы продолжали поиск очевидцев жизни сибиряка.

Через два года к нашим поискам присоединился молодой сибирский священник о. Олег (Матвеев), настоятель храма Успения Божией Матери в бурятском городе Кяхты. Именно в Бурятии произошло обращение к Богу будущего новомученика. И о. Олег рассказывал о жизни в здешних краях: храмов мало, зато засилие сект самого черного толка, не говоря уже о старичках-чернокнижниках. Отец Олег был убежден, что новомученик Ферапонт Оптинский — это еще и их местночтимый святой, а быв искушен, сможет и искушаемым помочь. Сибиряки энергично взялись за поиск, и вскоре мы получили от о. Олега письмо: «Мои личные поиски, а также с помощью редактора газеты Прибайкальского района Бурятии, где много лесхозов и леспромхозов, пока не дали результата. В 80-х годах Владимир Пушкарев в Прибайкальском районе не работал. Попробуем искать в других местах. Господь Бог наш Иисус Христос говорит: «Ищите и обрящете».

Опять искали, но ничего не обрели. Происходило нечто необъяснимое — ведь отыскать человека сегодня несложно, и компьютеры быстро выдают сведения о каждом жителе края. А Владимир три года тут работал, был прописан и состоял на воинском учете. Должен же остаться бумажный след! Мы обсуждали эту стойкую неудачу в поисках, гадая, куда бы еще послать запрос. А инок Макарий сказал: «Что вы ищете прошлое, которого нет? *Богом моим прейду стену* (Пс. 17, 30). Стер Господь прошлое и грех безбожия, если покаялся человек».

Так или иначе, но прошлое сибиряка оказалось закрытым до того момента, когда он стал православным человеком и пришел в храм. Только с этого момента появляются живые свидетели его жизни, сохранившие самую светлую память о молодом православном подвижнике.

* * *

«Так может, вычеркнуть из биографии сибиряка его языческое прошлое?» — задали мы этот вопрос одному протоиерею, известному своей высокой духовной жизнью. И он ответил: «Это вопрос веры. В житиях древних мы читаем, как силою Божией благодати становились святыми былые богоборцы, колдуны и блудницы. Господь и ныне все тот же и так же щедро изливает на нас свою благодать, но мы не приемлем его благодати и желаем видеть Бога иным».

Всех нас любит Господь, но на любовь отвечают по-разному. И самое поразительное в истории сибиряка — его ответ на благодать: сразу после обращения начинается путь аскета-подвижника, отринувшего все попечение о земном. Отныне он жил только Богом и желал одного — быть с Ним.

Кто ищет у Господа земных милостей, кто небесных благ, а инок Ферапонт всю свою краткую монашескую жизнь молил Спасителя о прощении грехов. «Больше вы на этой земле меня не увидите, пока не буду прощен Богом», — сказал он перед уходом в монастырь, и подвиг его жизни — это подвиг покаяния.

Иеромонах Филипп вспоминает: *«Однажды мы с о. Ферапонтом работали на стройке на хоздворе. Сначала из-за нехватки стройматериалов работа не ладилась, а под вечер пошла уже так хорошо, что жалко было бросать. Но тут ударили к вечерне. День был будничный, и я предложил о. Ферапонту: «Может, еще поработаем»? — «А ты что — уже во всем покаялся?» — спросил он. И тут же ушел в храм.*

Из проповеди игумена Мелхиседека: *«На Страшном Суде мы увидим воочию грехи каждого и преисполнимся изумления, узнавая друг друга. И кто-то запоздало скажет: «Да ведь этот человек грешил, как я, но успел убелить грехи покаянием. Нет на нем греха, и чист человек». Какое же потрясение ждет нас в тот день!»*

Инокиня Ирина и другие вспоминают, что исповедовался о. Ферапонт ежедневно, а когда была исповедь на всенощной, то дважды в день. И в этом неустанном труде покаяния прошла вся его монашеская жизнь, начиная от той первой ночи, когда он молился, распростершись ниц пред Святыми вратами обители, и до той последней предсмертной исповеди, что так потрясла иеромонаха Д.

«Почему святые так жаждали покаяния и не могли насытиться им?» — сказал однажды на проповеди игумен Пафнутий. И уподобил покаяние притче о блудном сыне, когда душа говорит Господу:

«Отче! Я согрешил против неба и пред Тобою. И уже недостоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги». (Лк, 15, 21-22.) Притча о блудном сыне — это образ соединения души с Господом, и этого жаждал инок Ферапонт. Теперь он с Господом.

«ТОЛЬКО В МОНАСТЫРЬ»

Сразу после обращения к Богу будущий инок Ферапонт ищет себе опытных духовных наставников и ездит по старцам. До переезда в Ростов он побывал на юге России и посетил старца, который открыл ему всю его жизнь и дал наставления. К сожалению монах, которому о. Ферапонт рассказывал о старце, запамятовал его имя. Но достоверно известно, что за благословением на монашество он ездил к архимандриту Кириллу в Троице-Сергиеву Лавру и к псково-печерским старцам. Три с лишним года жизни в Ростове были тайным уготовлением к монашеству, и по совету старцев, он ездит во время отпусков по монастырям, присматриваясь и выбирая обитель.

Из письма ростовской монахини Неониллы: *«Много лет я потрудилась в Ростовском кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы. С юности пела тут. А однажды на молебне появился высокий худощавый молодой человек и недвижимо простоял весь молебен. Потом мы убирали храм, пели псалмы, а Володя (о. Ферапонт) остался с нами.*

На молебны он ходил постоянно. Потом мы встретились в трапезной, а после, смотрю, он взял метлу и стал мести территорию собора. Часто

видела, как он носил дрова, воду, литературу со склада и делал все во славу Христа.

Он был молчалив и ни с кем не заводил дружбы. Но однажды я увидела его на молебне с молодым человеком. Это был студент четвертого курса медицинского института В., позже инок П. Оба усердно молились, а после службы попросили меня побеседовать с ними. Володя спросил: «Как мне жить дальше? Мне уже 30 лет». — «Володечка, — говорю, — в браке жить — это надо и Богу, и людям угодить, а в наше время это очень тяжело. Езжай ты в Троице-Сергиеву Лавру к старцам Науму или Кириллу, возьмешь благословение, да иди в монастырь» Студент В. сказал: «Я оставляю мир и ухожу в монастырь». Володя отозвал меня в сторону и говорит: «Матушка, вы прочли мои мысли. Я хочу только в монастырь».— «Сынок,— говорю,— езжай за советом к старцу Кириллу».

Получив благословение старца Кирилла, Володя уехал в Оптину пустынь. Потом я получила от него письмо, где он с любовью описывал монастырь, какая тут тишина, как прекрасно цветут яблони и как дивно поет хор».

Рассказывает ростовская монахиня Любовь: *«Володечку все очень любили. Он работал дворником в нашем соборе, а в отпуск ездил по монастырям. Однажды его спросили: «Володя, что домой не съездишь?» А он вздыхает и говорит: «Родные у меня неверующие и против того, чтобы я Богу служил. Не хочется возвращаться туда, где нет ни храма, ни веры». А еще спросили:«Володя, что не женишься?» Он ответил: «У меня одна мысль — монастырь».*

Вот и ездил он по монастырям, присматривался. Был в Дивеево, в Псково-Печерском монастыре, в Троице-Сергиевой Лавре. А уж когда побывал в Оптиной, то был от нее без ума. Пошел он тогда к нашему Владыке Владимиру, ныне митрополиту Киевскому и всея Украины, и говорит: «Владыко, я готов хоть туалеты мыть, лишь бы мне дали рекомендацию в монастырь». Владыка отвечает, что вот как раз в соборе туалеты мыть некому. А выбор Оптиной одобрил: «Хорошее, — говорит, — место». И ради возлюбленной Оптиной Володя год мыл туалеты – и мужской, и женский. А ведь не всякий на такую работу пойдет. Чистота у него была идеальная. Придет на рассвете, когда ни души, и чистенько все перемоет.

Зарплата у Володи на руках не держалась — он ее сразу бедным отдавал, но так, чтоб не видел никто. Одевался скромно, порой бедненько. Ничего ему для себя уже было не нужно, лишь бы Богу угодить. На службе стоял не шелохнувшись. А после службы обойдет все иконы с земными поклонами и стоит подолгу молясь. В общем, приходил в храм раньше всех, а уходил, когда собор запирали.

Был он кроткий, смиренный, трудолюбивый. Молчалив был на редкость, а душа у него была такая нежная, что все живое чувствовало ласку его. Вот кошечки бездомные к собору лепились, а Володя рано утром отнесет им остатки пищи с трапезной и положит в кормушки подальше от храма. Они уже свое место знали. А голуби, завидев Володю, слетались к нему, потому что он их кормил.

Я тоже на себе его ласку чувствовала. Бывало, приедешь в Оптину, а он так рад, что не знает,

чем угодить. А уезжаем мы, монахини, из монастыря, он нам хлебца на дорогу принесет — то буханку, то четвертинку, благословясь конечно. И вот будто умел угадать: сколько хлеба даст — столько и хватит на всю поездку.

В последний раз виделись уже перед его смертью. На прощанье он принес мне в подарок молитвослов. «Ферапонт, — говорю, — у меня свой есть». А он просит: «Матушка, возьмите от меня на молитвенную память». На память взяла, а тут его и убили. Вот и вышло воистину на молитвенную память о его чистой прекрасной душе».

Из воспоминаний Елены Тарасовны Тераковой (Ростовская область, ст. Хопры): *«В 1987 году в кафедральном соборе, где я работала, мне порекомендовали жильца — Володю Пушкарева. Так и жил он у меня до Оптиной в отдельном флигеле, и был он мне как родной.*

Возвращаюсь, бывало, поздно вечером с работы, а он меня встречает: «Матушка, поешьте. Я пирожки вам испек». Уж до того вкусные пек пироги — редкая женщина так испечет! «Где ж ты, — говорю, — научился печь?» — «В армии поваром был, солдатам готовил, там и научили всему».

Сам он ел мало и посты очень строго держал. По натуре был мирный, добродушный, спокойный. Особенно это чувствовалось на работе. Ведь какие же нервные люди порой приходят в церковь — сами заведутся и других заведут. А Володя лишь молча подергает себя за усик и так дружелюбно обойдется с человеком, что тот, глядишь, успокоился и доволен всем.

Жил он уединенно и все молился. Даже гулять не ходил — только в храм. А как встанет с вечера на молитву, так и горит у него свет в

окошке всю ночь. До утра нередко на молитве выстаивал. Из наших разговоров помню такое: «Хочу, — говорит, — в монастырь, но сперва хочу поездить, чтобы выбрать место по сердцу». А по сердцу он выбрал Оптину. Еще мне запомнились его слова: « Хорошо тем людям, которые приняли мученическую смерть за Христа. Хорошо бы и мне того удостоиться».

Когда моего дорогого Володечку убили, я была в деревне и не знала о том. Помолилась я, помню, на ночь и только собралась лечь спать, как комната озарилась голубоватым сиянием. Я перекрестилась, а из сияния голос: «Это тебя Володя посетил». Ничего не понимаю — как это меня посетил Володя, когда он уже инок Ферапонт и находится в Оптиной? А потом узнала — убили его. И желала я в моем горе хотя бы на могилке у него побывать».

Побывать в Оптиной Елене Тарасовне удалось лишь в ноябре 1996 года, но сначала их экскурсионный автобус остановился на день в Шамордино. После чудесного посмертного посещения инок Ферапонт был для Елены Тарасовны настолько живым, что она подала за него две записки — о упокоении и о здравии, присовокупив к записке молитву: «Святой мучениче Ферапонте, моли Бога о нас!» В Шамордино ей объяснили, что молиться за новомученика как за живого нельзя, и можно подать лишь записку о упокоении. Ночевали тогда паломники в храме. И когда в три часа ночи после полунощницы усталая Елена Тарасовна прилегла прямо в пальто под иконами, над ней склонился инок Ферапонт, подал ей две ручки — белую и фиолетовую, и сказал: «Как писала, так и пиши». И она тут же уснула, решив, что видела сон.

Потом в Оптиной она все ощупывала рукав — там лежало что-то твердое и мешало ей. По дороге в Ростов она подпорола у пальто рукав — там были две ручки, белая и фиолетовая. «Об этом случае я рассказала на исповеди нашему священнику отцу Николаю, — писала из Ростова Елена Тарасовна. — И в ответ на мое удивление, как могло случиться, что о. Ферапонт передал те две ручки, о. Николай сказал, что он, должно быть, святой».

Зачитали мы письмо с описанием дивного чуда отцам Оптиной, надеясь получить разъяснение по поводу молитвы за живых и за мертвых. А отцы лишь заулыбались, возгласив: «Святый мучениче Ферапонте, моли Бога о нас!» — «У Бога ведь нет живых и мертвых, — сказал монах Пантелеимон. — Это для нас по нашей немощи установлено — вот живые, а вот мертвые. А у Бога все живы».

После Елена Тарасовна прислала еще одно такое сообщение: «На могиле о. Ферапонта я просила его помочь моим покойным родственникам и особенно беспокоилась об участи одного из них. Недавно приехала женщина из Батайска, разыскала меня в храме и говорит: «Елена, мне приснился молодой монах и велел передать: «Скажи Елене, которая всегда стоит у Распятия, что за такого-то (он назвал имя) надо много молиться». Я ужаснулась участи этого родственника и поняла, что весточку прислал о. Ферапонт».

ФЕРАПОНТ — ЭТО СЛУГА

«Как точно Господь нарекает монахов, — сказал однажды инок Трофим. — Уже в самом имени характер и назначение». Ферапонт в переводе с греческого — слуга. А о слуге сказано Господом: *«кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою»*. (Мк. 9,35).

О том, что о. Ферапонт был искусным поваром, наши оптинские непрофессиональные поварихи даже не догадывались. И на своем первом послушании в трапезной для паломников он стоял на раздаче, был кухонным рабочим, как говорили в старину, «слугою за все».

В 1990 году в монастыре только начали строить трапезную для паломников, и о. Ферапонт настилал в ней полы. А тогда трапезничали в женской гостинице. Пока монастырь был маленький, как-то справлялись. Но к 1990 году монастырь разросся, и трапезная стала «горячей точкой». Не хватало всего — мест, посуды, еды, а главное смирения. Обедали едва ли не в пять смен, и в долгой очереди кто-то, бывало, начинал роптать: «Сколько можно ждать? Мы на послушание опаздываем!» Надо было видеть, как пунцово краснел тогда о. Ферапонт, бросаясь обслуживать ропотников в первую очередь. Из опыта работы в церкви он уже знал: смиренные умеют ждать, а гордость гневлива. И он старался водворить мир.

Воспоминания паломника-трудника из Ташкента Александра Герасименко, проработавшего в монастыре на добровольном послушании семь лет. В Оптину пустынь Саша приехал в 17 лет — почти одновременно с о. Ферапонтом, и их поселили в одной келье в скиту.

Хлебное место

В Оптиной пустыни я работал сперва по послушанию на просфорне. А месяца через полтора у меня вышло искушение — стоял я в очереди в трапезную и осуждал трапезников в душе: «Сами, — думаю, — наелись до отвала, а мы тут голодные стоим!»

До Оптиной я работал помощником повара в ресторане и кухонные обычаи знал. А как только я осудил, меня тут же перевели на послушание в трапезную. Ну, думаю, попал на хлебное место. Уж теперь-то и я поем.

В первый же день, как только сготовили обед, взял я половник, тарелку и лезу в кастрюлю с супом. «Ты куда?» — спрашивает меня о. Ферапонт.— «Как куда? — отвечаю я.— За супом. Есть хочу».— «Нет, брат, так дело не пойдет,— говорит о. Ферапонт.— Сперва мы должны накормить рабочих и паломников, чтобы все были сыты и довольны. А потом и сами поедим, если, конечно, что останется». А сам смотрит на меня смеющимися глазами и подает мне ломоть хлеба с толстенным слоем баклажанной икры.

В общем, ни супа, ни второго нам в тот день не досталось. Смотрю, о. Ферапонт достал ящик баклажанной икры, открыл три банки и, выложив в миску, подает мне. Наконец-то, думаю, и я поем. А о. Ферапонт мне показывает на кочегара, который после смены обедать пришел и говорит: «Отнеси ему, дай чаю и хлеба побольше. Пусть как следует поест человек». Смотрю, с других послушаний приходят обедать опоздавшие, а о. Ферапонт все открывает для них банки с икрой. Тогда в трапезной работал паломник Виктор, он теперь священник. Вот Виктор и говорит: «Давай я буду открывать банки».— «Не надо,— говорит о. Ферапонт,— руки попортишь».— «А ты не попортишь?» — «Лучше я один попорчу, чем все»,— ответил о. Ферапонт.

Так я попал на «хлебное место», где пока всех накормим, то самим, бывало, оставался лишь хлеб да чай.

Полунощница

Послушание в трапезной, по-моему, самое трудное. Во-первых, в храм не выберешься, а главное — недосыпание. В 11 часов вечера монастырь уже спит, а мы еще чистим картошку на утро или моем котлы. В час ночи еле живые добирались до кельи. Отец Ферапонт тут же на правило вставал, а мы падали и засыпали.

Обидно было вот что — только уснешь, как в два часа ночи трапезников будят: «Машина с продуктами пришла. Вставайте разгружать». В общем, через день где-то с двух до четырех ночи мы разгружали машины с продуктами, потом шли досыпать. А полпятого нас уже будили на полунощницу.

У нас была хитрая образцово-показательная келья. И если в других кельях, бывало, роптали, что поздно пришли с послушания и не выспались, то мы вскакивали на стук будильщика, дружно благодарили его и даже угощали яблоком. Будильщик нас очень хвалил. А когда он удалялся, мы говорили: «Ну, что, отцы, перевернемся на другой бок?» И, выключив свет, делали большой поклон во всю кровать.

Так продолжалось некоторое время. А потом о. Ферапонт сказал: «А зачем мы сюда приехали? Хватит так жить. Надо Богу послужить». Стал неопустительно ходить на полунощницу, и я потянулся за ним. Мне очень хотелось спать. Но я уже привык, что на рассвете, улыбаясь одними глазами, меня будит о. Ферапонт, и тоже втянулся ходить на полунощницу. Сперва ходил из тщеславия. А потом полюбил полунощницу. Даже самому удивительно — вроде спишь меньше, а такая бодрость и радость, что день после этого совсем другой.

Так через о. Ферапонта мне открылась тайна монастырских рассветов, когда первыми Бога славят монахи, а потом просыпаются птицы.

«Чего уж на свой счет обольщаться?»

Полюбил я монастырскую жизнь и возмечтал о себе: «Уйду,— говорю о. Ферапонту,— в пустыню и буду поститься, как древние». — «А чего,— говорит он,— в пустыне поститься? Там и так нечего есть. Вот попробуй поститься в трапезной, где всего полно, тогда и будешь постник». В тот день в подражание пустынникам я решил не есть. Хожу с показательно-постной миной, а о. Ферапонт положил себе творогу со сметаной, смотрит на меня, улыбаясь, и ест. Между прочим и я поел. Однажды отец келарь устроил нам пир — выдал на обед сыр, рыбу, яйца. У меня глаза разбежались: «Чего бы выбрать?»— «А чего выбирать? — говорит о. Ферапонт,— в желудке все перемешается». Налил себе рассольника, добавил туда каши, туда же вылил компот и ест. «Отец Ферапонт, как ты можешь такую гадость есть?» — «Да ведь нам же лишь бы брюхо набить,— отвечает он.— Так чего уж на свой счет обольщаться?»

В другой раз на обед было тоже много лакомств, но на второе была овсянка, а я ее с детства не выношу. «Терпеть,— говорю,— не могу овсянку!» — «Я тоже»,— отвечает он. А сам, смотрю, лишь овсянки поел и даже от сливочного масла отказался. «Хорошее,— говорит, — мы охотно едим. А вот попробуй из любви к Богу есть то, что не нравится».

Ежики и медведь

Однажды ранней весной гуляли мы с о. Ферапонтом в нашем оптинском лесу, и он часа два рассказывал по следам, оставленным на снегу, кто здесь обитает. «Вот,— говорит,— заяц пробежал, вот лиса мышкует, а тут косуля кормилась».

Еще других зверей он называл, но я в зверях не разбираюсь. Вдруг он увидел медвежий след и говорит так счастливо: «Ми-ишка!» Посмотрел внимательно и сказал: «Шатун, похоже. Недавно здесь проходил». Еще посмотрел и говорит: «Только что здесь был. Рядом медведь». Тут мы с ним развили такую скорость бега, что вскоре были в скиту.

А еще помню, как о. Ферапонт с паломником Николаем Емельяновым пошли в лес и наловили полный мешок ежиков. Ночью ежики бегают по келье, играют, а о. Ферапонт смотрит на них и смеется. Обычно он был серьезный, и лишь глаза порой улыбались. А тут, смотрю, лицо у него детское-детское.

Оказывается, ежики нужны были на склад, чтоб крыс и мышей гонять. Отобрал о. Ферапонт для склада самых ловчих, а остальных в лес отнес.

«Делом надо проходить»

Показал я о. Ферапонту, как четки плести, а дня через три он меня уже переучивал: «Не так надо плести, а вот так». Точно так же было на просфорне, куда о. Ферапонта перевели следом за мной. Научил я его печь просфоры. Сам я этому делу долго учился, а он уже через два-три дня пек просфоры лучше других. Особенно трудно испечь Агничную просфору, чтобы не потрескалась печать. Я полгода боялся за нее браться, а у о. Ферапонта она сразу вышла безукоризненной.

У него был талант учиться новому. Вот, например, глядя на резчиков, он научился и стал хорошим резчиком по дереву. Причем любое дело он делал очень тщательно. Особенно это касалось книг. Помню, он выискивал и конспектировал все об Иисусовой молитве. У него была груда пухлых блокно-

тов с выписками. А однажды он отложил их в сторону и сказал: «Все это делом надо проходить».

Так он и святых Отцов изучал. Прочтет книгу, выпишет оттуда что-то главное и повесит эту выписку на стене, часто перечитывая ее. У него все стены в келье были в выписках. Все мы читали, наверно, одни и те же книги о монашестве, а о. Ферапонт прочел и исполнил.

«За послушание»

Старшим на просфорне у нас был тогда игумен Никон, и вот осенью паломники привезли ему много варенья — три трехлитровых банки, пять литровых да еще баночки помельче. С этим вареньем все пили чай. Но однажды о. Никон обнаружил, что варенье в тепле начало портиться и расстроился: «Люди старались, везли, а у нас пропадет». Тут вошли в просфорню о. Ферапонт с о. Паисием, подходят к о. Никону под благословение. А он, благословляя их, говорит: «Садитесь и ешьте варенье за послушание, а то, боюсь, пропадет».

Ушли мы из просфорни в трапезную. Возвращаемся, а они уже половину варенья съели — это же несколько банок. Отец Никон опешил: «Вы что — с ума сошли!?» А они отвечают: «Батюшка, но вы же сами благословили. Вот мы и ели за послушание».

«Молись незаметно, чтобы не видел никто»

Я не знаю, что было бы со мной, если бы в юности не было рядом о. Ферапонта и о. Трофима. Они были для меня как старшие братья, простые и веселые. А я был тогда жутко серьезный и напыщенный.

Помню, я любил, выйдя из скита, этак размашисто-картинно перекреститься на Святые врата и положить земной поклон – желательно, на

глазах у экскурсии: пусть, думаю, дивятся, до чего благочестивая молодежь у нас! А о. Ферапонт все вздыхал при виде моего благочестия: «Саша, ну что ты молишься, как фарисей? Ты молись незаметно, чтобы не видел никто».

А еще был случай — жил тогда в скиту бесноватый паломник и такое вытворял, что лучше не рассказывать. Однажды, когда он бесновался, я этак властно, как подвижник, осенил его размашисто крестным знамением, правда, криво. Бесноватый захохотал и говорит каким-то не своим голосом: «Бес смеется над тобой». Отец Ферапонт был при этом, и я спрашиваю его: «А почему бес смеется? Оттого, что криво перекрестил, да?» А о. Ферапонт опять вздыхает: «Саша, ты не других, а себя крести». Позже об этом времени и об уроках о. Ферапонта я написал стихотворение:

Пощусь зело. Молюсь отменно.
Стяжал большую благодать.
И лишь одну имам проблему —
Своих грехов мне не видать.

Все это было. Монахом я не стал, потому что понял: я могу лишь обезьянничать, подражая внешнему монашеству, а внутреннее монашество — это совсем другое. Возможно, я и пошел бы по этому внешнему пути, потому что нет для меня идеала выше, чем наше православное монашество. Но всю мою юность возле меня были о. Ферапонт и о. Трофим, а рядом с ними фальшивить нельзя. В них была такая глубина жизни в Боге — без тени ханжества, внешней набожности и фарисейства, что однажды я понял: они монахи с могучим монашеским духом, а я, к сожалению, нет.

«Мы вместе уйдем»

Вспоминать о смерти братьев до сих пор так больно, что про убийство мы обычно старались не говорить. Помню, келарь монах Амвросий проспал убийство. Идет днем в трапезную на послушание такой радостный, что все догадались: он не знает еще. Но никто не решался ему сказать. Послали мальчика из местных: «Скажи о. Амвросию, что...» Отец Амвросий как-то сразу согнулся, отпросился с послушания и заперся в слезах у себя в келье. Многие тогда сидели по кельям взаперти или ходили на послушание с красными глазами.

Помню, чтобы как-то справиться с переживаниями, я ушел в лес. Иду по лесной дороге, и вдруг выезжают рокеры на мотоциклах, выкрикивают оскорбления и кружат вокруг меня, наезжая колесами. Они были нетрезвые и будто бесновались. И тут я впервые взмолился новомученикам, умоляя их помочь. Что произошло дальше, мне до сих пор непонятно — я сделал всего три шага и очутился далеко от мотоциклистов, на совершенно другой лесной дороге. Потом я специально проверял — там от одной дороги до другой не меньше, чем полкилометра, и в три шага их не пройти.

А вот еще случай. Однажды я впал в искушение и говорю Трофиму: «Все – ухожу из монастыря!» А он улыбается: «Подожди меня – вместе уйдем!» Шутка шуткой, но так оно и вышло. Сразу после смерти братьев меня перевели в хорошую вроде бы келью, но я в ней извелся: соседи попались говорливые, причем народ постоянно менялся. Как раз к этому времени выяснилось, что монашество мне «не по зубам», и батюшки настраивали меня поступать в мединститут. У меня родители врачи, и я хотел быть врачом. Но где тут готовиться? Ни сна, ни покоя – одно искуше-

ние! Пошел я по старой памяти к братьям, но теперь уже на их могилки, и пожаловался им, как живым. Возвращаюсь с могилок, и вдруг один местный житель сам предлагает мне бесплатно отличную отдельную комнату в его двухкомнатной квартире тут же за стеной монастыря. Так я и жил в этой комнате безбедно, работая по послушанию в Оптиной и имея возможность заниматься, пока не уехал в Москву.

Оторваться от Оптиной и уехать от могилок братьев было очень трудно. Ведь какая скорбь — идешь сразу к ним, а они, как живые, помогают. Трофим, я заметил, как и при жизни помогает отогнать уныние. Придешь кислый, а уходишь веселый. Многие приходят сюда даже не для того, чтобы помолиться о какой-то нужде, а потому, что у могил новомучеников на душе становится светло. Даже в воздухе будто что-то меняется, а в Оптиной говорят: «Здесь всегда Пасха».

«ЛЮТОСТЬ БОЛЕЗНЕЙ»

«Как начнешь заниматься Иисусовой молитвой, так всего и разломит», — говорил преподобный Оптинский старец Амвросий. А инок Трофим даже выделил двойным подчеркиванием ту мысль у святителя Игнатия Брянчанинова, что умное делание, «не имеющее болезни или труда» в итоге бесплодно: *«но как они трудятся без болезни и теплого усердия сердца, то и пребывают непричастными чистоты и Святаго Духа, отвергши лютость болезней»* («Слово о молитве Иисусовой»).

Пережил ли сам инок Трофим «лютость болезней» — это неведомо. А что иеромонах Василий и инок Ферапонт пережили ее, очевидно для всех.

Отец Василий, занимаясь Иисусовой молитвой, пережил «лютость болезней» еще в иночестве. Здоровье у него было отменное, а тут начало сдавать все. Он появлялся в храме с запекшимися, как в лихорадке, губами и запавшими больными глазами. А потом исчез из виду, болея в полузатворе кельи. Владыка Евлогий, архиепископ Владимирский и Суздальский, а в ту пору наместник Оптиной пустыни, благословил иеродиакону Рафаилу носить болящему о. Василию козье молоко и мед. Но на стук в келью никто не отвечал. «Стучись понастойчивее,— посоветовали о. Рафаилу,— он всегда в келье». И о. Василий открыл дверь, приняв с благодарностью молоко и мед. Но все же попытки навестить болящего были чаще всего безуспешны. Отец Василий будто отсутствовал, а сосед через стенку слышал постоянные звуки земных поклонов. Через какую духовную битву прошел тогда о. Василий — это неведомо. Но он вышел из затвора просветленный, бодрый и крепкий. Глаза были ясные, но уже иные. Это был уже другой человек.

Инока Ферапонта «лютость болезней» постигла на его послушании за свечным ящиком. Он уже врос в Иисусову молитву и не мог без нее. А к свечному ящику — очередь, и десять человек задают разом двадцать вопросов.

Иконописец Маргарита вспоминает: *«Когда о. Ферапонт стоял за свечным ящиком, я боялась к нему подойти. Он стоял, перебирая четки, и так глубоко уходил в молитву, что его надо было не раз окликать. «Отец Ферапонт, — говорю, — дайте мне две просфоры». Он, не слыша, подает одну. Я снова: «Отец Ферапонт, мне две надо. У меня дочка есть». Он обрадовался: «Дочка?» И так*

счастливо повторил нараспев: «До-о-очка?» Он любил детей и рад был всем услужить. Но ведь чувствовалось, как ему физически больно оторваться от молитвы».

«Хочется молиться, а нельзя», — говорил он тогда горестно. А потом заболел и болел где-то семь месяцев, наконец-то, свободно занимаясь Иисусовой молитвой в этом дарованном Господом затворе. «Ох, как трудно спасаться! Как же трудно спастись!» — говорил он навестившим его братьям. После болезни он уже до самой кончины светился особой фарфоровой белизной и некоей тайной радостью. «Вы заметили, как изменился после пострига о. Ферапонт? — сказала монахиня Елизавета. — Какая в нем ясность и духовный покой».

РУКОДЕЛИЕ

«Ангел в видении указал Антонию Великому на рукоделие как на средство против рассеяния утомившегося на молитве ума, — писал епископ Варнава (Беляев). — Святые Отцы для сего избирали занятия, которые можно делать машинально, механически, например, плетение корзинок, веревок, циновок (ср. вязание чулок дивеевскими блаженными)».

Вот рассказ о том, как инок Ферапонт искал для себя такое рукоделие, составленный буквально по крупицам из разрозненных воспоминаний оптинцев.

Игумен Тихон: *«Одна бабушка вязала носки, а о. Ферапонт спросил ее:*

— Трудно вязать?

— Совсем не трудно. Хочешь научу?

— Хочу.

Резчик из Донецка Сергей Каплан: *«Инок Ферапонт подарил мне связанные им носки. После его смерти я благоговейно берегу их и позволяю себе надевать их лишь на праздники в храм».*

Художник Сергей Лосев: *«В Оптиной пустыни я стал заниматься резьбой по дереву и часто уходил работать в келью о. Ферапонта. Хорошо там было — тихо. Привычки разговаривать у нас не было. Да и зачем слова? Встретимся иногда глазами, а о. Ферапонт улыбнется своей кроткой улыбкой, и так хорошо на душе.*

Мне нравился о. Ферапонт и нравилась его келья. В нем чувствовалось удивительное внутреннее изящество. Работать о. Ферапонт любил так — бросит на пол овчинный тулуп и, сидя на нем, плетет четки, а волосы перетянуты по лбу ремешком, как в старину. Однажды смотрю, он вяжет носки. Он искал себе подходящее рукоделие для занятий Иисусовой молитвой. А у дивеевских блаженных «вязать» — означало «молиться».

Но с рукоделием вот какая опасность — завалят заказами. Всем нужны четки, теплые носки, и тут легко потерять молитву, так как все просят, а просящему, заповедано – дай. В общем, он бросил вязать, но мне и моему другу Сергею Каплану носки подарил. Потом вижу, о.Ферапонт начал резать по дереву. Иногда что-то спрашивал по работе у меня или у других резчиков, но больше присматривался. Вскоре он резал уже отлично. А дальше я о нем ничего не знаю, потому что после его пострига перестал заходить к нему в келью. Не потому, что между нами исчезло дружеское тепло, нет. Но я чувствовал сердцем — он пошел на подвиг. А тут нельзя даже взглядом мешать».

Вот еще воспоминания художника-резчика из Донецка Сергея Каплана. Работы этого талантливого мастера уже известны по епархиям. А началось все так. В 1991 году художник впервые приехал в Оптину, мучаясь вопросом, как прокормить семью с тремя детьми, если даже нищенскую зарплату месяцами не платят. «Мы хорошо живем,— доверчиво сказал тогда его маленький сын,— даже курицу ели в этом году». У детей начиналось уже малокровие, и Сергей приехал в Оптину с тяжелым чувством — неужели надо уходить в рекламу и ради денег кривить душой? Но Господь судил иное.

Рассказывает Сергей Каплан: *«Приехав в Оптину, я в первый день стал рисовать портрет преподобного старца Амвросия Оптинского. Работа так захватила меня, что через два-три дня портрет в карандаше уже был готов. «Покажи портрет о. Ферапонту», — сказал мой друг Сергей Лосев и повел меня к нему в келью.*

Уж как мне понравился о. Ферапонт! Помню, вышли из кельи я говорю Сергею: «Слушай, какой красивый человек! Нельзя ли его сфотографировать? Это же Тициан — точеные скулы, ярко-голубые глаза и золото кудрей по плечам». Главное — в нем угадывалась нежность души. Человек я по натуре стеснительный и показать кому-то свою работу для меня пытка. А тут без тени смущения я сразу отдал ему рисунок. Отец Ферапонт долго и молча смотрел на портрет преподобного Амвросия, а потом как-то быстро взглянул на меня и сказал: «Тебе надо заниматься этим». Причем сказал это с такой внутренней силой, что, вернувшись от него, я тут же перевел портрет в прорись и начал резать икону пре-

подобного Амвросия Оптинского. Я никогда не резал до этого, но как же хорошо работалось! Позже меня благословили вложитъ в мощевик на иконе частицу мощей преподобного Амвросия, и я передал эту икону в дар храму. Так нежданно-негаданно начался мой путь резчика.

Помню, о. Ферапонт показал мне свою первую работу — резной параманный крест. Впечатление было очень сильным, но как передать его? Вот бывают нарядные кресты со множеством деталей и подробностей. Каждый завиток тут отделан так изящно, что можно любоваться им как самостоятельной картиной. Частности заслоняют главное, и на первый план проступает мастерство художника и его горделивое «Я»: вот я какой мастер.

В работе о. Ферапонта была суровость и лаконичность — глаз сразу схватывал фигуру Спасителя. И уже в композиции означалось — Спаситель центр вселенной, и все не главное рядом с Ним.

Изображение Спасителя на кресте — это всегда вероисповедание художника и ответ на вопрос: како веруеши? Ведь бывают изображения совсем не спасительные — с переизбытком плотского чувственного начала, что особенно часто встречается у католиков. Тут на кресте несчастный страдающий человек. Его, конечно, жалко как жертву насилия, но столько здесь плотской немощи и бессилия, что это именно человек, а не Бог.

Так вот, в Распятии о. Ферапонта меня больше всего поразила фигура Спасителя — это Бог, добровольно восшедший на крест. Бог и все.

Словами не скажешь, но от креста исходила Божественная сила.

Меня так поразила эта работа о. Ферапонта, что я тут же начал вырезать нательный крест для нашего батюшки Никиты, сделав его чуть крупнее обычного. Готовую работу я хотел показать о. Ферапонту, но не нашел его и показал другим. И начались толки: да канонично ли это и кто так делает? Человек я по натуре мнительный, а тут готов был провалиться сквозь землю от стыда: и чего полез не в свое дело? Все — не буду больше резать кресты.

Так бы оно и вышло, но тут мимо меня шел в храм инок Трофим и попросил показать ему работу. Взял он этот крест и простоял с ним всю службу, а сам все глядел и глядел на Спасителя. Он мне ни слова не сказал, но возвращал работу с такой неохотой, что даже на меня не взглянул, но смотрел, молясь, на Спасителя. И вдруг я понял, что должен резать кресты.

Когда неожиданно для меня мои работы оказались нужными храмам и людям, я объяснял для себя это тем, что новомученики Трофим и Ферапонт как бы благословили меня на этот путь своим сердечным участием. Я молюсь им всегда и благодарю за себя и за своих детей».

Завершает рассказ отец эконом Оптиной пустыни игумен Досифей: *«Вот сидел о. Ферапонт в своей келье и резал кресты, как казалось мне, медленно. А работал, между тем, так добросовестно и качественно, что сейчас, смотрю — пол-Оптиной носят его параманные кресты. И у меня, слава Богу, его крест».*

Можно было привести еще рассказ, как о. Ферапонт плел четки, используя самые разные материалы: шерсть, бусинки, суровые нитки или лен. Однажды он выстелил снопы льна на снегу, вытрепал его, а потом из льняной пряжи плел четки. Но такой рассказ был бы повторением предыдущего. А потому скажем в завершение: после смерти о. Ферапонта в его келье нашли мешок с четками, которые он сплел, занимаясь Иисусовой молитвой. И сейчас многие в Оптиной носят эти намоленные четки новомученика Ферапонта Оптинского.

«Я ТЕБЯ В ПОРОШОК СОТРУ»

Когда инока Ферапонта поставили по послушанию на склад, один человек сказал: «Ох, и намучаетесь вы с о. Ферапонтом. Он же из прошлого века сбежал!» Сперва никто ничего не понял, но кое-что прояснилось потом.

Пока монастырь был маленький, со склада выдавали по единому слову: «Отец эконом благословил». Но монастырь разросся, и как раз в ту пору ввели новый порядок. Теперь, чтобы получать что-то со склада, надо было выписать накладную. Накладные были тогда непривычны, и кто-то пробовал хитрить, доказывая, что если ему не выдать немедленно, скажем, гвозди, то вся работа из-за «бюрократии» встанет. Инок Трофим, тоже работавший по послушанию на складе, поступал в таких случаях просто — весело бежал в бухгалтерию и, оформив накладную, тут же выдавал необходимое. Инок Ферапонт сначала выдавал, а потом шел в бухгалтерию за накладной. Ничего никогда у него со склада не пропало, но в бухгалтерии происходили «сцены».

7 – 7033

Бухгалтер Лидия вспоминает: *«Начнешь ему пенять, что сначала надо выписать, а потом выдавать, а у самой сердце переворачивается. Как же переживал о. Ферапонт! Стоит, потупясь, и лишь тихо скажет: «Но мы же христиане. Как можно не доверять людям?» Он был человеком не от мира сего и такой чистоты, как хрустальный. Он жил по законам Евангелия, а это мученичество в наш век».*

Разумеется, оформить накладную задним числом — это непорядок. Но, может, потому и появляются среди нас такие люди, как о. Ферапонт, чтобы напомнить об ином порядке: всего век назад в нашем отечестве купцы заключали многомиллионные сделки без всяких бумаг, но на доверии православных друг к другу. И страшная угроза: «Я тебя в порошок сотру» — означала вот что. Купец записывал долг мелом где-то на притолоке. И если случался злостный обман, то имя должника «стирали в порошок». То есть просто стирали запись, уже не требуя возвращения долга и предавая обманщика Божиему Суду. Когда-то больше всего боялись греха и Божиего Суда.

«ИЗБЕГАТЬ ЖЕНЩИН И ЕПИСКОПОВ»

Любимой книгой инока Ферапонта были «Писания» преподобного Иоанна Кассиана Римлянина. «Вот настольная книга каждого монаха»,– говорил он. А преподобный Иоанн Кассиан, в частности, учит, что «монаху надо всячески избегать женщин и епископов».

«Избегать епископов» — это, говоря по современному, избегать почестей и сана, ибо именно епис-

коп рукополагает в сан. А о. Василий с о. Ферапонтом были из рода того древнего монашества, что знает лишь две дороги из кельи: в храм и в гроб.

Однажды о. Василия назначили благочинным Оптиной пустыни, но он пробыл на этом послушании два дня (числился два месяца). А потом заболел и, видно, вымолил у Господа освобождение от почетного послушания.

Когда о. Ферапонта поставили жезлоносцем, он пробыл на этом послушании всего день. Предлагали ему и иные послушания, являющиеся ступеньками к диаконскому и священническому сану. Но инок ответил: «Недостоин войти в алтарь».

Родным для о. Василия и о. Ферапонта был Оптинский скит с его особо строгим древним уставом. Отец Василий еще в иночестве подавал прошение с просьбой перевести его в скит, но видно не было воли Божией на то. А о. Ферапонт, хотя и числился монастырским иноком, чаще бывал на службах в скиту и здесь нередко читал Псалтирь. Особенно он любил скитскую полунощницу, начинавшуюся в два часа ночи. Душа его тяготела к этим уединенным ночным службам, и в час, когда спит земля, не спят монахи и молят Господа о всех недугующих, скорбящих и обремененных.

Что же касается древнего монашеского правила «избегать женщин», то в условиях современных монастырей, окормляющих множество паломниц, оно, похоже, неисполнимо. И все же порог кельи отца Василия не переступала ни одна женщина — даже монастырская уборщица: он предпочитал убираться сам. А с о. Ферапонтом было такое искушение. Однажды его поставили на вахту у Святых ворот, велев следить, чтобы в монастырь не входили посетительницы, одетые неподобающе, и выдавать им в таких случаях рабочие халаты и платки. И тут-то

обнаружилось, что о. Ферапонт не видит женщин и даже не понимает, а кто в чем одет. Комендантом монастыря был тогда горячий кавказец, и слышали, как он распекал о. Ферапонта: «Ты что — не видишь? Да ты обязан каждую сперва разглядеть!» А инок Ферапонт лишь сокрушенно каялся: «Прости, отец, я не достиг совершенства, чтобы разглядывать женщин. Я виноват! Прости, несовершенен я».

Комендант потребовал снять инока Ферапонта с этого послушания. И инок вернулся в свою келью к возлюбленному преподобному Иоанну Кассиану, повествующему о древнем роде монашества.

КЕЛЕЙНЫЕ ЗАПИСКИ ИНОКА ФЕРАПОНТА

У инока Ферапонта были свои келейные записки. Он выписывал для себя из святых Отцов то главное, о чем говорил убежденно: «Это надо делом проходить». Все стены кельи были в таких выписках, и он часто перечитывал их, стараясь исполнить заповеданное святыми Отцами. Уцелела лишь малая часть таких записок, и все же приведем их, чтобы понять, каким был духовный труд инока.

* * *

Келейное правило Оптинских подвижников. Читается все на славянском языке.

1. Две кафизмы.

2. Две главы из Апостолов.

3. Главу из Евангелия и Помянник.

4. Пятисотницу на вечер после благословения перед сном, в 9—10 часов.

Ежедневно: «Заступнице Усердная»..., затем 90 псалом и «Богородице, Дево, радуйся» 24 раза.

* * *

Преподобный Паисий Величковский:

Если хочешь победить страсти, то отсеки сласти.

Если удержишь чрево, войдешь в рай.

Когда кто познает душевную и телесную силу изнеможения, то вскоре получит покой от страстей.

Покой и сластолюбие — бесовские удицы, которыми бесы ловят души иноков на погибель.

Нечистота сердца — блудная сласть и сердечное греховное разгорячение.

Нечистота тела — падение на деле во грех.

Нечистота ума — скверные помыслы. От разжжения плоти восстают мысли и оскверняется ум, от мыслей – сердце, а через это благодать удаляется и нечистые духи имеют дерзость властвовать над нами, понуждают плоть на страсти и направляют ум, куда хотят.

Соединяемая с постом молитва (трезвенная) опаляет бесов.

* * *

Довольно нам о себе заботиться только, о своем спасении. К братнему же недостатку, видя и слыша, относись как глухой, слепой и немой — не видя, не слыша и не говоря, не показывая себя мудрым; но к себе будь внимателен, рассудителен и прозорлив.

* * *

Когда хоронили епископа Игнатия Брянчанинова, то пели Ангелы: «Архиерею Божий, Святителю отче Игнатие».

* * *

«Господь заповедал отречение от естества падшему и слепотствующему человечеству, не сознающему своего горестного падения. Для спасения необходимо отречение от греха, но грех столько

усвоился нам, что обратился в естество, в самую душу нашу. Для отречения от греха сделалось существенно нужным отречение от падшего естества, отречение от души, отречение не только от явных злых дел, но и от многоуважаемых и прославляемых миром добрых дел ветхого человека; существенно нужно заменять свой образ мыслей разумом Христовым, а деятельность по влечению чувств и по указанию плотского мудрования заменить тщательным исполнением заповедей Христовых. «Иже есть от Бога, глаголов Божиих послушает» (Ин. 8,47) Аминь». (Свт.Игнатий Брянчанинов).

* * *

Патрологические труды проф. И. В. Попова

Естественный нравственный закон — внутреннее побуждение к лучшей жизни.

«Поэтому кто хочет достигнуть утраченного совершенства, тот пусть отсечет все похоти своей плоти, чтобы возвратить свой ум в прежнее состояние» (авва Исаия).

* * *

«Совершенство состоит в том, чтобы не рабски, не по страху наказания удаляться от порочной жизни и не по надежде наград делать добро, с какими-то условиями и договорами, торгуя добродетельной жизнью, но теряя из виду все, даже что по обетованию соблюдается надежде, одно только представлять себе страшным — лишиться Божией дружбы, и одно только признавать драгоценным и вожделенным — соделаться Божиим другом. Это, по-моему, и есть совершенство в жизни».

(Свт. Григорий Нисский).

* * *

О полезности молчания блаженный Диадох свидетельствует так: «Как двери в бане, часто отво-

ряемые, скоро выпускают жар, так и душа, если она желает часто говорить, то хотя бы говорит и доброе, теряет соответственную теплоту через дверь языка».

* * *

«Как невозможно — видеть глазу без света, или говорить без языка... так без Иисуса невозможно спастись, или войти в Небесное Царство».

* * *

«Господь требует от тебя, чтобы сам на себя был ты гневен, вел брань с умом своим, не соглашался на порочные помыслы и не услаждался ими. Но чтобы искоренить грех и живущее в нас зло, то сие может быть совершено только Божиею силою. Ибо не дано и невозможно человеку искоренить грех собственною своею силою. Бороться с ним, противиться, наносить и принимать язвы — в твоих это силах; а искоренить — Божие дело».

(Преп. Макарий Египетский).

* * *

«Молчание есть тайна жизни будущего века».

(Преп. Исаак Сирин).

«ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ ПОМОЩЬ»

Мир по-своему жестко давит на монашество, требуя обмирщения его. И если посмотреть газетные публикации о монастырях, то сразу обнаружится их основополагающая мысль: монахи, мол, для общества полезные люди, поскольку опекают больных в больницах и возят подарки в детдом. Разумеется, в Оптиной все это делают. И все же оценивать пользу монашества по делам благотворительности — это все равно что оценивать микроскоп по принципу: им, дескать, можно и орехи колоть.

Александр Герасименко вспоминает, как однажды сказал о. Ферапонту, что монашество должно спасать мир. «Нет,— ответил он.— Монашество — это путь личного спасения».— «Стяжи мир в себе, и тысячи вокруг тебя спасутся»,— учил преподобный Серафим Саровский. Но как же довлеет соблазн спасать тысячи — при неумении спасти даже себя. И сугубо монашеская жизнь о. Василия и о. Ферапонта казалась иным непонятной: почему безмолвствуют в уединении, когда надо кого-то «спасать»?

Из посмертной публикации об о.Василии: *«Мы не понимали его жизни, обвиняли в крайностях и даже дерзали считать эгоистом».*

Из разговора: *«Я всегда преклонялся перед о. Василием, как человеком глубоко интеллигентным. Но угрюмости о. Ферапонта, простите, терпеть не мог. Ну, хоть бы словечко людям сказал!»*

Из другого разговора: *«Откуда вы взяли, что о. Ферапонт был угрюмым? — удивился иеродиакон Нил, живший с ним в одной келье. — Очень добрый был человек». — «Да, но в чем это выражалось?» — «В благорасположении сердца. Можно оказать всему миру гуманитарную помощь, но в душе остаться жестоким и злым».*

Когда говорят о монашеской благотворительности, то почему-то забывают, что монаху с его обетом нищеты благотворить, собственно, не с чего. У о. Василия была единственная выношенная ряса, и он часто штопал ее. Перед смертью ему сшили новую рясу, но клобук был прежний — штопаный. Конечно, бывает, что друзья привезут монаху пакет фруктов. И путешествует потом этот пакет по всему монастырю, ибо брат спешит явить любовь брату, тот — следующему, пока не съедят эти фрукты чьи-нибудь дети, обнаружив на дне пакета записку: «Иеромонаху Василию от...»

Инок Ферапонт посылок из дома не получал, а знакомых паломников, одаривающих фруктами, у него не было. Но однажды кто-то подарил ему баночку сгущенки.

Иеродиакон Илиодор вспоминает: *«Подходит ко мне однажды о. Ферапонт и спрашивает: «Отец Илиодор, это вы возите передачи в больницу?» И протягивает мне баночку сгущенки, а в глазах такая любовь, что я был ошеломлен. Тут, думаю, мешками передачи в больницу возишь, а ему и дать нечего, кроме этой маленькой баночки и такой чистосердечной любви. Помню, вез я тогда продукты в больницу и думал — накормить человека, конечно, надо, но больному нужнее всего любовь».*

Это старый спор — о социальной пользе и христианской любви. В архиве Ф. М. Достоевского хранится письмо скрипача Императорского театра, порицавшего Христа за то, что не обратил камни в хлебы. Скрипач писал с возмущением, что надо сперва накормить человечество, а потом толковать о любви и Христе. В ответном письме Достоевский рисует картину сытости человечества без Бога и спрашивает, а не превратимся ли мы тогда в сытых свиней, уже неспособных поднять голову к небу? Он пророчески предрекает: «хлебы тогда обратятся в камни». Это пророчество, похоже, сбывается, и люди все чаще говорят о голоде среди изобилия безблагодатной «каменной» пищи.

«Чадо мое, — говорил преподобный Нектарий Оптинский, — мы любим той любовью, которая никогда не изменится. Ваша любовь — однодневка, а наша и сегодня, и завтра, и через тысячу лет все та же». После убийства у инока Ферапонта в кармане нашли письмо со словами: «Если понадобится помощь, буду рад оказать ее». Кому было адресовано это письмо — неизвестно. Но годы спустя пред-

ставляется, что письмо адресовано всем нам, ибо многие люди получают сегодня помощь по молитвам новомученика Ферапонта Оптинского.

Рассказывает инок Макарий (Павлов): *«После убийства, по благословению старца, мне достался окровавленный кожаный пояс инока Ферапонта, пронзенный мечом в трех местах (удар был один, но пояс препоясывал бестелесного инока почти дважды — Ред.)*

Однажды в Москве о. Георгий Полозов, настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» на Речном вокзале, попросил меня дать им на время пояс новомученика, объяснив, что они попали в трудное положение. При храме была православная гимназия, но помещения для нее не было. Старцы благословили им строить здание для гимназии, но денег на это у храма не было, а главное — не выделяли землю под строительство. И когда они стали хлопотать о разрешении на строительство, то восстали такие антиправославные силы, что во всех инстанциях был дан категорический отказ. Конечно, они много молились и уже в безвыходной ситуации решили обратиться за помощью к новомученику Ферапонту Оптинскому.

Мне рассказывали, что когда в алтарь внесли пояс новомученика, то сразу почувствовали исходящую от него благодать. Они стали молиться новомученику Ферапонту о помощи, и свершилось чудо — храм выстроил прекрасную двухэтажную гимназию, и до того красивую — прямо старинный замок с башенками».

Раба Божия Надежда пишет: *«Моя племянница Ольга с детства ходила в церковь, а потом перестала ходить, не причащаясь даже на день*

своего Ангела. Но по милости Божией она побывала в Оптиной пустыни и помолилась здесь на могилках новомучеников.

После этого она увидела во сне юношу, который сказал ей: «Ольга, за тебя молится монах Ферапонт». Ольга спросила: «А где он?»

Юноша обещал показать его и повел ее по мосту через огненную реку. Ольга испугалась — искры до ног долетают, а юноша обернулся, подал ей руку и, проведя через огненную реку, привел в маленькую белую церковь.

Зашла Ольга в церковь, а икон здесь нет, и людей очень мало. Тут идет им навстречу монах и говорит: «Ольга, ты к нам пришла, а мы молимся за тебя и за весь мир. Меня зовут монах Ферапонт». Ольга спрашивает: «А почему у вас в храме нет икон?» — «А у нас все святые живые. Они здесь сами с нами молятся». — «А почему людей в храме мало?» — «Потому что мы мало их отмолили».

Рассказывает оптинский иконописец Ирина Лужина: *«Когда я уезжала из Петербурга в Оптину пустынь, в подземном переходе метро меня окликнула незнакомая схимонахиня, игуменья Мария с Нового Афона, как выяснилось позже.*

— Куда ты едешь? — спросила она.

— В Оптину пустынь.

— Ах, Оптина! — сказала схимонахиня. — Как бы я хотела там побывать и сложить свои косточки в этой святой земле, но нет воли Божией на то. Ты знаешь, всем трем новомученикам молюсь, всех троих поминаю, а о. Ферапонт так и сверкает в моем сердце!

К сожалению, я почти ничего не знала о новомученике Ферапонте, да и в Оптиной мало кто знал его. Но я слышала от людей, что он отзывчив на молитвы и многим помогает в их повседневных нуждах. Однажды и у меня была такая нужда. В нашей келье было тогда многолюдно, помолиться негде. И я решила устроить уголок для молитвы в иконописной мастерской. Иду на послушание и думаю: Господи, где достать аналой и кому бы заказать изготовить его? Вдруг меня окликают: «А ты не хочешь взять себе аналой о. Ферапонта?» Вот радости было! Принесла я аналой в иконописную мастерскую и удивилась — в углу между подоконником и стеной было совсем небольшое свободное место, и аналой о. Ферапонта с точностью до миллиметра вошел туда. Как на заказ был сделан! Позже я узнала, что о. Ферапонт изготовлял аналои для оптинцев, и будто принял мой заказ».

Часть пятая

ИНОК ТРОФИМ

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Мать о. Трофима Нина Андреевна Татарникова лежала после инсульта, когда пришла телеграмма о смерти сына. Трофим был ее первенец. Старший из пятерых детей, он был общим любимцем, а братья и сестры так убивались от горя, что мать заставила себя встать: «Саша, брат Трофима, в голос, как женщина, кричал, — рассказывала она, — а Лена, сестренка, от нервного потрясения заболела и слегла. Не до своих болячек тут. «Детки, — говорю, — хочу быть с Трофимом. Поеду к нему».

Врачи запретили везти больную самолетом. И поехали сыновья с матерью из Сибири поездом, не поспев к погребению. Поплакали они на могиле, сказав по-сибирски: «Уработался Трофим. Больно тяжко с малолетства работал, вот и лег отдыхать».

Сыновьям надо было возвращаться на работу, и мать сказала: «Поезжайте домой. Я останусь здесь. Хочу быть с Трофимом». А потом на могилке она сказала: «Ох, и трудно тебе досталось, сыночек! Ты у нас первопроходец — дорогу проторил, и я по твоей дорожке пойду».

Слово «первопроходец» в Сибири бытовое и означает вот что: в пургу наметет снега по грудь, а первопроходец утопчет дорожку и за ним идут остальные. Точно также идут на болота за клюквой: первыми сходят первопроходцы, а вернувшись, доложат, что гать на болотах они починили, идти безопасно, а клюквы — хоть лопатой греби. Тут вся деревня придет в движенье: «Первопроходцы прошли, и нам пора».

В церковь мать Нина до этого не ходила, но теперь она пошла за сыном по-сибирски, как идут за первопроходцем, то есть ступая след в след. Когда ей передали четки о. Трофима, мать Нина спросила:

— А что Трофим с ними делал?

— Проходил Иисусову молитву.

С тех пор мать четки не выпускала из рук, повторяя неустанно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

В храме мать Нина стояла, как свечка, не пропуская ни одной службы, начиная с полунощницы, которую так любил Трофим. А узнав, что Трофим работал по послушанию на хоздворе, она, скрыв болезнь, пришла туда просить себе работы:

— Сыночек не может, так я помогу.

— Мать Нина,— спросили ее,— какое послушание тебе дать?

— А я всякую работу люблю. Хлеб пекла, телят пасла, за коровками ходила, а за курами нет.

Почему-то решили, что ей будут интересны куры, и определили мать Нину на курятник.

Всем до боли не хватало в эти дни о. Трофима, но у матери были те же огромные голубые глаза и та же ласковая улыбка для всех. «Я как на свадьбе была тогда,— говорила она о тех днях.— Все плачут, меня утешают, а мне чудится — свадьба идет.

Народу много, цветов много. А я улыбаюсь и не понимаю совсем ничего. Может, от сильных лекарств это было? Мне же горстями давали всего».

Было в этих днях, действительно, нечто от свадьбы. Сразу после погребения в Оптину приехала женщина, потерявшая сына. Он был шофер, и на узкой дороге, где не разминуться, навстречу ему вылетел автобус с детьми. Кто-то должен был погибнуть — он или дети. И шофер погиб, спасая детей. Мать хранила для свадьбы сына три нарядных расшитых рушника-полотенца, чтобы сделать свадебную перевязь друзьям жениха. Когда она услышала об убийстве трех оптинских братьев, то пало ей на сердце, что три свадебных полотенца предназначены им. Приехав в Оптину пустынь к могилам новомучеников, мать сделала свадебные перевязи на их крестах, будто кресты — друзья жениха.

Долго стояли кресты в этих свадебных перевязях, рождая воспоминания о брачном пире: «Радуйся, Кана Галилейская, начало чудесам положившая; радуйся, пустынь Оптинская, наследие чудотворства приявшая». А чудотворения действительно, совершались.

* * *

Мать Нина хотела остаться в Оптиной навсегда, но после сорокового дня ее благословили: «Иди, мать, в мир и приведи к вере детей». В дорогу ей надавали столько сумок с подарками, что выгрузившись с ними на вокзале, мать Нина спохватилась, что забыла в машине рюкзак с молитвословом сына, а машина уже уехала. Уж как она расстроилась из-за молитвослова, взывая: «Трофим, сынок, я рюкзак забыла!»

Рассказывает игумен Михаил (Семенов), в ту пору оптинский шофер Сергий: *«Отвезли мы мать Нину на вокзал, возвращаемся, а мотор вдруг заглох. Не заводится машина — и все! Стали искать, кто бы дотащил нас на буксире до Оптиной. Полез я за буксировочным тросом и увидел, что мать Нина забыла рюкзак. «Да это же Трофим, — говорю, — нас остановил. Скорей на вокзал!» Машина тут же завелась, и мы успели приехать на вокзал до отхода поезда, отдав маме о. Трофима рюкзак».*

Мать Нина рассказывает о жизни в Братске: *«Вернулась я домой, а в храм не иду. Сижу дома и плачу: «Убили сыночка!» В Оптиной я почему-то этого не чувствовала, а тут сомлела от горя и исхожу в слезах. Вдруг стук в дверь. Входит батюшка о. Андрей и говорит от порога: «Мать Нина, ты что же в храм не идешь? Там Трофим тебя ждет не дождется». Я подхватилась и скорей в храм бежать.*

Зашла в церковь и обомлела от радости: тут Трофимушка, чувствую, тут. «Батюшка, — говорю я о. Андрею, — я ведь теперь из храма не уйду. Дайте мне хоть закуточек при храме. Трофим правда тут, и я хочу быть с ним».

Дали мне келью и послушание — храм убирать. Храм у нас в Братске огромный, а уборщица я одна. Все меня жалеют и помочь предлагают, а я отказываюсь и говорю: «Да разве я одна убираюсь? Мне Трофим помогает, сынок». Не все мне верили, но это правда. Я воды приготовлю, возьму швабру и говорю: «Сынок, пойдем убирать». Я не убираюсь, а летаю по храму и ни капельки не устаю».

Раньше самой большой болью инока Трофима было неверие его семьи. Сестры Наталья и Елена были даже некрещеными. А теперь этим горем терзалась мать. Но как привести к вере уже взрослых детей, она не знала и лишь молилась, взывая: «Трофимушка, сынок, спаси их!»

* * *

«Лена, а ты как к вере пришла?» — спросили младшую сестру о. Трофима, когда она приехала в Оптину. А Лена заплакала: «Думаете, просто потерять любимого брата? Через боль и пришла».

Елена была самой младшей в семье, и Трофим вынянчил ее на своих руках. «Лет десять ему было, — вспоминает мать Нина. — Взял Лену на руки, подошел с ней к зеркалу и говорит: «Мама, смотри, Лена — это копия я. Вот выросту большой, сперва Лену выдам замуж, а потом уже сам женюсь». А малышка так благоговела перед старшим братом, что без него, как шутили, не смела дышать.

После убийства Лена от нервного потрясения тяжело заболела. Она таяла в больнице на глазах у врачей, а Трофим часто являлся ей во сне. Когда Лена была уже, думали, при смерти, Трофим сказал, тревожась, что надо строить ей домик. «Какой домик? — недоумевала Лена. — Он про что, про гроб говорит?»

Ярче всего Лена запомнила два сна. Сразу после убийства она увидела Трофима стоящим в святом углу у икон в пурпурной мантии из неизвестной богатой ткани. Лена пала в слезах к его ногам, а Трофим укрыл сестру своей мантией, и ей стало радостно и тепло. Но чаще она чувствовала во сне, что брат сердится на нее. Как-то Лена увидела его во сне измученным и с такой скорбью в глазах, что она вздрогнула, услышав как наяву его голос: «Устал

я уже молиться за вас. Все нутро изорвал ради вас, а вы все не идете в храм». И однажды Елена, уверовав, вошла в храм.

Муж Елены Андрей, шофер-дальнобойщик, не препятствовал Лене ходить в церковь, однако смысла в этом не видел. Но когда мать Нина дала ему иконку преподобного Серафима Саровского из кельи о. Трофима, он из уважения к родственнику повесил ее у себя в кабине и ушел с этой иконой в дальний опасный рейс. Водители шли с грузом плотной колонной, держа наготове монтировки, чтобы в случае нападения защитить свою жизнь и груз. Вдруг машина у Андрея сломалась. Замыкающий колонну остался его прикрывать, а колонна ушла вперед. Когда, починившись, они нагнали колонну, им сказали: «Счастливые вы! Пока вы чинились, на нас напали и разграбили груз». Водитель, замыкавший колонну, теперь следовал везде за Андреем, решив: «он счастливчик» и шоферское счастье везет.

А дальше было вот что — на лесной дороге, по которой только что прошла колонна, перед машиной Андрея упало дерево. Пока он и следовавший за ним водитель искали объезд, на колонну снова напали грабители. Из всей колонны довезли груз целым только Андрей и шофер, следовавший за ним. «Счастливых совпадений» в том рейсе было так много, что Андрей остановил машину у церкви и спросил батюшку: «Какой святой шоферу помогает?» «Святитель Николай»,— был ответ. Так появилась в кабине Андрея вторая икона — святителя Николая-Чудотворца, подаренная ему, кстати, в день возвращения из рейса мамой о. Трофима.

И все-таки это была еще не вера, а скорее борьба за выживание, заставляющая шофера опытно искать,

а что «помогает?» Но однажды произошел такой случай. Андрей с напарником остановились заправиться у бензоколонки на пустынной дороге среди леса. Они уже собирались отъезжать, как путь им преградила легковая машина, и вооруженные люди предложили следовать за ними, чтобы отвезти некий груз. У Андрея захолонуло сердце — он сразу понял, кто они такие. Милиция предупреждала по радио, что в этом районе действует банда: шофера приглашают отвезти груз, в дороге убивают, а машину затем продают. Андрей отказался ехать и, надеясь откупиться, предложил им деньги. Но вооруженные люди уже сели к нему в кабину, вытолкнув оттуда напарника, и сказали с усмешкой: «Не хочешь — заставим. Езжай!» Смерть коснулась души Андрея, и он впервые взглянул на иконы в кабине не как на дорожный талисман, но взмолился с жаром, крикнув в душе в отчаянии: «Трофим, выручай!» И тут неожидано, как в кино, к машине Андрея на большой скорости подъехала милицейская машина. Бандиты бросились бежать, но к бензоколонке уже мчались машины на перехват, не давая им уйти. Оказывается, милиция выслеживала банду, настигнув ее в страшный для Андрея миг.

Бандитов связали и бросили к ногам водителей. «Бейте их за всех убитых — большая кровь на них. Они ведь и вас хотели убить». Но Андрею было уже не до них. В потрясении он молча сел в машину, а дома сказал: «Бог есть».

В Сибири долго запрягают да быстро едут. И однажды, как рассказывала мать Нина, крестилось сразу четырнадцать человек Трофимовой родни. Правда, сестры утверждают, что их было больше: «Вспомни, мама, нас же полхрама стояло, а храм у нас вон какой большой». В общем, для крещения

Трофимова рода настоятель храма о. Андрей выделил специальный день.

После того, как дети пришли к вере, мать Нина вернулась в Оптину пустынь и стала работать здесь на послушании пекаря. А новомученик Трофим Оптинский, как и при жизни, не оставлял попечением свою семью.

Рассказывает сестра о. Трофима Елена: *«Уйду на работу и переживаю: как там сынок без меня? И как в детстве мама оставляла нас на попечение Трофима, так и я, уходя на работу, молилась ему и просила присмотреть за сынком.*

Однажды возвращаюсь с работы на дачу, а перепуганный свекор спешит мне навстречу и рассказывает, что он не успел закрыть погреб, а сын мой упал туда. Погреб у нас бетонированный высотой четыре метра. Сын не чувствовал боли, но я тут же повезла его в больницу. Там сделали рентген, а врач после осмотра сказал: «Мамаша, зачем же вы нас разыгрываете? Ваш сын абсолютно здоров, а такого не бывает, чтобы ребенок упал с четырех метров на бетон и ни одного ушиба не было». Врач почему-то мне не поверил, а свекор сказал: «Бог есть».

Рассказывает сестра о. Трофима Наталья: *«С Трофимом мы были очень привязаны друг к другу, может, потому, что он был старший брат, а я старшая сестра. После убийства брат почти каждую ночь являлся ко мне во сне и говорил что-то про церковь. Но я не понимала его — он говорил поцерковнославянски, а я даже еще некрещеной была. Снам я не верю, но неожиданно для меня некоторые сны сбывались, а потому расскажу о них.*

После рождения третьего ребенка врачи установили у меня бесплодие, и шесть лет детей у нас

с мужем не было. Потом я крестилась и вскоре увидела себя во сне на сносях, а рядом, вижу, стоит Трофим и очень радуется, что у меня родится ребенок. И правда, месяца через два обнаружилось, что я жду ребенка. Детей мы с мужем очень любим, и я всегда считала: сколько даст Господь деток, столько и надо рожать. Но тут мы переехали на новое место жительства, не могли прописаться, а без прописки не брали на работу. В общем, жили впроголодь, на картошке. И тут все набросились на меня: «Самим есть нечего, а еще нищету плодить? Пожалей мужа! Подумай о детях!». И я, как под гипнозом, пошла за направлением на аборт. А мне ответили: «Врач уехала на совещание в область». Трижды я ходила за направлением, но Трофим меня даже на порог больницы не пустил. Вдруг я почувствовала — брат защищает меня, и осмелев, решила рожать.

Какая же удивительная дочка у нас теперь растет! Дети буквально влюблены в сестренку, а муж души в ней не чает: «Вот,— говорит,— послал Господь утешение!»

А еще я убедилась — на каждого ребенка Господь дает пропитание. Как только я решила рожать, нас тут же прописали, появились заработки, и мы даже машину смогли купить.

Мама отдала мне молитвослов Трофима, и я по нему молюсь, но утром у меня в голове муж и дети, а вечером, когда дети уснут, я читаю сначала правило, а потом молюсь своими словами Божией Матери и Трофиму. Прошу я Трофима не только за себя, и все удивляюсь, как же быстро он приходит на помощь. Однажды пришел к нам знакомый попросить денег в долг, сел на кухне и заплакал, потому что кругом безработица, на

работу нигде не берут, а он лишь занимает в долг, не в силах прокормить семью. Стала я вечером молить Трофима: «Помоги человеку ради Христа!» А на следующий день знакомый приходит к нам радостный и говорит, что его взяли на такое хорошее место, о каком он даже не мечтал.

Вот другой случай. Летом 1997 года мама взяла двух моих старших дочек в Оптину, и я обещала приехать за ними через неделю. Но тут заболела младшая дочка. Мы пролежали с ней месяц в больнице, а потом оказалось, что ехать не на что — зарплату задерживают. А дочки мои с бабушкой, оказывается, уже залили слезами могилу Трофима: «Что с мамой? Почему не едет?» Снится мне Трофим до того сердитый, что даже смотреть на меня не хочет. «Надо, — говорю мужу, — срочно ехать в Оптину, а то брат очень сердится на меня».

Машина у нас своя, а бензина на дорогу нет. Муж объехал тогда шесть поселков, но что-то случилось, и бензина нигде не было. Стала я просить Трофима о помощи. И вот что интересно — бензин завезли на единственную бензоколонку возле нашего дома. Но на дорогу надо хоть немного денег. Стала я вечером молиться Трофиму: «Братик, ты всегда помогал нам при жизни деньгами. Пошли хоть немного денег на дорожку, если есть такая возможность». Молилась я Трофиму вечером 18 августа, а утром 19 августа, на Преображение, нашла в почтовом ящике извещение, что мы выиграли в денежно-вещевой лотерее пять тысяч долларов».

В тот же вечер 18 августа 1997 года, когда Наталья просила Трофима о помощи, в Оптиной пустыни на всенощной в честь Преображения

Господня Нину Андреевну Татарникову облачили в подрясник монастырской послушницы. Предполагался монашеский постриг, но мать Нина сказала: «Не заработала еще. Хочу быть в Царствии Небесном вместе с Трофимом, а мне до него не дотянуться пока. Благословите сперва потрудиться».

18 апреля 2002 года на девятую годовщину памяти трех Оптинских новомучеников состоялся монашеский постриг послушницы Нины, матери о. Трофима, с наречением имени Мария, в честь преподобной Марии Египетской.

Так складывалась история этого, отныне православного рода. А теперь, уже зная об исходе событий, обратимся к биографии инока Трофима, понимая, как Промысл Божий вел по жизни эту семью.

«ЗАМЕЧАЙТЕ СОБЫТИЯ ВАШЕЙ ЖИЗНИ»

«Мы белорусы,— рассказывала о себе мать Нина.— Родина наша — Витебская область, Ушачевский район, деревня Слобода. Маму звали Мария Мицкевич, папу Андрей Пугачев, детей в семье было пятеро. А еще жили с нами бабушка и дедушка — Кузьма и Зося Мицкевичи. Семья у нас была православная. А сибиряками мы стали так. Я родилась в самый голод в 1933 году. Тогда деревнями вымирали от голода, и дедушка Кузьма все думал: как спасти нашу семью? Однажды он услышал, что в Сибири есть хлеб, и поехал туда».

Когда святителя патриарха Тихона спросили, почему произошла революция 1917 года, он ответил: «Поститься перестали». А преподобный Оптинский старец Иосиф (✝1911) сказал, выслушав жалобу о неурожае: «Да, всего мало, только грехов много. Неурожай Господь посылает за то, что совсем перестали посты соблюдать, даже и в простонародье. Так вот и приходится поститься поневоле».

Под знаком голода, поста поневоле, и началась сибирская родословная инока Трофима. Хлеб и работу дедушка Кузьма нашел в поселке Дагон Иркутской области. Здесь белоруска Нина вышла замуж за сибиряка Ивана Татарникова, а Трофим был у них первенец.

О сибирском роде Татарниковых известно то немногое, что деда Трофима, кузнеца Николая Татарникова, расстреляли в Иркутске в 1937 году, а позже он был реабилитирован. Из всех арестованных вместе с кузнецом Николаем православных людей живым вернулся из лагерей лишь один односельчанин и рассказал: «За что нас арестовали — не знаем. Но били и издевались по-страшному. На этапе кормили одной селедкой, а пить не давали. После Иркутска Николая на этапе уже не было, и передавали, что он расстрелян в тюрьме».

Семья о погибшем не узнавала. Так было заповедано в Сибири узниками тех лет: не носить передач, не хлопотать, не запрашивать, но уезжать по возможности в другое место, скрываясь и скрывая свою родословную. Шло массовое уничтожение православного народа. Сибиряки это трезво поняли, и узники уходили в тюрьму, как в безвестность, порывая все связи с родными и желая одного, чтобы жертва была не напрасной: расстреляют деда, но родятся и вырастут православные внуки. И 4 февраля 1954 года, на день памяти апостола Тимофея, у православного мученика кузнеца Николая родился внук, будущий новомученик Трофим Оптинский.

Рассказывает мать Нина: *«Он как родился, свекровь говорит: «Вот — родился Алексей, человек Божий. Назовем его Алексеем». А я тогда в церковь не ходила и думаю: «Да ну еще какой-то*

человек Божий? Назовем его Леонидом — Лёниточкой по-нашему.

Крестить детей у нас было негде. Да и не думали мы о том, хотя сын, похоже, был не жилец. Кричал днем и ночью, да так надрывно, что доярки идут мимо окон и охают. Уже лет двадцать спустя встретилась в городе с одной дояркой нашего села, а она меня спрашивает: «Нина, твой мальчик, что кричал так, поди умер?» — «Почему? — говорю, — живой, уже в армии служит». А она смотрит на меня и не верит. Страшно вспомнить, как кричал мой сынок! Я с ним ночи не спала и до того измучилась, что ночью стала закрывать печь, а сама вынула из печи заслонку да и заснула с ней в обнимку. Утром смотрят — заслонки нет, а мы с сыночком, как два трубочиста, чумазые. Свекровь с перепугу психиатра вызвала: «Нина у нас сошла с ума». А психиатр говорит: «Вас лишить сна — вы еще хуже будете. Пожалейте ее, дайте поспать».

Почти два года, не смолкая, кричал надрывно некрещеный младенец. А как окрестили — сразу затих. Заулыбался после крещения и рос отныне добродушным богатырем, о котором бабушка Зося говорила по-белорусски: «Лёня у нас вяселый какой!» В крещении зримо свершилось чудо, но по неверию не осознали его.

Мать Нина продолжает рассказ: *«Мы ведь без церкви отвыкли от веры. Уж на что моя мама Мария была верующей, а в церковь в город ездила причащаться только на Пасху да, бывало, на Рождество. Это ж за сотни километров надо ехать да еще в городе заночевать. Где тут наездишься, если пятеро детей? Но посты мама держала строго, а еще вязала бесплатно всей деревне нарядные*

узорчатые рукавички и раздавала их людям во славу Христа. Трофим в бабушку Марию пошел. Она бегучая была. Все дела бегом делала, а ночью вязала во славу Христа. Врач придет к ней и ругается: «Мария, у тебя такая страшная гипертония, а ты вся в клубках и ночами не спишь».

Видно, дошли ее клубочки до Бога, потому что всех удивила кончина мамы. Умерла она у сына в Барнауле, попросив перед смертью схоронить ее в родной деревне. А пока доставали цинковый гроб и хлопотали о перевозке, времени прошло немало. На погребении сын запретил вскрывать гроб, думая, что по срокам тело уже разложилось. Но родные, не стерпев, распаяли гроб, а я как закричу: «Мама живая!» Такой красивой я маму еще не видела — лицо румяное, свежее, и улыбка на устах. Вот уж воистину не смерть, а успенье.

На сороковой день я впервые съездила в церковь помянуть маму. А потом уж забыла про храм. Я ведь даже сына крестила случайно. Приехала в город Тулун навестить бабушку Зосю, а там церковь была. Бабушка Зося настояла: «Окрести Лёню. Он ведь такой больной!» Я и вправду тогда боялась, что сын у меня, наверно, калека, а вырастет — будет на всю жизнь инвалид. После крещения «инвалидность» исчезла. Но я теперь лишь задумалась — почему?».

После убийства мать специально поехала в Тулун, в ту церковь, где крестили сына и свершилось что-то важное, что ей хотелось понять. Там ей показали старинные синодики храма, где было множество женских монашеских имен, а также сохранявшиеся с той поры фотографии церкви с рядами монахинь подле нее. Разволновавшись, мать не спросила, был ли тут прежде женский монастырь или просто

монашеская община. Ее поразило тогда, что уже крещение сына свершилось под тайным знаком монашества, и стало пониматься непонятное прежде: у всех ее детей нормальные семьи. И только самый ее красивый сын-первенец никогда не был женат.

Мать Нина вспоминает: *«Он знал для девушек одно слово — сестра. Придет в клуб, девушки окружат его гурьбой: «Лёня, Лёничка пришел!» А он им: «Сестренки мои, сестреночки!» Нравился он девушкам и влюблялись в него. Одна девушка, зубной врач, уговаривала его: «Женись на мне, Лёня. Я тебе буду хорошей женой». Я шутя говорю сыну: «Женись. Она мне зубы вставит». — «Ага, — говорит, — она тебе зубы за месяц вставит, а мне за это до гроба с ней жить? Жена не палка, надоест — не выбросишь». Уж как только его не пытались женить! Одна девушка к колдуну ходила привораживать сына и сказала ему: «Сделано тебе, запомни, сделано. Мой будешь или ничей!» Не понимали его девушки. И я не понимала, что он лишь Божий, а больше ничей.*

Сын был начитанный, работящий, непьющий. И местным парням было обидно, что девушки ставят его им в пример. Однажды восемь человек подкараулили сына ночью, повалили и избивали жестоко, а он лишь голову руками прикрывал. Сила у сына была немалая — мог бы, как следует, им надавать. Но характер такой — никогда не дрался и даже обиды ни на кого не держал. Только сказал наутро обидчикам: «Не умеете драться, а чего деретесь? Смотрите, на мне синяков даже нет». Это правда — синяков на нем не было. Видно, Божия Матерь хранила его.

А незлобивым он был с детства. Помню, он так любил лошадей, что ради этого в подпаски

пошел. У нас ведь в Сибири пасут верхами, и сын все каникулы пас коров. Я не нарадуюсь — зарабатывает, а мы бедно жили тогда. Останавливает меня однажды на улице председатель колхоза и говорит: «Пожалела б ты, Нина, сына. Да как ты его этому зверю-пастуху в подпаски отдала? Он же спьяну так бьет мальчонку, что ведь сдуру насмерть забьет». О-ой, я бежать! Коров пасли далеко от деревни, и я пять километров бежала бегом. Смотрю, выезжает из леса на коне мой Лёня и спрашивает удивленно: «Мама, а ты чего здесь?» — «По тебе соскучилась, сынок». Молчим оба. А дома выбрала момент и спрашиваю: «Это правда, что тебя пастух бьет?» — «Да ну, он отходчивый. Пошумит-пошумит и все». Никогда он не жаловался и не роптал».

Позже в подпаски пошли младшие братья и рассказывали, что драчливый пастух уже больше не дрался, уважая Лёню. Так незлобие победило злобу.

* * *

«Замечайте события вашей жизни,— говорил преподобный Оптинский старец Варсонофий.— Во всем есть глубокий смысл. Сейчас они вам непонятны, а впоследствии многое откроется». И мать Нина, уверовав в Бога, стала заново пересматривать свою жизнь, понимая многое уже по-другому.

Мать Нина рассказывает: *«Жили мы без Бога и с одной мыслью: как бы выбиться из нужды? Я работала уборщицей на четырех работах, а платье было всего одно. Постираю к празднику — вот и обновка. А Лёня был моей главной опорой, и мы, как две лошади в одной упряжке, тянули вместе большую семью. Бывало, приду с работы усталая, а сын мне белье стирать не дает: «Мама,*

давай я постираю. Ручищи у меня, смотри, какие огромные!» И правда, так выстирает — добела, до хруста, что женщины дивятся.

В колхозе платили тогда копейки, и мы на август уходили в тайгу. У нас в сельпо принимали ягоды и соленые грузди по 50 копеек за килограмм. Мы с Лёней по 25 килограмм брусники в день из тайги выносили. А груздей нарежем — не донести. Тащим с Лёней на палках-коромыслах по четыре ведра каждый, и младшие дети сколько могут несут. На меня моя тетка, помню, ругалась: «До чего ты жадная на работу — ни себя, ни детей не щадишь. Одни мослы от детишек остались». А мы, правда, выхудаем за сезон, зато детей обуем, оденем. И идут уже в школу нарядные мои труженики-ученики.

Порядок в доме был такой — каждому с утра даю задание: тебе дров наколоть, тебе хлев вычистить, а тебе воды наносить. Лёня был огонь — быстро все сделает. И рвется младшим помочь: «Мама, Лена еще маленькая. Давай я за нее работу сделаю?» — «Сынок, — говорю, — а вырастет Лена ленивой. Кто лентяйку замуж возьмет?» Гулять полагалось, когда дело сделано. А еще я почему-то боялась уличных компаний — мало ли что дети там наслушаются? Сперва наказывала, чтобы играли у себя во дворе. А потом и наказывать не пришлось — дети очень любили друг друга, и своего общества им хватало — все же пятеро.

Однажды соседка попрекнула меня: «Все картошку копают, а твои дети гуляют». — «А чего им не гулять? — говорю. — Вон с утра сколько выкопали! Не отстаем от людей вроде, а пока впереди идем». Тут она как заплачет: «А мой сын лодырь — не хочет копать! Бью его, все руки от-

била, а не любит работать и все». А мои дети в работе были горячие, и свои праздники были у нас.

Я «докопки» картошки всегда устраивала. Денег нет — займу, а накуплю подарков: арбуз, баранки, конфеты. Сын зароет подарки в конце последних борозд, а где что закопано, никто не знает. Тут не работа пойдет, а веселье, и все, как львы, рвутся вперед. А докопаем картошку до подарков, костер разложим, — вот и праздник.

Трудно жили, но дружно. Переезжали мы несколько раз. Я все «райское место» искала, то есть где побольше земли. И вот земли у нас было уже 70 соток, свой хороший дом с усадьбой, а в усадьбе всего: коровы, свиньи, овцы, куры, своя пасека и моторка для рыбной ловли. Я в пекарне тогда работала — хлеб горячий всегда был к столу. Не нарадуюсь, что встали на ноги, а у Лёни грусть порою в глазах. Однажды сказал совсем непонятное: «Вот живем мы, мама, а как не живем. Неживые мы будто и давно умерли». А я не пойму, о чем он? Хорошо ведь живем!

Не понимала я сына, конечно. Уж больно он книги любил читать! До утра, бывало, сидит за книгой, а у меня досада в душе. Сама я, пока не пришла к Богу, одну тоненькую книжку прочла. Названия не помню, про принцессу. А принцесса была такая несчастная, что открыла я книгу и про все позабыла: дети голодные, обед подгорает, а мне дела нет — так принцессу жаль. Не могла оторваться, пока не дочитала. И решила: нельзя мне читать — детей упущу, зарастем грязью. И не читала с тех пор ничего.

А Лёня все с книгой. И все ему мало! Я сержусь: «Что толку от книг? Одно мечтанье!» У меня же свое мечтанье — поросят еще прикупить.

Запомнился случай. Лёне было 16 лет и поехали мы с ним на поминки. Народу съехалось много. Смотрю, старики окружили Лёню и с уважением слушают его. Я удивилась, а старики говорят: «Умный сын у тебя, Нина. Образование бы ему дать». Дома рассказываю мужу: «Иван, говорят, сын у нас умный. Может, зря мы его затуркали с картошкой и поросятами?» А что мы могли тогда ему дать?»

* * *

После восьмилетки Лёня окончил железнодорожное училище, дающее одновременно образование за 9 и 10 класс, и до армии работал машинистом мотовоза. В армии он получил специальность электрика, а отслужив, устроился по этой специальности на траулер Сахалинского морского пароходства ловить рыбу. Отплавал пять лет, побывал в Северной и Южной Америке и в скандинавских странах.

Мать Нина вспоминает: *«В плавание Лёня уходил на полгода, а в отпуск приезжал, как дед Мороз, — большой мешок за плечами и чемодан в руке. Вытряхнет вещи из мешка и скажет: «Вот — разбирайте. Шмотки привез». Все заграничное, модное — нас оденет, и соседям подарки еще привезет. Народу набежит — все расхватают, а Лёне, смотрю, не осталось ничего. Мне обидно. Вот привез он себе из-за границы хорошую кожаную куртку и ходил в ней. Смотрю, уже выпросили куртку у него. «В чем ходить будешь? — говорю сыну. — У тебя даже куртки нет». А он спокойно: «Ну нет и нет».*

Ничего ему для себя было не надо. Большую зарплату, какую получал в плавании за полгода, всю до копейки отдавал мне. Соседи удивлялись: «Он же взрослый человек. Ему и на свои нужды надо».

Но Лёня иного порядка не признавал: «Мама, лучше я у тебя попрошу, если что надо». Он очень старался помочь семье, видя нашу бедность».

«Мама, а почему ты говоришь про бедность? — удивился присутствовавший при разговоре брат о. Трофима Геннадий. — Ведь хорошо уже жили тогда». И Гена пустился в воспоминания, описывая рыбную ловлю с отцом на моторке, а главное — домашние погреба: «Окорока, мед, сало, сметана в кринках. Эх, сейчас бы поесть, как ели тогда!» Мать слушала, опустив голову. Это правда — был у них достаток, да все рухнуло в одночасье.

О покойном Иване Николаевиче Татарникове мать и дети говорят с неизменным уважением. Это был беззаветный труженик, отдавший все свои силы и любовь семье. Мать с отцом прожили вместе долгую счастливую жизнь, чтобы познать в итоге правду пословицы: «Счастье — мать, счастье — мачеха, счастье — бешеный волк». Они добились всего, о чем мечтали, когда Ивана Николаевича назначили завскладом. А на складе среди прочего выдавали дефицит — запчасти для бензопилы. «В тайге ведь у каждого бензопила, и Ивану самогонку чуть не за шиворот лили,— горюет мать Нина.— Он же сроду не пил, даже на собственной свадьбе!»

Беда вспыхнула, как пожар, и приняла такие масштабы, что дети уже заикались от страха, и пришлось им из дома бежать. Словом, был свой дом и достаток, а теперь была нищета и комнатка в 13 квадратных метров в мужском общежитии.

Все, построенное без Бога, однажды рухнет .

Теперь мать Нина это знает. А еще она знает и говорит: «Ивана надо было отмаливать, а я не умела молиться тогда».

Семейное горе оставило свой след в монашеской жизни инока Трофима. Он нес тайный молитвенный подвиг за людей, страдающих винопитием. И в Оптиной пустыни помнят, как к нему прибегали заплаканные женщины и, укрывая платком синяки на лице, шептали: «Помолись, Трофимушка. Опять гоняет!» Он вздыхал: «Ты и сама помолись». А наутро инока видели с покрасневшими от бессонницы глазами.

Есть в Козельске семья, за которую о. Трофим молился особенно много, история этой семьи — это история двух однолюбов, проживших 15 лет в разводе из-за запоев мужа. Верующая жена вместе с о. Трофимом несла подвиг молитвы за мужа, и Господь даровал ему исцеление. Муж крестился, и они обвенчались. Хорошая это семья, православная, а новомученика Трофима здесь почитают как святого.

АЛЕКСЕЙ — ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

«Брат был человеком огромной воли и умел добиваться, чего хотел,— рассказывал Геннадий.— В любом деле он стремился достичь совершенства, а достигнув желанного, вдруг менял направление и брался за новое дело. Он всю жизнь чего-то искал».

Он искал некий высший смысл жизни, и мать вспоминает, что к любому явлению сын подходил со своим излюбленным вопросом: «Хорошо, а какой в этом толк?» В юности инок Трофим захотел повидать мир и повидал его. Но вожделенная заграница оставила в нем удручающее впечатление: та же жизнь без толку, но с бестолковщиной посытней.

«Жизнь у меня была тяжелая»,—сказал инок уже в Оптиной, не рассказывая о себе больше ничего. А Геннадий, ходивший с ним в плавание два года на БМРТ «Кватангри», рассказывал, как нелегко доставались рыбакам большие по тем временам

8 – 7033

деньги. Гена принимал тогда на палубе сети с рыбой, и его израненные плавниками руки являли собой кровоточащую рану. «Гену жалко», — говорил дома о. Трофим. Сам же он в ту пору работал в морозильном цехе, укладывая штабелями упаковки мороженой рыбы. Это была монотонная работа на конвейере и однообразие нарушали только шторма. «Душно!» — сказал о. Трофим однажды. А вскоре нашел себе отдушину, увлекшись фотографией.

У святителя Григория Двоеслова есть мысль, что Господь дал нам две книги откровений — Библию и сотворенный Им Божий мир. И если пестрые портовые лавки оставили Трофима равнодушным, то величие Божиего мира потрясало его. И он с упоением снимал *«море великое и пространное, тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими, тамо корабли преплавают»* (Пс. 103).

При получении заграничного паспорта он сменил имя, сказав дома: «Мама, я теперь Алексей — человек Божий». Вряд ли это было явлением веры — православные люди не меняют имя, данное им при крещении. Но и атеист не скажет о себе, что он — человек Божий.

Рассказывает брат о. Трофима Геннадий: *«Брат брался за любое дело с размахом. «Все, — говорил он, — надо делать на высшем уровне. А иначе какой толк?» Фотоаппаратура у него была суперкласса, а еще он купил кинокамеру и уйму книг. Я просто содрогался порой — сколько же он денег тратит на книги! И покупал он не романы, а книги по различным отраслям знаний. Вот была у нас своя пасека — так ему мало меду наесться, но надо про пчел еще все знать.*

Брат был мастером художественной фотографии, и его снимки публиковались в газетах.

Потом он сошел на берег, работал на железной дороге в Южно-Сахалинске и одновременно внештатным фотокорреспондентом в газете. Несколько редакций приглашали его перейти в штат, но в семье у нас тогда было неладно, и ради семьи он вернулся в Братск.

Здесь он устроился в фотоателье, но разочаровавшись, создал свою фотостудию. Снимать у нас толком никто не умел, а брат хотел, чтобы и в наших краях была своя художественная фотография. Вложил он в это дело немалые деньги. Надо было зарабатывать, а заказы шли однотипные — фотографии на паспорт. Тогда как раз паспорта меняли.

И брат бросил это дело, передав фотоаппаратуру мне. С тех пор вот уже пятнадцать лет я снимаю по субботам свадьбы в ЗАГСе».

— Гена, а смог бы Трофим пятнадцать лет снимать свадьбы?

— Нет, он всю жизнь чего-то искал. Я даже все его профессии назвать затрудняюсь. Уж чего он только не перепробовал и в каких только секциях не занимался: яхты, борьба, каратэ, школа бальных танцев, народных танцев. Между прочим, пластика у брата была такая, что он даже в тридцать лет без растяжки садился на шпагат, и менеджеры уговаривали его перейти на профессиональную сцену. По своим дарованиям он мог бы достичь многого. Характер был сильный, и хватка деловая. А он искал, как голодный: в чем же смысл всего?

Душа искала Бога, еще не ведая о том.

* * *

«Мама, надо детей спасать», — сказал Трофим, вернувшись домой и увидев заикающихся от страха

сестренок. Он перевез семью в Братск в общежитие, взяв на себя отцовский крест кормильца.

Рассказывает мать Нина: *«Жили мы с дочками в мужском общежитии. Я ради комнатки работала там уборщицей, а ведь в мужском общежитии пьют. Лена была еще малышкой, а Наташа была уже красивой девушкой и заглядывались на нее. Прихожу с работы, а Наташка ревет: «Лёня — говорит, — меня отшлепал». Оказывается, нарушив его запрет, она пошла в комнату к мужчинам играть в карты. Там же нетрезвые бывают, а наша девица с ними сидит!*

В общем, Лёня так поставил, что никто из мужчин к нам на порог не входил, и наши девочки мужского общежития на знали. И люди нас уважали за то. Слава Богу, девочки выросли скромными и в целомудрии замуж пошли».

Рассказывает сестра о. Трофима Наталья: *«С одной стороны, брат нас с сестренкой баловал и покупал нам красивые модные вещи. А с другой стороны, у него были свои представления о том, что можно, а что нельзя девушке. Помню, я уже работала, считая себя «самостоятельной» и обижалась на требования брата приходить домой не позже 8—9 часов вечера. Но ослушаться я не смела, зная, что как стемнеет, брат выйдет меня встречать. Он берег нас от нечистоты.*

Брат очень хотел, чтобы у нас были настоящие хорошие семьи, а сам даже девушки не имел. Многим он нравился и легко знакомился. А через несколько дней говорит: «Не надо мне это. Но как объяснить?» По-моему, он так и родился монахом. Внешне брат был веселый и общительный, но очень сдержанный и целомудренный изнутри.

Брат никогда не ходил на дискотеки, хотя танцевал замечательно. В юности мы занимались с ним вместе в школе бальных танцев и брали в паре призы на конкурсах. Однажды менеджер предложил нам с братом заключить контракт для выступления на профессиональной сцене, но мы с Лёней только переглянулись и заключать контракт не пошли. Вспоминаю нашу юность и вижу одну картину — Лёня все время над книгой сидит. У него даже прозвище было в Братске – «букинист».

Рассказывает брат о. Трофима Геннадий: *«Разочаровавшись в фотографии, брат затеял новое дело — шить обувь. Хорошей обуви в Сибири тогда не было, как, впрочем, и плохой. И брат решил шить фирменную обувь. Купил специальную машинку, а уж модной фурнитуры и дратвы припас столько, что у меня до сих пор дома его ящики стоят. Для начала он устроился в обувную мастерскую, и вскоре весь город к нему в очередь стоял. Вкус у брата был хороший, а уж выдумщик он был такой, что принесут ему развалившуюся обувь, какую и в починку нигде не берут, а он новые союзки поставит, аппликации вместо заплат. Фурнитуры модной подбавит. И выходила из старья обувь прочнее и наряднее новой.*

Работать он умел, а коммерсант из него был никакой. Говорю это как человек, которого нужда заставила заняться коммерцией и у которого свой магазин автозапчастей. Брат думал о ином — как людям помочь. И пока другие сапожники копейку гонят и десять пар перечинят, брат, смотрю, одну пару вылизывает. Я уж не говорю о том, что дома он всем соседям чинил обувь бесплатно».

Рассказывает мать Нина: *«Первые сапоги сын сшил мне. Уж до того нарядные вышли сапожки! А такие прочные, что и поныне целые. Правда, я на каблуке уже не ношу. Одной бабушке сшил сапоги, так она за него все Бога молила: «У меня, — говорит, — такой хорошей обуви за всю мою жизнь никогда не было. Спаси, Господи, мастера!»*

Пошла о сыне слава по городу, и люди даже издалека к нему обувь в починку везут. Приходят в мастерскую и просят: «Позовите мастера Татарникова». А к другим мастерам не идут. Стали мастера попрекать сына: «Что ты, как дурачок, с одной парой возишься? Ты сделай побыстрому, чтоб дольше месяца не держалось, а там опять чинить принесут. Так ты нас всех без работы оставишь». А сын так не мог.

Начались конфликты из-за того, что все стремятся попасть к Татарникову. Приходит сын однажды с работы совсем тихий и говорит мне: «Видно, надо мне, мама, уходить из мастерской. Обижаются на меня мои товарищи, и нет мира у нас». Рассудили мы с ним, что мир все же дороже. И сын стал дома шить унты на заказ, а для трудового стажа устроился скотником на ночные дежурства.

Платили тогда скотникам копейки, и на эту работу лишь пропащие шли. Другие скотники выпьют бутылку и спят всю ночь. А Трофиму коровок жалко, и до чего ж он работать любил! Ферма у него блестит, коровки веселые. Стали доярки Трофима нахваливать, а скотников ругать: «Один Татарников за вас всю работу делает. А вам, лодырям, лишь бы пить да спать!» Скотникам теперь житья не стало, и говорят они сыну: «Нашелся дурак за копейки вкалывать? Уходи, пока цел».

Господи, думаю, да что за горе? Руки у сына золотые, и на работе им не нахвалятся. А везде он в итоге «дурак». У нас одни родственники богатые даже говорили: «Таких дураков, как он, у психиатра надо лечить». Это теперь о Трофиме песни поют и стихи складывают. А сколько мой сыночек при жизни вытерпел лишь за то, что работать любил».

Вместо комментария к этой истории расскажем притчу ярославского мастера Егорова, изготовляющего старинные изразцы для церквей. Церковные изразцы всегда делали с румпой-насадкой с обратной стороны, и такие изразцы держались веками. Но начальство Егорова решило, что возиться с румпой невыгодно, а прибыльней поставить на поток современные плоские изразцы. Мастер Егоров обычно настолько молчалив, что многие считают его немым. Но тут он рассказал притчу: «Обиделась Совесть, что ей тяжелее всех жить на белом свете, и дала себе потачку на копейку. Раз на копейку, два на копейку. Идет однажды Совесть по улице и слышит кричат: «Эй, бессовестная!» Обернулась Совесть, а это ей кричат».

У архиепископа-новомученика Феодора (Поздеевского) есть объяснение, почему в мире царствует культ развлечений: «Значит, произошел в греховной жизни человека разрыв идеи труда, который законен и обязателен для человека («делати рай»), с идеей удовольствия от труда. Греховный человек трудится неладно, а потому ищет развлечения, как отдыха от труда». Вот примета нашего века — гигантские свалки еще новых, но уже негодных вещей, а рядом суперлндустрия развлечений.

Как же трудно иным прийти к Богу из-за выжженной,оскверненной совести! И как искала Его

чистая душа Трофима, уже зная, что за все, что сделано не посовести, надо будет держать ответ.

* * *

И все-таки ему предстояло еще перемучиться в миру, изживая в себе его иллюзии. Вот одна из таких иллюзий: мир духовно болен — душа это чувствует, а люди все настойчивей ищут целебные снадобья и «здоровую» пищу, надеясь через плоть исцелить изнемогающий дух. Трофим увлекся, было, таким «оздоровлением» и даже бросил есть мясо. Но как-то из интереса он раскрыл книгу «целителя» и, обнаружив, что это магия, тут же с отвращением захлопнул ее. «И все же наелся, как жаба, грязи», — рассказывал он потом в Оптиной.

Не миновала его и та модная ныне религия чрева, когда голоданием «очищаются» от страстей. Мать вспоминает, что в комнате у сына висел график, по которому он голодал дважды в месяц по десять дней подряд, надеясь бросить курить. «Курил он чуть ли не от первого класса, — рассказывала мать, — но даже взрослым при родителях курить стыдился. Помню, уже после армии он возил зерно на ток, а я увидела его с сигаретой. Подошла сзади и говорю: «Татарников, оставь докурить». Он вмиг спрятал сигаретку. А сам так покраснел, что мне неловко стало. Чего уж, думаю, взрослого человека в краску вгонять? «Ладно, кури уж», — говорю ему дома. А он: «Брошу». И он «бросал», голодая по двадцать дней в месяц». Жесточайший эксперимент дал один результат: кожу на лице обтянуло так, что проступал череп, а бросить курить он не смог. Так попустил Господь для смирения человеку с «железной» волей, и уже в Оптиной он говорил: «Надо было поститься, а я голодал».

А курить Трофим бросил так. Уверовав в Бога, он являл такое усердие к церкви, что его пригласили

прислуживать в алтарь. Но учуяв запах табака, священник сказал, что надо выбрать: Бог или табак. И тогда по молитве и силою Божией была разом отсечена многолетняя страсть.

Инок Трофим называл сигареты «трубою сатанинскую». А быв искушенным, смог и искушаемым помочь. Один послушник рассказывал, что, приехав в Оптину паломником, он убегал в лес покурить. Он молился на могиле инока Трофима об избавлении от страсти, и тот явился ему во сне, сказав грозно: «Ты что мою могилу пеплом посыпаешь?» И послушник пережил такой страх, что тягу к курению как рукой сняло.

Известен и другой случай — на могилу к иноку Трофиму приезжал его земляк, рассказав о себе, что раньше он сильно пил и курил. После убийства Трофим явился к нему во сне и сказал: «Я молюсь за тебя, а ты меня водкой поливаешь и пеплом посыпаешь». К сожалению, фамилию этого земляка не догадались записать, но человек специально приезжал из Сибири, чтобы поблагодарить за исцеление.

Рассказывает мать Нина: *«Ох, и поездили мы на Трофиме, а он безропотно тащил тяжкий воз. Помню, увезли в роддом жену брата Сани, а бедность была такая, что пеленки не на что купить. И вдруг приходит от Трофима огромная посылка с полным приданым для девочки. Все розовое, нарядное. Мы радуемся, но и дивимся, а как он угадал, что девочка родится?*

Покупал он все с размахом. Белье обветшало — тащит тюк простыней. Квартиру получили — купил тюк темно-розового шелка на шторы. Богатые шторы, нарядные. «Дорогие, поди?» — спрашиваю сына. «Не знаю. Красивые, вот и купил».

Вся молодость Трофима ушла на то, что он называл без прикрас: «жратва и шмотки». Но он самоотверженно нес этот крест, надеясь, что встанет семья на ноги, а там уже останется одна забота — душа. Между тем, уже отыграли свадьбы младшим и получили квартиру. Но для новой квартиры нужна была новая мебель, а еще вон как дорожает колбаса! И любимый вопрос Трофима: «Какой в этом толк?» — имел уже точный ответ: беличье колесо материальных забот будет неостановимо вращаться, пока его не остановит стук молотка по гробу.

Это настроение Трофима хорошо передает его последнее письмо родным из Оптиной пустыни. Речь в письме вот о чем — однажды к иноку приехали братья Геннадий и Александр с племянниками. Гена был крещен в детстве, а Саню с племянниками окрестили в Оптиной. «Так нам понравилось в монастыре,— рассказывал Геннадий,— что, уезжая, обещали: все — теперь будем ходить в церковь. Пообещали да закружились в делах — некогда!» Инок Трофим знал об этих ловушках мира, а потому взывал к родным в письме.

Последнее письмо инока Трофима: *«Добрый день, братья мои, сестры и родители по жизни во плоти. Дай Бог когда-нибудь стать и по духу — следуя за Господом нашим Иисусом Христом. То есть ходить в храм Божий и выполнять заповеди Христа, Бога нашего.*

Я еще пока инок Трофим, до священства еще далеко. Я хотел бы, чтобы вы мне помогали, но только молитвами, если вы их когда-нибудь читаете. Это выше всего — жить духовной жизнью. А деньги и все подобное (жратва и шмотки) — семена диавола, плотское дерьмо, на котором мы все свихнулись. Да хранит вас Господь от всего

этого. Почаще включайте тормоза около церкви, исповедуйте свои грехи. Это в жизни главное. Саша с пацанами ходили ли в церковь после крещения для причастия? Если нет, пусть поспешат. Дорог каждый день. Мир идет в погибель. Ради церкви можно ездить и в Тулун. Помоги вам Господи понять это и выполнять. Я вас стараюсь как можно чаще поминать. Можете сообщить мне имена всех умерших прародителей отца и матери. Как они там живут?

Я не пишу никому лишь только потому, что учусь быть монахом. А если ездить в отпуск и если будут приезжать родные, то ничего не выйдет. Это уже проверено на чужом опыте. Многие говорят — какая разница?! А потом, получив постриг, бросают монастырь и уходят в мир. А это погибель. МОНАХ должен жить только в монастыре и в тайне. Стараться быть ОДИН. МОНОС — ОДИН. То есть монастырь — это житие в одиночку и молитва за всех. Это очень непросто.

Поздравляю вас, родители, братья и сестры, с вашими женами и мужьями, всех, кто меня знает, с праздником РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. Всем вам духовной радости, благ и здравия о Господе нашем Иисусе Христе.

Спасибо за деньги, кофе и фото. Посылку еще не получил. Почему молчит Саша или в какой обиде? И Лена и Наташа? Вы меня правильно поймите, я не потерял — НАШЕЛ. Я нашел духовную жизнь. Это моя жизнь. Это очень не просто.

Молитесь друг за друга. Прощайте друг другу. А все остальное суета, без которой можно прожить. Только это нужно понять.

Дай Бог вам разобраться и сделать выбор. Простите меня, родители, братья и сестры. С любовью о Господе, недостойный инок Трофим. Декабрь 28 дня 1992 года».

Призывы инока ходить в церковь не были тогда услышаны. Шел неудержимый рост цен, и позицию инока Трофима в отношении «жратвы и шмоток» хозяйственные сибиряки оценили как нежизненную. То же самое было перед уходом в монастырь. И встрече о. Трофима с Богом предшествовал тяжелый духовный кризис.

Рассказывает мать Нина: *«Раньше бабушка Зося говорила: «Лёня у тя вяселый какой!» А теперь мой сын был невесел. Сидит, как больной, и смотрит часами в одну точку. Не пойму — зарабатывает, а вечно без денег. Пока зарплату домой несет, все в долг пораздаст — да таким, кто отдавать не привык.*

Помню, он был на заработках в Забайкалье, а я полетела его навестить. Привезла гостинцев, а комендант общежития мне говорит: «Вот вы подарки привезли сыну, а у него же все украдут. К нему днем и ночью в окно лезут». Лёня жил на первом этаже и был тогда на работе. Дожидаюсь я сына и вижу: какой-то уголовник влез в окно в его комнату, съел, что было в тумбочке, и шарит по карманам. Тут Лёня с работы идет. Сейчас, думаю, вместе поймаем вора. А Лёня лишь потупился и говорит: «Значит, ему нужнее». Да его же восемь раз обворовывали, причем порой у него на глазах!

Переживала я сильно за сына. Думаю-думаю и не знаю, что делать. И надумала раз припугнуть. Приехал он с заработков с пустым карманом, а я говорю: «Почему не работаешь?» «Я работаю».

«Кто работает, тот зарабатывает. Вот заявлю в милицию — пусть проверят: а работаешь ли ты, если без копейки живешь?» Ну, пугала так. А сын говорит: «Не ходи никуда, мама. Я хочу уехать и жить один». Он и раньше часто уезжал из дома, все отыскивая себе место на земле, но ведь всегда возвращался. А тут как уехал из дома в 1987 году, так больше я его живым на земле не видела».

По словам Гены, брат уехал тогда на Алтай, вычитав в газете, что в Алтайском крае есть райская долина, где растут дивные яблони и разводят племенных лошадей. Тридцать три года своей жизни он искал рай на земле и, лишь обретя Бога, написал в письме крупными буквами: «НАШЕЛ!»

Как свершилось обращение Трофима, неизвестно. Но сразу после обращения он живет лишь Церковью и для Церкви – работает на восстановлении храма в селе Шубенка, прислуживает в алтаре, читает и поет на клиросе в церкви города Бийска.

А дома мать волновалась — сын уехал и пропал. И вдруг позвонил из Бийска мамин брат: «Представляете, иду мимо церкви, а наш Лёня в рясе стоит. Он теперь поп!» Речь шла, очевидно, о стихаре алтарника. Но семья была еще далекой от Церкви, в стихарях не разбиралась, а потому в ошеломлении обсуждали новость: хорошо это или плохо, что Лёня «поп»? Поразмыслив, решили, что священники — хорошие люди. А что в газетах их ругают, так кто же верит брехне.

Шло время. И когда Гена с Сашей выбрались, наконец, в Бийск, проведать брата, то бабушки в церкви им сказали, что он уехал отсюда неизвестно куда.

Рассказывает брат о. Трофима Геннадий: *«Мы продолжали искать брата. Еду я однажды в Братске мимо храма и думаю: наверное, все священники*

связаны между собой. Зашел в церковь и говорю: «Батюшка, у нас брат пропал, и мы ищем его». А отец Андрей отвечает: «Да-да, я знаю. Тут для вас посылка от брата. Он теперь инок Трофим». У меня тут волосы дыбом на голове встали...»

Так состоялась встреча Геннадия с будущим духовником их семьи о. Андреем, настоятелем храма в честь преподобного Андрея Рублева. Инок Трофим присылал сюда посылки с церковной утварью и литературой. А о. Андрей ездил в Оптину и с иноком Трофимом у них завязалась духовная связь.

Рассказывает мать Нина: *«Сразу после убийства сына о. Андрей устроил при храме музей новомученика Трофима. Собрали его вещи, фотографии и пригласили нас на вечер памяти. Хотели, чтобы я выступила, а у меня ком в горле. Только чай прихлебываю, чтобы слезы внутрь заглотить. А о. Андрей так хорошо о Трофиме рассказывал...*

От многих я слышу теперь о нем. Вот есть у нас в Братске учительница музыкальной школы Муза Юрьевна. Ездила она в Москву и рассказала: «Сижу на вокзале, а рядом женщина другой говорит, что ездила она в Оптину пустынь и исцелилась на могилке новомученика Трофима. «Да он же, — говорю я им, — наш, из Братска . Вот ведь встреча!».

«РАДУЙСЯ!»

В монастырь о. Трофим пришел в 36 лет, а всего прожил на земле 39 лет, 2 месяца и 14 дней. О возрасте инока оптинцы узнали лишь после его смерти и удивились: не может быть! Он был по-юношески стремителен и всегда сиял такой радостью, какая свойственна лишь очень молодым или очень счастливым людям. Один человек даже сказал о нем:

— Ну, какой он монах?

— Нет, монах, — стала доказывать ему девочка Наташа Попова. — Вон афонские монахи какие веселые. И о. Трофим просто веселый монах.

Новоначальные в ту пору старались быть крайне серьезными, и поводы для недоумения веселый монах им давал порою. Вот, например, такой случай. Четырехлетняя девочка Александра, выросшая при Оптиной, однажды стояла в слезах у храма: мама на работе, детей в монастыре нет, и она плакала от одиночества.

— Чего киснешь? — спросил ее Трофим.

— Есть хочу.

— А, у меня варенье есть.

Варенье девочка съела да и забыла о нем, но надолго запомнила, рассказывая с восторгом, как дядя Трофим с ней в прятки играл.

Иным казалось, что жизнерадостность Трофима проистекает из его легкого характера: мол, здоровье железное, силы избыток — вот и доволен всем человек. И лишь позже узнали, как же перемучился Трофим, пока не нашел Бога. Он был уже усталым путником, изнемогшим в поисках смысла жизни, когда ему открылся Господь. И отныне его жизнь была таким ликованием о Господе, что уже в Оптиной он говорил: «Да как же я раньше не знал о Господе? Я бы сразу ушел в монастырь».

«Всех нас Господь осыпает несчетными дарами, — сказал на проповеди в Оптиной один иеромонах. — Но не подобны ли мы тем десяти евангельским прокаженным, из которых лишь один благодарил Господа за исцеление?» Жизнь инока Трофима была радостным благодарением Господу за Его великие дары: православную веру, монашество и особый дар — Оптину пустынь. «Вот иные стремятся на

Афон, в Дивеево или в Киево-Печерскую Лавру, а для меня здесь и Лавра, и Дивеево, и Афон», — говорил инок Трофим об Оптиной пустыни.

Вспоминает иеромонах Максим, в ту пору инок: *«На Пасху 1993 года в храме было шумно от многолюдства, и я, не выдержав, ушел в алтарь. Инок Трофим пономарил в алтаре и, увидев меня, спросил:*

— А ты почему здесь?

— Молитва не идет, — пожаловался я.

— Радуйся! Тогда и молитва пойдет».

Подсчитано, что слово «Радуйся!» употребляется в Новом Завете 365 раз — как раз по числу дней в году. И каждый день своей жизни инок Трофим нес в себе это «Радуйся!»

Господь дал о. Трофиму всего 2 года 9 месяцев монастырской жизни. Вот этапы ее. Он приехал в Оптину пустынь в августе 1990 года. Осенью того же года, на Казанскую, ему разрешили носить подрясник, а официально приняли в братию Великим постом 27 февраля 1991 года — в неделю Торжества Православия, на день праздника равноапостольного Кирилла, учителя словенского. Постриг в иночество свершился 25 сентября 1991 года на отдание праздника Рождества Пресвятой Богородицы с наречением имени в честь апостола Трофима.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил в свое время книгоношам, что издание и распространение православной литературы — это апостольское служение. И Господь не случайно дал о. Трофиму апостольское имя. Друзья часто жертвовали ему деньги. «Я сперва отказывался, — говорил инок, — а потом понял: Господь дает». На эти деньги он покупал православные книги и рассылал их по Сибири, а в эту пору там было не купить ни Библии, ни Евангелия.

Основными послушаниями инока Трофима были: старший звонарь, пономарь и тракторист. Но прежде расскажем о послушаниях не главных и связанных с особой любовью инока к книгам и драгоценному наследию святых Отцов.

«ОН БЫЛ МНЕ БРАТОМ»

В «Древнем патерике», вобравшем в себя сказания о подвижниках первых веков, есть такие слова: «Пророки написали книги, и пришли отцы наши и упражнялись в них, и изучили их наизусть; затем пришел род сей, и положил их праздными на окна».

К сожалению, мы порою даже не осознаем, как доступны ныне книги святых Отцов и, не в пример прошлым векам, дешевы. Век назад, чтобы купить «Добротолюбие», надо было продать корову. А именитым невестам давали в приданое полные Четьи-Минеи, и такое приданое считалось богатым.

Для инока Трофима православная, а особенно старинная книга была величайшей драгоценностью, а свою келейную библиотеку он собирал из книг преимущественно на церковно-славянском языке. Многие творения святых Отцов были тогда еще недоступны, но в монастырь часто жертвовали ветхие дореволюционные книги. И тогда любитель книг проявил смекалку — освоил профессию переплетчика, получив послушание в переплетной мастерской. Отданные в переплет книги он уносил на ночь к себе в келью. Утром ходил с покрасневшими глазами, но сиял. А еще ради свободного доступа к книгам он благословился помогать в монастырской библиотеке.

Рассказывает петербургская журналистка, а ныне послушница Зоя Афанасьева: *«Я приехала в Оптину пустынь поработать в архивах, не подозревая, что отныне останусь здесь. Я тогда только что пришла к Богу и так боялась батюшек, что на исповеди у меня буквально каменело лицо. Я не могла никому открыться и терзалась в одиночестве многими сомнениями. И тут Господь послал мне инока Трофима, которому я могла сказать все.*

Познакомились мы так. Я работала тогда на послушании в библиотеке монастыря, а инок Трофим помогал нам. Помню, увидел меня в первый раз и говорит: «О, новая матушка! Сразу видно — санкт-петербургская дама». А на мне тогда была телогрейка и огромные кирзовые сапоги, которые мне благословили в монастыре.

У меня два высших образования, но вскоре я обнаружила, что не знаю и не понимаю многого, что уже прочел и усвоил инок Трофим. Монахи — народ просвещенный, и наша отечественная литература не случайно вышла из монастырей.

Вспоминаю, с каким благоговением о. Трофим брал в руки старинные церковные книги — у него даже менялось лицо. А однажды он бережно положил передо мною старинное рукописное Евангелие и сказал, что уже в самом начертании букв дышит дух монахов-переписчиков прежних веков. Он старался уловить этот дух и переписывал Евангелие от руки, срисовывая титлы. А еще он сказал, что у души особая связь с церковно-славянским языком.

В ту пору в монастыре долго жила и работала паломница Ирина. «Когда о. Трофим станет иеромонахом,— сказала она,— он будет моим духовным отцом, потому что я могу ему сказать все и получить ответы на все мои вопросы».

Он, действительно, многое знал. И однажды я поймала себя на мысли, что стала готовиться к встречам с о. Трофимом, чтобы рассказать ему все мои сомнения. Открыться было непросто — я начинала говорить «по-умному» и витиевато. А о. Трофим, бывало, выслушает и скажет: «Ладно, теперь давай по-простому».— «Не могу по-простому».— «Вот в том-то и беда, что не можешь». Он был горяч и мог сказать: «Ну и дура ты, мать,— таких простых вещей не понимаешь?» А следом воскликнуть: «Да ты же умничка! Ты все поняла!» С ним было легко, как с родным человеком. «Для меня все сестры, как братья,— сказал он однажды,— а ты и подавно свой брат». Это правда — он был мне братом. И я потом вдоволь наплакалась на его могилке, потеряв такого родного человека».

Рассказывает москвичка Евгения Протокина: *«Для меня Трофим был палочкой-выручалочкой. Уж каких только обидных слов я не наслушалась от моей неверующей родни! И если на дачу возле Оптиной мои друзья и родные приезжали охотно, то в монастырь их было не затянуть. «Ты просто ненормальная»,— говорили они. И таких вот «тугих» людей я под разными предлогами знакомила с о. Трофимом. Они так полюбили Трофима, что в монастырь не просто идут, а бегут. Через эту любовь и началась для моих ближних дорога к Богу.*

Помню случай. Подвез нас до Оптиной один шофер и рассказал по дороге о своей беде. «Раз уж вы довезли нас до Оптиной,— говорю шоферу,— может, зайдете в монастырь? У меня здесь есть друг — инок Трофим. Он человек с большим жизненным опытом. Может, подскажет что вам».

После разговора с Трофимом шофер был в таком потрясении, что лишь повторял: «Да-а, вот это батюшка! Какой батюшка!»

Говорил Трофим кратко и образно. Один мой знакомый страдал унынием, а Трофим сказал ему: «Читай Псалтирь. Вот бывает небо в тучах, и на душе хмуро. А начнешь читать — вдруг солнышко проглянет, и такая радость в душе. Сам испытал, поверь».

* * *

«Я весь в Боге и живу только Им»,— признался однажды инок Трофим. И когда стали собирать воспоминания о веселом, общительном иноке, то обнаружилось — житейских разговоров он ни с кем не вел, и мысль его всегда восходила к Богу. Но вот что запомнилось о нем.

Рассказывает паломник-трудник Сергей Сотниченко из Мариуполя: *«Как-то я хотел выйти из храма, когда гасили свечи перед Шестопсалмием. Трофим стоял тогда за свечным ящиком и остановил меня: «Не уходи сейчас. Лучше раньше уйти или позже, а на Шестопсалмии выходить нельзя, Шестопсалмие — это Страшный Суд».*

Еще помню, как один человек вернулся из тюрьмы и рассказывал Трофиму о тамошних нравах. «Тюрьма,— сказал Трофим,— это монастырь диавола. Все, как у нас, только наоборот; у нас учат смирению, а там — гордости».

В ту пору мы с Трофимом чинили часы для братии и паломников, а запчастей не хватало. А я увидел у Трофима часы и говорю в шутку: «О, мне как раз такие на запчасти нужны! Отдай их мне». Проходит день или два, и он приносит мне свои часы и говорит: «Я подумал и решил, а зачем мне они? В храме есть часы. Куда больше?»

Рассказывает Татьяна Щекотова из Петербурга: *«С Трофимом мы дружили, но обращался он со мной строго. Однажды я бухнулась на колени, увидев, что иеромонах в алтаре коленопреклоненно читает молитвы. Мирянам в это время земные поклоны делать не положено. И Трофим поднял меня с колен, сказав: «Ничего не делай неосознанно».*

В ту пору я коротко стриглась, ходила с непокрытой головой, а в храме набрасывала на голову капюшон. А Трофим подарил мне на праздник книги и нарядный белый платок с цветами. С тех пор и стала ходить в платочке. А после убийства иеромонах Павел сказал мне: «Смотри, не занашивай платок. Трофим его на мощах освящал».

Автомеханик Николай Изотов, работавший тогда в Оптиной, рассказал: *«Трофим был мой лучший друг. Рассказывать о нем можно часами, но приведу лишь один случай. Пришел я раз на работу злой — с женой поругались. Весна, у всех огороды распаханы, а я до восьми работал тогда в монастыре. Ну, когда мне тракториста искать?*

Трофим увидел меня и спрашивает: «Что невеселый?» Так и так, говорю, — жена на развод грозится подать. А Трофим успокаивает меня и говорит: «Мы сейчас возьмем благословение у отца эконома, и в обед мигом распашем твой огород».

В обеденный перерыв он, действительно, быстро распахал мой огород на мини-тракторе. Жена довольна, а я тем более. Едем в монастырь, а Трофим спрашивает:

— Ты утреннее-то правило читаешь?

— Когда? — говорю. — Некогда! С утра бегом на работу бегу.

— Ну, пятнадцать минут тебя не утянут!

С тех пор неопустительно исполняю утреннее правило.

Из воспоминаний бывшего оптинского паломника-трудника, ныне настоятеля пустыни Спаса Нерукотворного в д. Клыково игумена Михаила (Семенова): *«Отец Трофим был для меня первым «живым монахом», которого я увидел так близко, и я смотрел на него во все глаза. Я работал тогда по послушанию шофером, и нас с Трофимом послали в командировку в Липецк. Была зима, гололед. Мы везли железо, и машину с тяжелым грузом вело порой юзом. В этой поездке я дважды попал в аварию. Помню, съезжаем с горы, жму на все тормоза, а машина идет юзом и летит уже, вижу, в кювет. Все, думаю, смерть. И слышу, как крикнул Трофим: «Господи, помилуй!» А только он вскрикнул, машина встала, как вкопанная. Вылез я из кабины и стою в шоке; смотрю, машина, зависла над обрывом и лишь одним колесом на шоссе стоит. Как не опрокинулись — непонятно. Я растерялся, а Трофим быстро разгрузил железо, чтобы машина не кренилась, и побежал в деревню за трактором.*

Вытащили нас. Приезжаем в деревню, а там бабуля, по просьбе Трофима, уже чай вскипятила и принимает нас, как родных. Отогреваемся в тепле, а я дивлюсь на Трофима — как легко и хорошо у него все получается. Бабуле, а она бедно жила, припасы наши оставил, а она нам все: «Сынки, сынки!» И приглашает еще приезжать.

Понравился мне Трофим, а все же точит сомнение: да, но что же, думаю, в нем монашеского? Я ведь тогда монахов по книгам представлял этакими суровыми исихастами, не выпускающими четок из рук. А у Трофима я даже четок сперва не увидел. Думал, он просто сидит в кабине и молчит. И лишь позже обнаружил, что он всю дорогу молился, перебирая скрытно четки в рукаве.

Это тайное, не показное монашество инока Трофима я открыл для себя не сразу. А пока расскажу про вторую аварию. В городе нас снова потащило по гололеду, и я стукнул машину частника. Вмятина была небольшая, но денег заплатить за ремонт у нас не было. И частник сказал, что вызовет ГАИ, и меня лишат водительских прав. Мы везли тогда с собой на продажу коробки серебряных крестов. Трофим дал частнику сколько-то серебряных крестов. Тот, обрадовавшись, простил нас, а я расстроился: «Лучше бы, — говорю Трофиму, — у меня права отобрали, чем монастырское добро раздавать». А он отвечает: «Брат, мы едем по послушанию, а лишат тебя прав — застрянем здесь. Послушание превыше всего». И еще меня удивило — моих аварий Трофим «не заметил». Он вообще никого не осуждал.

Привязался я после этой поездки к Трофиму и повадился ходить к нему чай пить. Но однажды Трофим это пресек: «Монах должен молиться, а не по кельям ходить. Раз пришел — значит, по делу». Провожая меня на восстановление храма в деревню Клыково, он сказал: «Не слишком увлекайся хозяйственной деятельностью. Наше дело — Богу молиться, а Господь по молитве все дает».

Рассказывает рясофорная послушница Н-го монастыря: *«В 12 лет я стала наркоманкой и два года скиталась с компанией хиппи по подвалам и чердакам. Это был ад. Я погибала. И когда в 14 лет я приехала в Оптину, то сидела уже «на игле». Как же я полюбила Оптину и хотела жить чистой, иной жизнью! Но жить без наркотиков я уже не могла. Мне требовалось срочно достать «дозу», и я уже садилась в автобус, уезжая из Оптиной, как дорогу мне преградил незнако-*

мый инок. «Тебе отсюда нельзя уезжать» — сказал он и вывел меня из автобуса. Это был инок Трофим.

Потом я два года жила в Оптиной, и каждые две недели пыталась отсюда бежать. А Трофим опять перехватывал меня у автобуса, убеждал, уговаривал, а я дерзила ему. Я уже знала: уехав из Оптиной, я не расстанусь с наркотиками, и впереди лишь скорая страшная смерть. Но вот непонятное, наверное, многим — наркоман не может жить в монастыре. В него вселяется бес и гонит из монастыря на погибель. Наркоман становится игралищем демонов и уже не владеет собой.

Я пыталась держаться, но стоило появиться кому-то из «наших», как!.. Мой батюшка был от меня в отчаянии: «Сколько можно? Опять?» Это были такие адские муки, что я решила покончить с собой. Достала смертельную дозу наркотиков и, спрятавшись в развалинах Казанского храма, приготовила шприц, чтобы сделать укол. От смерти меня отделяли секунды, как в храм вдруг вошел инок Трофим. Я сразу спряталась, решив переждать, пока он уйдет. А он почему-то не уходил — молился, читал и искал что-то. И так продолжалось уже три часа! Когда он нашел меня, то сразу все понял, а я, сорвавшись, кричала ему: «Я устала жить! Устала терпеть! Зачем ты торчишь тут уже три часа?!» Трофим устроил меня тогда в больницу и выхаживал, как старший брат. До сих пор в ушах звучит его голос: «Терпи. Потерпи еще немножко. Ради Господа нашего еще потерпи».

Исцеление шло долго и трудно, но оно все-таки произошло. Ему предшествовал один случай. Я уже

долго жила, забыв о наркотиках, и радовалась — с прошлым покончено. Вдруг поздно вечером мне передали, что в лесу у озера остановились «наши» и приглашают меня «на кайф». И тут прежнее вспыхнуло с такой силой, что я, обезумев, побежала в лес. Вот загадка, для меня непонятная, — почему-то всегда в таких случаях дорогу мне преграждал Трофим. Он перехватил меня на дороге: «Куда бежишь ночью?» — «Наши приехали, и я хочу их навестить». — «Что — опять бесочки прихлопнули? Я пойду с тобой». Чтобы отделаться от Трофима, я так грубо оскорбила его, что он, потупившись, молча ушел.

Бегу я к озеру по знакомой дорожке, и вдруг гроза, гром, молнии, темень. И я заблудилась в лесу. Ямы, коряги, я куда-то падаю и об одном уже в страхе молю: «Господи, прости и выведи к Оптиной!» А тьма такая — и гром грохочет, что и не знаю, где монастырь.

Вернулась я в Оптину уже поздно ночью. Ворота были заперты. Но меня обжигала такая вина перед Трофимом, что я умолила меня пропустить. Смотрю, в храме свет, а там инок Трофим молится. Улыбнулся он мне усталой улыбкой: «Слава Богу, вернулась». А я лишь прошу: «Трофим, прости меня Христа ради! Я больше не буду! Прости!!»

Когда мне исполнилось 16 лет, вопроса о выборе пути для меня уж не было. Я хотела быть такой же, как инок Трофим, и ушла тогда в монастырь.

В Страстную Пятницу 1993 года наша матушка игуменья поехала в Оптину и взяла меня с собой. Инок Трофим обрадовался моему приезду и подарил мне икону «Воскресение Христово» и сплетенные им шерстяные четки. Но уезжала я из Оптиной в

тревоге: что с Трофимом — глаза больные и вид изможденный? Мне кажется, он что-то предчувствовал и подвизался уже на пределе сил. А позже мне рассказали, что где-то за час до убийства он подошел к одной насельнице нашего монастыря и попросил передать мне поклон. «А чего передавать? — сказала та. — Да она еще сто раз сюда приедет, вот сам и передашь». Инок Трофим молча постоял рядом с ней и ушел.

Когда на Пасху мы узнали об убийстве в Оптиной, весь монастырь плакал. А у меня было чувство — победа: попраны демонские полки, и Трофим победил! Слезы пришли потом, а сперва было чувство торжества: ад, где твоя победа? Господи, слава Тебе!»

«СЕСТРЕНОЧКИ»

Инок Трофим пришел в Оптину в год открытия Шамординской Казанской Амвросиевской пустыни. Когда 27 мая 1990 года состоялось освящение первого храма обители в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», то на этом великом торжестве старались не замечать выбитых и прикрытых фанерой окон храма и хулиганских надписей на стенах. Шамордино начиналось с малой горстки сестер, живущих в мирском плену: к храму примыкали сараи с поросятами, а из открытых окон бывших монастырских келий неслись магнитофонные вопли и телевизионная реклама «Сникерсов» и «МММ».

Восстанавливать Шамордино начинала Оптина пустынь, сама еще восстающая из руин. Но если мужской монастырь вскоре стал силой, с которой приходилось считаться, то беззащитность жен-

ского монашества развязала тогда многим языки. Местная печать писала, что призвание женщины быть женой и матерью, а не вести «противоестественный образ жизни». Местные парни говорили то же самое, но уже в непечатных выражениях.

«Да что вы в Шамордино не идете? Там благодати больше»,— говорил инок Трофим паломницам, желавшим посвятить себя монашеству, но оседавшим почему-то в мужском монастыре. «Там,— отвечали ему,— местные сестер оскорбляют, а работа такая, что инвалидом станешь и все». Это правда. Женская обитель нищенствовала, позволяя себе нанять рабочих лишь на то, чтобы, скажем, покрыть крышу храма. А всю тяжелую «черную» работу сестры делали сами. Со стороны порой бывало страшно смотреть, как худенькие юные сестры ворочают ломом огромные камни, расчищая развалины монастыря. Слабой девушке такой валун с места не сдвинуть. Даже сильному мужчине не сдвинуть. «С ними Ангелы работают»,— сказал в изумлении один паломник. И Шамордино являло собою не плоть, а дух, восставая из праха не усердием слабых женских рук, но немолчной молитвой ко Творцу. И Господь дал знамение в подтверждение благодатного покрова над обителью: когда на храме в честь Казанской иконы Божией Матери установили крест, то над ним встал в небе столп света.

Шамордино было болью и любовью инока Трофима. Его потрясал подвиг женского монашества, и он говорил: «Сестры немощные, а как подвизаются! Куда нам до них?» Он работал по послушанию на шамординских полях, а главное «болел» за Шамордино всей душою, расспрашивая приезжавших оттуда: «Как там сестреночки?»

Из воспоминаний инокини Х.: *«Это было в августе 1990 года. Я только что поступила в монастырь. Во время утренней службы в храм вошел молодой человек, обративший на себя внимание тем неподдельным интересом, с каким он осматривал церковь и иконы, будто впитывая все в себя. Я сразу почувствовала в нем что-то родное и близкое. Такая же стремящаяся к Богу душа.*

Так и оказалось. После службы он по-братски поприветствовал меня и спросил: «Остаешься в монастыре?» — «Да». Он просиял: «Молодец сестра, что пошла в монастырь! Я тоже еду в Оптину пустынь в братию поступать». И представился — Алексей. Это он, когда в Оптину ехал, то заехал сперва к нам.

Потом он стал часто бывать в Шамордино, потому что работал возле нас на полях. Придет на службу и обязательно принесет нам в подарок то книжки, то просфоры.

Первое время он в мирском приходил, и лишь скуфейка была монашеская. А раз стоим на клиросе и видим — Алексей пришел в подряснике. Взялся он за полы подрясника и стал радостно раскланиваться нам, показывая, что его уже одели. А в Оптину приедешь, он подбежит и спросит: «Как вы там?» Один раз я его даже одернула за такое поведение: «Алексей, ну, нельзя же так. Ты же монах». Он потупился, как провинившийся школьник: «Прости, прости меня!» А однажды спрашивает меня: «Ты сколько Иисусовых молитв в день читаешь?» А я ему с умным видом: «Не количество важно, а качество». Он ничуть не обиделся, но признался, что читает в день столько-то молитв. Огромную цифру назвал.

Раньше было все проще. Нас, сестер, в монастыре было очень мало, часто приходилось ездить в Оптину. И ехали сюда, как к себе домой, зная, что есть родной человек — всегда поможет, подскажет. Помню, о. Трофим стоял тогда за свечным ящиком и всегда старался дать что-нибудь сестрам в утешение. Свернет большой кулек и просфоры туда с горкой положит, а еще молитовки печатные даст. Он очень жалел сестер и помогал нам, особенно когда копали картошку».

Вот рассказы шамординских сестер об уборке картошки в 1992 году. Осень выдалась на редкость дождливой. Картофелеуборочные комбайны вязли в грязи, и от них пришлось отказаться. Но если мужской монастырь все же справлялся с уборкой, то на шамординских сестер, работающих на соседнем поле, было жалко смотреть. Почти постоянно моросил мелкий дождь со снегом, сапоги и телогрейки за ночь не просыхали. И сестры ходили в поле простуженными, боясь, что картошка уйдет под снег.

Над шамординским полем стоял немой молитвенный вопль о помощи. И тут помогать им приехал на тракторе инок Трофим. Прокопав несколько рядков, он выскакивал из кабины, хватал в каждую руку сразу по два ведра картошки, собранной сестрами, бежал с ней к машине, высыпал. И опять копал, бежал и сиял, подбадривая уставших. А еще он катал на тракторе послушницу Юлию, а послушнице было тогда десять лет.

Сколько же веселых «неправильных» действий совершал при жизни инок Трофим! И смысл их открывается лишь ныне. Ведь суть не в том, чтобы спасти картошку, но в том, чтобы спастись духовно, не впав в уныние среди надсадных трудов.

Инокиня Сусанна вспоминает: *«Работал инок Трофим так радостно, что и у нас уже весело работа пошла. А он бегает с ведрами, шутит, сияет. А потом благословился у благочинной испечь картошку для сестер. Быстренько развел костер на опушке, опрокинул туда вверх дном ведро картошки, а тут обед привезли. Мы согрелись у костра и так утешились печеной картошкой, что получился вроде праздник у нас.*

И вот что удивительно — инок Трофим прокапывал рядки по 2-3 раза, и каждый раз попадалась отличная крупная картошка. С этого поля мы обычно собирали пять машин картошки, а тут накопали тридцать».

Рассказывает инокиня Иустина: *«Рабочих рук в монастыре не хватает, и однажды уже после смерти о. Трофима на уборку картошки смогли послать лишь четверых — меня, одну болящую сестру и двух старненьких паломниц. Тракторист накопал нам в этот день очень много рядков, а ночами бывали заморозки, и выкопанную картошку нельзя было оставлять в поле. Но разве вчетвером столько убрать? Мы падали от усталости, выбившись из сил, а день уже клонился к вечеру. И тут я стала что есть мочи молить о. Трофима о помощи и запела стихиру: «Святии мученицы, иже добре страдаша и венчашася, молитеся ко Господу спастися душам нашим». И вдруг откуда ни возьмись выходят на поле много сестер — человек десять, наверно. Я даже глазам своим не поверила.*

У нас в монастыре теперь обычай — перед работой мы молимся о помощи новомученику Трофиму. И он, действительно, помогает нам».

Воспоминания послушницы Елены П.: *«Мне было 14 лет, когда перед Пасхой 1992 года мы с мамой и младшим братиком (ему было 11 лет)*

приехали в Оптину пустынь и остались здесь работать на послушании. Инок Трофим полюбил моего братишку, брал с собой на звонницу и научил звонить. Они звонили с братом, а мне тоже так хотелось быть звонарем!

Инок Трофим много помогал нашей семье. Помню, у нас в келье не было замка, а он принес и врезал замок. А еще он подарил брату четки, смастерил нам кадильницу и давал ладан для нее. «Обязательно надо ходить на полунощницу, — говорил он. — Проспишь полунощницу, и весь день кувырком — ничего не ладится. А сходишь на полунощницу и живешь весь день иначе, как по воле Божией».

Однажды инок Трофим вдруг попросил у нас прощения «за все», сказав: «Кто знает, может, я скоро умру. Может не доживу...» Мы не поняли, о чем он: «умру», «не доживу»? На Прощеное воскресенье перед своей последней Пасхой инок Трофим стоял у иконы Божией Матери «Умиление». Я подошла к нему, а он весело: «Ну, что, будешь просить прощения?» И положил мне в ноги земной поклон, прося у меня прощения: «Кто знает, может, не встретимся больше, а я провинился, может, пред тобой».

Потом я стояла на отпевании у гроба инока Трофима как раз на том месте (ни метра в сторону), где он положил, прося прощения, земной поклон. Никогда до этого дня у меня даже мысли не было о монашестве. Но Пасха 1993 года была таким потрясением, что душа отвергла мир. Мне показалось — во всем мире и в Оптиной что-то сильно изменилось, а у нас появилось трое новых молитвенников перед Господом. И я молилась у гроба инока Трофима, чтобы помог мне устроить

мою жизнь. Молилась о поступлении в монастырь, просила терпения и смирения, а еще так хотелось быть звонарем. А вскоре мой духовный отец сам заговорил со мной о монашестве, и через год я поступила в монастырь, где и стала звонарем.

Через день после погребения было явлено чудо — стали мироточить все три креста на могилах новомучеников. Я это видела своими глазами. Было обильное благоухание, и все приходили помазываться. Помазалась и я, начав с того дня молиться новомученикам. И вот несколько случаев помощи по их молитвам.

29 августа 1995 года наша матушка игуменья благословила меня съездить в Оптину, строго-настрого наказав, чтобы я вернулась в тот же день. В Оптиной я задержалась на всенощной и спохватилась лишь в семь часов вечера. Помолилась на могилках Оптинских старцев и новомучеников, попросив помочь мне добраться до Шамордино. И тут раба Божия Фотинья вызвалась проводить меня.

Идем мы в сумерках через лес, как вдруг из кустов вышли трое мужчин с гитарой и стали к нам приставать. Мы быстрей от них, а они за нами. Нам стало страшно. Мы с Фотиньей очень испугались и стали молиться: она — Оптинским старцам, а я — новомученикам. Призываю их поименно и вдруг слышу — в лесу тишина. «Оглянись, — шепчу Фотинье. — Я боюсь». Оглянулись, а на шоссе пустынно, и в лесу не слышно шагов. Будто не люди это были, а призраки, и исчезли вдруг. Тут нас нагнала машина из Оптиной и довезла до деревни Прыски.

Полдороги проехали, а до Шамордино еще шагать и шагать. Стемнело уже. Идем с Фотиньей

в темноте по шоссе, а я переживаю: попадет мне, думаю, в монастыре из-за того, что ночью вернулась. Стала снова взывать о помощи к новомученикам. Вдруг возле нас тормозит машина, ехавшая нам навстречу, а шофер говорит: «Куда подвезти? Садитесь». Развернулся и довез нас до Шамордино. «За кого молиться? — спрашиваем шофера. — Скажите ваше имя». А он улыбается: «Василий Блаженный.» А это имя о. Василия в монашеском постриге, и мы поняли, кто нам помог.

Однажды у меня сильно разболелся зуб, а была моя череда петь на клиросе. Боль нестерпимая, а подменить меня некем. Стою на клиросе и так мне плохо, что уже не молюсь, но «вопию» новомученикам. Вдруг боль исчезла. Я сперва не поверила. Все жду, что зуб опять заболит, но зуб уже больше не болел.

Паломница из Брянска Галина Кожевникова прислала в Шамордино свои воспоминания: *«Когда в 1991 году я впервые приехала в Оптину, то чувствовала себя здесь так одиноко, что думала: чужая я всем. Помню, чистила на послушании подсвечник пальцем, а тут подошел послушник Алексей (о. Трофим), дал мне металлический стержень, помог, пошутил. Он посоветовал мне с детьми почаще бывать в Оптиной. А когда мы приезжали, хлопотал, чтобы получше устроить нас, и приносил детям просфорки, фрукты, конфеты.*

Он был всегда радостный и не ходил, а летал, так что его светлые волосы и подрясник даже вихрились от быстрой ходьбы. Время о. Трофим ценил необычайно, и я все удивлялась: только что видела его в храме, а он уже выезжает на тракторе из монастыря.

9 – 7033

В те годы вышла книга «Христа ради юродивые». Послушник Алексей стоял за свечным ящиком и читал ее. «Видишь,— говорит,— читаю — не оторвешься». Он посоветовал мне купить ее, но денег на книгу у меня не было, и он по почте прислал ее мне.

Уже после смерти о. Трофима с этой книгой вышла такая история. Один человек оклеветал меня, а батюшка, поверив, сказал мне такое, что я ужаснулась. Уныние было страшное. Наутро заказала панихиду об убиенных оптинских братьях, умоляя их помочь. А вечером батюшка вызвал меня к себе и, разобравшись во всем, так утешил, что я пришла домой ликующая. Взяла книгу «Христа ради юродивые», а оттуда выпала записка, пролежавшая пять лет незамеченной: «Если в дальнейшем что-либо вам понадобится, сообщите. Алексей». Рассказываю потом про эту записку батюшке, а он говорит, улыбаясь: «Теперь поняла, кто тебе помог?»

Когда я жила в Шамордино, местные жители рассказывали: там, где о. Трофим сажал картошку старeньким бабушкам, колорадского жука почти не было, хотя на соседних огородах его было полно. А у одной бабушки вообще не было, причем несколько лет подряд. Местные жители даже специально ездили в Оптину, чтобы узнать: какую молитву от жука читал о. Трофим? Но инока в Оптиной не нашли. А когда позже о. Трофима спросили про молитву от жука, он ответил: «Да я одну только Иисусову молитву читал».

Послушница Юлия рассказала: *«После смерти о. Трофима некоторые местные жители брали земельку с его могилы и, разведя водой, кропили ею огороды с верой в помощь новомученика в избавлении от колорадского жука. Один человек сказал мне, что жуки у него после этого исчезли».*

«ИМЕНЕМ МОИМ БЕСЫ ИЖДЕНУТ»

В Оптиной пустыни и поныне ходит легенда, будто инок Трофим отчитывал бесноватых, а возникла легенда так.

Рассказывает Александр Герасименко: *«В скиту в одной келье с о. Трофимом жил одно время бесноватый паломник. Во время приступов он взвивался в воздух и по-звериному изрыгал такое, что все убегали из кельи. А о. Трофим жалел болящего и старался ему помочь. Однажды, когда бесноватый стал извиваться, Трофим зажал его между колен, кропит святой водой и, что есть мочи, читает молитвы «Да воскреснет Бог...» и «Живый в помощи», и всех святых на помощь зовет. Особенно, помню, он взывал о помощи к преподобному Серафиму Саровскому. А бесноватый кричит не человеческим голосом: «Не молись! Меня жжет!» В общем, я от этого крика сбежал. А когда вернулся, они уже мирно пили чай.*

После этой «отчитки» вызвали о. Трофима к отцу наместнику, и он уже больше не отмаливал бесноватого, но лишь обмахивал ему лицо скуфейкой, когда он после приступов без сил лежал.

Самое интересное, что через три года после смерти о. Трофима в Оптину приехал диакон. Я узнал его и спросил, помнит ли он, как о. Трофим «отчитывал» его. «Ничего, — говорит, — не помню, что было в болезни». А я так обрадовался его исцелению, что и расспрашивать не стал».

Каждому кто знает чин отчитки, ясно, что инок Трофим, конечно же, не отчитывал. Но война с бесами у него шла насмерть, ибо он воочию видел их. Как-то раз он проговорился об этом москвичке Тамаре Савиной, живущей на даче близ Оптиной.

И Тамара спросила: «Трофим, а какие они?» — «Лучше не спрашивай. Такая мерзость, что говорить тошно, — а помолчав, добавил, — знаешь, чего бесы больше всего боятся? Благодарения Господу. И когда тебе будет плохо, читай Благодарственный акафист Спасителю и от всего сердца благодари — за скорби, за радость, за самое тяжкое. Вот начнешь читать, а они в келью набьются и такое творят, что стены дрожат. А дочитаешь, оглянешься — нет никого. Тишина, и такая радость на сердце, что смерть не страшна: лишь бы с Господом быть».

Весной 1993 года инок Трофим пахал у Тамары огород и подарил ей акафист святым мученикам Киприану и Иустине: «Читай и распространяй. Бесы этого акафиста, как огня боятся. Сам на опыте испытал». После смерти инока Тамара пришла к иеромонаху Михаилу за благословением читать и распространять акафист, а он сказал: «Мать, какие твои силы с бесами биться? Приподнимет, пришлепнет и все».

Читают этот акафист лишь по особому благословению, и вот почему. В свое время философ Константин Леонтьев, а в постриге монах Климент, открыл для себя силу этого акафиста и специально ездил по домам, читая его над бесноватыми. Успех был поразительный, но сам Константин Леонтьев заболел тогда тяжким нервным расстройством, исцелившись лишь по молитвам еще живого святого — преподобного Амвросия Оптинского.

Что же касается совета о. Трофима читать этот акафист, то за ним стоит неподдельное, до простодушия смирение инока — он искренне считал себя хуже всех, полагая, что другим доступно куда большее. Он не ведал еще, что ему уже уготован венец новомученика, и в нем действует Своей силой Господь.

После смерти в келье инока нашли множество переписанных его рукою молитв против вражьей силы. А игумен Антоний вспоминает, как о. Трофим рассказывал, что воочию видел бесов, силящихся столкнуть его вместе с трактором в овраг. «Лишь Иисусовой молитвой отбился»,— рассказывал он тогда. А еще вспоминают, как о. Трофим не раз зарекался: «Все — не буду больше за бесноватых молиться. Бесы больно бьют». Но мог ли он отказать кому, когда слезно просили: «Трофимушка, помолись»? Так и вел он до самой кончины тяжкую брань с бесами, одержав в ней победу в своей мученической смерти за Христа.

Увидеть эту победу глазами нельзя, но кое-что зримо. Живет в Оптинских краях молодая женщина, которую из сострадания к беде назовем условно Анечкой. Человек она деликатный и очень переживает, что возле святых мощей из нее рвется звериный рык. Анечка хочет исцелиться, и зимой 1995 года от могилок Оптинских старцев услышали рык. Это Анечка, припадая к земле, ползла к могилкам — ее отшвыривало, она падала и снова ползла. К ней поспешили на помощь, подвели к могилкам, и Анечка благодарно затихла. «Анечка, а тебя на могилки новомучеников сводить?» — предложили ей.— «Нет, я не выдержу,— отвечает она.— Там жжет сильно. Это вы счастливые, к новомученикам без страха ходите, а я только после причастия могу».

Рассказывает мать Нина: *«Через год после убийства пошла я на могилку Трофима, помолилась, поплакала и присела на лавочку. Смотрю, напротив могилки Трофима, но поодаль, стоит женщина и как-то странно дрожит. «Детка,— говорю,— что с тобой?» — «Я,— говорит, — знала инока Трофима при жизни. Хочу подойти к его могилке, а*

не могу». Подвела я ее к могилке, а она как закричит — мат, оскорбления, ужас! «Простите,— говорит, — у меня болезнь такая». И в голос кричит! Тут из медпункта врач о. Киприан выглянул: «Это кто там так страшно кричит?» — «Больная,— говорю,— чем бы помочь?» — «Уведите ее от могилок, она и затихнет». И правда, она затихла, когда я ее от могилок увела. Приветливая стала, хорошая. И не подумаешь, что больная! Но я тогда не знала, что есть болезнь беснования. Впервые увидела и перепугалась».

Рассказывает врач Ольга Анатольевна Киселькова: *«Однажды я привела на могилы новомучеников девушку, страдающую наркоманией. У могилы о. Трофима она сказала: «Ох, и бьет тут сильно! Как же сильно бьет!» Потом ее родители рассказывали мне, что девушка исцелилась».*

«Я ЛЮБЛЮ ВСЕ ПОСЛУШАНИЯ, КРОМЕ...»

Когда на могиле новомученика Трофима начались чудотворения, один паломник-трудник сказал в простоте: «Повезло Трофиму! Жил — не тужил. Ехал себе на тракторе — да и въехал в Царствие Небесное!» Так богомудро прожил инок свою жизнь, что остались сокрытыми скорби тяжкого монашеского подвига, и запомнился он многим веселым трактористом, не знающим, казалось, никаких проблем.

Тракторист он был умелый и, думали, многоопытный. А образ сельского умельца настолько укоренился в сознании, что в одном из газетных некрологов об о нем писали, как о труженике сельского хозяйства, немало потрудившемся на полях нашей Родины, а затем на монастырских полях. Некролог озадачил родных инока. Во-первых, он до

Оптиной никогда не работал на тракторе, а главное — был горожанином и жил в деревне лишь до окончания восьмого класса. «Где он научился пахать, не знаю,— рассказывала мать.— А права получил так. Поехал из Братска в деревню навестить дядю, а там трактористы на права сдавали. Он пошел со всеми и сдал».

Вот послушания инока в монастыре — он был гостиничным, маляром, стоял за свечным ящиком, пек хлеб, работал в кузнице, в переплетной мастерской, на складе. А главные послушания — старший звонарь, пономарь, тракторист. Он был мастером — золотые руки, и каждое дело исполнял так талантливо, будто сызмальства был обучен в нем. И лишь после убийства узнали, что он никогда не был кузнецом, трактористом, переплетчиком, пекарем, а до монастыря и звонить не умел. «Сыночек мой, да когда ж ты всему научился?» — удивлялась потом мать. Ответа на этот вопрос нет, но известны слова инока Трофима: «Господь по молитве все дает». И вот рассказ о том, как инок Трофим пек в Оптиной «целебный» хлеб.

* * *

Печь свой хлеб заставила нужда. Как раз в 90-х годах при отсутствии неурожаев и стихийных бедствий в стране наступил тот подозрительный голод, когда хлеб стали выдавать по карточкам. В долгих очередях за хлебом козельчане возглашали: «Москву на вилы!» А в монастырской трапезной для паломников нередко объявляли: «Братья и сестры, простите нас Христа ради, но хлеба к обеду сегодня нет.» Тогда и было решено возродить хлебопашество и выпекать свой хлеб.

Печь хлеб в Оптиной никто не умел. И на послушание пекаря поставили о. Трофима, полагая, что он деревенский, а в деревне хлеб все же пекут.

Рассказывает Пелагея Кравцова: *«Прибегает ко мне Трофим и спрашивает: «Поля, как хлеб пекут?» — «Рецепт пирога, — говорю, — могу дать. А хлеб? Да кто ж теперь хлеб печет?!» Вспомнили с ним, как в старину проверяли качество хлеба: на хорошо выпеченный хлеб можно сесть — он пыхнет и снова пышно поднимется. Ох, и побегал он тогда по бабушкам, пока нашел рецепт настоящего старинного хлеба. Зато караваи у него выходили пышные, как куличи, а вкусные! Бывало, купишь в магазине хлеба, а не выдержав, зайдешь в пекарню: «Трофим, дай настоящего хлебца отведать!» Помню, как вместе хрустели горячей корочкой».*

В трапезной для паломников рассказывали случай. Один бизнесмен, уезжая из монастыря, попросил дать ему рецепт монастырского хлеба и сказал: «Я имею личного повара и питаюсь в лучших ресторанах, но у меня больной желудок и хлеба не принимает. А ваш хлеб просто целебный — ем и наслаждаюсь!» Рецепт ему, разумеется, дали, спохватившись после его отъезда, что не сказали главного: сколько же молился над каждой выпечкой о. Трофим! «Да он по сорок акафистов над каждым замесом читал», — сказала одна женщина из трапезной. «А ты считала?» – спросили ее. Никто, конечно, не считал. Но все видели, как о. Трофим полагал многие земные поклоны перед иконой Божией Матери «Спорительница хлебов» и, действительно, долго молился. Хлеб был намоленный.

Необычайно вкусный монастырский хлеб шел нарасхват. Им благословляли в дорогу именитых гостей. А кое-кто брал и без благословения.

Рассказывает паломник-трудник С.: *«В ту пору мы увлекались доброделанием и спешили делать людям добро, причем за чужой счет. Знакомых, приезжавших в монастырь, я водил в пекарню к Трофиму угощаться горячим хлебом. Они ахают: «Как вкусно!» А я уже целые экскурсии веду: «Трофим, дай людям хлеба в дорогу, а этому побольше — он совсем без денег». Трофим виновато потупится, но даст. В общем, за наше «доброделание» и самочинную раздачу хлеба поставили Трофима на поклоны. Как же все переживали за Трофима, и хотелось провалиться сквозь землю от стыда! А Трофим, напротив, — епитимью нес радостно, а земные поклоны любил.*

Когда Трофима поставили на склад, то стало иначе. Раньше один «доброделатель» многое брал со склада без благословения, чтобы одаривать людей. А тут пришел он на склад, а Трофим ему говорит: «Если благословят, хоть все забирай. Не мое это, а Божие». Тот раскричался: «Я людям помогаю, а ты не любишь людей! Где твоя христианская любовь?» А Трофим говорит: «Господь тут хозяин, а не мы с тобой. Если ты, а не Бог в монастыре хозяин — вот тебе ключи от склада, а я ухожу». Положил он на стол ключи от склада, а «доброделатель» тут же ушел».

Жизнь инока Трофима, как и жизнь каждого человека, не обходилась без искушений. Но вот итог многолетней работы по сбору воспоминаний о новомучениках: никогда ни один человек не слышал от инока Трофима, инока Ферапонта, иеромонаха Василия ни одного слова осуждения.

Рассказывает столяр-краснодеревщик Николай Яхонтов: *«Один брат сильно осуждал монастырское начальство. Приходит к о. Трофиму и говорит*

возмущенно: «Мы молиться сюда приехали, а не в хозяйственной деятельности увязать. А тут один автопарк чего стоит!» А о.Трофим говорит: «Брат, зачем мы сюда приехали — душу спасать или других осуждать? Тут Господь хозяин, Божия Матерь игуменья. Если что не так, Божия Матерь поправит. А мы кто такие с тобой?»

Об автопарке в монастыре. По древней традиции паломников в Оптиной кормят бесплатно, а за стол садятся порой 500 человек. Вот и уходят в рейсы монастырские машины, чтобы купить продукты не у перекупщиков, а где подешевле. А еще уходят в горы машины за воском для свечей и развозят православную литературу. Шоферы в монастыре всегда очень нужны.

Когда после смерти инока Трофима стали разбирать вещи в его келье, то из них выпали водительские права, чему удивились: «Как?» Права профессионала-водителя нашли также в келье инока Ферапонта, и опять удивились: «Как?» Водительские права были и у иеромонаха Василия, но он их даже в монастырь с собой не взял, зная: человека с правами тут же посадят за руль, начнутся бесконечные поездки, и тогда прощай монашеская жизнь.

«Я люблю все послушания, кроме тех, когда надо уезжать из монастыря», — говорил инок Трофим. За послушание ему и о. Василию случалось уезжать из Оптиной, но добровольно — никогда.

«НАУЧИ МЕНЯ, БОЖЕ, ЛЮБИТЬ!»

Рассказ прихожанки Н. Д.: *«Был у меня с о. Трофимом загадочный случай. Шел Рождественский пост 1990 года. Постное масло у нас в Козельске выдавали тогда по карточкам — 100 грамм в месяц на человека. А была у нас тогда при Оптиной православная община мирян. Мы несли послушание страннопримства, а при такой уйме*

народа в доме майонезной баночки масла хватало лишь на три дня.

Пост проходил без масла. От сухой перловой каши уже саднило горло, а сын просил: «Мама, картошки пожарь». А на чем? И когда паломники из Москвы привезли нам много сливочного маргарина, начались пищевые грезы — в уме уже шкварчала на сковородке поджаристая картошечка, а к ней грибочки с лучком! Резвыми ногами мы побежали в монастырь за благословением на сливочный маргарин, а иеромонах Михаил сказал: «Не могу благословить на нарушение поста. Молитесь, чтобы Господь послал постного масла».

Отошла я от батюшки злая. Не могу молиться — жареной картошки хочу. Лишь за послушание перекрестилась насилу, сказав: «Господи, пошли маслица». И тут из алтаря вышел отец Трофим, прошел через переполненный храм прямо ко мне и дал бутылочку святого масла: «Вам». Я удивилась, а женщина, стоявшая рядом со мной, сказала: «Счастливая вы — прямо из алтаря святого масла принесли!» — «Хорошо бы, — говорю, — еще и растительного». — «А вас растительное интересует? Приходите к нам в магазин». Оказывается, эта женщина работала в магазине воинской части, где закупили много постного масла и решили помочь православным в пост.

Растительное масло с той поры в доме не переводилось, а случай с о. Трофимом не выходил из головы. Я уже знала — он ничего не делал неосознанно: женщинам, молившимся с непокрытой головой, он дарил платочки, будущим монахам и монахиням — четки, а мне досталось святое масло на исцеление от некоего недуга души. И хотелось

понять — от какого? «Как от какого? — сказал мой духовный отец. – Конечно, от маловерия».

Вот другая история о моем маловерии. Собрались мы сделать в доме ремонт, закупив все необходимое. Но тут в свои 84 года тяжело заболела мама. И где уж ей выдержать месяц разорения в доме? Решили, ладно, обойдемся без ремонта. А Успенским постом 1995 года электрик стал долбить стены, отыскивая повреждение в скрытой проводке, и вдруг разом рухнули многослойные деревенские обои, а дом превратился в берлогу с лохмотьями обоев по углам.

Побежала я в расстройстве на могилу о. Трофима и говорю: «Трофимушка, что делать? Мама болеет, а на ремонт нет ни денег, ни сил».

Ни о каком ремонте я даже не помышляла — просто поплакалась. Возвращаюсь домой, а там мама о. Трофима с моей мамой чай пьют. «Срочно делай ремонт, — говорит мне мама Трофима. — Как я люблю обои клеить и все бы тебе сделала, но разболелась я». Начала я рассказывать, что ходила к о. Трофиму, но досказать не успела, как в дом вошла паломница Люба из Алексина и говорит от порога: «Ну, я как знала, что надо ремонт делать, и даже рабочий халат с собою взяла. Ставьте воду варить клейстер». «Какой клейстер, Люба? Садись чай пить». А Люба уже рабочий халат натягивает: «Некогда. Я на три дня приехала, и надо в три дня закончить ремонт. Уж до чего я люблю ремонт делать! Мой муж все боится, что пока он на рыбалке, я опять проверну ремонт». Но и Люба про мужа не досказала, как пришла молдаванка Дарьюшка и тоже прямо от порога говорит: «У нас в Молдавии трижды в год белят — на Рождество, на Пасху и на Михайлов день. Можно я у вас побелю?» А мама Трофима лишь улыбается: «Ну, нагнал Трофим людей!»

За три дня сделали ремонт: побелили, поклеили обои, покрасили двери и окна, и лишь пол не успели докрасить, оставив, пока сохнет, проход. Люба и Дарьюшка не пропускали при этом ни одной службы в Оптиной. А когда мы вышли в лес возле дома продышаться от краски, то наткнулись на опушке на такое изобилие опят, что нарезали сразу корзин десять, да и бросили резать: хватит. Как выяснилось позже, год был не грибной, и соседи удивлялись: «Где ж вы грибы отыскали?» Да не искали мы — было такое море золотистых нарядных опят, будто устроил нам о. Трофим праздник».

«Не своей силой это сделано», — сказал про трехдневный ремонт иеромонах Марк из Пафнутиево-Боровского монастыря, возглавлявший когда-то оптинскую православную общину мирян. Давно уже нет нашей общины, но однажды Господь собрал нас вместе на праздник в Оптиной. Кто-то приехал в рясофоре, кто-то уже в мантии, и получился у нас вечер воспоминаний об иноке Трофиме и о тех временах, когда мы буквально изнемогали душою от, казалось бы, добрых дел. От странноприимства и вечных разговоров в доме гудела голова, от многопопечительности опустошалась душа, а искушения с жильцами-паломниками бывали такие, что потом приходилось нести епитимью за осуждение.

Собственно, разговор начался с вопроса: а как же Трофим? Уж сколько он помогал людям и не изнемогал при этом душой. Почему? И тут все вспомнили один незначительный вроде бы случай.

В конце литургии одна малышка умудрилась засунуть руку в такую узкую щель батареи, что вытащить ее оттуда было невозможно. Реву было минут на сорок! Вокруг рыдающего ребенка собралась толпа, и каждый силился вытащить руку. Но

от этих усилий рука лишь посинела, распухла, а малышка кричала все отчаянней. На крик из алтаря вышел о. Трофим. Помолился перед иконой Божией Матери, а потом стал играть с ребенком, изображая, как киска умывается и зайчик морковку жует. У малышки сразу улыбка до ушей и лишь просит: «Еще киску покажи, еще зайчика». Ну дитя есть дитя, а против инока поднималась досада: тут дело делать надо и руку спасать, а он играет в зоопарк. Но когда ребенок успокоился и обмяк, о. Трофим неуловимым движением вынул руку из батареи.

Эта совсем простая история вдруг припомнилась теперь уже как притча о доброделании: мы ведь ожесточенно «дело делали», а у Трофима было иначе. Сначала молитва к Божией Матери и любовь к этому измученному, испуганному ребенку. Дитя и инок полюбили друг друга и лишь потом освободилась рука.

«Как же нам всем не хватает этих огромных голубых глаз о. Трофима», — сказал на проповеди игумен Владимир. Любви не хватает, а без нее все становится тусклым и серым. Вот и сидели, вспоминая сияющие любовью глаза Трофима. Бог есть любовь. Рядом с Трофимом душа это чувствовала, и как же было радостно с ним!

«ДЕЛАТИ РАЙ»

«Фараон дал израильтянам много работы, чтобы они много ели и оттого забывали о Боге своем». — сказал последний афонский русский старец иеромонах Тихон (✝1968). Жизнь инока Трофима можно было бы пересказать в иных словах: «Он много молился, мало спал, мало ел, ограничивая себя даже в питье. Но как же много он работал!»

Рассказывает монахиня Александра, старшая сестра по хоздвору*: «Стояло такое засушливое лето, что на огородах все горело. А без овощей чем людей кормить? И мы бегали с ведрами воды от пруда, поливая огород. Но ведь тут не три грядки надо полить, а поля, и мы уже падали с ног. «Да как же вы мучаетесь!» — сказал о. Трофим и придумал, как через пожарные шланги качать насосом воду из пруда. Но шланги с водой были такие тяжелые, что таскать их по огородам мог только сам о. Трофим.*

Возвращался он с послушания уже к ночи, и мы с ним ночами поливали огород. «Ох, Трофим, — говорю, — быть мне в аду. Приду в келью и падаю, а на правило сил уже нет». «А я, — говорит, — приду в келью, встану на молитву. И вот помню, что начал читать «Отче наш», а закончил ли — не помню». Помолчал и сказал: «Нет, Александрушка, будем мы с тобою в раю. Мы же ради Господа себя забываем, а разве Господь забудет нас?»

Из воспоминаний Пелагеи Кравцовой*: «Красивый был человек Трофим и до чего же красиво работал! У нас все рабочие любили его. А разобраться — что мы с ним, чаи распивали что ли? Но столкнешься на минутку по делу, и сразу радость — родной человек. Вот придешь, бывало, на склад, а нужного инструмента там нет. Ну, на нет и суда нет. А когда на складе работал Трофим, он тут же скажет: «Сейчас подумаю, чем заменить». И ведь обязательно выручит».*

В Библии о работе на совесть сказано — «делати рай». Именно так работал инок Трофим, и историю возрождения Оптиной пустыни невозможно представить без его трудов. Он приехал сюда, зас-

тав ту мерзость запустения на святом месте, когда отказывалась плодоносить земля. Местные жители, построившие после войны поселок на монастырских угодьях, нещадно кляли эту землю, на которой почему-то ничто не росло. Землю для огородов завозили самосвалами, создавая искусственный плодоносный слой. И все равно земля была как больная: на яблонях не было яблок, на смородине — ягод, и стояли в парше сады.

Любителей природы, потрясенных величием оптинского бора, ждало иное потрясение: лес был будто мертвый. Не слышно пения птиц, не плодоносят черничники, а из грибов — лишь редкие скрюченные сыроежки. «Что это — радиация?» — спрашивали в тревоге первые насельники. Мерили приборами, но радиации не было, как не было грибов и рыбы в реке.

Первые насельники лишь из книг узнавали, что когда-то тут были богатейшие монастырские рыбные ловли, кормившие обитель и губернию. А местные жители рассказывали: за грибами ездили на телегах и брали лишь шляпки от белых грибов. А еще старикам запомнились монастырские помидорные поля. Здесь без всякой пленки и совсем как на юге помидоры росли в таком изобилии, что по благословению отца наместника священномученика Исаакия II, расстрелянного в 1938 году, их раздавали всем желающим. «А потом наступил экологический кризис»,— говорили старики, не связывая оскудение с тем, что ушли в лагеря молитвенники, и ушла от земли благодать.

Инок Трофим застал на месте былых помидорных полей дурно пахнущее полуболото. На костромском диалекте такую землю называют «оби-

дище» — от обиды на то, что ни к чему не пригодна эта земля: не пашня, не пастбище и даже не болото, на котором все же клюква растет. Пахал инок Трофим обычно на тракторе. Но трактор по «обидищу» не пройдет — топко. Даже пахарь с плугом «обидище» не осилит, если это не пахарь-богатырь инок Трофим.

Почему-то запомнилось, как стоят на ветру конь и пахарь. Инок Трофим долго молится, повернувшись лицом к востоку, а ветер треплет его светлые волосы и взвивает гриву коня. Потом перекрестившись, он берется за плуг, а земля такая тяжелая, и издали кажется, что конь и пахарь уже ползком ползут по земле. Конь припадает на колени и сильно тянет шею вперед, а инок Трофим лежит грудью на плуге, упираясь в землю носками сапог.

Сейчас здесь снова растут помидоры, розы, капуста и огурцы. «Экая силища у монахов — такую гиблую землю поднять! — сказала бабушка Ольга Юрина. — Никто из нас не верил, а сказать бы — не поверили». В лето после убийства местные женщины всполошились: «Лес оживает. Черника пошла». И потащили из леса чернику ведрами. А на следующий год местные рыбаки стали приторговывать такой рыбой, что лишь пол-леща умещается в ведре, а хвост наружу торчит. Завелись птицы, ветви яблонь потяжелели от яблок, а козельчанин Владимир рассказывал, что они с женой нашли возле Оптиной четыреста белых грибов. По привычке видеть во всем случайности, никто не усматривает той взаимосвязи, что пролилась на землю кровь новомучеников, и по их молитвам, их заступлением вернулась к святой земле благодать.

ТРИЧИСЛЕННЫЕ МУЧЕНИКИ

Оптинские новомученики обычно приходят на помощь втроем, причем иноков Трофима и Ферапонта все почему-то видят в монашеских мантиях. Но прежде чем рассказать о посмертных чудотворениях приведем один случай.

В Оптину из Шамордино приехала инокиня и рассказала, что монахине Ф. приснился встревоживший ее сон: на шамординской звоннице возле церкви бьет в набат о. Трофим, снег вокруг красный, а к храму бегут, как на пожар, о. Василий и о. Ферапонт. «Запишите этот сон,— сказала инокиня.— Монахиня Ф. сильно тревожится». По учению святых Отцов снам доверять нельзя. Мы категорически отказались записывать сон, как из Шамордино сообщили — там пожар. Загорелось в нижнем этаже храма и как раз у той стены, где бил в набат о. Трофим. Сгореть бы храму, ибо пожар занялся потаенно и полыхнул сильно, но молитвами новомучеников помиловал Бог. Вот почему в рассказы о посмертных чудотворениях мы включили некоторые явления новомучеников в тонком сне, подвергнув их предварительному рассмотрению духовно опытных отцов.

Случай исцеления паломницы, записанный с ее слов свидетелями исцеления: *«Я, Нина Пичуг, 58 лет из Байрам-Али из Туркмении, приехав в Оптину пустынь, тяжело заболела. Температура к ночи была выше сорока градусов. Перед этим на всенощной я исповедалась, помолилась Божией Матери, прп. Амвросию Оптинскому и побывала на могилах новомучеников. Почему-то до Оптиной я о новомучениках не знала и фотографий их никогда не видела. Вернулась я с могилок в гостиницу и слегла. Я вся горела огнем и не пойму, задремала я или видела все наяву. Но вижу —*

пришли ко мне и молятся о моем здравии преподобный Амвросий Оптинский, батюшка, у которого я исповедовалась, и трое неизвестных монахов. Что удивительно — вижу этих монахов нераздельными, будто они срослись друг с другом в плечах. Почему-то сразу пришло на ум, что это Оптинские новомученики. А когда позже увидела их фотографии, то сразу их узнала. Наутро проснулась совершенно здоровой, и исцеление произошло в ночь с 4 на 5 октября 1993 года».

Из воспоминаний Александра Герасименко: *«Вскоре после убийства монах Амвросий рассказывал сон, будто висит у него в прихожей архиерейская полумантия необыкновенной красоты. Он хотел взять ее себе, но услышал голос: «Это мантия отца Ферапонта».*

Из письма Натальи Буркаевой. Пензенская область, г. Ново-Ломов: *«Сынишке было пять лет, когда мы побывали в Оптиной. А в шесть лет, сразу после убийства братьев, он проснулся утром и спрашивает: «Мама, мы сейчас в Оптиной не были?» — «Нет», — говорю. Вижу, что он как-то возбужден, и спрашиваю: «Сыночек, а что такое?» А он говорит: «Мама, а ведь эти монахи живые. Я их сейчас видел. Они шли по дорожке и улыбались. Там, как в Оптиной, только красивее, а кругом цветы большие и яркие». Я спрашиваю: «Антоша, а что еще ты видел? Храм там тоже есть?» — «Да, есть, но какой-то не такой, покрасивее и весь расписной. И все там ярко, свет кругом».*

Рассказывает москвичка, инженер С., а ныне монахиня Н.: *«Я инвалид II группы из-за перенесенной черепно-мозговой травмы. В Москве я часто падала в обморок от головокружений, а Оптина пустынь меня спасла. Поселившись в доме возле монастыря, я постепенно окрепла и стала*

работать в монастыре на послушании. Но любых поездок в автобусе я боялась, как пытки, — мне сразу делалось дурно, и от боли раскалывалась голова. А тут кончились деньги, и надо было съездить в Москву, тем более, что один знакомый, взявший у меня деньги в долг, сообщил, что собрал нужную сумму и готов по приезде мне все вернуть.

У меня был такой страх перед автобусами, что перед поездкой я долго молилась у могилок новомучеников, умоляя их помочь мне доехать до Москвы, а получив деньги, благополучно вернуться. Набрала я в пакет земельки с могил новомучеников, села в автобус и не заметила, как доехала.

В Москве звоню знакомому, а тот радостно сообщает, что приготовил деньги и ждет меня у себя. Приезжаю, а он говорит раздраженно, что никаких денег у него нет и вернуть ему долг нечем. Вышла на улицу и чуть не плачу: что это — насмешка, что ли? А пакетик с земелькой сжимаю в руке. Вдруг вижу — под ногами деньги лежат. Нагнулась, подняла. Снова вижу деньги и снова поднимаю. Так семь раз нагнулась и собрала ровно столько, сколько он мне был должен.

Вернувшись домой, звоню ему и говорю, что теперь он мне больше ничего не должен, потому что Господь вернул мне долг. Рассказываю, что нашла деньги, а он спрашивает: «В таких-то купюрах?» — «Да». И тут он признается, что перед моим приездом его одолело искушение выпить. Схватил он приготовленные для меня деньги, сунул в карман и побежал в гастроном за водкой. А у кассы обнаружил — в кармане дыра и денег нет. Именно эти деньги я нашла, и по молитвам новомучеников все кончилось хорошо для моего знакомого и для меня».

Рассказывает иконописец Тамара Мушкетова: *«В Оптиной пустыни жил и работал на послушании столяра москвич Саша Момзиков. Где-то через полгода ему понадобилось ехать домой. Денег на дорогу у Саши не было, и отец-эконом пообещал отправить его в Москву монастырской машиной. Собрал Саша чемодан и неделю ежедневно ходил к воротам, а уехать не мог: то мест в машине нет, то еще что случится.*

Саша расстроился: «Да что ж такое? Не могу уехать и все!» — «Саша,— говорим ему,— сходи на могилки новомучеников. Они же всем помогают». А он лишь отмахнулся: «Да ну!» Постоял с чемоданом, но на могилки, смотрим, пошел. Помолился там и отправился к знакомым в переплетную мастерскую чай пить. Только сел, а дверь распахивается, и о. Митрофан говорит: «Саша, ты чего тут рассиживаешься? Весь монастырь обыскали — там у ворот машина тебя ждет».

Рассказывает паломница-трудница Людмила Степанова, ныне инокиня Домна: *«Закупили мы в городе все необходимое для оптинской златошвейной мастерской. Груз получился тяжелый, а ни одна машина нас до Оптиной не везет. Взмолились мы о помощи новомученикам, и тут же возле нас затормозила машина, а водитель пригласил садиться.*

Но таких случаев помощи с транспортом по молитвам новомучеников в Оптиной пустыни такое множество, что даже не знаю, а удобно ли мне об этом рассказывать».

Протоиерей Валерий, настоятель храма Свт. Николая в г. Козельске, рассказал: *«Когда мы были в Оптиной пустыни, моей матушке Тамаре стало плохо. Боли были невыносимые, и я тут же отслужил литию на могилках новомучеников.*

Матушка, чтобы унять боль, приложила к больному месту земельку с их могилок, и боль прошла. Конечно, когда выяснился диагноз, пришлось прибегнуть к операции. Но я считаю немаловажным отметить, что по молитвам новомучеников матушка получила облегчение в болезни, и приступ острой боли мгновенно был снят».

Иеромонах Василий (Мозговой) сообщил: *«В Варлаамо-Хутынском монастыре Господь свел меня с иеродиаконом Димитрием из Псковской епархии, рассказавшим о себе следующее. Он сильно заболел и так задыхался, что не мог спать лежа, а только сидя. Тогда их батюшка предложил помолиться об исцелении оптинским новомученикам и отслужил панихиду по о. Василию, о. Ферапонту, о. Трофиму. Вечером отслужили панихиду, а наутро иеродиакон Димитрий был здоров.*

Когда у них на приходе одну рабу Божию разбил паралич, батюшка снова отслужил панихиду по оптинским новомученикам. После панихиды больная смогла уже шевелиться, а до этого была недвижима».

Рассказывает паломница-трудница с Украины Зоя Корчак: *«В 1997 году в одной келье со мной жила паломница из Финляндии Надежда Пиетарила. У Нади была саркома, она перенесла несколько операций, врачи признали ее безнадежной, ожидая, что она со дня на день умрет. «Для врачей меня уже нет, — говорила Надя. — Я уже не существую, но я еще живу».*

Надя знала, что умирает, и приехала в Оптину пустынь буквально на день, чтобы поклониться перед смертью святым. Но духовник монастыря схиигумен Илий благословил Надю пожить в Оптиной подольше, и она очень мучилась сперва. Есть она уже не могла, сил выполнять по-

слушание у нее не было, и даже со стороны было видно, как тяжело она больна. Надя очень любила слушать рассказы об оптинских новомучениках и ходила молиться на их могилки. Однажды она вернулась с могилок радостная и говорит: «Со мной сейчас о. Василий, как живой, говорил!»— «Как?!» Но она была в таком потрясении, что даже рассказывать об этом не могла, и лишь потом призналась: «Стою у могилки о.Василия и плачу, думая, что скоро умру и уже не увижу Финляндию, мужа и моих детей. Наклонилась приложиться к кресту на могиле, и вдруг слышу голос о. Василия: «Ты не умрешь. Над тобой покров Божией Матери. И твоя миссия на земле рассказывать людям о явленных тебе чудесах». — «А какой был голос у о. Василия?» — спросила я, не утерпев. — «Очень красивый!» А у о. Василия был, действительно, красивый голос.

После этого случая Надежда была у двух прозорливых старцев, рассказав, что врачи со дня на день ждут ее смерти. «Ты не умрешь,— сказал ей один старец.— Вот, над тобой покров Божией Матери. И тебе дано назначение — рассказывать людям о явленных тебе Господом чудесах». А старец Николай с острова Залит сказал: «Жить будешь, только не греши».

После этого Надя долго жила в Оптиной. Много и охотно работала на послушании, убирая храм. И если прежде ее видели бессильной от болезни, то теперь удивлялись — сколько же в ней энергии! Надя часто исповедовалась и причащалась, не пропуская ни одной службы, и была буквально влюблена в Оптину. А аппетит у нее теперь был такой, что она все покупала продукты и говорила: «Видел бы мой муж, как я теперь ем! Дома фрукты, виноград — муж не знал уже, чем

накормить, а меня отвращало от всего». Надя рассказывала в Оптиной, что болезнь дана ей Господом в покаяние. Когда-то, еще будучи неверующей, она сфотографировалась в Мексике в обнимку с идолом. И на тех местах, где тело соприкасалось с идолом, образовались раковые опухоли, которые ей вырезали потом на операциях.

Уже из Финляндии Надя прислала мне очень радостное письмо, сообщив: «Через мою болезнь Бог привел мужа к вере». Муж у нее прежде был лютеранином, а они ведь не признают поклонения святым и их иконам. А когда Надя преображенная и полная сил вернулась из Оптиной, то увидела, что ее муж на коленях молится перед иконами».

Через год из Финляндии пришло известие о кончине рабы Божией Надежды Пиетарилы, передавшей в дар Оптиной на молитвенную память икону Владимирской Божией Матери. Всего год прожила она после чудесного случая на могиле о.Василия, и этот год, по словам Нади, был самым прекрасным временем ее жизни. Она много ездила по монастырям и часто писала в Оптину, изумляясь обилию явленных ей чудес и великой милости Божией. Последнее письмо было из Иерусалима с фотографиями обретения благодатного огня и множеством цветов на Пасху: «Как бы я хотела подарить эти цветы всей братии Оптиной! — писала она. — Слава Богу! Слава Богу!» Ей дано было прожить этот год в радостном благодарении Господу. Разве этого мало? Что же касается миссии — рассказывать людям о явленных ей чудесах, то она была выполнена, и сейчас на экраны вышел фильм «Надежда» с рассказами Надежды Пиетарилы.

Часть шестая

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ

ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА

Я родился зимою, когда ветер и снег,
Когда матери стукнуло сорок…

Так писал о своем рождении юноша Игорь Росляков, которому дано было стать иеромонахом Василием. Его матери Анне Михайловне было уже сорок лет, а отцу Ивану Федоровичу сорок три, когда 23 декабря 1960 года, на день памяти святителя Иоасафа Белгородского, у них родился первенец — сын Игорь. В церковь семья тогда не ходила, но ребенка крестили по убеждению: русский человек — значит крещеный.

Рассказывает Анна Михайловна: *«Не хотела я детей. Сперва в бараке щелястом жили. Придешь с фабрики, а я ткачихой работала, и пока печь затопишь, так продрогнешь, что подумаешь: где тут дитя заводить? А квартиру получили лишь под старость лет. «Старые мы,— говорю мужу,— чтобы дитя заводить. Ребенка надо вырастить-выучить, разве мы доживем?» Где мне было знать, что переживу сына! А муж всей душою*

ребенка хотел. И была у них с сыном любовь — не разлей вода. Молчаливые оба, слова не скажут, но лишь глянут друг на друга и тают.

Вот говорят, что с детьми трудно, а я с сыном не знала забот. Рос он послушный и самостоятельный. В третьем классе сам записался в секцию водного поло. И в спорте, и в школе лишь с успехами шел. Только скажет, бывало: «Мам, я в Болгарию уезжаю». А еще был в Румынии, Югославии, Венгрии, Испании, Голландии. Много куда ездил, я всего и не упомнила».

О покойном Иване Федоровиче Рослякове известно немногое. Родился он в 1917 году и шестимесячным младенцем был доставлен из рязанских краев в московский детдом. Был он молчаливым, щепетильно честным и добрым. «Придешь к ним в гости, — вспоминает крестная о. Василия тетя Нина,— а Иван готов все на стол выложить и последнюю рубаху с себя снять».

После детдома Иван Федорович работал на заводе. В Великую Отечественную войну пять лет служил моряком на Дальнем Востоке, а потом как «выдвиженец» был направлен на работу в милицию. Оперуполномоченного Рослякова там хвалили и отмечали в приказах за бесстрашие при задержании преступников. Но время было такое, что честнейший Иван Федорович оказался в милиции не ко двору, и его перевели во вневедомственную охрану института судебной психиатрии им. Сербского.

Вот тайное предисловие к будущей трагедии: Ивана Федоровича направили охранять отделение, куда потом привезли убийцу его сына. Всегда спокойный, он на этой работе очень нервничал, а дома говорил: «Притворяются. Пока врача нет — они здоровые. А врач придет, он таракана поймает и

жует, пока врачиху не затошнит». Западная пресса создала тогда институту им. Сербского славу застенка для диссидентов. Но москвичам было известно и другое — высокие покровители устраивали сюда «по звонку» влиятельных преступников, уходивших потом от правосудия под прикрытием психиатрического диагноза. Это откровенное беззаконие было для Ивана Федоровича таким потрясением, что, по убеждению родных, и послужило причиной его преждевременной смерти. Но прежде свершилось вот что — Иван Федорович уходил теперь на работу с иконой Божией Матери, спрятав ее в карман гимнастерки. Будущее еще было сокрыто, но уже стоял на посту с иконой отец-милиционер.

Игорь тяжело пережил смерть отца, написав позже:

Бог сказал — и услышал я дважды,
Что для каждого суд по делам:
Когда умер отец, и однажды,
Когда к смерти готовился сам.

Из воспоминаний классного руководителя и преподователя литературы школы №466 г. Москвы Натальи Дмитриевны Симоновой: *«Когда в школу приезжала комиссия с проверкой, учителя старались вызвать к доске Игоря Рослякова, зная, что в этом случае школа «блеснет». Он с отличием шел по всем предметам и был настолько скромным, что хотелось бы сказать: вот обыкновенный школьник. Но это не так. Это был человек одаренный и отмеченный свыше.*

Ему рано были знакомы понятия «долг» и «надо». Уже с 3 класса жизнь Игоря была расписана по минутам, и собранность у него была необык-

новенная. Уезжая на соревнования, он отсутствовал в школе по 20 дней. Учителя возмущались: «Опять уехал!» А по возвращении выяснялось, что Игорь уже прошел самостоятельно учебный материал и готов сдать сочинения и зачеты. Это впечатляло — особенно одноклассников.

Он очень много читал, и в 17 лет был уже взрослым, думающим человеком. И одновременно это был живой, элегантный юноша — он прекрасно танцевал, любил поэзию, музыку, живопись, а в те годы следил еще за модой. Однажды, вернувшись из-за границы, он пришел в школу в джинсах, а у нас их еще тогда не носили. Ему сделали замечание, и больше этого не повторялось. Вот удивительное свойство Игоря — у него никогда не было конфликтов с людьми, он так просто и искренне смирялся перед каждым, что его любили все.

Класс был дружный. Многие знали друг друга еще с детского сада и любили собираться вместе вне школы. Помню, в шестом классе на вечеринке Игорь по-мальчишески закурил и попробовал вина. Но все это ему так не понравилось, что было вычеркнуто из жизни уже раз и навсегда. И когда уже взрослыми одноклассники собирались вместе, все знали — Игорю нужно, чтоб был чай, а еще он любил сладкое.

Почти все девочки в классе были тайно влюблены в Игоря, а мальчики тянулись к нему, как к лидеру. Но сам он никогда не хотел первенствовать и отводил себе самое скромное место.

Он стал нашим духовным лидером, когда ушел в монастырь. Но случилось это не сразу, и сначала было общее потрясение: «Как — Игорь Росляков монах? Такой блестящий, одаренный молодой человек! Да он же был восходящей звездой!» Многие ездили тогда в монастырь, чтобы спасти его.

Помню, как я впервые приехала в Оптину, и мы сидели с ним на лавочке под липами. Я была без платка, а в сумке гостинец – колбаса. Но я ехала не к монаху, а к своему ученику, тревожась за его участь и не подозревая еще, что приехала к своему духовному отцу.

Потом он писал мне, я теперь часто перечитываю его письма, удивляясь той милости Божией, когда Господь дал мне ученика, ставшего моим учителем на пути к Богу.

Помню свою первую исповедь у иеромонаха Василия и чувство неловкости, что я, учительница, должна исповедовать грехи своему ученику. И вдруг о. Василий так просто сказал об этой неловкости, что я почувствовала себя маленькой девочкой, стоящей даже не перед аналоем, а перед Отцом Небесным, которому можно сказать все.

Мученическая кончина отца Василия изменила жизнь не только нашего класса, но и школы. Многие крестились, стали ходить в церковь, а кто-то ушел в монастырь. И даже люди, далекие от Бога, но знавшие о. Василия, не могут не уважать его веры. Такой след он оставил в жизни».

Из письма преподавателя физкультуры школы № 466 Анатолия Александровича Литвинова: *«Игорь Росляков был самым одаренным учеником нашей школы и, бесспорно, лучшим спортсменом ее. Конечно, он был известен как мастер спорта международного класса, капитан сборной МГУ и член сборной СССР. Но он входил еще в сборную команду школы и выступал на районных соревнованиях и на первенстве Москвы по легкой атлетике, лыжному кроссу и волейболу. Игорь был не просто загружен, а перегружен. И меня очень тронуло, когда он пожертвовал престижными со-*

ревнованиями, чтобы помочь школьным товарищам в финальном матче по волейболу.

Он был скромным, прилежным тружеником. А еще он был молчалив. Какая-то скорбь была в его глазах, улыбался он редко. Внешние данные у него были прекрасные. Это был целеустремленный, талантливый, красивый юноша. И я удивился, когда он ушел в монастырь. Ведь ему, очень умному и способному человеку, успешно окончившему факультет журналистики МГУ и блестяще выступавшему в большом спорте, открывалась такая богатая перспектива в жизни!

В монастырь я впервые приехал на сороковой день кончины о. Василия. И Оптина так потрясла меня, что теперь искренне завидую нашей Наталье Дмитриевне, которая была рядом с о. Василием все эти годы».

Рассказывает тележурналист, мастер спорта Олег Жолобов, член сборной команды МГУ по водному поло: *«О дарованиях Игоря Рослякова говорили: «Его Бог поцеловал». Это был выдающийся спортсмен нашего века, так и не раскрывшийся, на мой взгляд, в полную меру своих возможностей. Сначала этому помешало то, что Игорь стал «невыездным». Несколько лет подряд он завоевывал звание лучшего игрока года, и при этом его не выпускали на международные соревнования. Потом началась перестройка, Игорю стали давать визу, правда, в пределах соцстран. Он выполнил тогда норматив мастера спорта международного класса, был на взлете и вдруг ушел в монастырь.*

Помню прощальный вечер, когда мы собрались командой, провожая Игоря в Оптину. Все охали, переживали и, как ни странно, понимали его. Все

мы были еще неверующими, но уважали веру Игоря и знали: он не может иначе и все. И как когда-то он вел нашу команду в атаку, так, став о. Василием, он привел нашу команду к Богу, не навязывая своей веры никому. Он убеждал нас не словами, но всей своей жизнью. И вот отдельные случаи, запомнившиеся мне.

* * *

Игорь очень строго соблюдал посты и в Великий пост это было видно по его ребрам. Когда после смерти о. Василия я со всей моей семьей и еще одним членом команды крестился в Оптиной, то впервые понял, как непросто выдержать пост, даже если сидишь дома, а жена готовит вкусные овощи. А каково поститься на выездных турнирах, где спортсменов кормили в основном мясом? А Игорь Великим постом даже рыбы не ел.

Из-за его постничества в команде было сперва недовольство. Он был ведущим и самым результативным игроком команды, и мы боялись проиграть, если он ослабеет постом. Помню, Великим постом сидели мы с ним на бортике бассейна в Сухуми, и Игорь сказал: «Главное, чтобы были духовные силы, а физические после придут. Дух дает силы, а не плоть». На следующий день у нас был решающий финальный матч с «Балтикой», очень сильной командой в те годы. И как же стремительно Игорь шел в атаку, забивая и забивая голы! Мы победили, и пост был оправдан в наших глазах.

* * *

Носить нательный крест в те года было нельзя. Но Игорь не расставался с крестом, а на соревнованиях прятал его под спортивную шапочку. Помню, в Сухуми мы пошли искупаться в море, а тут начальство на пляж приехало. Увиде-

ли, что Игорь ныряет в море с крестом, и в крик: «Позор! Безобразие! Скажите ему, чтобы немедленно снял крест!» Начальство уехало, а мы лишь переглянулись и не сказали Игорю ничего. Мы настолько уважали его, что знали: раз он носит крест — значит, так надо.

* * *

В команде у Игоря было два прозвища: «рослый» — из-за его высокого роста, и «немой» — настолько он был молчалив. На сборах кто на пляж пойдет, кто к телевизору сядет, кто в карты режется, а Игорь все над книгой сидит. Читал он очень много, а мы тянулись за ним. Помню, купил он себе за границей Библию, и мы Библии покупать. А еще помню, как один человек из команды попросил Игоря написать ему какую-нибудь молитву. Он написал ему молитву по церковно-славянски, сказав: «Лишь монахи сохранили язык».

Слово Игоря было в команде решающим. Соберется, бывало, команда — говорят, говорят, а Игорь молчит. А зайдет дело в тупик — он скажет краткое слово, и все знают — решение принято. Помню, когда началась перестройка и разговоры о демократии, на собрании команды тоже заговорили про демократию в спорте. Говорили, говорили, а Игорь подвел итог: «Команда — это монархия. Если не подчинить игру единой воле, то какая будет игра?» Кстати, он свято чтил память убиенного Государя нашего Николая II, и нам привил эту любовь.

* * *

В Оптиной пустыни о. Василий стал духовным отцом для многих членов нашей команды. Но еще до монастыря мы обращались к нему со словом: «батя». Помню, мы были в Югославии на

день Победы. Игр 9 мая у нас не было, но была с собой бутылка хорошего вина. Помялись мы и пошли к Игорю: «Батя, как благословишь?» И он благословил устроить праздник. Поехали мы на природу, накрыли стол и пели песни военных лет. Пел Игорь прекрасно. А Отечество и память военных лет — это для него было свято.

* * *

У нас была сильная команда мастеров спорта, лидировавшая в те годы. И когда мы выматывались на чемпионатах, начальство посылало нас на месячный отдых к морю. И вот все едут к морю, а Игорь в Псково-Печерский монастырь, и месяц «вкалывает» там на послушаниях.

Мы любили в те годы собираться командой на домашние праздники. Соберемся и один вопрос: «А Игорь придет?» Он был душою компании, хотя обычно сидел и молчал.

Давно нет нашей команды, но мы по-прежнему собираемся вместе. Место сбора теперь — Оптина пустынь. И в дни памяти о. Василия мы бросаем все дела и едем на могилу нашего «бати».

* * *

Из воспоминаний врача Ольги Анатольевны Кисельковой: *«В свое время Игорь Росляков был довольно известным человеком в Москве. Мне столько рассказывали о его дарованиях, что однажды, возвращаясь из гостей, я спросила знакомых: «Да когда же вы меня познакомите с вашим знаменитым Игорем?» — «Как? – удивились они. – Ты же весь вечер сидела рядом с ним». И тут я вспомнила гиганта в кожаной куртке, молча сидевшего весь вечер в углу.*

Говорил Игорь очень мало, но когда бросал реплику, чувствовалось, что это живой остроум-

ный человек. Помню, мы вместе разговлялись на Пасху, а Игорь шутил: «Из поста надо выходить аккуратно. Положите мне, пожалуйста, еще пару котлет». А в Оптиной эта гора мышц обтаяла буквально у меня на глазах. Я даже сказала: «Батюшка, благословите подкормить Игоря, а то он так похудел». Принесла ему банку варенья, а он мне икону Державной Божией Матери подарил.

В 1997 году мы гостили у родственников, и сын смотрел по телевизору матч сборной страны по ватерполо. «Вот, — говорю сыну, — о. Василий тоже в сборной играл». Сын мне не поверил: «Ну, как о. Василий мог протыриться в сборную? Ты хоть знаешь, кого туда берут? Вечно ты, мам, что-нибудь выдумаешь!» Только я хотела обидеться, как по телевизору забили гол, а комментатор воскликнул: «Да-а, такую игру мог прежде показать лишь мастер спорта Игорь Росляков!» Сын был поражен: «Мам, а ведь правда!» А я удивилась, как быстро «откликнулся» о. Василий и поддержал мой родительский авторитет».

Преподаватель МГУ Тамара Владимировна Черменская вспоминает: *«На втором курсе университета Игорь подошел ко мне и сказал: «Тамара Владимировна, а я женился». Событие это всегда радостное, но он был такой невеселый, что меня стали мучить после этого тяжелые сны. Однажды мы вместе гуляли, и я сказала: «Игорь, мне почему-то снятся про вас странные сны». — «Скоро эти сны кончатся», — ответил он. Брак был недолгим, всего полгода».*

Автобиография, написанная при поступлении в монастырь: *«Я, Росляков Игорь Иванович, родился 23 декабря 1960 года в г. Москве. Окончил среднюю школу № 466 Волгоградского района г. Москвы. После школы один год работал на ав-*

томобильном заводе. В 1980 году поступил в Московский Государственный университет на факультет журналистики. В 1985 году закончил МГУ с квалификацией — литературный работник газеты. В составе университетской ватерпольной команды выступал на всесоюзных и международных соревнованиях. Выполнил норматив на звание мастера спорта. Был женат. Брак расторгнут отделом ЗАГСа Волгоградского района г. Москвы. Детей от брака нет. С 1985 года по 1988 год работал инструктором спорта в Добровольном спортивном обществе профсоюзов».

Эту официальную биографию комментирует тележурналист, мастер спорта Борис Костенко, режиссер фильма «Оптинские новомученики»: *«Профессионального спорта у нас в те годы как бы не было, и мы с Игорем должны были показывать в автобиографии то, что значилось в трудовой книжке: работу на заводе, в ДСО и т. п. На самом деле мы были студентами — днем учились, а вечером зарабатывали себе спортом на жизнь. Отца у Игоря в живых уже не было, мать была пенсионеркой, и он не мог не работать.*

Кстати, у Игоря было два высших дневных образования — институт физкультуры и университет. Поступал он туда на общих основаниях, хотя мастера спорта, как известно, поступали иначе. Сначала мы с ним поступили на дневное отделение института физкультуры, а потом, сдав экстерном за первый курс, Игорь поступил сразу на второй курс университета. В общем, девять лет были студентами, и институт физкультуры давался тяжелее факультета журналистики — там была анатомия, физиология и очень строгая кафедра военного дела, заменившая в итоге армию.

Два диплома достались трудно. Но мы с Игорем рассудили, что все же нужен запасной диплом тренера, чтобы не лгать ради денег в газете. Правда, и спорт отвращал. Помню, мы сидели в келье о. Василия, а я стал вспоминать, сколько жизней сломал большой спорт и через какую грязь пришлось тут пройти. «Забудь об этом и не оглядывайся назад», — сказал о. Василий».

Добавим к официальной биографии еще один комментарий, написанный Игорем в стихах:

Мы все со споров начинали,
С того, что все ниспровергали,
С обид, которых не снести.
А глядь, поближе к тридцати
Стихами перенял молитву...
И с прожитым вступая в битву,
В нем ничего не изменил
И всех за все благодарил.

«И СЕРДЦЕ ВОСКРЕШАЕТСЯ ПСАЛМАМИ»

«Если я в день час-другой не побуду один, то чувствую себя глубоко несчастным», — говорил еще в миру Игорь Росляков. В квартире родителей у него была восьмиметровая комнатка-келья, и об этой комнатке сохранились стихи:

«Сегодня ты чего-то невеселый», —
Подметит разговорчивая мать.
И мы, словно соседи-новоселы,
Расходимся по комнатам молчать.
И слышу я, как швейная машинка
Справляется с заплатанным шитьем.
И кто-то, разгулявшись по старинке,
О ночке запевает за окном.

Это Кузьминки — рабочая окраина Москвы, о которой до сих пор говорят: «Москва деревенская». Пятиэтажки здесь упираются в Кузьминский лес, а в сумерках вдруг вздохнет баян, и кто-то запоет: «Ах ты ноченька, ночка темная. Что ты ноченька разгулялася?» Писать Игорь начал раньше, чем пришел к Богу, но уже следуя той древнерусской православной традиции, что отвергала ложь и вымысел как грех. По стихам Игоря можно сверять даты, а если в стихотворении говорится про «ночку», значит, «Ноченьку» в Кузьминках поют.

Написано было немало. Но ни поэтом, ни журналистом он не стал, отвергнув в итоге этот путь. И чтобы понять — почему, обратимся к поэзии Игоря и к его пониманию места поэта и журналиста в современном мире.

* * *

«Ум отверг искренность и превратился в хитрость», — писал о культуре XX века известный русский философ Иван Ильин. А по словам протоиерея Вячеслава Резникова уже с конца XVIII века литература стремится занять место Церкви, и поэты, журналисты, мыслители берут на себя роль «пророков» и «мессий».

Пророки и лжепророки — вот тема, над которой часто размышляет в своих стихах молодой журналист Игорь Росляков, сделав в итоге обдуманный выбор. Он наотрез отказался от приглашений на работу в самые престижные по тем временам газеты, сказав другу: «Я не хочу лгать». А в небольшой поэме о современном Фаусте и Мефистофеле он пишет о журналистике еще более жестко: «Да, новости — творенье черта».

Фауст в этой поэме — наш современник, многознающий и скорбный ученый, о котором Мефисто-

фель говорит: «Познать ты бездну захотел и, вглубь спускаясь непрестанно, отодвигал любой предел». Зло в современном мире выступает под личиной мудрости и добра, а Мефистофель в поэме — проповедник любви:

Мефистофель:
Скажи, чтоб не было раздора,
Гордыню затоптав свою:
Себя презрел. Люблю другого.
Другого, хоть и сатану.
И может счастие пришло бы...
Фауст:
Ты проповедуешь добро?

Мефистофель:
Такие времена настали,
Что добрыми и черти стали.
....
Души ленивой жду согласья,
Умом ты предан мне давно.

У современного Фауста с его уже плененным вражьей силой умом остался последний рубеж сопротивления — его живое, страдающее человеческое сердце. И, отвергая предложенное искусителем счастье, он говорит: «Пусть сердце плачет».

Это, похоже, позиция самого Игоря — пусть сердце плачет. С его способностями он мог бы создать себе имя в журналистике и в литературе. Но он трезво понимает свое место в том мире, где, по словам русского философа XX века Ивана Ильина, искусство давно уже стало «нервирующим зрелищем». Чтобы стяжать успех, надо лжепророчествовать, нервировать, ошеломлять. Все это отвергнуто ради безыскусности сердца, недоумевающего перед лицом бедствий и вобравшего в себя боль родной земли:

Этой теме не будет износа.
Горло сдавит к России любовь,
И по венам толкает вопросы,
Словно комья, славянская кровь.
....
И все тянет за русские дебри
Умереть в предназначенный срок.

Игорь был вхож в редакции, но стихи по редакциям никогда не носил. Он писал их, как пишут дневник, не помышляя о публикациях и зная уже: есть что-то главное в жизни, что он не понял еще. А что можно сказать людям, не поняв главного? Вот появится духовный опыт, тогда..! А пока он оспаривает те горделивые законы творчества, когда поэт, как мессия, диктует миру свою волю — «Вещь избирается поэтом»:

Хотя по совести признаться,
Чтоб научиться избирать,
По жизни надо поскитаться
И много сору перебрать.
Бывало, чуть найдет волненье,
Спешу, дрожа от нетерпенья,
Приметы неба и земли
Зарифмовать скорей в стихи.
А через день переиначу,
Прибавлю там, тут зачеркну.
Когда же что-нибудь пойму,
Сожгу и даже не заплачу.

Он действительно многое сжег или бросил в виде ненужных уже черновиков. Шел такой стремительный духовный рост, что он быстро перерос свою поэзию. И все-таки юношеская тяга к поэзии была не случайной — это была попытка пробиться к свету, и душа его уже не раз переживала священный восторг перед величием Божиего мира.

И тогда ничего мне не стоит
Бросить все и уйти в монастырь
И упрятать в келейном покое,
Как в ларце, поднебесную ширь.

Мыслей о монашестве еще не было, но душа уже слышала зов.

* * *

Встреча с Богом была для Игоря таким потрясением, что весь мир стал явлением Богоприсутствия:

И сердце воскрешается псалмами.
И городом владеет царь Давид.

Сразу после обращения он с жаром новоначального создает два больших цикла стихов на темы Евангелия и Псалтири. Пишет он в эту пору много, горячечно, чтобы в итоге бросить писать.

В Оптину пустынь о. Василий пришел уже человеком «не пишущим», и из-за этого был даже конфликт. Вскоре после открытия монастыря здесь начали выпускать свою газету «Обитель». Но если желающих писать было много, то умеющих — мало. И тут обнаружили, что о. Василий профессиональный журналист, а стало быть, должен писать для газеты. Отец Василий отказался, вызвав тем самым осуждение новоначальных: «Мы пишем, проповедуем, а он? Эгоист!» А один послушник, оставивший затем монастырь ради творчества в миру, даже сказал обличающе: «Он же как булавкой пришпилил себя к покаянию да и распялся на том!» Все так. И чтобы понять позицию о. Василия, приведем один разговор с ним. Однажды иеромонах П. принес ему кассету современных духовных песен и спросил после прослушивания:

— Ну как — хорошо?

— Хорошо, — ответил о. Василий. — Только бутылки не хватает. Душевное это, а не духовное. Вот стихами старца Варсонофия даже отчитывать можно.

Эти слова о. Василия по сути кратко передают главную мысль из неопубликованного еще в те годы письма святителя Игнатия Брянчанинова к послушнику Леониду: «Оду «Бог» слыхивал я, с восторгом читывал один дюжий барин после обеда, за которым он отлично накушивался и напивался... Верен, превелик восторг, производимый обилием ростбифа и шампанского, поместившегося во чреве! Ода написана от движения крови — и мертвые занимаются украшением своих мертвецов! Не терпит душа моя смрада этих сочинений! По мне уж лучше почитать, с целью литературной, «Вадима», «Кавказского пленника», «Переход через Рейн»: там светские поэты говорят о своем и в своем роде прекрасно, удовлетворительно. Благовестие же от Бога да оставят эти мертвецы! Не знают они — какое преступление: переоблачать духовное, искажать его, давая ему смысл вещественный!»

От юности о. Василий посвятил себя работе над словом и после встречи со Словом, рожденным Духом Святым, для него разом померкли все словеса земного мудрования. Отныне цель жизни была уже иной: «Я от всего отказался и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Флп. 3, 8.). И на этом пути исподволь вызревал данный ему Господом дар.

Он отверг душевное ради духовного. Но все же его тянуло писать, и на первых порах в дневнике изредка появлялись строки:

Что, инок, взялся за стихи?
Или тебе Псалтири мало?
Или Евангельской строки
Для слез горячих не достало?

По словам выдающегося православного богослова XX века Владимира Лосского, человек рожден быть «поэтом для Бога». Таким поэтом для Бога был о. Василий, не подозревавший до поры, что его родной язык церковно-славянский, а призвание не стих, а стихира. Когда после убийства нашли монашеский дневник о. Василия и впервые прочли его стихиры, то поразило открытие — от нас ушел одаренный духовный писатель, так много обещавший в будущем. Жизнь оборвалась на взлете.

ДНЕВНИК 1988 ГОДА

Дневник о. Василий начал вести еще перед уходом в монастырь, и нам уже случалось приводить выдержки из него. И все же ради целостного восприятия текста представляется необходимым дать дневник без купюр. Вот он.

11 марта 1988 г.

По благословению о. А. (по второму) пытаюсь начать дневник. Вечером беседа. Все мои слова не по существу. Не могу точно выразить свои основные духовные проблемы, поэтому беседа течет сама по себе и не утоляет моей жажды.

12 марта 1988 г.

Утро. Мать нашла мой крещальный крестик. Мне 27 лет. Я надел этот крестик впервые после крещения, бывшего 27 лет назад. Явный знак Божий.

Во-первых, указующий (может быть, приблизительно) день моего крещения (мать не помнит) — это радостно.

Во-вторых, напоминающий слова Христовы: «...возьми свой крест и следуй за мной» — это пока тягостно.

На Всенощном бдении вынос Креста (Крестопоклонная неделя Великого поста). Воистину крестный день!

13 марта 1988 г.

Литургия в церкви Пророка Илии.

Тренировка. В гостях у Левана.

14—19 марта 1988 г. г. Тбилиси.

5 игр. Пост. Познал опытно слова Давида: «Колена мои изнемогли от поста и тело мое лишилось тука». Господи, спаси и сохрани!

20 марта 1988 г. Воскресенье.

Литургия. Богоявленский собор.

21 марта 1988 г.

«Не сидел я в собрании смеющихся и не веселился: под тяготеющей на мне рукою Твоею я сидел одиноко, ибо Ты исполнил меня негодования». (Иеремия 15, 17-19)

Не сидел я в кругу захмелевших друзей,
Не читал им Рубцова и Блока.
Опечалился я, и с печалью своей
Я сидел у икон одиноко.

22 марта 1988 г.

Выставка работ К. Васильева.

Небольшой зал в здании Речного вокзала. Вся выставка работ 30. Интересно, талантливо, красиво, т.е. *душевно*, а хочется духа! Людям нравится, говорят — возвращение к истокам(!) Каким? Истоки Руси в христианстве, а не в дремучем лесу. Васильев, видно, увлекался Вагнером (хоронили под его музыку), есть несколько работ о Нибелунгах. Поэтому и в картинах о Руси тот же языческий привкус (глаза). Соколиный взгляд, волчьи глаза. А хочется побольше доброты, любви, милосердия. Но тут уже Христос: «милости хочу, а не жертвы».

Я сжег «Иудейские древности». Они были написаны в марте 86 г., т.е. ровно 2 года назад.

23 марта 1988 г.

В богослужении задействованы все пять чувств человека. Цель — облаготворить человека, в пределе — возвысить, выявить Божественную его сущность, дать ему самому ее ощутить, насладиться ею и побудить стремление к сохранению и умножению этой духовной красоты, которая, несмотря на наше духовное упорство, доходящее до полного отрицания существования этой красоты, все же не оставляет и не покидает нас.

* * *

После долгих раздумий над чем-то очень важным для нас и требующим обязательного разрешения, вдруг рождается примиряющая мысль. Именно рождается: мы были чреваты этой мыслью, вынашивали ее, испытывали муки и боль и, наконец, радуемся ее появлению. Радуемся искренне, как дети. Эту радость мы принимаем порой за истинность, считая, что мы много трудились и потому достойны ее. Но все подлежит проверке опытом. Мысль может быть убедительной, изящной, интересной, но не всегда *истинной*.

* * *

О трех видах искусств: литература (слово), музыка (звук), художество (цвет). Синтез = содержание + форма.

Слово сильнее, чем звук и цвет.

Звук — более тонок, как бы расплывчат, а потому менее конкретен, определен.

Цвет — более определен, оформлен, но менее тонок. И в том, и в другом как бы существуют начатки слова, потому и звук и цвет словесны и потому они смогли составить в синтезе слово.

Слово — достояние человека и явление его Божественной сущности. У животных есть и музыка и художества. Например, пение птиц и изящество форм и красок у бабочек, отсюда древние культы обожествления животных. Христианство же по сути словесно, потому и человечно. «Слово было Бог». Не звук, не цвет, но Слово!!!

Иначе Евангелисты должны были написать симфонии и картины, чтобы возвестить о Христе.

Итак, слово — это оформленный, окрашенный звук или наполненный, озвученный цвет.

Слово — меч, оно имеет в себе направленность, вектор действия, оно заставляет определиться и потому создает отношения, чувства, т.к. они существуют только по отношению к чему-то, к кому-то. Звук и цвет скорее опахало. Они приближают красоту и соединяют душу с нею, но всю (!) душу, т.е. все, что в ней хорошего и плохого. Здесь синтез, а в слове анализ.

В звуке и цвете нет критерия истины.

В музыке и живописи это гармония, т.е. осмысленный порядок, словесный порядок. Здесь есть слово, хотя сокрыто, но есть.

Слово — все осмысливает, оценивает и потому побуждает действовать: совершенствовать или изменять, а не просто наслаждаться красотою и гармонией (как в музыке и живописи).

Осмысливаем, значит, сравниваем. С кем? Со Словом Божиим — оно критерий истинности всего.

2 апреля 1988 г.

Всенощная в Богоявленском соборе. Физическое ощущение присутствия благодати Божией. «Глас хлада тонка». Был даже момент благоухания во время чтения Евангелия. Я ощутил запахи пещер Псково-Печерского монастыря.

3 апреля 1988 г. Вход Господень в Иерусалим.

Литургия в Пушкино. Проповедь о Евхаристии.

1. Уже 1000 лет Господь отбирает слуг себе для града небесного, Нового Иерусалима, из народа русского — по толкованию святых Отцов.

2. Беды земли нашей от непонимания (а потому и умаления) священством частого евхаристического общения. Отец Иоанн (Крестьянкин), епископ Игнатий Брянчанинов.

3. Евхаристия — **причастие.**

4. Не созерцательное присутствие в храме, а деятельное.

7 апреля 1988 г. ВеликийЧетверг. Благовещение Пресвятой Богородицы.

Литургия в Пушкино. Чтение 12 Евангелий. С огнем Великого Четверга ехали к о. А.

Беседа — четыре столпа жизни православного подвижника: вера, любовь, отдание себя в волю Божию, смирение.

N.B.!!! Будущее — в руках Божиих. Прошедшее — в книгах жизни, настоящее в наших руках, т.е. творить жизнь возможно только стоя во Христе. Чем глубже познание нами Христа, тем величественней наша духовная свобода, а потому и ведение судеб Божиих, т.е. судеб мира. Пределы духовной свободы — это пределы вселенной.

Задача темных сил — формировать природу людских отношений, соц. институтов лишь для запугивания, порабощения нашего духа, дабы он не вырос в меру полной свободы, в полную меру возраста Христа. Если такое случается, бессильны становятся легионы тьмы против одного воина Христова.

Идея романа: искра подвижничества высекается от столкновения воли Божией и хотения че-

ловеческого; советы и оправдания греха; свободы и рабства миропорядка. 3 плана, 3 круга: вселенский, исторический, бытийный.

10 апреля 1988 г. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Моя третья Пасха.

Литургия в Пушкино. Отдохнул в алтаре. И в 6 часов еще одна литургия.

Время — мистическая сущность. Спрашиваю себя — был пост или не был? Служба была или нет? Так придется когда-нибудь спросить и о своей жизни. Что же реально существует? Душа. Очищенная от греха или еще замаранная им.

«Ликуй ныне и веселися Сионе...» — именно ликуй(!). Это состояние духа, потому оно внутреннее, а не внешнее.

«Ибо всякий дом устроятся кем-либо, а устроивший все есть Бог». (Евр. 3, 4.)

Рим. 3, 5-8 – Мефистофель.

10 июня 1988 г.

«Добродетель мы должны почитать не ради других, но ради ее самой». Иоанн Златоуст.

Почему мы должны быть добродетельными? Почему мы должны творить добро? Отвечают: потому что это радость для людей, потому что «добро побеждает зло», а значит, лучше быть на стороне сильного: потому что добро — это хорошо, а зло — это плохо и т. п.

То есть добродетель утверждается логикой, умонастроением. Это приемлемо как первая ступень на лестнице восхождения к доброте. Это приемлемо для младенцев, не имеющих чувства и навыка в различении добра и зла. Это молоко, а не твердая пища.

Если только на этом будет зиждиться понятие добра, то оно зыбко, а во многих случаях — мертво. В нем говорит ум, а сердце молчит.

Нужно сердцем ощутить вкус добродетели, ее сладость и истинность. Тогда доказательство необходимости творить добро будет находиться в самом добре. Тогда не надо и доказательств. Я делаю добро и через это делание убеждаюсь, что следую истине. Я творю добро, потому что это добро. Я люблю добро, и я понимаю, что надо творить добро — не однозначные выражения.

Итак, почему я должен быть добродетельным? Потому что я *люблю* добродетель.

14 июня 1988 г.

Смерть страшна, потому что она знает обо мне все, потому что она обладает мною, распоряжается мною, как госпожа своим рабом. Христианство дает знание о смерти и о будущей жизни, уничижая этим власть смерти. Да, и о христианине смерть знает все, но он знает о ней ровно столько, чтобы не бояться ее.

Христианство превращает смерть из убийцы во врача, из незнакомца в товарища.

Сколько б ни рассуждали о смерти атеисты и интеллигенты, она для них остается незнакомкой, явлением, не вписывающимся в круг жизни, явлением потусторонним, потому что они не имеют знания о смерти. Мы боимся в темноте хулигана, потому что он не знаком нам, мы не знаем его намерений, а с близким человеком и в темноте встреча становится радостной.

15 июня 1988 г.

«Красота спасет мир» — писал Достоевский. Красота — это Бог. Сколько бы мы ни исследовали нашу жизнь, сколько бы ни расчленяли на составные части, вроде бы для того, чтобы понять ее механизм, жизнь в своей целостности будет всегда

прекрасной, Божественной и не познаваемой до конца, как не познаваема красота.

Сколько бы мы ни исследовали состав почвы, находя в ней все новые и новые металлы и соли, сколько бы мы ни проникали в тайны наследственности, создавая новые отрасли науки, умножая академии, институты, лаборатории, все равно цветок, выросший на изученной земле, цветок, взошедший из хрестоматийного семени, повергнет в изумление своей красотой.

Радость, которую дарует знание, должна дополняться радостью созерцания, тогда она будет совершенна. «Все знаю, все понимаю и все равно удивляюсь», — говорит человек. Изумление перед всем, изумление, несмотря ни на какие звания, ни на какие беды, — это красота, это спасение миру, это путь к Богу. А жизнь без изумления пред красотой, а значит, и без Бога пуста и ничтожна.

С 21 июня по 29 августа 1988 г. Оптина пустынь.

Крапива выше меня ростом растет у стен монастыря.

Отдельные мысли и выписки из книг:

«Горе отнимающим плату у наемника, потому что отнимающий плату то же, что проливающий кровь». (Преп. Ефрем Сирин).

«В меру жития бывает восприятие истины».

(Преп. Исаак Сирин).

Прежде всего: сознание своей немощи, терпение, самоукорение. Это путь к смирению.

(Преп. Амвросий).

Библия — ключ к истории. Дух истории. Потом археология, геология и т. п.

«Крепко сказал Господь!» (Один старый иеромонах)

Прочитанные книги:

1. «Жизнеописание старца Амвросия». Прот. Четверяков.

2. «Жизнеописание о. Амвросия». Иеромонах Андроник. Материалы к канонизации.

3. «Оптина пустынь и ее время». Концевич.

4. «Историческое описание Оптиной пустыни». Архим. Л. Кавелин.

5. «Священная поэзия». Схиархим. Варсонофий.

6. «Лествица».

7. «Иеромонах Климент Зедергольм». К. Леонтьев.

«Мир существует только до момента его окончательного самоопределения в сторону добра или зла». Схиархим. Варсонофий.

* * *

<u>О коммунизме.</u>

Ересь страшнее безбожия открытого. Безбожник может быстрее обратиться к познанию истинной веры, чем еретик. Поэтому, может быть, промысл Божий, чтобы сохранить чистоту православия и оградить его от лукавства ереси, предал его в руки безбожников откровенных и воинствующих.

* * *

Почему нет хорошего образования в семинарии и академии? Бог смиряет: «Живите пред Богом, а не мудрствуйте!»

1. Это сохраняет (как ни парадоксально) чистоту веры, потому что богословие без жития по Богу (которого в современных условиях почти нет) губит.

2. Невозможность приобрести блестящее образование указывает на другой и единственно верный способ познания Бога — путь деятельной жизни

по заповедям Божиим и святоотеческим преданиям. Тогда сам Бог научает нас. (Мария Египетская. Житие.)

* * *

Темные силы злятся на нас, потому что мы, приближаясь к Богу, осуждаем их. (Так человек, делающий добро бескорыстно, вызывает гнев и презрение у подлецов). Мы, немощные, скотские, и то выбираем Бога и стремимся к Нему, а они, бесплотные, зрящие величие Божие, уклонились от Него. Наше стремление к Богу для них осуждение, намек на Страшный Суд.

* * *

«Я есмь путь, истина и жизнь».

Все вокруг нас, буквально все без исключения, вся сотворенная *жизнь* устроена так, чтобы привести нас к познанию Бога. Куда бы человек пристально ни взглянул, он изумится, чем бы он увлеченно ни занимался, он поразится глубиной ремесла. А изумление — начало философии, как говорили древние. Тут начинается искание, *путь,* который необходимо пройти, чтобы обрести *истину.* А обретая *истину,* мы обретаем *жизнь*.

«Я есмь *путь*, *истина* и *жизнь*».

* * *

Об Антихристе.

Число 666 дважды встречается в Библии. 1. В Откровении Иоанна Богослова как указание на Антихриста (13, 18). 2. 2 Паралипоменон (9, 13), «Весу в золоте, которое приходило к Соломону в один год, было 666 талантов».

Сегодня золото творит чудеса и знамения. Самые фантастические проекты могут быть осуществлены, если есть деньги. От их количества зависит и фантастичность.

Начертание на правой руке или челе — рука, считающая деньги и производящая коммерческие операции. Чело – бизнесмен. Все занято помыслами о золоте. Что бы он ни делал, он должен извлечь из этого деньги, иначе нет удовольствия от жизни. То есть, все помыслы (чело) и все дела (рука) заняты добычей денег.

(Многие писатели говорили о деньгах как о страшилище — Э. Золя, Гете.)

Антихрист – финансовый гений (золото) и религиозный мудрец (Соломон), знающий и умеющий все, чтобы поразить всех. Еще Н.В. Гоголь писал: «Все, что нужно для этого мира — это приятность в оборотах и поступках и бойкость в деловых кругах». Поэтому Святые Отцы всегда так восставали против сребролюбия, как идолослужения, и беспочвенного умствования, как духовной болезни.

Всякое знание имеет сладость и этим привлекает, потому что дает право власти над чем-то, а значит и гордости.

Христианское познание преподает скорбь. «Во многой мудрости много печали». Но печаль есть двух родов, говорит апостол Павел. Печаль о мире — производит скорбь, а печаль о Боге — дар покаяния.

Откровение (13, 17): «Не смогут покупать и продавать, кроме того, кто имеет это начертание (т.е. талант бизнесмена) или имя зверя (т.е. принадлежность к государственной власти) или число имени его (666 — золото, наследство, капитал)».

Единая денежная единица во всем мире и единая (внешне) религия — дела Антихриста.

3 сентября 1988 г.

«Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны». Свт. Иоанн Златоуст.

15 сентября 1988 г.

Уехал в Оптину.

14 октября 1988 г. Покров Божией Матери.

Причащался в монастыре.

17 октября 1988 г.

Пришел в монастырь. Преподобне отче наш Амвросие, моли Бога о мне!

«НЕ МОГУ БЕЗ ОПТИНОЙ»

30 августа 1988 года Игорь Росляков уехал из Оптиной в Москву, чтобы, завершив все расчеты с миром, вернуться в монастырь уже навсегда. А далее в дневнике идут две нестыкующиеся записи: 15 сентября – «Уехал в Оптину», 17 октября – «Пришел в монастырь». Между этими двумя датами — тяжелый и болезненно-мучительный для о. Василия месяц, о котором он предпочел умолчать.

Хотелось бы умолчать и нам. Но недавно могилу о. Василия посетили русские «зарубежники» и рассказали паломникам легенду, будто новомученика Василия Оптинского взрастила Зарубежная Церковь. Откуда взялась легенда – непонятно, а факты таковы. Отец Василий был уже иноком, когда узнал, что иерей, с которым он имел общение в Москве, перешел в юрисдикцию Зарубежной Церкви. «Неужели опять раскол?» — говорил он в потрясении. А игумен Ипатий вспоминает, как о. Василий рассказал ему тогда, что увидел во сне иерея, перешедшего в раскол, в виде живого мертвеца. «Что сказать ему, если доведется встретиться?» — спросил он о. Ипатия.— «Назвать все вещи своими именами».

Игумен Владимир рассказывал: *«Отец Василий был на голову выше всех нас. Все мы при-*

шли в монастырь молодыми и по запальчивости, бывало, начнем осуждать, а о. Василий тут молча выйдет из кельи. Это подтягивало, и в Оптиной уже знали — при о. Василии нельзя осуждать, иначе он уйдет.

Точно так же он ушел от людей, перешедших позже в раскол. Никакого раскола еще в помине не было, но был уже дух осуждения и вражды к нашей Церкви, и о. Василий тут же отошел от тех людей».

* * *

«Без попущения искушений невозможно нам познание истины», — писал преподобный Исаак Сирин. И Господь попустил о. Василию пройти через боль искушения, уготовляя из него огненного защитника православия и нашей Церкви. Он вел катехизаторские беседы в тюрьме г. Сухиничи, беседы с баптистами в тюрьме г. Ерцево, воскресную школу в г. Сосенском и школу для паломников в Оптиной. А сколько людей обрели веру после личной встречи с ним! Вспоминают, что свет в келье отца Василия не гас порой до утра, а сосед через стенку слышал звуки земных поклонов и тихие слова молитвы о заблудших и погибельными ересями ослепленных, «ихже Сам просвети, Господи!»

Из письма рабы Божией И., прихожанки Оптинского подворья в Москве: *«Однажды разговорились с 90-летним дедушкой, перешедшим на старости лет из православия к адвентистам. Свой поступок дед объяснял тем, что адвентисты помогают ему в быту, а помощи от своей приемной дочери он принимать не хотел. Адвентисты так запутали дедушку, что было жаль его, и мы уговорили деда сходить с нами в православную церковь.*

Храм деда умилил, хотя службу он почти не слышал, так как был глуховат. А мы попросили о. Василия поговорить с дедушкой. Дед долго рассказывал о. Василию, как помогают ему адвентисты и «нехорошо после этого их предать». От волнения дед совсем перестал слышать, не реагируя на доводы батюшки. Тогда о. Василий подвинулся к нему поближе да как крикнет: «Дед, помирать скоро! Бросай ты своих адвентистов и возвращайся в православие!»

Дед смутился и засобирался домой. Отец Василий просил нас не оставлять дедушку, сказав, что будет молиться за него. Но по дороге из церкви мы с дедом поссорились — он обиделся на мои слова, что все мы грешные, заявив: «У меня грехов нет!»

Поручение о. Василия не оставлять деда осталось не выполненным. А он своего обещания не забыл и от всего сердца, видно, молился за деда, потому что когда мы пришли через полгода приложиться к Плащанице, то глазам своим не поверили — в храме сидел, опираясь на палочку, и молился наш дедушка».

Рассказывает монахиня Феодора: *«Летом 1990 года наш молодежный лагерь жил в палатках возле Оптиной. Многие еще только готовились к крещению, и отцы Оптиной вели с нами катехизаторские беседы. Кто-то на беседе задал вопрос о Зарубежной Церкви, и о. Василий рассказал о своей встрече с американцами «зарубежниками»: «Мы думали, — говорили они, — что ваше православие погибло вместе с катакомбной церковью. А теперь видим у вас такую истинную, живую православную веру, какой у нас давно нет. Вы*

выше нас!» Он рассказывал нам о красоте и величии православия по книгам свт. Игнатия Брянчанинова, а мы слушали, затаив дыхание, и так хотелось эти книги прочесть! Я попросила о. Василия помочь достать мне книги святителя, и мне выслали почтой том «Приношение современному монашеству». Я была тогда солисткой филармонии и читала о монашестве, приняв после убийства о. Василия монашеский постриг».

Рассказывает монахиня В.: *«Моя родная сестра не ходила в церковь и никакие уговоры на нее не действовали. А тут приехала навестить меня в монастырь и захотела поисповедаться. На исповеди она стала рассказывать про свои аборты и прочую скверну в таких несдержанных выражениях, что батюшка, не выдержав, сказал: «Иди к о. Василию». Подвела я ее к аналою о. Василия, и батюшка долго беседовал с ней. Даже в алтарь сходил за требником и читал над сестрою молитвы. Уж как моя сестра была довольна! «Такого умного человека, — говорит, — я за всю мою жизнь не встречала. Да сколько же я потеряла, что не ходила в церковь! Теперь обязательно буду ходить».*

Рассказывает регент Т: *«Шел такой быстрый рост цен, что я была в панике. И тут меня пригласили работать регентом в Зарубежной Церкви, а там платили в валюте и куда больше, чем у нас. Я попросила о. Василия благословить меня на эту работу, сказав, что исповедоваться и причащаться я буду по-прежнему у нас. «Как же можно благословить? — удивился о. Василий. — Они же раскольники». Он замолчал, а потом сказал тихо, будто себе: «Да как*

они могут говорить, что в нашей Церкви нет благодати, когда она стоит на крови мучеников!».

Он часто говорил в своих проповедях о мучениках Христовых, засвидетельствовавших своей кровью истинность нашей веры.

Из проповеди о. Василия, произнесенной на день обретения мощей прп. Амвросия Оптинского: *«Блаженный псалмопевец Давид говорит: «День дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум». Какое слово, какой глагол сегодняшний день возвещает нам, собравшимся здесь в церкви? День, когда мы празднуем обретение мощей преподобного и богоносного отца нашего старца Амвросия? Не ошибемся, если скажем, что это слово — слово о Воскресении Христовом.*

Свидетели, которые некогда посещали римские катакомбы, где были гробы первых мучеников за Христа, говорили о том, что входя в священные пещеры, мы вдруг радовались неизреченной радостью. Она словно ветер налетала на нас, сбрасывала с нас печали и скорби, горести наши, как ветер сметает опавшие листья. И мы стояли и только радовались и веселились. И ничего, кроме голоса: «Христос воскресе из мертвых», не было в нашем сердце».

Как тут увязаны воедино мощи преподобного Амвросия, мученичество за Христа и Пасха, — это тайна души о. Василия. Но вот удивительная цельность жизни о. Василия — по приезде в монастырь он жил в хибарке преподобного Амвросия, перед смертью сподобился явления Старца, а потом умирал на Пасху у раки его мощей, засвидетельствовав своей кровью истинность нашей веры.

Итак, 17 октября 1988 года в Оптиной пустыни появился новый насельник — Игорь Росляков.

Из воспоминаний Петра Аксенова, студента Свято-Тихоновского Богословского института: *«Мне было 13 лет, когда по благословению архимандрита Иоанна (Крестьянкина) мы с мамой переехали из Москвы в Оптину пустынь, купив дом возле монастыря. Мама писала иконы для Оптиной, а я работал тут на послушании. Отец Василий очень любил о. Иоанна (Крестьянкина) и, узнав, что мы батюшкины чада и часто ездим к нему, расспрашивал меня по возвращении из Печор: как там батюшка и что он говорит? В келье о. Василия висел портрет архимандрита Иоанна, и он с любовью говорил о нем: «Вот истинный старец. Вот молитвенник. Как же мне близок его дух!»*

Какая-то близость тут правда была. И как из кельи о. Иоанна я выходил, будто умытый, так и рядом с о. Василием возникало чувство чистоты. Как многие мальчики я был любопытен и, вслушиваясь в пересуды о людях, тоже начинал осуждать. А о. Василий никого не осуждал, и рядом с ним у меня даже мысли не возникало осудить кого-то.

Мальчиком я был обидчив и, бывало, обижался, что приедешь в монастырь, а кто-то хлопнет тебя панибратски по плечу и скажет, читая надпись на майке: «О, Пан-Америка! Как ты разоделся?! М-да, мир во зле лежит». А о. Василий моей одежды просто не замечал. В нем было столько благоговения, что даже от его обычного иерейского благословения я чувствовал радость в душе. Мне очень нравился о. Василий и нравилась его келья. Ничего лишнего — иконы, книги, стол, топчан. Это была монашеская келья, а в ней монашеский дух.

Игорь носил в миру короткую стрижку и таким пришел в монастырь. Потом волосы отросли, но неровно – бахромою, и кто-то подстриг ему эту бахрому. В 13 лет я был страшный дерзила и тут же бросился поучать: «Игорь, зачем вы постриглись? Ведь монахи волос не стригут». А он сокрушенно: «Действительно, зачем? Ты прав, Петька. Как же ты прав!» Тут моя мама запереживала из-за моей дерзости: «Петя, как ты можешь так говорить?» А о. Василий ей: «Он прав».

В ту пору меня очень занимала моя родословная. Я обнаружил, что в роду у мамы были иконописцы, купцы, дворяне. Я стал рассказывать о. Василию, что все думаю о своей родословной, а он говорит: «Не думай об этом, Петька. У нас совсем другая родословная». И святые, говорит, наши родные, а в Царстве Небесном откроется, кто наш истинный друг и родня.

Стал я ходить к о. Василию со всеми своими скорбями и однажды рассказал, как трудно мне было в школе из-за того, что я верующий и отказался вступить в пионеры. Особенно меня преследовала одна учительница, оказавшаяся, как выяснилось, экстрасенсом. «Я рад за тебя, — сказал о. Василий и добавил. — Мужайся!» Он часто говорил мне в искушениях: «Тут надо мужество. Мужайся!»

Отец Василий сначала нес в монастыре послушание гостиничного, а потом его перевели в иконную лавку. Лавку тогда на обед не закрывали, и я по послушанию носил ему туда обеды из трапезной, поневоле наблюдая, как он становился все воздержанней в еде. Когда о. Василий был

послушником, у него в келье водились продукты. Привезут ему друзья что-нибудь вкусное, а он зовет меня: «Петька, приходи, передача пришла». И с удовольствием скармливал мне лакомства, а я не отказывался.

Потом продуктов в келье не стало. Знаю это потому, что на Рождество мы ходили с детьми по кельям славить Христа и везде нас угощали. Отец Василий был очень тронут, что дети славят Христа, и так хотел угостить нас, но дать ему было нечего. Шарил он, шарил по своей пустой келье, наконец, нашел лимон и дал его нам. Это было так трогательно.

Когда о. Василий служил на подворье в Москве, там кормили необыкновенно вкусными омлетами, взбитыми сливками и т. п. Отец Василий сказал мне, что это не монашеская еда, попросив привезти ему из Оптиной «витамины», то есть лук и чеснок. Отец келарь добавил в посылку рыбные консервы, а о. Василий, рассказывали, уже не появлялся в трапезной, питаясь у себя в келье хлебом и «витаминами».

У меня была одна-единственная исповедь у о. Василия, изменившая, однако, многое во мне. Я поступил тогда в Московское художественное училище 1905 года и, попав в богемную среду, стал лицедействовать, с удовольствием играя в те современные игры, когда каждый создает себе имидж, стараясь казаться лучше, чем он есть.

Когда я рассказал об этом о. Василию, он ужасно разволновался: «Зачем? Зачем? Это тебе не идет». Потом он молча молился, сказав: «Не твое это!» Причем сказал с такой силой, что страсть к лицедейству он во мне разом пресек.

Сострадание к немощным сочеталось у отца Василия с долготерпением и какой-то особой духовной силой. Помню, жил тогда в монастыре болящий паломник М. Раньше М. увлекался наркотиками, и его психика была так расстроена, что духовный отец не справлялся с ним и отсылал его на исповедь к о. Василию. М. не мог причаститься и убегал от причастия, а о. Василий мог буквально догнать и помочь причаститься. Однажды Великим постом М. так закрутило, что он лежал пластом в своей келье и не мог ходить ни в трапезную, ни в храм. Как же выхаживал его о. Василий — ежедневно носил ему просфорки, обеды из братской трапезной и очень часто исповедовал и причащал прямо в келье. М. поправился, а потом долго жил и работал в монастыре, и все с радостью отмечали его духовный рост. А когда о. Василия не стало, то без его поддержки М. уже не мог справляться с монастырским режимом и вынужден был уехать из монастыря. Лишившись поддержки о. Василия, уехали и другие болящие. И тогда вдруг открылось — сколько же немощных людей он тянул на себе!

На Пасху 1993 года в шесть утра, то есть в час убийства, у нас дома раздался грохот в святом углу — упала лампадка на высокой ножке, забрызгав маслом все вокруг. Ближе всего к лампадке стояла написанная мамой для Оптиной икона Пресвятой Живоначальной Троицы, установленная позже над мощевиком в Свято-Введенском соборе. В первую очередь масло должно было залить ее, испортив готовую работу. Но вопреки всем законам физики брызги масла обогнули ее. (От редактора: 19 февраля 1995 года эта

икона мироточила, а в декабре 1998 года было многодневное и обильное мироточение.)

На погребении я сильно плакал и одновременно ни минуты не сомневался, что о. Василий святой. Когда я иду сдавать экзамены, то беру с собой фотографию своего духовного отца, блаженной Матронушки и о. Василия. Когда о. Василий учился в семинарии, он блестяще сдавал экзамены, и я прошу его: «Батюшка, помоги мне!» Помощь о. Василия я чувствую, а его фотография стоит у меня на столе.

Один взгляд на эту фотографию удерживал и удерживает меня от многих прегрешений».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА

17 октября 1988 г.

Пришел в монастырь. Преподобне отче наш Амвросие, моли Бога о мне!

17 ноября 1988 г.

Икона Казанской Божией Матери и икона преподобного Амвросия источали миро. Матерь Божия, укрепи нас! Старец святый, заступись за обитель!

* * *

Старец Силуан: «Чем больше любовь, тем больше страданий душе; чем полнее любовь, тем полнее познание; чем горячее любовь, тем пламенней молитва; чем совершеннее любовь, тем святее жизнь». Любить Бога никакие дела не помешают. Что надо делать, чтобы иметь мир в душе и в теле? Для этого надо любить всех, как самого себя, и каждый час быть готовым к смерти.

19 ноября 1988 г.

Получил известие о гибели о. Рафаила. Он разбился 18 ноября на машине, в 60 км от Новгорода.

21 ноября 1988 г. Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.

Порхов. Отпевание о. Рафаила. С момента получения известия о гибели до литургии, до причащения, была невероятная душевная скорбь. И после причастия — спокойствие души, ощущение мира на сердце.

* * *

«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»: «Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее говорить молитву, и скоро весь согреюсь. Если голод меня начнет одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнется ломота в спине и в ногах, стану внимать молитве и боли не слышу. Кто когда оскорбит меня, я только вспомню, как насладительна Иисусова молитва; тут же оскорбление и сердитость пройдет и все забуду».

19 декабря 1988 г. Свт. Николая.

Св. Отцы пишут: «...и открывается Словесная природа твари». Все создано было Словом, и человеку, который уподобляется Слову, то есть Христу, открывается словесная правда. Святой Амвросий куда бы ни взглянул, что бы ни услышал, везде находил эту словесность, потому он и говорил притчами, присказками и рифмами. (Случай с гвоздем в крыльце.) Мир, сотворенный Словом, есть огромная книга, книга жизни. Но читать ее может лишь тот, кто смотрит в нее чистым оком и чистым сердцем. «Все Писание богодухновенно и полезно для *научения,* для *обличения,* для *исправления,* для *наставления в праведности*». (2 Тим. 3, 16.) Это сказано о Священном Писании, но то же самое можно сказать и о сотворенном мире, ибо и это Писание, и оно начертано великой десницей Святой Троицы.

* * *

Непосильные вопросы.

Человек может задать любой вопрос, но ответ он должен получить лишь по своим силам, иначе ответ для него не станет ответом.

Чтобы отвратить от истины, достаточно задать человеку пару непосильных вопросов и доказать, что истина, отвечая на них так-то и так-то, неверна и представить тут же другой ответ — ложный, который будет принят за истину. На самом деле происходит замена непонятной истины понятной ложью. Не человек возводится к пониманию истины (Христос), а истина низводится до греховной природы человека (коммунизм).

Христос, давая ученикам ответы на непосильные вопросы (Когда конец мира? Молитесь и бдите), возводит их через осознание своей немощи (а значит, через смирение) к пониманию истины. А коммунизм сразу дает удовлетворительный ответ, тем самым ниспровергая истину и укореняя гордость в человеке.

23 декабря 1988 г.

День моего рождения. Вспомнил об этом только накануне вечером, когда взглянул в церковный календарь. А сегодня думал об этой дате раза два или три. По-моему, это первый день рождения за последние несколько лет, когда я не чувствовал уныния и тоски.

Никто здесь не знал, что у меня день рождения, и никто поэтому не поздравил. Как я благодарен всем за их незнание, за покой, который они даруют моей душе этим незнанием.

Нормальный человек подумает — безумец ты или эгоист, когда рассуждаешь так. Верно, Апостол Павел проповедовал «соблазн для Иудеев и безумство для Еллинов».

24 декабря 1988 г.

Вчера в аварию попал отец наместник. Сотрясение мозга, перелом правой руки в двух местах. Ехали в монастырь поздно вечером и не заметили машину, стоящую на дороге без габаритных огней.

25 декабря 1988 г.

Грех не в осквернении — это следствие, а в лености, осуждении, гордости, беспечности.

29 декабря 1988 г.

Милосердый Господи! Да будет воля Твоя, хотящая всем спастися и в разум истины прийти: спаси и помилуй раба Твоего /имя рек/. Приими сие желание мое, как вопль любви, заповеданный Тобою.

3 января 1988 г.

Глас 4.

Свято-Введенская обитель/ Оптина пустынь достоблаженная/ присно уповающая на милость Богоматери/; и на брегах реки текущей в живот вечный/, взрастила чудное древо старчества/ и уподобилася еси граду сошедшему с небес/ идеже Бог обитает с человеки,/ отымая от очей их всякую слезу./ Темже возликуем братие,/ Христа Царя и Бога нашего воспоим/ и Владычицу мира Пречистую Деву восславим, яко дарова нам пристанище во спасение/ и наставников — отцев преподобных.

31 января 1988 г.

Павел художник просил записать: когда писали икону Спасителя, на о. Ипатия и Татьяну (тоже художница) с потолка упал огромный кусок штукатурки (потом собрали — оказалось 2 ведра). Потолок (снаружи по крайней мере) был чист и не требовал ремонта. Икона и о. Ипатий не пострадали, только Татьяна на память об этом дне носит небольшой синяк под глазом.

11 – 7033

27 февраля 1989 г.

И нет ничего без ущерба,
Все тень от небесных красот.
Все ждет воскресенья из мертвых,
Христа-утешителя ждет.

16 марта 1989 г.

В рясофор облекли двух братьев. Александр наречен Даниилом, Сергий — Александром в честь святого Даниила Московского и святого Александра Невского. Помоги им, Господи!

*20 марта 1989 г.**

Колико одежду раздеру на себе окаянный и покоя душевного достигну? колико пепла возложу на главу срамную свою и не иму помышлений лютых? в кое вретище облекусь и не узрю беззаконий своих? всуе мятуся, всуе замышляю покаяние. Но Ты, Владыко, глаголивый: без Мене не можете творити ничесоже, пройди во уды моя Словом Своим, рассеки каменную утробу мою и изведи источники слез покаянных.

Откуду приму слезы, аще не от Тебе, Боже? Камо гряду в день печали, аще не во храм Твой, Владыко? Идеже обрящу утешение, аще не в словесех Твоих, Святый? Не отрини мене, Господи, и ныне помяни мя.

---

* 20 марта паломник-трудник Игорь начал писать в дневнике то, что было издано потом без ведома Оптиной пустыни под названием «Покаянный канон иеромонаха Василия». Неизвестными лицами была произведена правка текста, искажающая его смысл и духовный облик автора. Например, в тексте: «Вем, Господи, вем, яко биеши всякого сына, егоже приемлеши, обаче не имам силы слезы сдержати, егда зрю наказуемых чад Твоих». Правка: «... но ропщу, егда зрю наказуемых чад Твоих». Подлинный текст стихир Покаянного канона публикуется впервые.

Яко Савл неистовствую на Тя, Боже, ревностно гоню благодать Твою от себя, но ты Сам, Владыко, явись сердцу моему и ослепи оное светом любви Твоей и аз, окаянный, возглашу: Что сотворю, Господи?

К Тебе иду, Господи, и утаити замышляю, яко Анания и Сапфира, часть души своей на дела постыдныя; призри на немощь мою и испепели тайное мое и Сам яви мя неосужденна пред Тобою.

Отче, восстави мя — аз пред грехом коленопреклоненен предстою; Сыне, изведи мя от места студного моего жития; Святый, освяти ночь странствия моего; Троице Непостижимая, да достигну Тебя безудержным покаянием.

К Тебе гряду, Отче, и утаити замышляю, яко Анания и Сапфира, часть души своей на дела постыдныя; Тебе, Владыко, вручаю житие мое, но обаче тайную надежду полагаю в крепости своей; восстаю утренюю Тебе славить, Святый, и сокрываюсь лукаво словес Твоих; призри на немощь мою, Господи, и очисти тайное мое и Сам яви мя неосужденна пред Собою.

Ничесоже не приемлет душа моя в утешение: аще окрестъ воззрю — лицемерный и лукавый приближаются ко мне, аще ночь покрыет мя, нечестие сердца моего поразит мя, отовсюду печаль и поношение, несть мне прибежища; един токмо плач — утверждение и упокоение мое.

Обличил мя, Господи, и преклонен есмь пред Тобою; покрышася очи мои власами главы моея, да не узрит и ночь слез моих, токмо Тебе, Боже, — печаль моя; не остави мене, смятеннаго, посети и спаси мя.

Не голодом голодна душа моя, не жаждою жаждет сердце мое; но о глаголах Божиих стражду, но о истине Твоей алчу, Христе, призри на немощь мою и подаждь манну словес Твоих.

Тебе, Владыко, приношу житие мое и тайную надежду полагаю в крепости своей; славу Тебе воссылаю и сокрыть тщуся часть некую лукавства своего; Господи, не презри сердечного покаяния моего и помилуй мя.

21 марта 1989 г.

«Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя...» Митр. Вениамин (Казанский). Из предсмертного письма.(1874 — 1922 г.)

1916 г. — 360.000 священнослужителей, 4 духовных академии, 58 семинарий, 1.250 монастырей, 55.173 православных церквей, 25.000 часовен, 4.200 костелов, 25.000 мечетей, 6.000 синагог.

1919 г. — 40.000 священнослужителей.

1980 г. — 7.500 церквей, 16 монастырей, 3 семинарии, 2 духовные академии.

24 марта 1989 г.

Внегда искренний мой поношаху мя, к Тебе, Боже, душа моя; аще убо и душа моя обетшает, уста призовут Владыку моего; но камо, Господи, пойду, аще речеши: Не вем тя? — земля не покрыет мя, небо не приимет мя; не отрине мене, Боже, от лица Твоего.

Твоя от Твоих приношу Ти, Спасе, и величаюся; тщуся, яко Симон волхв, Духа Святаго получити за мзду молитв и дел своих; прости мя, Господи, и не помяни нечестия моего.

26 марта 1989 г.

Уста исповедуют Тя, Боже, тело уготовляется на подвиги и страдания; душа же безмолвству-

ет и готовит час отречения моего; Господи, сокруши жестокое сердце мое и от сна нечувствия восстави мя.

От уныния — 101 псалом, 36, 90.

При кознях человеческих — 3, 53, 58, 142 псалом.

Аще оставлю Тебе, Боже, Ты не остави мене до конца, потерпи безумство и беззаконие мое; покрый срамоту и нечестие мое; егда же в день печали призову Тя, прости мя и не помяни непостоянства и двоедушия моего.

28 марта 1989 г.

... Правильная нравственность не может процветать на неправильном догмате.

... изречения Отцов наших мы употребляем сообразно с лукавою волею нашей и к погибели душ наших. Преподобный Дорофей.

* * *

Старая надпись на памятнике И. В. Киреевского: «Премудрость возлюбих и поисках от юности моея. Познав же, яко не инако дерзну, аще не Господь даст, приидох ко Господу».

* * *

«Узрят кончину премудраго и не уразумеют, что уготова о нем Господь». С. Четвериков.

29 марта 1989 г.

Послушанием истине через Духа, очистивши души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца...

1 Петр. (1, 22)

1 апреля 1989 г.

«Святыня под спудом». С. Нилус.

Умер в первом часу ночи 14 января 1817 г. игумен Авраамий.

«Духовное завещание»

...отнележе бо приях святый иноческий образ и постригохся в Московской епархии, в Николаевском Пешношском монастыре в тридесять третье лето возраста моего и обещах Богови нищету изволенную имети, от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжах имения и мшелоимства, кроме книг и сорочек с карманными платками. Не собирах злата и сребра, не изволих имети излишних одежд, ни каких-либо вещей, кроме самых нужных и то для служения: две ряски — теплая и холодная и один подрясник; но нестяжание и нищету иноческую духом и самим делом по возможности моей соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагаяся на Промысл Божий, иже никогдаже мя остави. Входящие же в руце мои от благодетелей святыя обители сея подаяния и тыя истощевах на монастырские нужды для братии и на разные постройки; также иждевах на нужды нуждных, идеже Бог повеле.

6 апреля 1989 г.

Пострижены в рясофор послушники Вячеслав и Михаил и наречены Михаилом и Гавриилом.

7 апреля 1989 г. Благовещение.

Служил митрополит Владимир, Ростовский и Новочеркасский, упр. делами Московской Патриархии.

13 апреля 1989 г.

Возвеличенного величием в Господе, яко умилостивше от злых чадца Твои, достойная воздаем Ти, святый Отче; но яко имеяй милосердие пречудное от грядущих нас бед свободи да зовем Ти: Радуйся, преподобне Амвросие, щедрый наследниче любви Христовой.

14 апреля 1989 г.

Пострижен в рясофор послушник Георгий. Наречено имя Сергий.

15 апреля 1989 г. Похвала Богородице.

О, всеславный отче Амвросие, стяжавший всеми дарами дориносима Духа Святаго! Нынешнее приемши приношение, от грядущих зол соблюди чад Твоих и на страшнем судищи заступи да с тобою воспоим: Аллилуия.

17 апреля 1989 г.

Вывешено распоряжение отца наместника о принятии в послушники 10 рабочих. Среди них мое имя.

18 апреля 1989 г.

Отец наместник благословил переселиться из скита в монастырь. Сегодня я и иеродиакон Владимир переехали в братский корпус. Батюшка Амвросий, не остави нас!

23 апреля 1989 г. Вход Господень в Иерусалим.

Днесь собора преподобных прославление и святаго воинства российскаго величание, земле плод нетления приносит, небо десницы благодати простирает, людие же зряще сие сретение ужасаются, недоумевают и Бога славят: Великий в советех, Господи, слава Тебе.

Ныне полнота славы оптинской, ныне торжество и радость совершенная, старцы Божии из гробов чинно исходят и от сынов своих принимают хвалу, велие братство Богом созиждется, яко есть Господь и Бог не мертвых, но живых, и Ему, Отцу и Царю нашему, едиными устами, братие, возопием: Жизнодавче Христе Боже наш, слава Тебе.

Днесь милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастеся: истина от земли воссия и правда с небесе приниче, Господь даде благость Свою

и земле оптинская даде плод свой, торжествуй Русь святая и веселися.

Днесь радость и печаль воинствуют и радость победу торжествует, земля безгласно разверзается, небо милостиво отворяется, лики небесные сиянием нисходят, людие духом возвышаются; вселенная воскресение предъизображает и велиим гласом вопиет: Благословен грядый во имя Господне.

Рим. (14, 7-9). Готовая стихира.

Велия благочестия тайна: земля отдает небу предлежащее, сыны приемлют отцов нетленными, святость воочию зрится и руками осязается; утвердитеся православнии, невернии покайтеся, пришед бо свидетельство последнее да веруют вси в живот вечный.

Воды вспять возвратитеся и глаголы утекшие принесите; цветы и травы оросится и слезы землю напитавшие источите, возблистайте красотою прах и пепел [развалины созиждитесь] и теплоту древнюю осязать сподобите; древа восклонитеся, труды и печали сокрытые явите; вся бо узрим и ужаснемся, вся бо уведем и устыдимся; молим вас, отцы преподобнии, сынов недостойных не отвергните.

* * *

Монашество — бескровное мученичество.

Мука не есть лишение себя утех семейной жизни, сладкой пищи, телесного комфорта и других житейских развлечений и утешений. Это только путь к муке, а в пути иногда бывают радости и приятные встречи, путь есть ощущение собственной силы и удовлетворение от преодолеваемых препятствий. Собственно же мука — это предстояние пред лицем собственной беспомощности и непрестанное лицезрение своего пленения силою страстей. Это состояние сравнимо с положением человека, терпящего

истязание от взявших его в плен и предчувствующего свою гибель.

Монах добровольно подставляет грудь мечу Слова Божиего и Тот проникает до разделения души и духа, обнажает и будит помышления сердечные. Это все совершается духовно так же реально и болезненно и мучительно, как и телесно.

* * *

Почему существует истина, а люди не могут поверить ей, не могут приобщиться ее силе?

Людям затруднено проникновение в смысл слова, затруднено приобщение к силе слова и тем самым затруднено познание истины – только действием **греха.** Это следствие падения, преступления заповеди Божией. Адам не послушал Слова, т. е. отвергся сам от понимания смысла, как бы разделился с ним, и мгновенно образовавшийся промежуток заполнил грех. Впрочем, сам этот промежуток, сама эта пустота и есть грех, искажение. Как бы некая измена закрывает нам теперь истину и смысл слов.

Вот почему трудно различать слова в их полной силе и в их истинном смысле. Так же трудно различать предметы в сумерках.

Путь восстановления возможности слушания Слова и Его постижения и приобщения к Нему — вот суть наших трудов.

29 апреля 1989 г. Страстная суббота.

Восемь человек послушников облачили в подрясники. Среди них сподобился и я пребывати и вкусити страха Божия, своего недостоинства и великой милости Господней.

30 апреля 1989 г. Пасха.

Милость Божия дается даром, но мы должны принести Господу все, что имеем.

9 мая 1989 г.

Почему Евангелие трудно читать?

Господь отвечает не на вопрошение уст, а на сокрытые помыслы сердца. В них вся суть, они —

причина, а вопрос — следствие. То есть, устроение сердца важнее произносимых слов, важнее логической стройности речи.

13 мая 1989 г. Свт. Игнатия Брянчанинова.

Молиться святителю о даровании слез и покаяния.

14 мая 1989 г. Прп. Пафнутия Боровского.

После литургии крестный ход на кладезь преподобного Пафнутия. Повторение Пасхальной радости.

(Воды вспять возвратитеся и о временах утекших нам поведайте; земле утреняя оросися, слезы иноческие показуя...)

Ныне славу ликующе воспеваем; святые иконы лобызаем умиленно; лампады елеем наполняем, свечи и паникадила радостно возжигаем; хоругви износим и шествие торжественное совершаем; се ныне пир дети уготовляют отцам преподобным и слезно их молят: приидите и посетите недостойных чад своих.

О, созвездие небосвода иноческого; о, дивная стая орлиная; многосвещное паникадило храма Богородицы; истинная гроздь винограда Христова — тако речем вам, отцы преподобные, тако именуем и славим Собор Оптинских святых.

22 мая 1989 г.

Радуйся, преподобне отче наш Амвросие, патриарше старцев Оптинских.

25 мая 1989 г.

Распоряжением отца наместника с иеродиакона N. сняты клобук и мантия за дерзостное (немонашеское) поведение в трапезной. А вчера был вывешен список участвующих в братской трапезе. Гости и др. с благословения отца наместника или благочинного.

Воды вспять возвратитеся и о временах утекших возвестите; земли утренние ороситеся, слезы впитанные нам показуя; древа восклонитеся, труды и печали сокрытые являя; воскресните прах и камни, красоту древнюю зрети сподобляя; вся бо узрим и ужаснемся, вся бо уведем и устыдимся; молим Вас, отцы преподобные, не отвергните сынов недостойных, память вашу посильно совершающих.

Стыжуся просити, окаянный, не имам словес к Тебе, Господи, токмо руце простираю и сердце, и яко нищий, всеми отверженный и презренный, милости прошу и пропитания скудного [и прощения подаяние].

Ищу Тебе, Господи, и не обретаю; яко слепец ищу Тебе и поводыря не имам; тьма спеленала мя и отчаяние объяло мя; при дороге сижу и ожидаю внегда мимоидеши и услышиши стенания мои.

Слышу заповедь Твою: стучите и отверзется вам, но скорбь, Господи, одолела мя, связала руце мои и нозе мои, лишила мужества душу мою; при дверех сижу немощен со плачем безмолвным: отверзи, Господи, и призри на мя, яко на расслабленнаго иногда.

31 мая 1989 г.

Словом верности кляхся Тебе Господи и при первом страхе не понесох и отвержеся Тебе; видяще же Тя на поругание ведома и обращася, зряща мене, поминаю, студный, клятвы своя, гряду вон и плачуся горько.

И плачевный Иуда любляше Иисуса, обаче корысти ради; аз же, немощный, таяжде творю, силы Божественной любви не приемлю, изнемогаю от нощи тщеславия своего; спаси мя, Господи, да не впаду в бездну предательства и погибели вечной.

Дары исцелений от Бога прияша и людям источая, славою обогатился еси Иуда; приношения содержа и милостыню подавая, благодарениями услаждался еси; и аз же, треокаянный, тщеславия богатство скопив, страшуся единожды Бога предати; спаси мя, Господи, да воздам Тебе Единому славу и благодарение.

1 июня 1989 г.

Вем, Господи, вем, яко биеши всякаго сына его же приемлеши, обаче не имам силы слезы сдержати, егда зрю наказуемых чад Твоих, прости, Господи, и терпение с благодарением даруй.

Разумом постигаю, яко венцы и славу готовиши плачущим и уничиженным, обаче душа моя грядущим воздаянием и наградами не утешается, скорбь обьемлет мя, егда зрю поношения на искренняя моя; помилуй мя, Господи, и молитися научи за враги неоскудевающия.

3 июня 1989 г.

Покаяние делает наше дело поистине добрым делом.

Егда в неумении пребываю, зависть злобно терзает мя, егда же навык обретаю, гордостию обуреваюся неудержимо; Господи, грех алчный гонит мя, душа моя не ведает покоя, приими немощи моя и сокрушение мое, иных даров и жертв, Владыко, не имам.

18 июня 1989 г. День Св. Троицы. День Ангела.

Отец наместник благословил огромную просфору и поздравил меня и послушника И. П. с днем Ангела. В конце чина панагии в храме о. Владимир многолетствовал нам и братия подходили с поздравлениями.

Господи, дай память о благоволении Твоем и нам, грешным, дабы не роптали в день печали, а проливали слезы покаяния.

4 июля 1989 г.

Приезжала мама с тетей Ниной. Причащались. Но не все спокойно. Слезы, упреки, уговоры ехать домой. Тесно мне отовсюду! Укрепи, Господи, сердце мое смятенное и изнемогающее. Отцы Оптинские, старцы святые, помогите мне! Матерь Божия, утешь скорбную душу мою.

7 июля 1989 г. Рождество Иоанна Предтечи.

Служил о. Климент, архиепископ Серпуховской. Хиротония во диакона инока Михаила.

Причащался. Одно утешение мне осталось — Чаша Святая.

«ПРИЕЗЖАЛА МАМА...»

Дополним дневник рассказом о событиях, стоявших за словами: «Приезжала мама... Слезы, упреки, уговоры ехать домой». Но прежде чем рассказать о долгом и трудном пути к Богу матери отца Василия Анны Михайловны Росляковой, напомним слова апостола Павла: «А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие». (1 Кор. 1, 23.) Мать была не против, когда сын стал ходить в церковь. Но посты и монастырь — это уже «безумие»! Мать хотела счастья для сына, а вера возводила его на крест. И такая вера устрашала ее.

Анна Михайловна вспоминает: *«Сын Великим постом постится, а я нажарю себе яичницы и посмеиваюсь над ним. Конечно, я знала, что Игорь готовится к монашеству, но и секунды не воспринимала это всерьез. И вдруг сын опустился передо мной на колени — и слезы в глазах: «Мама, благослови меня в монастырь». И тут я в ужасе закричала про Бога такое, что сын сразу в дверь и бежать. Только слышу, как застучал каблуками по лестнице. До сих пор в ушах каблуки стучат...».*

После ухода Игоря в монастырь мать исходила в слезах и до дня убийства жила надеждой — сын вернется домой.

Рассказывает тетя о. Василия Нина Андреевна Трифонова: *«Когда Игорь ушел в монастырь, Анна Михайловна день и ночь плакала. Да и как тут слезы сдержать? Сын был единственный, послушный, заботливый. Из-за границы всегда везет подарки для матери, а из Сухуми, помню, розы привез. Холода стояли, цветов нигде не было, а розы были такие красивые, что его спрашивали: «Игорь, девушке розы везешь?» А он: «Маме».*

Анна Михайловна об одном думала: как вернуть сына домой. И говорит мне однажды: «Поедем в Оптину и привезем Игорька домой». Купили мы батон колбасы, гостинцев и приехали в Оптину без нательных крестов. А Игорь сразу наотрез: «Нет, мама, домой я никогда не вернусь». И стал нам про старца Амвросия рассказывать — уж больно он батюшку Амвросия любил! Мать в слезы: «Кто такой твой Амвросий, что ты на него мать променял?» Мы ведь тогда неверующие были, и нам было дико, что он ставит Господа и Его святых выше родни. Ну, думаем, совсем обезумел и надо его срочно отсюда забирать. Бегаем за Игорем с колбасой по всему монастырю, а он уже умоляет нас: «Да не воняйте вы тут колбасой. Идите лучше в храм».

Делать нечего — пошли в храм и, посовестившись, надели кресты. А в церкви нашло на нас умиление — и так захотелось исповедаться и причаститься. По великой милости Божией мы с Анной Михайловной причастились в тот день. А ночью шла машина в Москву, и Игорь

отправил нас с нею домой. Тяжело ему было с нами. Лишь теперь понимаю, как тяжело. Сейчас мне самой бывает обидно, если кто Бога не чтит и не ходит в храм. А как вспомню, что мы сами недавно творили, то понимаю — нельзя никого осуждать. Для меня живой пример — наш о. Василий. Он нам веры силком никогда не навязывал и неверием не попрекал. Он лишь молился за нас Господу и на помощь Его уповал. Что мы можем сами? А Господь все может».

Мать, как нитка за иголкой, тянулась за сыном. Приезжая в Оптину пустынь, она не шелохнувшись выстаивала долгие монастырские службы. А выйдя из храма, говорила задумчиво: «Не понимаю, как люди веруют. Почему-то я не чувствую в душе ничего».

«Даждь ми, сыне, твое сердце», — говорит Господь. А сердце матери принадлежало сыну. «Какой ужас, — говорила она тете Нине, вернувшись из Оптиной, — о. Василий совсем исхудал. Глаза ввалились, сапоги разбитые и телогрейка в известке на нем. Даже улыбаться уже стесняется — видно, зубы испортил в монастыре».

Преподобный Исаак Сирин писал в наставлении монашествующим: «Если вынужден засмеяться, не выставляй наружу зубов». И этой монашеской традиции православная Русь обязана тем, что здесь не привилась «голливудская улыбка», а «скалозубами» на Руси называли известно кого.

Мать чутко подмечала перемены в сыне и не понимала их смысла, ревниво вспоминая прежнего Игоря: белозубая улыбка, элегантность в одежде и портреты в газетах с кубком в руках. Почему все рухнуло в одночасье и сын ее теперь нищий монах?

Анна Михайловна теперь держала посты и казалось бы воцерковилась. Но все в ней бунтовало против того «безумия» веры, когда по заповеди, например, нельзя осуждать. Был случай — сердобольная Анна Михайловна подала милостыню нищему, а тот купил вина. Уж как она тогда клеймила пьяниц, а о. Василий сказал: «Мама, лучше не подавай, но не осуждай». — «Это таких-то не осуждать?!»

Нина Андреевна вспоминает другой случай. У нее был день рождения. Знакомые позвонили поздравить и очень удивились, узнав, что ни мать, ни тетя даже не подозревают, что о. Василий уже месяц служит на подворье в Москве. «Отец Василий, — пеняла потом мать, — я специально узнавала: другие батюшки ночуют дома и ездят в отпуск к родным, а ты с подворья даже не позвонил домой».

Игумен Феофилакт, настоятель Оптинского подворья в Москве, уточняет: *«У о. Василия было много друзей и родни в Москве, но я не благословил его кому-то звонить. Да и сам он уклонялся от общения с миром. Он был истинный монах, и даже в Москве жил будто в затворе, зная одну дорогу: келья и храм».*

Рассказывает Нина Андреевна: *«Когда в день рождения мы с Анной Михайловной узнали, что о. Василий служит в Москве, то спозаранку побежали в храм. Отец Василий вышел исповедовать, а я сразу к нему. «Ну, Нина, — говорит, — какие у тебя теперь грешки?» Исповедала я все свое плохое без утайки, а потом прошу: «Батюшка, болею я сильно и уж так причаститься хочу!» Отец Василий благословил меня причаститься, и Анна Михайловна ругала его потом: «Батюшка, она же не говела и не готовилась, а ты такой грех на себя взял!» А о. Василий ей объясняет:*

«Мама, посмотри, какая Нина больная. Вдруг пойдет отсюда и умрет? А потом Господь с меня спросит: человек к тебе приходил, а ты так немилостиво с ним поступил. Нет, не могу я такой грех на себя взять».

Потом я другому батюшке на исповеди покаялась, что ела скоромное, не готовясь к Причастию, а о. Василий меня допустил. «Это Господь вас допустил до Причастия», — ответил священник. И стала я православные книги покупать и читать. А до этого ничегошеньки не понимала! Только батюшку Василия любила сильно и по Причастию умирала как голодная».

Анна Михайловна уже соглашалась — пусть ее сын будет священником, но пускай он дома живет. А там, глядишь, женится, пойдут дети, а она бы растила внучат. И мать придумала план, как это осуществить. Приехала в Оптину и сказала: «Отец Василий, срочно едем домой — в Москве участки под дачи дают. Вот построишь мне дачу, а тогда как хочешь — хоть опять иди в монастырь». А отец Василий сказал, улыбаясь: «Мама, мы с тобой дачу будем строить в Царствии Небесном. Лучшего места, поверь, нет».

А в Царство Небесное она не верила. Мать жила земным, своей любовью к сыну и, страдая, видела, как он восходит на крест. И сердце матери кричало: «Сойди с креста!»

А потом наступила та Пасха, когда в дверь позвонили иеромонахи из Оптиной. Они еще молча стояли у порога, а мать без слов все поняла — сына нет на земле, но это неправда. Сын, она чувствовала, живой.

Он был для нее настолько живым, что Анна Михайловна проводила потом дни и месяцы у могилки сына, разговаривая с ним. «Отец Васи-

лий, — пеняла она ему, как при жизни, — ты зачем ушел в монастырь? А ты о матери старой подумал? Вот получишь пенсию и считаешь — за свет, за квартиру, а на жизнь остается только хлеба купить и молока. Одной верою, батюшка, сыт не будешь, и я твоей веры никак не пойму».

Анну Михайловну утешали, как умели, рассказывая о чудотворениях на могилке о. Василия. Мать не верила: «Нашли чудотворца! Ну, выдумки! Да если бы о. Василий был чудотворец, то он бы матери прежде помог». Это был труднический путь к вере — Анна Михайловна подолгу жила в монастыре, ходила на все службы и, уставая порой за день до изнеможения, неизменно вычитывала на ночь долгое правило. Подвизалась она не в пример многим, но была тем «Фомой неверующим», которому надо все «ощупать» и проверить на личном опыте.

Однажды летом был очень жаркий день. Анна Михайловна, уже долго гостившая в монастыре, благословилась ехать домой. Проблем с транспортом, казалось, не было — в Москву в тот день уезжало с десяток машин. Анна Михайловна изнервничалась, бросаясь к каждой машине, но везде отвечали: «Мест нет». Все московские машины уехали. А Анна Михайловна сидела на солнцепеке с вещами и говорила устало: «Ну, какой из отца Василия чудотворец? Сегодня пришла к нему на могилку и говорю: «Вот приехала я, батюшка, к твоему Амвросию, а веры во мне по-прежнему нет». Только разогнулась от могилки, а он мне бабах крестом по голове. Вон какую шишку мамке набил». — «Анна Михайловна,— пробовали ее убеждать, — да ведь о. Василий всем с транспортом помогает. Ты сходи на могилку и сама попроси». — «Схожу, — сказала мать, вскипая слезами, — и всю правду в глаза чудотворцу скажу!»

Анна Михайловна стояла у могилки сына и возмущенно жестикулировала, когда к монастырю подъехала роскошная машина, источая прохладу кондиционеров. Оказывается, один паломник не захотел никому уступить чести везти мать новомученика, но прежде съездил в город за подарками для нее. Машина быстро домчала ее до дома. А там уже подхватывали мать другие машины и везли в Дивеево, на Валаам, в Киев, в Печоры. В монастыре беспокоились: куда пропала Анна Михайловна? Звонили, но безуспешно. И наконец, Анна Михайловна ответила: «В Иерусалиме была. Все, кладу трубку и еду в Оптину». Привычка экономить каждую копейку, особенно чужую, была в ней все же неистребимой.

А потом уже в Оптиной у могилки о. Василия Анна Михайловна собрала всех желавших послушать о своем паломничестве и сказала перекрестившись: «Верую, отец Василий, теперь верую! Я же в Иерусалиме на Голгофе была. Прости меня, батюшка, что раньше не верила, а твоими молитвами увидела свет. А теперь расскажу по порядку...» Анна Михайловна прожила ту обыкновенную для самоотверженной женщины жизнь, когда она даже не помышляла о путешествиях и совестилась истратить хоть что-то на себя. А теперь сын показывал ей Божий мир, и она дивилась величию его, рассказывая: «В Иерусалим мы, батюшка, плыли морями. И было море синее-синее, а вода в Иордане зеленая».

Не обошлось и без финансового отчета, огорчившего друзей о. Василия — Анна Михайловна, как всегда, сэкономила и привезла из Иерусалима деньги обратно. «Ольга мне двести долларов на фрукты дала, — отчитывалась она о поездке у могилы сына, — а зачем мне, батюшка, фрукты? Я лишь Царствия

Небесного хочу. Господи, сколько же я нагрешила! Помяни, мя, Господи, во Царствии Твоем».

С Иерусалимской Голгофы для рабы Божией Анны начался уже иной путь. 16 декабря 1999 года она приняла монашеский постриг с именем Василиссы.

СНОВА ДНЕВНИК

9 июля 1989 г.

Постриг в мантию иеродиакона Даниила и иеродиакона Александра.

16 июля 1989 г.

В Оптину из села Холмищи перенесены мощи иеросхимонаха Нектария. Часов около восьми вечера (я был дежурным в тот день у ворот) мы встретили честные останки о. Нектария, переложили их в гроб, перенесли в храм. Была отслужена великая панихида, мощи обнесли вокруг храма. Я по грехам и по лености к стяжанию благодати не был на службе, не присутствовал при обретении мощей, не участвовал в перенесении их в храм. Смотрел на все издали и сокрушался о недостоинстве своем. Вечер был необыкновенный. Прозрачный, тихий, лучезарный. В душе появилось ощущение об Оптиной такой, какой она была раньше при старцах. Святость наполнила воздух. Было видно, как она держит силою своею мир и вся яже в нем.

В храме пели «вечную память», и у ворот, где я дежурил, было слышно. Немеет душа от скудости своей, от того, что очи зрят великое, а душа не может его вместить. Благодать затворяет уста, упокоевает сердце, умиротворяет душу.

Читали ночью Евангелие перед гробом о. Нектария. Отче Нектарие, моли Бога о нас!

* * *

«... для всякого, кто хочет идти вперед и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной литургии и внимательное слушание: она нечувствительно строит и созидает человека. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною непримиримою ненавистью между собой, то сокровенная причина тому есть Божественная литургия, напоминающая человеку о святой небесной любви к брату».

Н.В. Гоголь.

18 июля 1989 г.

Лик луны был светел и лучист,
В монастырь пришел ночной покой.
Вдруг какой-то местный гармонист
Надавил на клавиши рукой.

Встал я посреди тропы пустой
И глаза мне слезы обожгли.
Боже, как похож на голос Твой
Этот одинокий зов любви.

24 июля 1989 г.

Восста из мертвых земле Оптинская, яко иногда Лазарь четверодневный; прииде Господь по мольбам Отцев преподобных на место погребения ея и рече ей: Гряди вон; восста пустыня и на служение исшед пеленами обвита, ликом воскресным проповедь совершая, неверных обращая, ожесточенных умиряя, всех воздвизая вопити велиим гласом: Господи, слава Тебе.

Видя Господь Матерь Свою, яко вдовицу плачущу об обители умершей, милосердова о ней и рече ей: не плачи. И приступль коснуся врат монастырских; восста пустынь и начат глаголати и даде ея Матери Своей. Страх же объят

вся и славяху Бога глаголюще: яко посети Бог людей своих ради печали Матерней.

Се собор преподобных пришед, паде при ногу Иисусове и моляше Его много о пустыни Оптинской глаголя: яко дщи наша ныне умре, да пришед возложит на ню руце и оживет. Не умре бо земле, но спит, — глаголет пришедый Господь; и изгнан бысть из нея народ молвящ, восста обитель по глаголу Божию и возвратися дух ея и изыде весть сея по всей земле российстей.

* * *

О покаянии

Кому уподоблю себя, желающего одолеть свою гордость? Уподоблю себя человеку, пытающемуся руками низвергнуть гору. Все познания свои употребляю, все силы полагаю. Вижу, что неисполнимо желание — гора стоит непоколебимо — все же не оставляю труда своего. Вижу тщетность усилий своих, плачу о беспомощности своей, сетую о неисполнимости замысла. Уныние омрачает ум мой, леность сковывает тело, безнадежность ущемляет сердце. «К чему это все,— говорят мне,— труд твой никому не нужен».— «Нужен,— сквозь слезы отвечаю я,— нужен, ведь Сам Бог мне помогает в нем».

* * *

Порою, когда стою в храме, душу охватывает ощущение присутствия Божия. Тогда уже не иконы окружают меня, но сами святые. Сошедшиеся на службу, они наполнили храм и отовсюду испытующе глядят па меня. Незачем отводить глаза от их ликов, прятаться в темном уголке церкви, — угодники Божии смотрят не на лицо мое, а только на сердце, — а куда спрятаться сердцу моему? Так и стою я в рубище беспомощности и недостоинства своего пред их всевидящими очами.

Скверные мысли мои, страшась святых взоров, куда-то скрываются и перестают терзать меня. Сердце, воспламеняясь чувством собственной порочности, разгорается огнем сокрушения, тело как бы цепенеет, и я во всем существе своем, в самых кончиках пальцев, начинаю ощущать свое недостоинство и неправду.

* * *

Взгляды святых обладают непостижимым всеведением. Для них нет в душе моей ничего тайного, все доступно им, все открыто. Как неуютно становится от мысли, что кому-то о тебе все известно; как страшно сознавать, что некуда спрятать себя, что даже тело не может утаить сокровенных мыслей и чувств. Это сознание лишает душу беспечного равновесия: нечестие и пороки перевешивают собственные оправдания, и непонятная тяжесть наваливается на сердце. Как бы от внезапной боли и тревоги просыпается душа и осознает, что не может помочь сама себе и никто из людей не в силах помочь ей. Криком новорожденного она вскрикивает: Господи, помилуй, не оставь меня. Все забыто, все исчезло, осталась только просьба, мольба всего существа: души, ума, сердца, тела. «Господи, прости и помилуй». Немеет ум мой, сердце сжимается, а глаза робко наполняются слезами покаяния.

* * *

Почему одни и те же слова, которые вчера оставались незамеченными, сегодня потрясают меня своим величием и мудростью, так что их хочется навсегда удержать в душе и знать наизусть? Непостоянство моего сердца этому причина. Вчера оно было ледяным, потому все изящное и строгое восхищало его, сегодня оно подобно тающему снегу, который радуется свету и теплоте. Что же происходит в глубинах сердца моего, куда не проника-

ет ни зрение мое, ни ум мой? Там подобно солнцу, с его восходами и закатами, рождается и умирает *покаяние*.

29 июля 1989 г.

Раздраша ризу Спасову беззаконые/ и смеяхуся нам [возвратиша] принесоша/, мы же во вретище сие облекшися, слезами омыем его/ и покаянием его убелим.

Богородице чудная,/ пречудный наш Спасе, ликует сердце Вас именуя,/ очи слезы источают/ зря на лики Ваша/ не оставите своя, о Владыко со Владычицею/ иже от века не имамы иныя сердцами нашими повелевающия.

10 августа 1989 г.

Радуйся, земле Оптинская,/ Заиорданье российское!/ Ангелом место возлюбленное, / человеком страна святая./ Дивны красоты твоя/ велия слава твоя/ бездны обетования твои./ Красуйся, благословенная, и ликуй, яко Господь Бог с тобою.

Не умолчим ныне истины православия, Христом Богом до века утвержденныя, собором святых наших просиявшия, и доселе во избранных сохраншейся. Непоколебимо основание ея, до облак величествия ея, несть бо под небесем веры иной, о ней же подобает спастися нам.

Ныне сретение велие празднуем, залог воскресения грядущаго торжествуем, ныне слезы мирствуют с радостию, покаяние в объятиях с милостию, днесь нечестие к стопам праведности припадает, ложь истину о милосердии молит, дети главы смиренно преклоняют, отцы длани милостиво простирают. Торжествуй вера православная, в ней единей всем примирение.

12 августа 1989 г.

Приидите братие, ибо время приспе/ созиждем гробы пророческия/ украсим раки праведных и возглаголем:/ о, отцы святии/ аще быхом во дни ваша/ не быхом убо общницы в распятии вашем/ се бо и мы смерти ужасаемся/, но о Господе тако глаголати дерзаем:/ Боже отец наших, слава Тебе.

Преподобным подвигом прославися обитель достоблаженная/ Творцу своему уподобилася еси; /рождение безвестное восприявше/ крестное служение свершила еси/ поношения и муки претерпевше/ смерти крестныя удостоилася еси; воскресением чудным прославися/ темже торжество велие заповеда творити нам/, в досточудное свое прославление.

* * *

Мытарства

1. Согрешения в слове: празднословие, сквернословие, насмешки, кощунства и т. д.
2. Мытарство лжи. Клятвопреступления, призывание имени Божия всуе.
3. Мытарство клеветы. Осуждение, уничижение, ругательство, насмешки над другими, оклеветание.
4. Мытарство чревоугодия. Все роды угождения чреву.
5. Мытарство лености.
6. Мытарство воровства.
7. Мытарство сребролюбия и скупости.
8. Мытарство лихвы.
9. Мытарство неправды.
10. Мытарство зависти.
11. Мытарство гордости.
12. Мытарство гнева и ярости.

13. Мытарство памятозлобия.

14. Мытарство убийства, ударения, толкания.

15. Мытарство волхвования.

16. Мытарство блудное. Блудный грех лиц, необязанных супружеством, соизволение на грех, мечтания.

17. Прелюбодейное мытарство. Несохранение супружеской верности.

18. Мытарство содомское.

19. Мытарство ересей.

20. Мытарство немилосердия.

* * *

Восклонитеся вернии, воздвигнете главы ваша, зане облак свидетелей Христовых обоюду облек землю нашу; О, высото и слава российская, покров веры нетленный; яко радуга подвигов ваших сияние, яко дождь животворный милосердие ваше велие; пророчества ваша, яко гром небесный, силы ваша, яко молнии огненныя. Древле земное в небесное претворивше, ныне светом преображения сияете нам, зряще Солнце правды Христа — Бога нашего.

Старцы святии/ пророки народа русскаго/ Богом Словом Вседержителем на служение воздвигнутые/ да не померкнет истина на земле. Пустынь Оптинская/ из тебе бысть Христу Богу/ глас вопиющий/ имже старцы умоляше/ за землю и веру православную.

Свидетели истины/ отцы преподобныя/ и во тьме сияете/ и тьма не объят вы/, светом веры мир облистающих.

Слава: **Новая скиния Адамова/ при дубраве старческой/ обитель Введенская/ воскресни в сретение Христа Бога нашего/ токмо имже и Вселенная созиждется даже до века. Аминь.**

И ныне: **Ангельские силы/ Богородице Марие /с лики человеческими/ дивляшеся сильне/ Материнству Твоему Божественному.**

Возрадуйтеся други и недруги/ ныне всем ликование подобает/ надлежит всем пение сладкогласное/: ничтоже может любви Божией противостати/ вси радостию побеждаются/ вси веселием преклоняются/ темже Бог наш всесилен и чуден/ даруя святым своим честь и славу/ и недостойным Его велию милость.

Царь Небесный/ слуг своих в чертог огнеблещущий вводит/ в одежды белые облачает/ имена новыя, нам неведомые, нарицает/ на престол Свой их посаждает/ и венцы жизни на главы их честные возлагает./ Слава сия верным и победившим/ и дела Его до конца соблюдшим. О, отцы святии, други Христовы! помяните у престола небеснаго/ память вашу земную совершающих, во спасение вас призывающих.

Пропеките славу и утешитеся,/не людьми, но Богом дарованную/ подвизавшимся в пустыни Оптиной отцам преподобным;/ благо тайно сотворше,/ воздаяние явно прияли еси/, лишения и труды на земле понесоша/, на небесех бессмертия достигли еси/. О, слава наша истинная,/ уничиженных хвала последняя,/ гонимых едино пристанище,/ поруганных честь неоскверненная:/ соборне Христа Бога молите/ да преложит на милость/ суд об отечестве нашем.

Слава: **Лики ваша лучезарныя/ церквам русским свет невечерний/, мощи ваша честныя, яко благоухание жизни вечной/ писания ваша хлеб и питие нам истинные/ достоблаженныя старцы оптинские/ вас радуяся именуем/ печалуясь вас призываем/ темже церковь небесная/ из клира земного пополняется.**

И ныне: **Имуще чреду священническую и на земле русской подолгу пребываеши/ Богородице Всепетая/ но по любви матерней слезы проливаеши/ и молишися о всех непрестанно./ Не остави, Владычице, люди Твоя/ и милостию от щедрот Твоих нас обогати.**

От пустыни собор преподобных/ к сонму святых русских приложися,/ силам ангельским радость даруя,/ ликам иноческим празднество устрояя./ Темже возросше собор небесный,/ и надежда земная утвердишася,/ яко Христос прославися в отечестве нашем.

Се знамение явися в Церкви Русской/: обитель в солнце облеченная./ Чада же ея светло просиявше на падение и на восстание многим:/ и ея самою душу оружие пройде/, да открыются от многих сердец помышления/, имже дарует Бог время на покаяние/ и велию и богатую милость.

Со всякой скорбию/, великою и малою/ с обидами тайными и горькою печалию/ прибегаем к Тебе Матерь Божия/, яко чада от злых обидимыя/ вся приносим Тебе Дева Чистая/ чая утешения и матерней милости./

Не оскорбляется Царица Небесная/ прошением малым/, не отвращается земли Владычице/ недостойных призываний/, вся бо приемлет с любовию и кротостию/, яко Матерь Бога мира Спасителя.

Руце пречистые горе простирая, слезы же долу источая, на воздусе молебно предстоиши Богородице Славная, росу благодати земле низводиши, моления теплыя Богу возносиши. О, лествице предивная, вся совокуплышая в жизни и в успении, чудо пречудное.

Радуйся Кана Галилейская/ начало чудесам положившая./ Радуйся пустынь Оптинская/ на-

следие чудотворства приявшая./ Яко Иисус избирает вас и ублажает купно/ и Мати Его и ученики Его/, темже приимите радость совершенную,/ утешение познайте истиной подаваемое/ и источник ликования вечнаго.

Не покрыю лукавством лютых моих/, но вся возвещу Тебе Дево Чистая/, токмо не смирения полон творю сие,/ но бесстыдства потаеннаго./ Ты же кротости источниче пречистый/омый окаянство души моея/ и целомудрие во мне оживи./

На соделанное мое призри Владычице/ и вся недостойное и скверное попали/, да не обешу на выю свою жернов осельский,/ но прах согрешений моих/ принесу Христу Богу моему/, да возметет его Духом Своим/ от лица преклоненнаго моего.

Богородице Милостивая/ горькое жизни сей/ услади слезами покаяния;/ окамененное мира сего/ сокрушением сердечным умягчи./ Вся бо можеши молением неусыпающим / пред лицем Христа Бога предстоя.

Начертание образа Твоего имея/ и списание словес Твоих поюще/ истинно Богородицу Тя исповедуем,/ темже красото еси и кротость невечерняя.

Оставивше облак Игуменья Пречистая/ и на престол воссела Царственный,/ благословенье на скипетр пременила еси,/ свиток обетований отложила еси/ и державу мира приняла еси/, темже властию Твоею, Царице, спасаемся.

Светилен

Свете мой, Христе Спасе, нощ жития моего, иже и солнце не просвещает, озари блистанием Божества Твоего и ущедри мя.

Идеже обрящу начало зла моего? Окрест воззрю и восплачу, внутрь обращусь и опечалуюсь, яко тьма кромешная обстоит мя. О, Звездо единая, Христе Спасе мой, достигни мя лучами благодати Твоея.

Не имам, Господи, витийства высокаго, не вем глаголов премудрых, но яко и отцы наша от века взываю Ти, помилуй мя, Боже, и спаси мя.

Со Адамом [ныне сокрушаюсь:] стенаю ныне: како воспою о Свете утерянном? како возвещу о радости ушедшей? аще и скажу, яко не видех Господа, камо пойду, вся позади оставихом? Токмо ты, Господи, упование и спасение мое.

Идеже обрящу начало зла моего? Окрест мя нощ непроглядная, дел студных внутрь мя крик кромешный помышлений нечистых. О, ...

9 сентября 1989 г.

Получил послушание за свечным ящиком. Господи, благослови!

* * *

Господь от начала положил в человеке волю, разум и душу. После падения, разъединенные с Творцом, они всем существом своим стремятся к Нему. Воля стремится к свободе, разум к познанию истины, душа к совершенству и чистоте. Никто и ничто не может угасить этого стремления. Его можно только исказить, направить по ложному пути. Этим и занимается политик и его присные.

Свобода от греха заменяется политическими свободами, познание истины — удовлетворяющим сознанием своей правоты, пустой начитанностью, осведомленностью, эрудированностью, т. е. ветхой буквой; еще хуже если жажда познания истины обращается в жажду познания греха; стремление души к совершенству заменяется стремлением к удовлетворению страстей. Отсюда становится глав-

ным совершенство, т. е., красота одежды, обилие пищи и пития, богатство, карьера. Все это содержит своим корнем неистребимое желание самосовершенствования. Но, искажаясь, обретает оно эти уродливые формы.

15 сентября 1989 г.

Глас Твой слышу, Господи, хлада тонка и не вем откуду приходит и камо идет, отверзи Христе Спасе слух сердца моего и сподоби лицезрети славу Твою [настави мя истиною Твоею] и восстави и спаси мя.

22 сентября 1989 г.

При брезе стану, Господи, и восплачу, яко зрю Тя по иную сторону вод непроходимых, обрати ко мне очи Твои, Спасе мой, и помилуй мя.

Не отвещаеши мене ничесоже, Господи, егда вослед вопию Тебе — помози ми, душа моя жестоко печалуется; обратись же, Спасе мой, яко не понесу оставления сего и помилуй мя.

Ирмос 1. **Расступишася пучина чермная/ ублажив стопы Израиля уничиженнаго/, сомкнувшеся же мглою и бурею/ над главою гордости Египетской/ Господа прославивше во веки,/ яко истиннаго Судию и Избавителя.**

* * *

Получил послушание летописца. Господи, спаси! Матерь Божия, заступи! Преподобне отче Амвросие, сохрани мя!

* * *

Ирмос 4. **Мир из небытия воззвавый/ и персть земную сыном Света соделавый/ возведи Господи Боже мой/ в радость душу мою/ и утверди на камени веры / непоколебимо.**

Ирмос 5. **Плачевною нощию/ бездне небесной удивишася/; день истлевший пред собою видя/,**

достигше зари и края солнечнаго/ и паки удивишася неудержимо/ блистанию пророчествующему.

Ирмос 6. **Повержен на ложе слезное/, яко на дно морское/ како восстати мне смертному/ от места клеветы и презрения/, Господи мой, Боже мой/ воскреси мя погибающаго.**

Ирмос 7. **Вавилонскую пещь огненную/, яко часть некую/ пламени беззакония людскаго/, отроцы невредимо прошедше/ спасение в песнях поюще [спасению в песнях научающе]: Боже отец наших, благословен еси.**

Ирмос 8. **Не ужаснисе душе моя/ не убойся сердце мое/ искушения огненнаго во очищение посылаемаго/ Господом милосердым./ Его же страсти помяните, воскресение воспойте и превозносите во вся веки. [Его же отроцы благословите, священницы воспойте, людие превозносите во вся веки.]**

Ирмос 3. **Единому дню времена уподобляя, вечности начертание показал еси Господи, темже во храме вечернем лики составляются, несть свят разве Тебе Господи, взывающе.**

Ирмос 9. **Усыновление мое чудное Матерью Господней дерзаю воспевати, но страшуся и трепещу сего, яко при Кресте бывшаго. Предстани мне, Мати, в позорище и смерти и утеши сиянием лика Пречистаго Твоего.**

Не расступися земле подо мною, тьма ночная не поглоти мене, не падите на главу мою небеса; Господи, потерпи молитву мою, да принесу покаяние Тебе, Владыко Вселенной.

4 октября 1989 г.

Свечою неугасимою слезы теплые на землю искапающе, предстоиши Богородице Пресветлая пред Царем Небесным, темже и мне света Твоего и тепла даруй и умягчи дерзостное сердце мое.

Первый наместник Оптиной пустыни,
архимандрит Евлогий, ныне епископ Владимирский
и Суздальский. (Фотография 1988 года)

Закладка Креста на братском кладбище в память новомучеников и исповедников Оптиной пустыни, пострадавших в годы гонений. Второй справа — будущий новомученик о. Василий

На престольный праздник Введения во храм Пресвятой – Богородицы, в 1990 году впервые Оптину пустынь посетил Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II

Колоколов в разоренной Оптиной пустыни сначала не было, и на службу звонили в «школьные» колокольчики. Сколько же радости было при освящении большого колокола! Крайний слева — о. Трофим. На этом месте он и был убит

Панихида по иеросхимонаху Иоанну. В центре — отец наместник Оптиной пустыни архимандрит Венедикт, крайний справа — иеромонах Василий

Первое погребение на братском кладбище,
иеросхимонаха Иоанна

Владимир Пушкарев,
будущий инок Ферапонт

Инок Ферапонт

Лене Татарникову 5 лет

Леониду Татарникову 15 лет

Перед уходом в монастырь.
Леониду Татарникову 32 года

Инок Трофим

Игорю Рослякову 3 года

Школьник Игорь Росляков

Анна Михайловна Рослякова
(мать о. Василия)

Иеромонах Василий

Инок Трофим

Оптинские звонари —
иноки Ферапонт и Трофим

Крестный ход.
Крайний справа — иеромонах Василий

Иеромонах
Василий
у могил Оптинских
старцев

Старший звонарь –
инок Трофим

Инок Ферапонт

«Приидите, братие, дадим последнее целование»

Отпевание

У гробов новомучеников схиигумен Илий возглашает: «Христос Воскресе!»

В последний путь

Вечная память

Погребение

На сороковой день

Игумен Ипатий с мироточивым крестом иеромонаха Василия

Нина Андреевна Татарникова у могилы сына

Оставив свет истины, незаметно стою во тьме, яко Петр, страха ради, творю огнь мудрования своего, яко да нощи смертныя не ужаснуся; восстани рано, Господи, Солнце мое, и оживи мя теплотою Духа Твоего.

Померкло во мне Солнце Правды и прииде на мя хлад земный, греюся огнем страстей своих, во дворех чуждих обретаюся, окаянный; взыде, Господи, на небо сердца моего и день спасения мне возвести.

14 октября 1989 г. Покров.

Один Бог да душа — вот монах.

Епископ Феофан.

28 октября 1989 г. Дмитриевская родительская суббота.

Кондак, глас 2.

Чаши Христовой испивше/ души ваша слезами омылися/, плоть ваша страданьми очистилася/; в мире быша и мир вас не позна,/ во своя прииде и свои вас не прияша/, елицы же прияша вы, даде им область чадом Божиим быти./ О, отцы преподобнии/ молите Христа Бога,/ якоже слово ваше вселися в ны/ темже зрети славу вашу/ исполненную благодати и истины.

Вретище времен воздыханных, имже земле наша одеяся, раздери, Господи, и веселием препояши ю и венцем лета благости Твоея украси.

2 ноября 1989 г.

Дело католиков — суетиться у подножия истины, указывать людям на красоту ее вершины, умиляться, ломать руки и плакать, не зная внутреннего чувства высоты истины, не представляя себе вида, который открывается с ее вершины. Дело православных — непоколебимо стоять на самой вершине, в этом ощущать всем существом своим

14 – 7033

необходимость для жизни, незаменимость ничем этого места. Созерцать величие истины, беззаветно хранить ее и не отступать от нее «даже до смерти».

«... Легче умствовать, чем молиться или внимать себе».

Епископ Феофан.

28 ноября 1989 г.

Нам должно совершенствоваться в познании. Но в познании чего? Величия Божия и своих несовершенств и немощей.

Мы не можем вместить величия дара — Божественной литургии, но мы можем вместить чувство собственного недостоинства, предстоя этому страшному таинству.

Так поступают и Ангелы. Закрывая лицо свое крылами от света Божественной славы, они исповедуют свое недостоинство и несовершенство.

* * *

«Священное молчание, наводимое на ум во время молитвы ощущением величия Божия, вещает о Боге возвышеннее и сильнее всякого слова». Епископ Игнатий.

√ «Христос ради послушания пришел в мир». о. Нектарий.

«Душа не может примириться с миром и утешается лишь молитвою». о. Нектарий.

Человеку дана жизнь на то, чтобы *она ему служила* , а не *он ей*. Епископ Феофан.

* * *

<u>О молитве.</u>

В душе пробудите жажду спасения и уверенность, что кроме Господа неоткуда ожидать нам спасения.

Плод молитвы – *главный* — не теплота и сладость, а *страх Божий и сокрушение*.

Достижение христианского совершенства без стяжания умной молитвы невозможно.

Трезвиться — значит, не прелагать сердца своего ни к чему, кроме Бога.

Самолюбие и есть живущий в нас грех...

Страшный змий влагает в нас мудрость побеждать словом тех, кто хочет нас исправить; и оттого грех умножается в нас, не имея противоборника себе.

Ефрем Сирин.

5 января 1990 г.

Постриг в рясофор с наречением имени Василия, в честь учителя Вселенскаго, святителя Василия Великаго, архиепископа Кесарии Каппадокийской*.

* * *

«Храни зрение больше, нежели чрево»

«Убойся дурных привычек более, нежели бесов». Исаак Сирин.

«Келья — пристанище и убежище от мысленных и сердечных бурь». Свт. Игнатий.

От ничтожного по наружности обстоятельства может для монаха возникнуть величайшее искушение и самое падение.

Молитва есть мать добродетелей.

Дерзость есть мать всех страстей, то есть, вольность, свобода в обращении.

Истинное христианство и истинное монашество заключаются в исполнении евангельских заповедей. Где нет этого исполнения, там нет ни христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность.

---

* Из воспоминаний иконописца Павла Бусалаева: «После пострига мы пришли поздравить о. Василия в его келью. Он предложил нам чаю и тихо сказал: «Видел сам не раз постриги и даже слезу пускал. Но это все иное». Он был в особом состоянии благодати и той молчаливой сосредоточенности, когда мы без слов почувствовали — ему нельзя мешать, и быстро молча ушли».

Монах — тот, кто во всяком месте и деле, во всякое время, руководствуется единственно Божиими заповедями и Божиим словом.

9 января 1990 г.

Господи, Господи, еще мало потерпи чад наших, святии старцы вопияше; солнца не помрачи тьмою, луны кровию не обагри. Содержи, Владыко, силы небесные, покрый землю милостию Твоею, да не ужаснутся звезд падающих и стихий горящих, имиже обличение в день гнева миру возвестится.

Предста Царица Сыну Своему, егда воссташе Господь судити миру, руце в мольбе простерши за ны, яко голубица крыле свои за птенцы своя и ничесоже глаголяще, токмо слезы смиренно имуще; и, о, чудо, ангелов устрашающее! возмутися духом вселенной Господь, Бог Всеведущий прослезися, Силы Небесные вспять возвратишася, суд о земле на милость приложися, еще мир миру даровася, яко возвеличим Богородицу пречудную.

Кому от земных глаголеши, Господи, яко прискорбна есть душа Твоя до смерти? Кий да поднебесный обымет сие? Кое естество человече сие вместит? Но расшири сердца наша, Господи, яко грядем в след печали Твоей ко Кресту Твоему и воскресению.

* * *

И не мог (!!!) совершить там никакого чуда; только на немногих больных возложив руки, исцелил их.

И дивился неверию (!) их.

Мк. (6; 5—6)

Гнев Христа

1) Мк. (3; 5) ... И воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их.

О фарисеях, когда они молчали на вопрос Христа, должно ли делать добро в субботу.

2) Мк. (10; 14) Увидев то, Иисус вознегодовал. Об учениках, не допускавших ко Христу приносящих своих детей, чтобы Он прикоснулся к ним.

3) Ин.(2; 15) И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец, и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, и столы их опрокинул.

Скорбь Христа

1) Ин. (11; 33—36) – *Воскрешение Лазаря*

Иисус, когда увидел ее (Марию) плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмутился.

И сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри.

Иисус прослезился

2) Ин. (12; 27—28) — *Греки захотели видеть Иисуса.*

Душа моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел.

Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с небес глас: и прославил и еще прославлю.

3) Ин. (13; 20—21) — *После омовения ног.*

Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня.

Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

Мир, похищая у Бога чин подателя благ, присваивает его горделиво себе, и наделяя нас ими как бы милостиво, присовокупляет и возлагает на нас заботу об их хранении и страх их потери.

Когда же дает Бог, то Он и заботится о даре своем, и потеря его не возмущает сердец наших.

Ин. (14; 27) Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.

4) Мф. (26; 38) Тогда говорит им Иисус: душа моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною.

5) Лк. (19; 41) И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем ...

* * *

...новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги. Свт. Игнатий

Падший ангел старается и обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая не свойственные им, возвышеннейшие добродетели. Свт. Игнатий

Иметь заповедь и стараться сохранить ее — в сем заключается повиновение и память Божия.

Ответ 77.

Никакая добродетель не может быть совершенна без смиренномудрия.

Не приписывай никому то, чего не знаешь о нем достоверно, ибо это погибель душевная.

Ответ 5.

Вменять себя ни во что, значит ни с кем не сравнивать себя и не говорить о своем добром деле.

Ответ 21.

Если действие не согласно с сознанием, то оно не есть истинно, но поругание демонское.

Ответ 24.

Ни одна злоба, ни одна ересь, ни сам диавол не может обольстить иначе, как только под видом добродетели.

(113)
Всякий грех происходит
или от 1) *сластолюбия*
или от 2) *сребролюбия*
или от 3) *славолюбия,*
как и ложь бывает от сих трех причин.
Человек лжет,
чтобы 1) *не укорить себя и не смириться,*
или для того
чтобы 2) *исполнить желание свое,*
или 3) *ради приобретения.*

* * *

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божиею, освятить этим соединением.

Необходимо уверить себя, что Бог управляет участью мира и участью каждого человека. Опыты жизни не замедлят подтвердить и утвердить это учение Евангелия.

Необходимо благоговеть перед непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях Божиих, как частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных.

Отчего дух наш возмущается против судеб и попущений Божиих?

Оттого, что мы не почтили Бога как Бога.

* * *

Иные иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям.

Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием.

* * *

<u>О скорбях</u>.

Господь зиждет души верующих в Него скорбями. Всякая скорбь обнаруживает сокровенные страсти в сердце, приводя их в движение.

Паче солнца возгореся стыд мой предо мною, поникше долу очи мои от блистаний его, уязвися сердце мое от лучей его пламенных; Господи, наведи покров Твой облачный на восставшее в памяти нечестие мое и низведи дождь на землю души моея, да омыет ея милостью Твоею и слезами покаянными.

* * *

Дабы не начать пути благочестия, заповеди Божии называем навязшими в зубах нравоучениями, то есть указываем гордостью на нашу способность к большему, а те требования, которые ведут к совершенству, — невыполнимыми установлениями, ссылаясь на нашу слабость.

* * *

Что за чудо зрю в себе бесплодном? Душа окамененная рассекается, очи пустые слезы источают. Се бо благодать коснуся души моея и сотвори мя чудом своим, яко да имею в себе свидетельство об истине превечной и обличение недостоинства своего.

* * *

Моисей	*Христос*
Разделил море.	Прошел по водам.
Испросил манну небесную.	Насытил 5 тысяч 5 хлебами.
Извел от камня источник.	Претворил воду в вино.
Землетрясение: наказание Дафана и Авирона.	Укротил бурю.

29 февраля 1990 г. Начало Великого Поста.

Слезы бысть питием мне, хлебом же уродися мне дух сокрушения и насытися до пресыщения плоть моя сею трапезою покаяния.

20 марта 1990 г.

Иисусова молитва — это исповедь.

Непрестанная Иисусова молитва — это непрестанная исповедь.

23 марта 1990 г.

Всюду зрю тя, Господи, Боже мой, но не вижу тя, Владыко, в сердце моем затворенном. Что за место сие презренное? Что за темница сия отверженная? Ты же, Господи, тьму адову облиставший сошествием Своим, сойди во мрачные бездны сердца моего, да не будет местом смертным душа моя, но селением славы и царствия Твоего, Господи.

Лучами солнечными начало времен написавый и луну в знамение ночи утвердивый, сошествием безвременным во гроб времена упразднил еси и воскресения блистанием тьму всяческую потребил еси, Господи, слава Тебе.

Како земля удержит солнце восходящее? Како гроб сокрыет Бога восстающаго? Кия облака затмят день грядущий? Кия печати утаят Христово воскресение? Безмолвствуют зде силы небесныя, в ничтоже вменяя усердие земное. Слава, Господи, воскресению Твоему.

1 апреля 1990 г.

Идеже течеши ты, Иордане, слез покаянных? Не слышу шума вод твоих в пустыне души моея. Посреди гор тщеславия моего не вижду тя. Воcшуми, Иордане, гласом велиим да гряду ко струям твоим животворным.

Заутро умыю слезами лице мое, яко ночь опленши мя сном жестоким. Помрачены очи мои, сердце мое окованно. Господи, изведи из темницы сей душу мою исповедатися имени Твоему.

Како возыменую себе по достоянию? Разбойником ли? Но сей рая достигл иногда. Блудным ли сыном? Но сей грехов оставление прият. Аз же кто, окаянный? Имени не имам по делом моим. Но Сам, Господи, нареци мене, рождая от Духа и слез покаянных.

Ко стопам припадаю искушеннаго в пустыне и по морю шествовавшаго невреждено. Господи, Боже мой, облагодати безводную душу мою и бурю помышлений моих умири.

8 апреля 1990. Вербное воскресение.

Рукоположение во *диакона*.

При поставлении во чтеца Владыка Илиан открыл 2-ое Послание ап. Павла к Коринфянам гл. 8 ст. 16—21.

25 апреля 1990 г. Прп. Василия, исп. (!)

Первый раз служил самостоятельно литургию. Читал Евангелие от Иоанна 5, 17—24.

9 мая 1990 г. Сщмч. Василия (!)

По благословению отца наместника после акафиста Казанской Божией Матери говорил проповедь. *Впервые* в жизни.

6 августа 1990 г.

Дай мне твои слова, Давид,
Они сродни душе скорбящей.
Так солнца огненного вид
Сродни кадильнице горящей.

* * *

Что взялся инок за стихи?
Или тебе псалтири мало?
Или Евангельской строки
Для слез горячих не достало?

Иль голос тишины ночной
Не внятен стал душе смятенной?
Или не сладок стал покой
Молитвы долупреклоненной?

Не знаю сам, зачем слова
Из сердца вылились стихами...

23 августа 1990 г.

Постриг в мантию с наречением имени Василия в честь и память Василия блаженного, Московского чудотворца.

21 ноября 1990 г. Собор Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.

Два года отцу Рафаилу. Рукоположение во иеромонаха.

Памятные дни.

17 октября 88 г. — Обретение мощей преп. Амвросия.
Приход в Оптину.

29 апреля 89 г. — Страстная Суббота. Мчц. Агапии, Ирины, Галины. Мч. Леонида.
Облачение в подрясник.

5 января 90 г. — 10 мчч. Критских.
Постриг в рясофор.

8 апреля 90 г. — Вербное воскресенье. Собор Архангела Гавриила.
Рукоположение во диакона.

23 августа 90 г. — Мч. архидиакона Лаврентия, блаж. Лаврентия Калужского.
Постриг в мантию.

21 ноября 90 г. — Собор Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.
Рукоположение во иеромонаха.

* * *

Если мы будем изнурять телесные силы по пустой, кровяной ревности к телесным подвигам, то ум ослабеет в брани с духами воздушными, падшими ангелами, сверженными с неба. Ум должен будет ради немощи оставить многие, сильные, существенно необходимые ему оружия — и потерпеть безмерный ущерб.

Истинное послушание — послушание Богу, единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, под-

чиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. А не могут люди с сильными порывами, потому что порывы уносят их.

* * *

Как подавать советы ближним.

1. Обращаться с молитвою к Богу, чтобы дал Он нам сказать слово на пользу ближнему. Тем самым беседа очищается от тщеславия.

2. Говорить с осторожностью, не вдаваясь в многословие. Пустых, любопытных вопросов не делать.

3. Если увлечешься и скажешь что-то не по совести, то мысленно укори себя и раскайся пред Богом.

4. По скудости нашего времени мы должны делиться с ближними нашими *скудными* знаниями.

* * *

От грехопадений моих бегу не в затвор, не в пустыню, а в самоукорение, в исповедание грехов моих, в раскаяние.

Диавол готов нам придать вдесятеро здравого смысла и умножить тысячекратно наши практические сведения, лишь бы украсть у нас знание крестное, при коем сможем стать одесную Бога.

* * *

Может быть *опьянение* молитвы, препятствующее познать истинное молитвенное действие.

Мнение — упоение души, довольной собою, своими мнимо сладостными состояниями.

Оставляя указанное Богом спасительное покаяние, стремимся к упражнению в мнимых добродетелях, потому что они приятны для чувств. Потом неприметным образом заражаемся мнением и, как благодать не спешит увенчать нас, то мы сами сочиняем себе сладостные ощущения.

* * *

Никак не позволь себе ожидание благодати. Стремиться узреть грех твой и возрыдать о нем — это твое дело.

* * *

Где бы я ни был, в уединении ли, или в обществе человеческом, свет и утешение изливаются в мою душу от креста Христова. Грех, обладающий всем существом моим, не престает говорить мне: «сниди со креста». Увы! схожу с него, думая обрести правду вне креста, — и впадаю в душевное бедствие: волны смущения поглощают меня. Я сошедши со креста, обретаюсь без Христа. Как помочь бедствию? Молюсь Христу, чтоб возвел меня опять на крест. Молясь и сам стараюсь распяться, как наученный самим опытом, что не распятый — не Христов. На крест возводит вера; низводит с него лжеименной разум, исполненный неверия.

2 июня 1991 г.

О предстоянии Престолу Божию.

1. От грешников первый есмь аз. Умолять Господа о грехах своих и людских. Милости просить.

2. Себя распинать, в жертву приносить. Страсти, похоти, нечистые помыслы терзают душу, но терпеть надо и совершать дело благочестия, исполняя заповеди Христовы.

* * *

Действия лукаваго направлены на разрушение Божественного строя, порядка жизни, то есть на разрушение красоты и премудрости. Потому что Божественный строй (иерархия во всем, послушание по любви) это и есть премудрость и красота, совершенство, полнота.

1. Первое средство разрушения — окрадывание духа, внутреннего, оставляя мертвенность внешнего.

2. Второе средство — разгорячение духа по страстям, рождающее беспокойство, неустройство, желание изменить внешнее, стремление к мнимому лучшему.

* * *

Главное — наполнить слова значением, содержанием, то есть *чувством – духом.*

Наше дело — внимание посильное, понуждение на молитвенный труд, частота молитвы, прошения. Божие дело — посылать чувство, дух, то есть наполнять слова, души, сердца. «Иже везде сый и вся исполняяй».

* * *

Богатство монаха — утешение, находимое в плаче, и радость от веры, возсиявающей в тайниках ума.

Жизнь — то есть все и вся — это милость Божия, любовь Божия, кротость Его и смирение. Это все для нас, ради нас.

«Сокровище монаха — радость, обретаемая в плаче, и вера, хранящаяся в тайниках разума». Исаак Сирин.

Трудная, но высокая задача христианина — сохранить в себе великое счастье незлобия и любви.

Умереть нынче не мудрено. Нынче труднее научиться жить.

Патриарх Тихон.

Вне Церкви можно иметь все — только не спасение.

Крест — готовность к благодушному подъятию всякой скорби, посылаемой Промыслом Божиим.

* * *

Пустыня — нерукотворный храм Божий. «Ибо Господь Вседержитель обитает в ней и Агнец». (Откр. 21; 22.) Пустыня «не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия освещает ее и светильник ее Агнец.» (Откр. 21; 23.).

Воздух пустыни — океан премудрости Божией.

Тишина пустыни — пение ангельское.

Небо земное, Иерусалим Вышний, граде Божий, в котором Бог обитает с человеками и отирает с очей их всякую слезу — вот что такое пустыня.

Земля пустыни — твердь небесная, ставшая подножием ног наших.

Вода пустыни — Дух Животворящий.

Хлеб пустыни — любовь Христова.

* * *

«Если взыщем Бога, то Он явится нам, — и если будем удерживать Его в себе, то Он пребудет с нами».

Св. Арсений Великий.

Доколе возбуждаются и сопровождаются в нас сердечные ощущения движениями крови, дотоле мы чужды духовного действия, истекающего от Бога.

«Молю вас, да не безвременною любовию меня удержите, оставите мя снедь быти зверем, имиже к Богу достигнути возмогу. Пшеница Божия есмь, зубами зверей да сомлен буду, яко да чист хлеб Богу обрящуся».

* * *

Евангелие — это уста Христовы. Каждое слово Спасителя — это слово любви, смирения, кротости. Этот Дух смирения, которым говорит к нам Спаситель, не часто является нам, потому и Евангелие иногда непонятно, иногда не трогает нас. Но постигается, открывается Дух Евангелия крестом Христовым. Если увидим, что где бы ни находился Христос, что бы Он ни говорил, Он говорит это со креста, — тогда открывается нам Дух Евангелия, Дух смирения, кротости, бесконечной любви Божией к нам грешным.

* * *

Грех — это разлучение с Богом. Исполнение своей воли, отлучение своей воли от воли Божией. Непослушание. И как при расставании с

любимым человеком горько на душе, так и при разлучении с Богом через исполнение *своей* воли душа начинает страдать и плакать. Здесь опыт.

* * *

Тропарь, глас 3.

Яко скимен рыкая на сердце лукавое, яко агнец незлобивый взирая на душу кроткую, преподобный отче Льве предивный, младенчество во Христе возлюбил глаголя: пою Богу моему дондеже есмь. Темже моли милостиваго Господа нашего да подаст и нам область чадами Божиими быти и спасет души наша.

Тропарь, глас 3.

Сердце исполненное благодати в ризе смирения и кротости неизлиянно пронесл еси через все твое иноческое житие, преподобне отче Макарие блаженне. Тако жаждущих напоил еси, скорбящих утешил еси, болезнующих исцелил еси. Темже испроси у Христа Бога нашего и нам грешным росу благодати во спасение душ наших.

Тропарь, глас 4.

Потаенный [сокровенный] сердца человек явился еси в неистлении кротости и красоте молчаливаго духа, преподобне отче Моисее, стадо твое добре упасл еси, на камени веры обитель созидая, на немже и храм сердца своего устрояя. Темже моли Христа Бога нашего и нам жити в дому Господнем и вся дни живота нашего зрети красоту Господню и посещати храм святый Его во спасение душ наших.

Тропарь, глас 5.

Неиследимы пути души твоея, непостижимы тайны сердца твоего, преподобне отче Нектарие, но яко лучи пресветлыя словеса твоя благовествуют нам Царствие Божие, еже и внутрь себе сокрыл еси. Темже Христа Бога моли спасти и просветити души наша.

Тропарь, глас 4.

Воине доблественный и преизряднейший, светом откровения яко Павел озаренный, вся в уметы Христа ради вменил еси, иноческим подвигом подвизался еси, течение скончах и веру соблюдох, вне стана со Христом смерть приял еси. Темже зовем ти: спасай нас молитвами твоими, преподобне Варсонофие отче наш.

Тропарь, глас 2.

Всем сердцем во Христе возлюбил еси житие скитское и послушание брату богомудрому; странствуя же от них далече, в терпении стяжал еси душу твою. Темже упокои тя Бог в дому воздыханий твоих, окрест старца и брата возлюбленнаго, преподобне отче Антоние, не престай молитися о нас, чтущих святую память твою.

Тропарь, глас 6.

Святителю собеседниче достойный, старцу смиренный послушниче, благодати восприемниче и подателю, освятил еси именем Христовым сердце свое, преподобне Анатолие, зерцало Духа Всесвятаго, моли Жизнодавца Утешителя Христа, да помилует нас грешных и спасет души наша.

Тропарь, глас 1.

О, велия твоя купля, преподобне отче Исаакие, село отеческое оставив, покров Божией Матери приобрел еси и игуменство с кротостию и незлобием, обитель Заступницы Усердной прославляя и украшая, под сенью ея упокоился еси. Темже моли Владычицу нашу Богородицу спасти от смерти души наша.

Тропарь, глас 2.

Отрасле святая лозы старческой, простершаяся до севера и моря, плодами исповедничества украшенная и венцем мученичества венчанная, преподобне отче Никоне, слава Оптины и похвало,

упование наше и утверждение, не забуди убогих твоих, призывающих имя твое святое.

Тропарь, глас 3.

Яко голубь Ною утомленному, тако ты утешителю нам пречудный, преподобне отче Анатолие, спасения благовестниче, миром души окрыляющий. Темже молим тя и просим земли спасения достигнути сокрушенным душам нашим.

Тропарь, глас 2.

Послужив старцу преусердно, облистаем был сиянием славы его и преобразился еси телом и душею, благообразне преподобне отче Иосифе, светильниче пресветлый. Темже чреду старчества унаследовав, таинник Божией благодати явился еси. Моли Человеколюбца Христа и Заступницу Усердную спастися душам нашим.

ИСЦЕЛЕНИЕ НА СОБОР ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ

«Уж до чего он Оптинских старцев любил, что без слез говорить о них не мог», — вспоминает о сыне мать о. Василия. Задолго до канонизации он написал втайне от всех службу Оптинским старцам, предвидя это велие торжество: «Старцы Божии из гробов чинно исходят и от сынов своих хвалу принимают». И на торжестве перенесения мощей преподобных Оптинских старцев 23 октября 1998 года все так и было. Преподобный Амвросий Оптинский явился воочию одной паломнице и спросил ее: «Ты почему на крестный ход не идешь?» — «Батюшка Амвросий, — сказала она, — да ведь туда милиция без пропусков не пускает!» — «Пойдем со мной. Я тебя проведу». Недоверчивая паломница не пошла за ним, но следила, увидев, как он прошел мимо милиции (а из-за многолюдства пускали, действительно, по пропускам), и все удивлялась, почему его никто

не видит? А к паломнице тут же подошел схиигумен и, повторив слово в слово сказанное преподобным Амвросием, провел ее на крестный ход.

24 октября 1998 года на Собор Оптинских старцев на могиле новомученика Василия Оптинского произошло исцеление, знаменующее его участие в торжестве Оптинских святых и утверждающее нас в мысли: это на земле все раздельно, а в Царстве Небесном — единение в любви.

Рассказывает инокиня Георгия, в ту пору геолог Людмила Васильевна Толстикова: *«24 октября 1998 года на Собор Оптинских старцев я пришла после литургии на могилы новомучеников. Тут подходит паломник, как-то странно и неловко прижимает к себе листки бумаги и просит меня набрать ему в эту бумагу земельки с могил новомучеников. «Разве вы сами не можете?» — удивилась я. Но взглянула на его руки, и мне стало стыдно: кисти рук были бледно-восковые, как у мертвеца и, он не мог владеть ими. Набираю ему земельки и говорю: «Да вы хоть руки приложите к могилкам».*

Наклонился он над могилкой о. Василия, водит руками по земле. Вдруг засмеялся и показывает мне розовые живые пальцы: «Смотрите, — говорит, — руки живые, а врачи хотели мне их отнять». У меня даже слезы из глаз брызнули: «Напишите, — говорю, — о вашем исцелении». А он все шевелит пальцами, смотрит на них, улыбаясь, и говорит: «Лучше вы с моих слов напишите. Вот мой адрес: 249 431, Калужская область, Кировский район, п/о Мало-Песочное, Акимов Алексей Николаевич».

Чтобы официально засвидетельствовать свое исцеление паломник Алексей Акимов после возвращения из Оптиной сходил к врачу и прислал в монастырь письмо со вложенной в него медицинской справкой:

Справка. *Выдана Акимову Алексею Николаевичу, 1962 г. р., д. Мало-Песочное, в том, что 27/X — 1987 г. он перенес: перелом н/з левого плеча, открытый перелом обеих костей левого предплечья в н/з, перелом фаланги 1 п., рваная рана левого плеча, размозженая рана 1 п. левой кисти. Травматологический неврит локтевого, лучевого нервов с нарушением функции левой руки.*

На рентгенограмме 27/X — 1987 г.: Оскольчатый перелом н/з левого плеча. Оскольчатый перелом обеих костей предплечья н/з слева. Отрыв шиловидного отростка локтевой кисти. Перелом фаланги 1 пальца.

20/XI -1998 г. при осмотре: Функция левой кисти восстановлена.

Врач Шилова Алла Григорьевна (Печать поликлиники).

Из письма Алексея Николаевича Акимова: *«Коротко о себе. По профессии я тракторист, семьи нет, а потому я более свободен чем семейные и люблю посещать святые места. Как называется моя болезнь, не знаю: плохое кровообращение в кистях рук. Выражалось это в плохой переносимости холодной погоды и общем плохом самочувствии. Были обескровлены третий и четвертый пальцы обеих рук и выглядели белее бумаги. Началось это омертвение в апреле, а в сентябре болезнь обострилась. В поликлинике Кировского района мне выдали больничный лист, и врач Алла Григорьевна Шилова велела держать руки в тепле. Мне было не совсем удобно надевать перчатки при 15 градусах тепла, но врач настаивала, предупредив, что иначе может начаться гангрена.*

Алла Григорьевна направила меня на обследование в Калужскую областную больницу. Там мне сделали рентгенограмму, установив при об-

следовании, что кровообращение в кистях обеих рук крайне низкое. Даже в помещении больницы руки замерзали.

Сразу после больницы я приехал в Оптину на праздник преподобного Амвросия, и руки замерзали даже в храме. В Оптиной пустыни я бывал и раньше, но на могилы новомучеников не ходил.

24 октября 1998 года я стал размышлять, что угодники Божии новомученики иеромонах Василий, инок Трофим, инок Ферапонт – святые. И решил набрать земли с их могилок. У могилок была Людмила Васильевна, и я попросил ее набрать мне земли с могил, т. к. самому мне это было сделать трудно. Увидев мои побелевшие пальцы, Людмила Васильевна предложила помолиться об исцелении новомученику Василию Оптинскому. Я стал молиться и положил руку на могилу о. Василия. Минут через пять кисть руки потеплела, а через десять минут пальцы порозовели и кровообращение восстановилось.

В тот же день я работал в монастыре на послушании — возил на тачке дрова. О своем исцелении я рассказал тогда послушнику Вадиму (ныне иеродиакону Тимофею – ред.,) *и показал имевшееся у меня с собой заключение врачей из Калужской больницы о моем заболевании.*

Спасибо за все угодникам Божиим! Спасибо за все Господу!

20 ноября 1998 г».

«С ЧЕГО ЭТО ПОПУ ЧЕСТЬ ОТДАЮТ?»

«Он был монахом из старой Оптиной»,— сказал об о. Василии иеромонах Даниил. А в старину оптинских монахов отличали прежде всего по одежде — грубые, тупоносые «оптинские» сапоги и дешевая мухояровая ряса. Ряса у о. Василия была выно-

шенная и в заплатах, а его единственной обувью были кирзовые солдатские сапоги. Когда о. Василий служил на подворье в Москве, его не раз пытались переобуть в легкие ботинки, но из этого ничего не вышло. Между тем стояло такое жаркое лето, что на солнцепеке плавился асфальт.

Из воспоминаний монахини Ксении (Абашкиной): *«Когда о. Василий пришел в монастырь, то они с о. Ф. решили подвизаться, как древние, имея одну одежду и одни казенные сапоги. Потом у о. Ф. заболели ноги, и он сменил обувь. А о. Василий в великом терпении так и дошел в своих сапогах до райских врат.*

Помню, в Москве мы поехали с ним освящать квартиру моих родителей. Жара была умопомрачительная – градусов 30, а о. Василий был в шерстяной рясе, в кирзовых сапогах и нес большую сумку. Я спешила, а он меня попросил идти медленней, сказав, что после службы ноги болят. Как раз перед этим он ездил отпевать старушку, так разложившуюся на жаре за четверо суток, что все избегали подходить к гробу. И вот идем мы с батюшкой по жаре, а навстречу четыре милиционера. Вдруг они разом, как по команде, отдали батюшке честь. Отец Василий удивился: «С чего это попу честь отдают?» А поразмыслив сказал: «Они люди служивые. Кому, как не им, понять попов? Простому человеку не прикажешь стоять на жаре рядом с четырехдневным разлагающимся трупом».

Еще по дороге нам встретился мой знакомый, ставший после избиения «дурачком». А раньше он был кинооператором, имел жену, любовниц и много пил. «Блажен, получивший воздаяние на земле», — сказал о нем тихо о. Василий, и всю дорогу молча молился по четкам.

В квартире родителей обнаружилось, что моя мама без креста. И пока она искала свой крест, о. Василий рассказывал ей, что раньше рабу заковывали на шею кольцо с именем его хозяина. «И вот однажды мы умрем, — говорил он, — и придем на Суд к нашему Владыке. А Господь спросит: чьи вы рабы? И тех, у кого есть на себе его знак, призовет к себе, а на других и не взглянет».

Молебен по освящению квартиры о. Василий служил так вдохновенно и мощно, что от его пения, казалось, сотрясались все пять этажей нашей «хрущобы». Он щедро окропил квартиру святой водой, и остановившись перед чуланом в коридоре сказал, что бесы особенно любят прятаться по темным углам. Мы открыли чулан, а о. Василий влез туда, тщательно покропив все углы. Потом вышел на лестничную площадку, сказав: «И тут их много». И окропил всю лестницу в подъезде под нами и выше нас.

После освящения квартиры дух в доме изменился. Если моя мама до этого нехотя согласилась позвать «попа», то теперь она стала ходить в церковь, причащаться, а однажды открыла мне семейную тайну: оказывается, ее папа, а мой дедушка был священником, и в годы гонений его убили лишь за то, что он «поп». А еще дедушка-священник говорил, что мы из рода Говоровых, то есть из рода святителя Феофана Затворника. Ничего этого я не знала, и лишь в 26 лет крестилась в Оптиной вместе с моими детьми.

В Оптиной пустыни я сперва по послушанию убиралась в храме и поневоле обратила внимание, что о. Василий подолгу молится пред мощами преподобного Амвросия и у могил Оптинских старцев. Даже если мимо идет по делу, обязательно остановится и помолится.

Когда о. Василий служил иеродиаконом, он был радостный, веселый и будто летал по амвону. А после пострига в мантию он сильно изменился, не поднимал глаз и смотрел уже в землю. Вид был у батюшки строгий, а на деле он был добрый. Помню, Великим постом мы с детьми впали в уныние. «Батюшка,— говорю,— так шоколаду хочется и уже уныние от этих каш». И о. Василий благословил на вкушение шоколада, сказав, что лучше вкушать шоколад с самоукорением, чем поститься с ропотом и унынием.

По образованию я художник, и в Оптиной меня благословили заниматься иконописью. От прежних времен у меня остались косметические карандаши, но я сомневалась, можно ли их использовать для эскизов к иконам. Один батюшка сказал, что можно, а о. Василий – нельзя, пояснив, что икону немыслимо писать без благоговения, даже, казалось бы, в мелочах.

Однажды я с возмущением рассказала о. Василию, что некоторые местные жители плохо относятся к монахам и говорят то-то и то-то. «Ах, окаянные, — сказал он весело. – Не ведают, что творят!» Он сказал это словами молитвы Господней с креста, но сказал так мягко, чтобы не дать мне повода осудить.

«Отец Василий,— спрашиваю, — почему к Господу, святым и владыкам мы обращаемся на «ты»: «Святейший Владыко, благослови», а к батюшкам на «вы»?» — «Они сильные и не повредятся от нашей близости, — ответил о. Василий, – а мы, попы, немощные, и из уважения к нашей немощи к нам надо обращаться на «вы»».

* * *

Где-то в Сибири есть безвестная могила шестидесяти восьми иереев, которых, рассказывают, расстреливали так. Ставили на край могилы и задавали

один вопрос: «Ну, что, поп, веруешь во Христа?» — «Верую», — отвечал тот и падал в могилу расстрелянный. А потом на его место становился следующий, чтобы ответить: «Верую».

Иеромонах Василий почитал для себя за честь быть причисленным к этому сословию русских «попов», оболганных, оклеветанных, но способных принять смерть за веру свою. Он был одним из тех, кого иные пренебрежительно называют «батюшками-требниками», но с охотой служил требы — крестил, отпевал и ездил причащать болящих и в темницах томящихся.

Рассказывает паломник-трудник Сергей Сотниченко: *«Как-то в Оптиной узнали, что в одной деревне живет парализованная православная подвижница. Иногда к ней заходили соседи, приносили еду, но большей частью она лежала одна — порой в нетопленной избе, и чем она питалась, никто не знал. Рассказывали, что она всегда в радости, славит Христа и просит одного — причастить ее. Отец Василий тут же вызвался поехать к ней и взял меня с собой.*

Вошли мы в избу и увидели живые мощи. А подвижница воссияла при виде о. Василия и запела: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ..!» Отец Василий исповедал, причастил ее и был в потрясении от этой встречи: «Какая вера! Куда нам до нее?»

Отец Василий первым начал ездить в тюрьму г. Сухиничи. Однажды он крестил в тюрьме с иеродиаконом Илиодором сразу сорок человек, а я им помогал. В бане приготовили кадки, чтобы крестить полным погружением. Стоят все голенькие, а один человек испуганно спрашивает: «Батюшка, разве можно нас крестить? Мы же преступники». А о. Василий смотрит на них, улы-

баясь, и говорит: «Вы — дети. И все мы дети нашего Небесного Отца». И тут все заулыбались, обрадовались, став и вправду похожими на детей. Смотрю на них — огромные амбалы в татуировках, а перед батюшкой чувствуют себя малыми детьми, спрашивая с робостью: «Батюшка, а можно?»

Рассказывает иеродиакон Илиодор: *«Сначала некоторые батюшки не решались ездить в тюрьму, а о. Василий вызвался первым. Приезжали мы в тюрьму сразу после обеда, а уезжали в два часа ночи или же ночевали в тюрьме. Вся тюрьма уже спит, а у о. Василия – очередь на исповедь, и разговаривал он с каждым подолгу.*

Запомнился случай. Храма в тюрьме тогда не было – его построили сами заключенные после убийства о. Василия. А в ту пору крестить приходилось в бане. И вот пришло креститься 39 человек, а сороковой, как нас предупредили, пришел позабавиться: богохульник был страшный и, на их языке, «авторитет». Перед крещением о. Василий сказал проповедь. Этот человек очень внимательно слушал ее, а потом спросил: «Батюшка, а мне можно креститься?» И стал поспешно раздеваться.

После крещения он подошел к о. Василию: «Батюшка, я хочу покаяться в моих грехах. Можно мне исповедаться?» Исповедовал его о. Василий два часа, а на прощание он попросил батюшку дать ему почитать что-нибудь о Боге. По-моему, о. Василий дал ему книгу «Отец Арсений», но точно не помню.

В следующий приезд он снова исповедовался и попросил о. Василия дать ему молитвослов и научить молиться. А потом он подал прошение тюремному начальству, чтобы его перевели в одиночную камеру. И вот сидел он в одиночке и все

время молился. И вдруг в тюрьму пришло постановление, что дело этого человека пересмотрено, срок сокращен, и он подлежит освобождению. Заключенные тогда стали говорить, что, видно, родные заплатили кому надо и ловкого адвоката нашли. Но этот человек отвечал им: «Я даже прошения о пересмотре дела не подавал. Это Бог меня помиловал и освободил».

* * *

Известно, что во время поездки в г. Ерцево Архангельской области о. Василий вел беседы с заключенными в местной тюрьме. А паломница из Ерцево Елена рассказывала: «Все наше Ерцево — бывшая зона и на косточках заключенных стоит. В советское время церкви у нас не было, и целые поколения уходили из жизни некрещенными и неотпетыми. Было общее потрясение, когда к нам приехали иеромонахи из Оптиной. Люди семьями шли креститься и отпевать давно умерших родных». Креститься приходило по 80—100 человек, и иеромонахи сутками, почти без сна крестили и отпевали.

Из письма ерцевской прихожанки Тамары Федоровны Цветковой: *«Крестил меня иеромонах Филарет, а перед крещением исповедовал и наставлял в вере иеромонах Василий. Какая же духовная сила была у о. Василия! После крещения все ушли из церкви, а я с места сдвинуться не могу, и вся моя жизнь с того дня переменилась. Я перестала есть мясо, строго соблюдаю посты. Ежедневно читаю правило, Евангелие, кафизмы и акафист на каждый день. Очень люблю читать жития святых. Помогаю в церкви.*

Священника у нас нет, но когда оптинские иеромонахи уехали, мы все равно продолжали ходить ежедневно в нашу любимую церковь и читать там, что можно читать мирянам. Первую

неделю Великого поста прочли Покаянный канон Андрея Критского и ежедневно читаем Псалтирь. Но как же мы молим Господа, чтобы послал нам, грешным, священника!

Убийство о. Василия было для меня таким горем, что я тяжело заболела, а потом исцелилась его епитрахилью. Я ведь знала об убийстве заранее — о. Василий явился мне наяву. Все это я подробно записала в тетрадку, но рассказывать о том не могу, пока не покажу этой записи старцу, — я ведь человек не духовный, и в таких вещах не разбираюсь».

По просьбе Тамары Федоровны мы передали ее записи старцу. А ерцевские прихожане рассказывали, перед убийством о. Василия Тамара Федоровна заболела и все плакала, скорбя о нем. Уезжая из Ерцево, о. Василий забыл здесь свою епитрахиль. И когда с молитвой новомученику Василию Оптинскому епитрахиль возложили на болящую рабу Божию Тамару, произошло исцеление.

Позже в Ерцево привезли кассеты с записью проповеди и служб о. Василия. «И вот соберутся наши православные, — рассказывала ерцевская паломница Елена, — положат на аналой, как святыню, его епитрахиль и плачут, слушая на коленях записи его голоса». Кратким было служение о. Василия в Ерцево, но, видно, долгая память у любви.

Из ерцевских впечатлений: Чтобы дать отдых переутомленным иеромонахам, прихожанин Владимир повез о. Василия и о. Филарета на рыбалку. Отец Филарет сказал, что не умеет ловить рыбу. А о. Василий блаженствуя уплыл на плоту в озеро, взялся за удочку и уснул. Плот унесло далеко по течению, но усталого батюшку не решались будить. Когда же Владимир сварил уху из наловленной им рыбы, о. Василий сказал: «Как один мужик двух генералов прокормил».

В тех или иных выражениях, он всегда отзывался о себе как о человеке немощном. Когда же кто-то просил батюшку помолиться о нем, он отвечал: «Ну, какой из меня молитвенник? А вот помянуть, помяну».

* * *

Рассказывает игумен Павел: *«После рукоположения в иеромонаха я служил 40 литургий с о. Василием на московском подворье и жил в одной келье с ним. Исповеди шли до 11 часов вечера и дольше. И когда к полуночи мы уже без сил возвращались в келью, очень хотелось отдохнуть. Присядем на минутку, а о. Василий уже поднимается, спрашивая: «Ну, что — на правило?» Спрашивал он это мельком, ничего не навязывая, и тут же уходил молиться. После правила он часов до двух ночи читал молитвы, готовясь к службе, а в четыре утра снова вставал на молитву. Как же тщательно он готовился к службе, и как благоговейно служил!*

Однажды была моя череда крестить, но я смутился вот от чего: приехала с кинокамерой высокопоставленная чета из мэрии, и женщина не хотела погружаться в воду с головой и портить специально сделанную для съемки красивую прическу. Я не знал, как тут поступить, и о. Василий вызвался меня заменить. Перед крещением он сказал проповедь и сказал ее так, что женщина была растрогана и уже не думала ни о какой прическе. Кстати, я заметил, что о. Василий перед крещением говорил каждый раз новую проповедь. У него не было дежурной заготовки на все случаи жизни. Он говорил, как хотела сказать его душа в этот час и этим конкретным людям».

Звонарь Андрей Суслов вспоминает: *«Многие из нас обращались к о. Василию с дежурной жалобой, что вот сухость в душе и молитва не идет.*

«А ты встань ночью, — отвечал он, — урви от сна хоть часок и помолись Господу от души, а не потому, что так положено. И вся сухость, увидишь, пройдет». Сам о. Василий любил эти ночные молитвы, и, видно, дал ему Господь за то живую душу и живое слово о Боге».

* * *

Расскажем, наконец, об одной из самых трудных треб, когда священнику приходится напутствовать умирающих.

Благочинный Оптиной пустыни игумен Пафнутий вспоминает: *«Однажды в два часа ночи позвонили из больницы и попросили прислать священника к умирающему. Я знал, что о. Василий перегружен уже до переутомления, но послать было некого, и я постучал к нему в келью. Вот что меня поразило тогда — о. Василий будто ждал вызова, был уже одет и мгновенно уехал в больницу со Святыми Дарами».*

Умирал Лев Павлович Золкин — замечательный мастер, вышивавший редкой красоты иконы, митры, схимы и изготовлявший клобуки для оптинской братии. Это он сшил клобук для пострига о. Василию, в нем батюшку и погребли. Когда о. Василий приехал в больницу, Лев Павлович был уже без сознания, и причастить его не удалось. Но всю ночь до последней минуты рядом с ним был и молился иеромонах Василий.

Рассказывает вдова Любовь Золкина: *«У мужа была неизлечимая болезнь крови, и он умер совсем молодым. До последнего дня он работал для Церкви, а заплатят копейки или совсем не заплатят — за все слава Богу. Цену за работу он никогда не запрашивал: «Люба, — говорил, — наша Церковь сейчас бедная и только восстает из руин». Но я-то знала, что работы мужа за*

большие деньги перекупают иностранцы, а сама порой занимала на хлеб. Он умирал, и я понимала, что останусь после его смерти без средств к существованию с малыми детьми на руках. «Лева,— говорю,— я ведь тоже шью. Научи меня шить для Церкви». Он помолчал, помолился и ответил: «Для Бога плохо работать нельзя, а хорошо ты не сможешь».

Он был для меня идеалом православного человека, и я будто умерла вместе с ним. Окаменела и даже не плакала. Особенно я казнила себя за то, что бросила мужа умирать в одиночестве, уехав в ту ночь из больницы проведать детей. «Да что ты, Люба, — говорили мне в Оптиной, — с ним же о. Василий всю ночь был. Подойди к нему». Но подойти мешало вражье искушение — к сожалению, я поверила тогда наветам, будто о. Василий связан с «зарубежниками», а это было неправдой. Но в свое время мы с мужем так обожглись с этими «зарубежниками», продававшими за доллары его работы за границу, а он их жертвовал нашим храмам во славу Христа, что я даже близко не желала иметь дело с такими людьми.

Только через полгода я подошла к о. Василию: «Батюшка,— говорю,— я вдова Льва Павловича». А он смотрит на меня глазами, полными слез, и говорит: «Бедная вы моя!» И тут у меня впервые разжался спазм в груди. А о. Василий рассказывал, как в ту ночь приехал в больницу. Там было накурено и дух тяжелый. Но когда он зажег свечи и покадил ладаном, то почувствовал возле Левы свет и благодать.

С этого дня я стала ходить к о. Василию. Жить после смерти мужа было не на что. Друзья предложили мне сдавать квартиру в Москве,

но претил этот «бизнес». Сказала об этом о. Василию, а он говорит: «Крест нищеты — тяжелый крест. Вы сможете его понести?» Слава Богу, по молитвам о. Василия все устроилось, и мы не знали нужды. А потом подросли дети, и я пошла работать в церковь.

Куда труднее было выбраться из состояния омертвения. Горе душило порой с такой силой, что нечем было дышать. И я шла тогда из своей деревни десять километров пешком в Оптину, чтобы повидаться с о. Василием. Молча посмотрим друг другу в глаза, о. Василий помолится и так же молча благословит меня в обратный путь. Слов при этом почему-то не требовалось. Но я чувствовала, как он снимает с меня мое горе. Вот и ходила по десять километров пешком, понимая тогда и теперь, что без о. Василия мне было бы не выстоять».

КАКОЙ ПРЕКРАСНЫЙ И МИЛОСТИВЫЙ У НАС ГОСПОДЬ!

Краткой была жизнь иеромонаха Василия. Кратки и обрывочны воспоминания о нем, и рассказы о начале монашеского пути перемежаются здесь с рассказами о посмертных чудотворениях.

Из письма иеромонаха Даниила: *«Мне посчастливилось прожить около пяти лет рядом с о. Василием. Помню, зимой 1988—89 года мы жили вместе в хибарке старца Амвросия. И хотя я был послушником, потом иноком, а он простым паломником, для меня было явным его духовное превосходство. Я не могу назвать себя его другом, хотя он по-дружески относился ко мне. Но странно было видеть себя, такого земного и осуетившегося, рядом с ним. Это был красивый человек во всех отношениях, и я лишь любовался им.*

Он по-монашески любил уединение, и я видел, как тяжело ему даются частые поездки то в Москву, то в Шамордино, но он никогда не роптал.

Духовно он был выше нас всех. Но эта духовность была особенная – очень искренняя и по-детски светлая, без тени ханжества или лжи. Он не был избалован прижизненной похвалой, что, к сожалению, многим вредит. Он был монахом из старой Оптиной».

Иеродиакон Елеазар пишет в воспоминаниях: *«Помню, как Великим постом 1989 года нас с о. Василием облачали в первые монашеские одежды – подрясники. Еще запомнилось, как он был письмоводителем в монастырской канцелярии: собранным, немногословным и довольно деловым. Когда о. Василия поставили уставщиком, то с этим послушанием он справлялся безукоризненно: он прекрасно и по-моему наизусть знал службу, действуя четко и собранно — потом его быстро рукоположили во диакона и следом во иеромонаха.*

Отец Василий был сугубо монашеского устроения и рано вышел из всех компаний с чаепитиями. Но в ту пору я принимал это за «надменность» и осуждал его. Прости меня, о. Василий! И лишь годы спустя вспоминается, как это «надменное» лицо озарялось удивительно детской улыбкой.

Духовный рост о. Василия был поразительным. Уже с первых служб у Престола он многие молитвы знал наизусть, а служил удивительно благоговейно. Лишних слов и движений у него на службе не было, и Агничную просфору он разрезал всегда четким, уверенным движением. Много раз, когда мы вместе служили в скиту, я замечал, что после службы он около часа оставался в алтаре и весь уходил в переживание прошедшей

15 – 7033

литургии. А еще он часто служил молебны преподобному Амвросию, сосредоточенно молился и негромко пел. Он был лучшим канонархом Оптиной пустыни.

Не припомню случая, чтобы о. Василий препирался или отказывался от послушания, а тогда многие отказывались ездить в Шамордино или в Москву. Из других его качеств — простота и готовность помочь. Несколько раз в искушении я обращался к о. Василию, а он всегда старался утешить и давал разумные советы из святых Отцов.

На службе он весь уходил в молитву и молча «тянул» четки, никогда не вникая в разговоры, которыми, случается, «болеет» братия. К иконам подходил так: сначала постоит в сторонке, помолится, а затем быстро подойдет к иконе, полагая на себя крестное знамение довольно осмысленным движением и задержав на мгновение сложенные пальцы у лба. Запомнился характерный взгляд о. Василия — всегда внутрь себя.

Все мы очень любили проповеди о. Василия, а последняя его проповедь поразила меня. Он был охвачен огнем такой великой любви к Богу, что, возможно, помимо воли выкрикнул: «Какой прекрасный и милостивый у нас Господь!» Помню тишину в храме и чувство, что это больше чем слова.

После погребения братии раздавали личные вещи о. Василия, и мне достался его требник, маленький, еще царского времени. Я раскрыл его, и первое, что увидел, было «Последование отпевания усопших в Пасхальную седмицу» и место: «Вечная твоя память, достоблаженне и приснопамятне брате наш». И я вписал туда имя — Василие».

Рассказывает шамординская монахиня Исаакия: *«В те годы я пела на молебнах в Оптиной*

и помню первый молебен иеромонаха Василия. Перепутав расписание, я опоздала почти на час. Все давно разошлись, решив, что молебна не будет. И лишь один о. Василий смиренно ждал меня в храме. Свой первый молебен он провел так безукоризненно, будто давно уже служил. А моего чудовищного опоздания он как бы не заметил. Он вообще не замечал чужих промахов. Очень смиренный был батюшка».

Рассказывает игумен Тихон: *«Когда я был диаконом, то один раз проспал и опоздал на службу. Между тем диакон должен прийти раньше иеромонахов, зажечь лампадки в алтаре и приготовить все к службе. Вхожу в алтарь, а о. Василий лампадки зажигает. «Батюшка,— говорю,— простите, проспал. Давайте я зажгу». — «Прошу вас,— отвечает он,— не лишайте меня этой радости. У монаха три радости — лампадку зажечь...» Что он говорил дальше, не помню. Но запомнилось, как он трогательно ободрил меня, когда я переживал из-за своей вины.*

Помню еще, как кто-то был недоволен, что всю братию посылают на сельхозработы, а о. Василия – нет. «Я чувствую, что он рожден для крупного послушания, — сказал тогда отец наместник, — а для какого, не пойму».

Рассказывает игумен Михаил (Семенов): *«Паломником я работал в Оптиной на послушании и жил в одной келье с паломником Г. Великим постом Г. тяжело заболел, а о. Василий носил ему обед из братской трапезной и каждый день исповедовал его. Я в таких случаях старался выйти из кельи, но о. Василий деликатно возражал: «Нет-нет, лучше мы уйдем, чтобы не мешать вам». У Г. было тяжелое нервное расстройство, связан-*

ное с бесованием, но по молитвам о. Василия произошло исцеление. И я завидовал Г. «белой завистью» — какой же у него хороший духовный отец!»

Вспоминает Тамара Мушкетова: *«Жил тогда в Оптиной паломник Митя и рассказывал случай. На последней пассии Великого поста 1993 года все стояли со свечами, а Мите свечки не досталось. И вот стоит он за спиной о. Василия и думает: «Видно, я хуже всех, раз мне свечки не досталось». Постоит и опять в унынии думает: «Все люди как люди. Один я без свечи». Тут о. Василий оборачивается к нему и говорит: «Ну хватит, хватит. Возьми мою». И отдал ему свою свечу».*

Инокиня Ольга пишет: *«Я готовилась причащаться и спросила о. Василия на литургии: «Батюшка, вы будете сегодня исповедовать?» — «Нет». — «А что же мне делать?» — «Смиряться». Но не прошло и пяти минут, как он вышел из алтаря и взял меня на исповедь.*

Говорил батюшка просто. Однажды рассказала ему, что поленилась прочесть вечернее правило и было мне за то вражье нападение. А он: «Ну, теперь поняла?»

И все-таки главного об о. Василии не расскажешь в словах. Помню, он вышел из храма и неспешно шел по молодой зеленой траве, перебирая четки и весь уйдя в молитву. Я хотела подойти к нему и взять благословение. И вдруг меня остановил будто страх Божий — было чувство, что он живет уже в ином мире и идет по земле, не касаясь ее».

Рассказывает Алевтина Попова, инженер из Киева: *«Я мало что знала о вере, когда начала ездить в Оптину на исповедь к о. Василию. Но что я понимала тогда? Просто мне очень нравилось, что у меня высокообразованный*

духовник, который разбирается в современных вопросах и говорит современным языком.

А после смерти о. Василия был случай. Сижу на лавочке возле его могилки и читаю сидя «Отче наш». Вдруг слышу голос о. Василия: «Встань!» Я не обратила на это внимания и продолжала молиться сидя. Но вот что удивительно — никогда после этого я не могла уже читать молитву «Отче наш» сидя. Какая-то сила поднимала меня, и я вставала».

Из воспоминаний шамординской инокини Сусанны: *«После убийства на Пасху некоторые особо выделяли о. Василия, поскольку он иеромонах, а о. Трофим и о. Ферапонт простые иноки. Я сказала об этом своему духовному отцу, а он ответил: «Нет, это тричисленные мученики, и все трое пострадали за Христа». В ту же ночь о. Василий явился мне во сне одетым, как простой инок — без мантии и иерейского креста, будто желая показать, что он ничем не отличается от убиенных с ним братьев. Разумеется, снам нельзя доверять, но ведь и в жизни о. Василий был настолько простым и смиренным, что о его духовных дарованиях мало кто знал».*

«Иди ко мне!»

В Оптину пустынь к о. Василию ездила болящая паломница Инна, ходившая на костылях. Однажды ноги совсем отказали, и Инну принесли в храм на руках. Сидит она в храме, а подойти на исповедь к о. Василию не может. Вдруг о. Василий оборачивается и говорит: «Иди ко мне!» И Инна встает и идет. После смерти о. Василия Инна ушла в монастырь и приезжала на могилку о. Василия уже в апостольнике.

«Раз обличил, то сними»

Молодая девушка, окормлявшаяся у о. Василия, одевалась по-монашески, а под черным платком носила золотые серьги. Однажды во сне о. Василий обличил ее за это.

— Батюшка, — спрашивала она его потом, — что же мне делать, если вы во сне обличили меня?

— Раз обличил, то сними, — ответил о. Василий, не уточняя, что снять — серьги или черный платок.

А вскоре эта девушка сняла с себя все «монашеское» и по благословению батюшки вышла замуж. Теперь она счастливая многодетная мать.

«Отец Василий нам все наперед предсказал»

На беседе в воскресной школе г. Сосенского о. Василий сказал: «Мы надеемся на земное и не хотим уповать на Господа, пока нам хорошо. А завтра остановится завод, перестанут платить зарплату, а в квартирах отключат отопление. На что тогда уповать?»

После смерти о. Василия завод, кормивший город, почти остановился, зарплату перестали выдавать, а из-за нехватки топлива в квартирах был такой холод, что люди, как в гражданскую войну, стали мастерить «буржуйки». Вот тогда и заговорили в городе: «Отец Василий нам все наперед предсказал». В это безденежное время в Сосенском открыли храм, освятив его в честь преподобного Серафима Саровского. И сплотились православные, утверждая, что лишь упование на Бога не посрамляет.

«До смерти»

— Отец Василий, да что ж у меня все скорби и скорби? И долго ли их терпеть? — спросила монахиня Никона.

— До смерти.

«Если б вы знали, как нас любит Господь!»

Уезжая из Оптиной пустыни москвичка Мария Руденко пожаловалась о. Василию:

— Какая в Оптиной благодать! А надо ехать домой, тратить жизнь, по сути, на мелочи.

— Наше дело заниматься прахом, — ответил о. Василий. И вдруг сказал, просияв: «Если б вы знали, как нас любит Господь!»

«Главное — сокрушать идолов в себе...»

Однажды на беседе в тюрьме г. Сухиничи заключенные задали о. Василию вопрос: «Кто хуже — «коммуняки» или «демоняки», и когда этого идола Ленина из мавзолея уберут?». Отец Василий ответил: «Главное — сокрушить идолов в себе, а внешние сами падут».

«Решето»

— Батюшка, я курю и буду курить.

— Ну что мне тебя за это сигаретой убить? Но ведь скорби от курения будут, и курякам стяжать благодать — все равно что решетом воду таскать.

«Радость в Господе»

— Батюшка, я часто плачу, особенно на молитве, и на душе у меня безрадостно.

— Начнешь исполнять заповеди и перестанешь плакать. И вдруг откроется, какая же радость в Господе!

«Это превыше всего»

— Отец Василий, что делать? Все идут в храм, а я в аптеку: то дети болеют, то свекровь.

— Главное — исполнить заповедь любви. Это превыше всего.

* * *

Рассказывает бухгалтер Оптинского подворья в Москве Людмила: *«В ту пору у нас на подворье была крохотная трапезная в вагончике, где обедали вместе монахи и женщины. Отец Василий по-монашески избегал садиться за стол вместе с женщинами и приходил в трапезную после всех, когда там не было женщин, но и обеда порой уже не было — один хлеб оставался, а ему и хлеба хватало.*

Однажды я пришла в трапезную после всех. Обедаю, а тут входит о. Василий. «Батюшка, — говорю,— мне уйти?» — «Ну зачем же?» Это было на Преображение, и в трапезную принесли большое блюдо с фруктами. Но к нашему приходу осталось лишь два персика – один красивый большой, и маленький, порченый. Я потянулась к маленькому персику, а о. Василий положил передо мной большой. «Батюшка, я не возьму. Это вам». А он: «Благословляю съесть за послушание».

На подворье мы видели батюшку только в храме. Остальное время он сидел у себя в келье, как в затворе, и кроме храма никуда не ходил. Он был МОНАХ, и это чувствовалось».

Игумен Феофилакт, настоятель Оптинского подворья в Москве, вспоминает: *«Отец Василий исповедовался ежедневно. Каждая его исповедь была творческой, а помыслы он пожигал уже на уровне прилогов».*

Из воспоминаний шамординской инокини Сусанны: *«Был Успенский пост 1991 года, когда о. Василий служил в Шамордино. Я тогда только что поступила в монастырь, работала на послушании в трапезной и беспокоилась, что батюшка не пришел обедать. Шел дождь, и часа в три я увидела в окно, как о. Василий идет под дождем спокойным шагом, прикрывая мантией*

красную дароносицу на груди, — он ходил в Каменку причащать больного. В трапезной батюшка от обеда отказался и попросил кислых ягод. Съел он немного ягод, а на ужин не пришел. На следующий день он опять съел лишь горстку ягод и не ужинал. Лишь на третий день он поел с ягодами немного ржаного хлеба. Помню, я сильно удивилась такому воздержанию. Постом и так пища скудная, а он и этого не ест.

У меня тогда была большая ревность по Боге. Как все новоначальные я хотела поскорее исправиться и достичь чего-то высшего. И вдруг в проповеди перед общей исповедью о. Василий сказал, что нельзя обольщаться и надеяться, будто однажды мы исправимся и станем праведными: «Нужно помнить всегда, что мы неисправимы, и смиряться с тем, что мы хуже всех». Я вся горела желанием исправиться, а тут – «неисправимы». И я не соглашалась с этой мыслью о. Василия, пока не поняла: он говорил о смирении как основе всего. И не дай нам Бог почувствовать себя праведниками — это фарисейство.

После смерти о. Василия я много раз перечитывала его проповедь, опубликованную в газете «Лампада». И не могла понять в ней одно место: «Смотреть и видеть Господа, который идет впереди нас с вами и попирает Своими пречистыми стопами все те скорби, которые враг уготовал нам. Эти скорби уже попраны Христом, они уже Им побеждены». Я никак не могла понять, как это — наши скорби уже попраны и побеждены Господом? Спросить было не у кого. И вдруг вижу во сне живого о. Василия, спрашиваю его о непонятном в проповеди, а он объясняет. Оказалось все просто. Ведь Господь своею смертью победил грех, даровал нам победу над ним и научил, как противостоять ему».

Из воспоминаний монахини Олимпиады, игуменьи Орловского Свято-Введенского монастыря: *«Паломницей я два года работала на послушании в Оптиной. Потом меня благословили на монашество, и встал вопрос о выборе монастыря. «Возвращайся в Орел, к себе на родину», — сказал мой духовный отец схиигумен Илий. Другой же батюшка сказал: «Что ты будешь делать в Орле, если у вас нет монастырей? Монах без монастыря, как рыба без воды. Просись лучше в крепкий монастырь под опытную игуменью». Я и сама так хотела и стала умолять батюшку Илия благословить меня в какой-нибудь монастырь с опытной игуменьей. Батюшка колебался, но уступив моим мольбам, сказал: «Ну хорошо, помолись и выбирай».*

Помню, пришла я тогда в тяжких раздумьях на могилку о. Василия и долго молилась, взывая к новомученику: какой же мой путь? И вдруг слышу голос о. Василия, повторяющий с силой: «Орел! Орел!» Я опешила — так явственно это звучало. Иду скорей к батюшке Илию и говорю: «Батюшка, что со мной сейчас на могилке о. Василия было! Одно только слово слышу: «Орел!» Батюшка обрадовался: «А я тебе что говорю? Вот твой путь – Орел».

Так я уехала в Орел. И если до революции в Орловской губернии было множество монастырей, то теперь восстановить наш единственный в те времена монастырь стоило таких скорбей, что не раз слезами умылись. Это ведь лишь на бумаге считается, что гонения на православие кончились, а на деле мы чувствуем их. Иноземным проповедникам в нашем городе сразу дают за мзду помещения и транспорт. А православным чаще дают понять, что мы бесправны на нашей земле. Вот один только случай.

Достали мы для ремонта цемент на цементном заводе, а вывезти его не на чем. Полный город машин, а нам ни за деньги, ни без денег машину не дают. Сколько я кабинетов обошла, а везде отказ с улыбкой, да еще такого наговорят! Вернулась я в монастырь уже без сил и прилегла на минутку. Вдруг вижу в тонком сне — о. Василий сидит за рулем трактора и очень решительно, как танк, направляет его в ворота цементного завода. А я сижу с ним в кабине и прячусь за его спину: пусть, думаю, батюшка Василий сам все свершит, а то я так устала просить.

Сон был кратким, но до того утешительным, что я проснулась с явственным чувством — сейчас привезем цемент. Выхожу за ворота, поднимаю руку, и первый же грузовик тормозит, а шофер с доброжелательной готовностью едет за цементом. Так мы восстанавливали наш монастырь, не имея ни сил, ни средств, но возложив все упование на Господа и наших скоропомощников новомучеников Оптинских».

Из воспоминаний инокини Н-го монастыря: *«Хочу рассказать о моем исцелении по молитвам Оптинских новомучеников от болезни телесной и, что важнее, духовной. Дело было так. Наша иконописная мастерская находилась в доме, где еще жили миряне. Слышимость была отличная, работать под звуки телевизора я не могла и приноровилась залеплять уши парафином. Через два месяца уши стали побаливать, в голове стоял постоянный шум. А когда на годовщину убиения Оптинских братьев мы с сестрами приехали к их могилкам, то у меня началась такая нестерпимая «стреляющая» боль в ушах, что батюшка благословил меня ехать утром в больницу.*

На могилках новомучеников в тот день стояли иконки Спасителя, было много цветов и иных даров.

И вдруг к моей радости мне благословили иконку Спасителя с могилы о. Трофима, три цветка с могилы о. Василия, платочек с могилы о. Ферапонта и шерстяные носки с могилы иеросхимонаха Иоанна.

Вернулась я в гостиницу усталая, думая, что мгновенно усну. Но боль в ушах сверлила с такой силой, что не было мочи терпеть. В три часа ночи, совсем измученная, я вспомнила, что у меня с собой святыньки с могил новомучеников. Взмолилась я им и преподобному Амвросию Оптинскому, и вдруг увидела, что на столике рядом со мной стоит пузырек со святым маслом от мощей преподобного Амвросия. Отломила я кончики цветов с могилки о. Василия и, окунув их в святое масло, вложила в каждое ухо. Платочек с могилки о. Ферапонта положила на ухо, болевшеее особенно сильно, а сверху прикрыла уши носочками с могилки иеросхимонаха Иоанна. Надела апостольник и удивилась — боль мгновенно прошла, и я блаженно уснула.

Ехать в больницу нужды уже не было. Но наутро шоферу надо было заехать в больницу, и за послушание батюшке я решила показаться врачу. И тут мне промыли уши, извлекли оттуда немало парафина, а врач сказала, что я лишь чудом не потеряла слух.

После этого на меня напал страх перед парафиновыми затычками. И когда нас послали за покупками для иконописной мастерской, я, не спросясь, купила магнитофон, решив, что буду работать в наушниках, слушая православные песнопения. О своей самочинной покупке я сообщила батюшке не на исповеди, а в обычном разговоре. Он сказал, что это воровство и надо покаяться на первой же исповеди. И тут началось худшее из худшего — упорство в грехе: я помнила лишь страшную боль в ушах и не хотела каяться. Наступило состояние такого духовного нечувствия, что я уже не считала грех за грех.

Пришло время причащаться. Накануне вечером я написала исповедь, хладнокровно решив, что не буду каяться в этом грехе, находя ему множество оправданий. А ночью вижу во сне, будто я снова в Оптиной, а о. Василий с батюшками в тревоге обсуждают, как же исправить меня. Решили, что будут по очереди исповедовать меня в надежде пробудить во мне покаяние. Поисповедовалась я у первого батюшки, но утаила свой грех. Потом меня взял на исповедь о. Василий. Я опять теплохладно перечисляю грехи и не желаю каяться в воровстве. А о. Василий говорит мне сокрушенно: «Я даже не знаю, чем вам помочь». Сказал он это с такой скорбью, что мне стало стыдно до слез. Раскаяние уже обжигало душу, но тут меня окликнул мой духовный отец и велел идти с ним по делам в скит. Помню, долго мы ходили по делам, а у меня одна мысль и страх — лишь бы успеть покаяться! Лишь бы о. Василий не ушел! Возвращаюсь, наконец, в монастырь и вижу — все батюшки давно разошлись и только о. Василий стоит у аналоя и ждет меня на исповедь. А у меня такая радость — успела! Спешу к о. Василию... и просыпаюсь от звона будильника, и бегу в храм, чтобы исповедать свой грех».

Рассказывает монахиня Нектария (Шохина): *«Летом 1993 года я приехала в Оптину пустынь и узнала, что трое моих отцов-наставников так тяжело заболели, что не выходят из келий. Помню, полола я сорняки и вдруг бросила дергать траву и взмолилась: «Господи, лучше бы я заболела, чем они!» — «Ты хоть понимаешь, о чем просишь?» — сказала инокиня Евфросиния, работавшая рядом со мной. А я лишь жарче молюсь: «Господи, исцели батюшек и даруй их болезни мне!»*

И дано мне было по вере моей. К вечеру я слегла — сердце останавливалось, в легких буль-

кало и хрипело, я вся разбухла и отекла, как при водянке. По образованию я медицинский работник и понимала, что умираю. Тут инокиня Евфросиния зашла меня навестить, а я протягиваю ей через силу «Канон на исход души» и прошу: «Читай». Она испугалась, но увидев мое состояние стала читать.

Утром мои разбухшие ноги вставили в чужую огромную обувь и кое-как под руки привели к могилкам новомучеников. С помощью сестер я положила земной поклон и стала молиться: «Господи, молитвами новомучеников иеромонаха Василия, инока Ферапонта, инока Трофима исцели меня!» Три дня меня готовили к смерти, причащая ежедневно. И три дня через силу, с помощью людей я добиралась до могилок новомучеников и молилась им об исцелении.

Через три дня выздоровела не только я, но и трое моих отцов-наставников. А я в благодарность за исцеление написала акафист Оптинским новомученикам».

Геолог Людмила Васильевна Толстикова, ныне инокиня Георгия, пишет: *«Дивен Бог во святых своих! Для меня трое Оптинских новомучеников — святые. И хочу рассказать о двух случаях милости Божией, явленной мне, грешной, через иеромонаха Василия.*

Был у меня в юности тяжкий грех, со стыдом вспоминаю его и теперь. Но будучи новоначальной, я фактически скрыла этот грех на исповеди, назвав его незначительным, уклончивым словом, а это был смертный грех. Шли годы. Я уже пела на клиросе, когда по тяжести в душе догадалась, как давит на меня этот давний неисповеданный грех. Но на исповеди я от стыда не могла ничего выговорить или вдруг «забывала» его.

И вот наступила Крещенская ночь 1993 года. Я написала письменную исповедь, решив во что бы то ни стало покаяться сегодня же. А на всенощной узнаю, что мой батюшка сегодня исповедовать не будет. Гляжу, а к другим батюшкам такие толпы причастников, что уже ясно — на исповедь мне не попасть.

Храм был переполнен. Народ теснил меня сзади прямо к аналою о. Василия. Но я была в таком удрученном состоянии, что, повесив голову, двигалась в толпе, не замечая вокруг ничего. И вдруг о. Василий обернулся в мою сторону и, «выдернув» кивком из толпы, вне очереди взял на исповедь. А я слова не могу вымолвить и лишь молча протягиваю батюшке запись исповеди. Записка была свернута вдвое, и что в ней написано, о. Василий не знал. Смотрит он на записку в моей руке и говорит изумленно: «И это мне?» — «Вам, батюшка». А он снова восклицает: «И это мне?» — «Вам. Прочтите». А он нараспев: «И это мне-е?» Я тогда не знала, что батюшка прозорлив, но точно знала — ему открыто мое состояние: он знает, что в записке, даже не читая ее. А я лишь опускаюсь на колени и плачу так сильно, что слезы заливают лицо. И я не понимаю одного — как я теперь взгляну в глаза батюшке, если ему открыта вся моя скверна? И вдруг слышу, как о. Василий БЛАГОДАРИТ меня за исповедь. Поднимаю глаза и вижу сияющее радостью лицо батюшки.

Расскажу о другом случае. Когда по благословению старца я переехала из большого города в Козельск, родные сперва корили меня. Но все было промыслительно. В Козельск я приехала уже больная, с опухолью. Лечиться не люблю, то тут, по настоянию родных, прошла обследование в Москве на УЗИ, и врач, установив размеры опухоли, назначил мне курс лечения. Год я добросовестно

лечилась, но повторное обследование показало — толку от лечения нет. И я бросила лечиться, возложив все упование на Господа.

Теперь я понимаю, что это дерзость и в моей надежде на чудо была тонкая струнка тщеславия. Но тогда я много ездила по монастырям и купалась в святых источниках. Духовная польза была огромной, но моя опухоль как была, так и осталась со мною, давая о себе знать весьма чувствительной болью.

В Страстную Пятницу 93-го года я вернулась из паломничества на свое послушание в Оптиной, а на Пасху было убийство. Помню, я долго шла лесом по следам убийцы, стремясь настигнуть его. Страха за свою жизнь уже не было. Так потрясало это чудовищное злодеяние!

По профессии я геолог и, проработав всю жизнь в мужском коллективе, привыкла «держаться», не давая волю слезам. На погребении я не плакала, но невыплаканное горе уже душило меня. Однажды на могилках новомучеников никого не было, и тут, обняв крест на могилке о. Василия, я впервые дала волю слезам. Я ничего не просила, только плакала, горюя о братьях. И вдруг почувствовала такую боль на месте опухоли, что даже присела. Кое-как с передышками добралась до храма, боль была сильной и, мне казалось, целебной — из меня будто кто-то извлекал опухоль. Так продолжалось минут пятнадцать, и вдруг я почувствовала, что исцелилась. Во избежание искушений я старалась даже не думать об этом и просто радовалась состоянию легкости и здоровья.

Но, видно, Господу было угодно засвидетельствовать мое исцеление, ибо вскоре я попала на обследование на УЗИ и как раз к тому врачу, который нашел у меня опухоль. Доктор был в недоумении: где же опухоль? «Тут, доктор,

тут», — говорю ему, показывая на болевшее прежде место. «Тут только ямка от опухоли», — отвечает он. Не поверив, он назначил мне повторное обследование через полгода, еще раз подтвердившее — исцеление было полным.

Сперва я скрывала свое исцеление. Но ведь не ради меня, грешной, было явлено чудо, а ради прославления Оптинских новомучеников. Вот почему я решила засвидетельствовать письменно чудо исцеления, приложив, если потребуется, медицинские документы».

Рассказ сотрудника Сретенского монастыря раба Божия Павла: *«Однажды с игуменом Ипатием мы долго стояли у могилы о. Василия. Отец Ипатий рассказывал мне о нем и советовал молиться о. Василию, когда будет нужда в скорой помощи. Прошло немало времени, пока я вспомнил об этом. А вспомнилось так.*

Возвращались мы из Печор и наш новенький «ЗИЛ» вдруг сломался. Оказалось, порвался приводной ремень и при попытке связать его буквально рассыпался в руках. И тут начались наши мытарства. Вблизи никаких населенных пунктов. Останавливаем машины с просьбой помочь, но откуда у легковушки «зиловский ремень»? И вот что интересно — много разных машин прошло мимо нас, а «ЗИЛа» ни одного.

Просим водителей позвонить в авторемонт, но они так вяло обещают, что видно — вряд ли будут звонить. Так прошел не один час. Становилось темно, да еще дождь пошел. Ситуация была до того безвыходной, что я в сердцах пнул по колесу и из меня вырвалось: «Ну, о. Василий, помогай, раз о. Ипатий велел молиться тебе!» Прости меня, Господи, что так грешно «помолился». И вдруг глазам своим не верю — прямо к нам с пригорка катит «зилок». А водитель тормозит, улыбаясь:

«Что — загораем? Помощь нужна?» Я лишь молча показываю обрывки ремня. Шофер смеется: «Полезай в кузов!» Залезаю и вижу — в пустом кузове стоит ящик, полный новеньких «зиловских» ремней. Что со мной было и так понятно. А шофер нам про запас ремней еще дал. В общем ехали мы потом и всю дорогу благодарили Господа и нашего скорого помощника о. Василия».

Рассказывает рясофорная послушница Любовь: *«На Страстной неделе мне нужно было срочно уехать из Киева в свой монастырь. Деньги у меня были только на плацкартный билет, но дешевых билетов в продаже не было. Стою на вокзале в растерянности, а моя спутница говорит: «Но ты же так почитаешь о. Василия. Проси его!» Только я стала молиться новомученику Василию, как ко мне подходит женщина и просит: «Купите у меня купейный билет по цене плацкартного, а то поезд отходит — не успеваю сдать». И я тут же уехала из Киева в купе».*

Из рассказов Галины Лавровны Безносовой, директора православной гимназии г. Козельска: *«Ехала я на работу, а автобус сломался. Вижу, что опаздываю на занятия и взмолилась о помощи новомученику Василию. Возле меня остановилась машина и довезла до крыльца школы. Но таких случаев множество. Ведь когда мы открывали нашу православную гимназию, то каждый шаг или даже шажочек начинался с того, что идешь к мощам прп. Амвросия и к могиле о. Василия и поклоны с молитвой им кладешь».*

Православная гимназия начиналась так — в городской школе устроили вечер памяти новомученика Василия. Большинство учащихся были еще неверующими, и Галина Лавровна переживала: а придут ли дети? Вот и полагала она земные поклоны с молитвой: «Отец Василий, соберите отро-

ков!» Сто двадцать отроков пришли тогда на вечер. А впечатление от встречи с отцами Оптиной пустыни было таким сильным, что все просили продолжения встреч. Так начался цикл православных вечеров. Верующих детей становилось все больше, и стала неотложной нужда в гимназии.

Дети очень любят свою гимназию. Один маленький мальчик из дальней деревни ходил сюда пешком по два часа в один конец. Галина Лавровна и родители уговаривали его перейти в школу рядом с домом, но мальчик отвечал: «Я очень хочу изучать Закон Божий». Пятый год работает православная гимназия. И пятый год вершится чудо: нет денег на зарплату учителям, и снова Галина Лавровна кладет земные поклоны с молитвой: «Отец Василий, помогите!» Нет дров и средств на завтраки учащимся, и опять спешит к могилам новомучеников директор гимназии. «Духовник нашей гимназии протоиерей Павел,— рассказывает она,— даже сказал регентуя: «А у нашей Галины Лавровны один глас: «Отец Василий, помогите!» Но ведь мы действительно живем чудом. Сколько раз уже казалось — нет ни копейки, и гимназии не выжить. И все-таки мы живем, радуемся и растим наших детей в вере молитвами новомучеников иеромонаха Василия, инока Ферапонта, инока Трофима».

Раскроем же последние страницы дневника иеромонаха Василия, написанные уже, кажется, вне времени — без дат.

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА ИЕРОМОНАХА ВАСИЛИЯ

Сердце обнищавшее, лишенное благодати, а значит, и силы, подвластно телу и исполняет его хотения и желания.

Укрепить свое сердце, наполнив его благодатью, и одолеть, подчинить тело сердечным стрем-

лениям и намерениям – вот задача. Поставить сердце во главу, сделать его владыкою всего существа и отдать его в подчинение Христу за ту милость и благодать, которою Господь и укрепил и обновил это сердце.

* * *

«Царство Божие внутри вас есть...»
«Погружай ум твой в слова молитвы».
Преп. Иоанн Лествичник.

Через восхождение, погружение ума, соединенного с чувством, в слово молитвы, входим в Царство Небесное, которое внутри нас. Там Царство Духа, там наш дом родной, в который вселяется смиренная и умиленная душа, дивясь непрестанной милости Божией, покрывающей ее нищету и греховность.

* * *

Что легче? Терпеть голод в желудке или совесть, оскверненную чревоугодием? Что легче? Терпеть тяготу данного послушания или тяготу совести, оскверненной саможалением, самолюбием и как следствие — отказом от послушания?

Всюду труд, всюду терпение, всюду тягота жизни. Но в одном случае помогает Господь, а в другом отступает. В одном случае иго Господне, а в другом — иго диавола. Господь не отнял окончательно наказания за грех — тягота жизни осталась, но жизнь преобразилась в Духе. Дух этот дается несущим иго Христово, выбирающим исполнение заповедей Божиих, а не служение плоти и крови. Господи, даждь ми силу избирать во всем иго Твое благое.

* * *

Странно видеть в себе готовность к совершению любого **самого тяжкого** греха. Это бездна, это адская пропасть, это вечная мука и смерть.

И вижу, и знаю, если только буду поставлен в тяжелые условия выбора между верностью Господу и предательством Его, то буду предателем. А, значит, я и сейчас предатель, если в моей воле живет готовность на предательство.

Живу и верность соблюдаю только внешне, по милости Божией, но Господь видит немощь мою и не попускает обстоятельств и тяготы выше моей меры.

От тайных моих очисти мя, Господи!

Видеть это надо всегда и непрестанно взывать о помощи, о помиловании.

Господи, помилуй мя, грешнаго.

* * *

Как пленник связан веревками и лишен свободы действия, так падший человеческий ум связан мыслями лживыми, неправыми, и связано человеческое сердце желаниями похотными, нечистыми, страстными.

И как пленники бывают с различной степенью свободы действия: один заключен в оковы, другой в темницу, третий в стены тюрьмы, так и человеческое сердце и ум бывают с разной степенью истинности в мыслях и чувствах. Но пленник остается пленником, в каком бы из видов заключения он ни находился, так и падший ум и сердце остаются падшими, то есть неистинными, о чем бы они не составляли свое мнение в мыслях и чувствах.

Поэтому Господь говорит: «познайте истину, и истина сделает вас свободными», а святой Апостол: «Где Дух Господень, там свобода».

* * *

Всякое понятие, слово имеет смысл и сопряженное с этим смыслом чувство, отзвук в душе.

Грехом это единство смысла и чувства рассечено, и мы не чувствуем того, о чем говорим, и не понимаем того, что чувствуем.

Господь благодатию своею восстанавливает это единство, врачует эту неисцельную рану. Но все это происходит так, как будто мы снова начинаем учиться ходить. Все ново, все необычно, все трудно. Все дается только опытом, только им одним. Иначе как научиться ходить? Значит, все в исполнении заповедей Божиих.

* * *

Как немощно сердце без благодати Божией! Есть сила физическая, которую мы ощущаем в членах наших. И если она истощается, то мы изнемогаем от усталости. Но есть сила духовная, сила благодати, которая укрепляет сердце наше и без нее мы немоществуем, т.е. бываем склонны ко всякому греху. Особенно к осуждению, раздражению, гневу, чревоугодию, недовольству всеми и всем, склонны к ропоту и отчаянию, к тщеславию.

Поэтому святой Апостол говорит: укрепляйте сердца ваши бдагодатию. Благодать же подается Господом за исполнение Его святых заповедей.

* * *

В бане, когда моешься, помышляй: готовлю тело мое к погребению, умываю и умащаю его.

И еще: как я очищаю тело свое от грязи, так Ты, Господи, сердце чисто созижди во мне и дух прав обнови во утробе моей.

Сим победится ублажение своего тела.

* * *

Благодать невидима, недомыслима, непостижима. Узнаем о ней только по действию, которое она производит в уме и в душе, по плодам ее. «Плод же Духа, — говорит Апостол, — есть любовь, мир, долготерпение, кротость, вера...»

Все это не наше — но дело благодати. Если будем видеть постоянно, что это не наше, то удержим благодать. Но если что-то присвоим себе, то все потеряем.

* * *

Когда осуждаешь, молиться так: Ведь это *я*, Господи, согрешаю, *меня* прости, *меня* помилуй.

* * *

«Какая сильная мысль! — говорим мы. — Он сильно переживает».

Мысли и чувства имеют силу. Имеют силу побеждать, подчинять себе наше тело.

То, что имеет силу, должно существовать реально. Если как бы связать, соединить воедино мысли и чувства, то представится некое духовное единство.

Как я мыслю, *как* я чувствую — это и есть образ моей души. Видимо, душа может принимать тот или иной образ мыслей в зависимости от ее силы. Что-то принимать, что-то отвергать.

В каком образе, в каком одеянии предстанет душа Богу? Необходима одежда покаяния. Если не праведная жизнь, то желание праведной жизни. Это первая одежда, это срачица (вспомни монашеский постриг). Если Господь увидит это желание, эту едва прикрывающую наготу одежду, то по неизреченной Своей любви, может быть, дарует одеяние иное, достойное для присутствия на Его Тайной Вечери в Царствии Небесном.

Если смирение Христово воссияет в сердце, то жизнь земная для тебя будет раем. Как это описать? Невозможно. Это чувство сердца. Если оно есть, ты знаешь, что это **оно**.

* * *

Ты видишь, что все вокруг достойнее тебя, честнее, праведнее, смиреннее, чище. И радостно от того, что они не презирают тебя, последнего, убогого, не гнушаются общением с тобою, но разговаривают с тобою, как с равным, рядом с тобою сидят за столом, вместе с тобою ходят в храм и никогда ни

делом, ни словом, ни взглядом не позволяют себе указать на твое недостоинство и нечистоту. Но терпят тебя рядом с собою, покрывают недостатки, ошибки, грехи, милосердствуют и даже иногда просят исполнить какое-либо послушание, тем самым оказывая особую честь, оказывая внимание и возводя в достоинство слуги и иногда даже друга.

Господи, они прощают мне скотство мое и обращаются ко мне с просьбой! Это ли не радость, это ли не рай?... но все это только помыслы смиренномудрия, а само смирение не живет в окаянном сердце моем.

Вижу, как должно быть, но стяжать этого не могу.

Господи, подай мне смирение и кротость Твою и наполни ими сердце мое, и преисполни, дабы не осталось места ни для чего другого, но все — смирение Твое сладчайшее.

* * *

Молитва — это стена, ограждение сердца. Его покой и мир.

Молитва и сердце должны быть едины, слитны, между ними не должно быть пустоты. Если так, то все крепко, твердо, спокойно, мирно. Сердце как бы за крепостною стеною и отражает все нападки врага.

Если же образуется брешь в стене, то к сердцу подступают враги. Тогда — боль, тягота сердечная. Надо вытерпеть и Господа попросить о помощи, — своими силами ничего не сделаешь.

В общем, суть вся в том, где молитва – в сердце или вне его.

* * *

Смирение — это чувствовать себя хуже всех. Не думать, не понимать, а чувствовать всем сердцем. Это и есть **видеть** себя смиренным.

Сердце своими очами видит чувства. Оно их различает, как наше зрение различает цвета: вот — кротость, вот — милосердие, вот — гнев, вот — тоска и т.д. Отверзаются очи сердечные только благодатью Божией. Это чудо. Чудо исцеления слепого.

* * *

На реках вавилонских тамо седохом и плакохом... Истекают из сердца моего реки вавилонские, реки осуждения моих братьев, тщеславия, реки малодушия, боязни и страха перед всяким послушанием, реки самоугождения и саможаления, реки славолюбия и гнева, уныния, лености, печали, реки всякой скверны, хулы, неверия, лукавства, нечистоты.

Сижу у сердца моего и плачу о неистощимости этих рек. Подземные бездны питают реки, и реки страстей моих питает бездна греховная сердца моего. Господи! Это бездна. Бездна адова. Там не на что опереться, не на чем успокоиться. Все крик, все мерзость, все пустота.

Боже, во имя Твое спаси мя и подаждь ми руку, яко Петрови.

* * *

Видишь ли ты, что ежедневно прилагаешь грехи ко грехам? Что каждый день возвращаешься в кал тинный своих страстей и пороков?

Видишь ли, что всякое дело, сделанное тобою, обличает тебя, твое невежество, нечистоту ума и сердца, твое несовершенство? Все твое – и дела, и мысли, и чувства – ущербно, все с изъяном, с примесью порока, нечистоты, все скудно, сиротно.

Видишь ли ты, как страсти окружили тебя и играют тобою, передавая тебя из рук в руки? Как они и оставляя тебя на время в покое, смеются над тобою и стоя невдалеке наблюдают, как ты, немощный, сам из себя рождаешь тщеславие, забве-

ние, беспечность. Смеются, потому что от одного их прикосновения весь мир твой и покой твой разрушатся и исчезнут; смеются, потому что ты — их достояние, их раб, к тому же раб, считающий себя свободным. Это лицезрение раба, возомнившего о себе как о господине, доставляет им особенное удовольствие.

Видишь ли ты грехоточащее сердце твое? Как оно клевещет день и ночь на братьев твоих, на всех людей, на весь мир?

Исцели, Господи. Затвори ток нечистоты, греха и порока. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей.

* * *

По делам моим надлежит мне мука вечная, но Господь тайно поддерживает в душе надежду на милосердие Свое. Иначе жить было бы невмоготу.

* * *

«И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины».

Каждое наставление народу, каждое слово Господа преисполнено любви, любви даже до смерти, смерти же крестной. Оно преисполнено мира, кротости и смирения. Оно — Божественно, полное благодати и истины. Но видеть это, чувствовать, осязать сердцем можно только, когда сам Господь открывает.

О Мудросте и Слове Божие, подавай нам истее Тебе причащаться.

* * *

Я дышу и это не доставляет мне труда. Это свойство человеческого существа. Так и молитва была его свойством до падения. Теперь же молитва стала трудом, понуждением, как у больного человека затруднено дыхание.

Возвратить молитву в сердце, возвратить сердцу это беструдное дыхание — это и есть цель непрестанной молитвы. Ведь Господь ближе к нам, чем наше дыхание.

* * *

Жизнь в Духе — это все новое. Прежнее по виду внешнему, но настолько обновленное изнутри, что становится воистину новым.

Вода, претворенная Господом в вино, не изменила своего внешнего вида, но изменила свое внутреннее свойство. Так и жизнь в Духе — по виду та же вода, а на вкус — вино, веселящее сердце.

* * *

Пимен Великий говорил: «наверное, чада, где сатана, там и я буду». Он не только так думал, он так чувствовал.

Господь дает видеть свое сердце, клевещущее на братию, на Господа, на весь мир день и ночь, и тогда видишь всю невозможность исправления себя, всю бесконечность своего падения, бездну адскую.

Тогда отчетливо сознаешь, что где сатана, там и ты будешь. Но это сознание, это мысль. А у Пимена Великого это чувство. Это земля и небо. Поэтому ты только сетуешь о своей греховности, а Великий проливает непрестанные слезы. Душа его чувствует реально адские муки, она знает их.

* * *

Старец Силуан пишет: «... и окаянная моя душа снидет во ад». Таково было внутреннее умное делание его в борьбе со страстями, особенно с гордостью и тщеславием.

Господь дает сойти во ад, приковавши зрение твое к видению своего клевещущего сердца, и мучиться и опалять себя огнем этой клеветы. Хранит тебя невредженным в этом пламени отчаянья *вера*

и утешает тем, что Господь это видит и милостиво всегда готов прийти к нам на помощь, но обучает нас терпению. «Где Ты был, Господи?» – вопросил святой Антоний Великий, когда бесы избили его. – «Я был здесь и смотрел на тебя...»

Но возможно другое. Возлюбить ближнего как самого себя, молиться за него, как за самого себя, тем самым увидеть, что грехи ближнего – это *твои* грехи, сойти с ними в ад, с этими грехами, ради спасения ближнего своего.

Господи, Ты дал мне любовь и изменил меня всего, и я теперь *не могу* поступать по-другому, как только идти на муку во спасение ближнего моего. Я стенаю, плачу, устрашаюсь, но не могу по-другому, ибо любовь Твоя ведет меня и я не хочу разлучаться с нею, и в ней обретаю надежду на спасение и не отчаиваюсь до конца, видя ее в себе.

* * *

Духом Святым мы познаем Бога. Это новый, неведомый нам орган, данный нам Господом для познания Его любви и Его благости. Это какое-то новое око, новое ухо для видения невиданного и для услышания неслыханного.

Это как если бы тебе дали крылья и сказали: а теперь ты можешь летать по всей вселенной.

Дух Святый – это крылья души.

* * *

На этом оборвался дневник иеромонаха Василия, сказавшего однажды в духовной радости: «Я хотел бы умереть на Пасху, под звон колоколов».

«Истина тогда ликует, когда за нее умирают», – говорил исповедник нашего века преподобный Севастиан Карагандинский. А архимандрит Иоанн (Крестьянкин) сказал: «Молитесь за монахов – они корень нашей жизни. И как бы ни рубили

древо нашей жизни, оно даст еще зеленую поросль, пока жив его животворящий корень». И когда на Пасху 1993 года ударила секира под корень жизни, разом брызнула молодая поросль: в монастырь ушло тогда много молодых образованных людей, и разошлась по обителям оптинская община мирян.

Уходили молча — по одному. И прежде чем уйти, подолгу стояли и молились у могил новомучеников. У Господа много святых, но эти свои, и все в их жизни для нас узнаваемо: то же детство в домах без икон и мучительный поиск Бога. Их жизнь похожа на жизнь многих, — внешне обычную и вроде устроенную, но кровоточивую изнутри. Вся Россия ныне — кровоточивая, и на нашей многоскорбной державе, перепробовавшей на себе все учения и лечения от марксизма до мондевиализма, похоже, сбывается притча о кровоточивой жене: «много претерпела она от многих врачей, истощила все, что было у нее, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние» (Мк. 5, 26).

Трое оптинских братьев — это молодая православная Россия, и вместе со всеми они вошли однажды в храм. Но вошли с той огненной верой в Господа, с какой кровоточивая жена устремилась ко Христу, уверовав, что исцелится, коснувшись Его ризы. Не для того ли Господь прославил в чудотворениях трех Оптинских новомучеников, отдавших жизнь за православную веру, чтобы услышала страдающая Россия глас Господа нашего Иисуса Христа: «Дерзай, дщи, вера твоя спасе тя?»

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

«ВОССТА ИЗ МЕРТВЫХ ЗЕМЛЕ ОПТИНСКАЯ, ЯКО ИНОГДА ЛАЗАРЬ ЧЕТВЕРОДНЕВНЫЙ...»

Часть 2

ПЕРЕД ПАСХОЙ

Часть 3

ПАСХА КРАСНАЯ

Часть 4

ИНОК ФЕРАПОНТ

Часть 5

ИНОК ТРОФИМ

Часть 6

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ

Нина Александровна
Павлова

ПАСХА КРАСНАЯ

О трех
Оптинских новомучениках,
убиенных на Пасху 1993 года

Главный редактор
Ю.И. Семенец
Художник *И.Н. Вильчевский*
Дизайн обложки *Д.Н. Туркин*
Корректор *М.А. Семенец*
Верстка *В.А. Андреев*

Издательство «Альта-Принт»
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Подписано в печать 29.09.2008. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 13 п. л.
Доп. тираж IV 5000 экз. Заказ № 7033.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Издание подготовлено по заказу православного
издательства «Апостол Веры»

Религиозное издание
ISBN 978-5-98628-090-5

35

0
010

1500

«...Велика и несравненно-прекрасна река Божия — святая Оптина! Течёт река эта из источников жизни временной в море вечно-радостного жития, в царствие незаходимого Света, и несёт она на себе ладии и своих пустынножителей, и многих других многоскорбных, измученных, страдальческих душ, обретших правду жизни у ног великих Оптинских Старцев».

Сергей Нилус

Нина Павлова
ПАСХА КРАСНАЯ